

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова

Філологічний факультет

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ЗБІРНИК

Випуск ІХ

Одеса
"Астропринт"
2002

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ББК 81.41я43

С481

УДК 808.1(082)

У збірнику вміщені статті зі широкого кола проблем кирило-мефодієвістики і палеославістики: з питань теорії слов'янських мов, слов'янської діалектології та історії славістики.

Для викладачів вищих та середніх навчальних закладів, аспірантів, студентів, усіх, хто цікавиться проблемами сучасного слов'янознавства.

Відповідальний редактор

д-р філол. наук, професор *А. К. Смольська*

Відповідальний секретар

канд. філол. наук, професор *Д. С. Іщенко*

Редакційна колегія збірника

Бардіна Н. В., д-р філол. наук, професор

Бондар О. І., д-р філол. наук, професор

Войцева О. А., канд. філол. наук, доцент

Зубов М. І., канд. філол. наук, доцент

Іщенко Д. С., канд. філол. наук, професор

Карпенко Ю. О., д-р філол. наук, професор

Колесник В. О., канд. філол. наук, доцент

Смольська А. К., д-р філол. наук, професор

Таранець В. Г., д-р філол. наук, професор

Друкується за ухвалою Вченої ради філологічного факультету
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
протокол № 2 від 08.10.2002 р.

С 4602020100-179 Без оголош.
549-2002

ISBN 966-549-864-9

© Одеський національний
університет, 2002

Зміст

**ВИВЧЕННЯ КИРИЛО-МЕФОДІВСЬКОЇ СПАДЩИНИ
І ПРОБЛЕМИ ПАЛЕОСЛАВІСТИКИ**

<i>Смольская А. К.</i> Проблемы и достижения кирилло-мефодиевистики конца XX – начала XXI века	6
<i>Иванова Мая.</i> Текстологические наблюдения над двумя списками пространного жития св. Константина-Кирилла	15
<i>Зубов М. И.</i> Графично-орфографічні особливості списків одного давньоруського церковного повчання	23
<i>Калоянов Анчо.</i> Кога и къде е написано слово <i>о вѣдрѣ и о кизньхъ</i> <i>вожишхъ</i>	31
<i>Прискока О. В.</i> З історії давньоруських назв язичницьких культових споруд	37
<i>Грибанова И. В.</i> Гомилетический эффект делиберативных вопросов в “Кратких поучениях” священника Родиона Путятина	43
<i>Абикулова А. А.</i> Фонетические особенности языка «Плача Адамова» (как жанра духовной лирики славян)	47
<i>Кон Е. А.</i> “Изборник Святослава 1073 г.” — памятник двух культур	53
<i>Убийвовк Н. В.</i> Складні слова в “Житті Феодосія Печерського”	56

**НАЦІОНАЛЬНА СВОЄРІДНІСТЬ І ВЗАЄМОДІЯ
СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ**

<i>Тяпко Г. Г.</i> О развитии словообразовательной категории отвлечен- ного признака в сербском литературном языке	64
<i>Войцева О. А.</i> Традиції людей моря як важливі елементи загальної морської культури (на матеріалі польської судноплавної термі- нології)	77
<i>Айдукович Йован.</i> Концепция контактологического словаря адаптации русизмов в славянских языках	85
<i>Таранець В. Г.</i> Слово Русь в індоєвропейському мовному контексті: 2. Індоевропейці – скотарі — землероби	93
<i>Бардіна Н. В.</i> Языковая картина мира в словацких сказках: системообразующая функция концепта ‘смерть’ (I)	101
<i>Паламарчук О. Л.</i> Відтворення української національно-характери- стичної лексики засобами інших слов'янських мов	111
<i>Тропина Н. П.</i> Изосемия как феномен современных восточно- славянских языков	115
<i>Ярмак В. І.</i> Аорист у поезії та прозі Й. Дучича	121
<i>Русева Виолета.</i> Език на езиците	127
<i>Яковлева О. В.</i> Загальна характеристика слов'янського міфоло- гічного простору	131
<i>Мельник Ю. В.</i> Глобализация: лингвистические аспекты	137

<i>Капустина Виктория.</i> Русско-немецкая интеркаляция в диалогической речи эмигрантов	145
<i>Харитонова М. М., Мурадян И. В.</i> Фонационная интерференция в русской речи студентов — украинцев и болгар.	150
<i>Илясов А. А.</i> Забытые толковые словари сербского языка	154
<i>Дем'яненко Н. Б.</i> Національна специфіка фразеологічних одиниць на позначення ментальної діяльності людини (на матеріалі польської мови)	165
<i>Дзинглюк О. С.</i> Семантичні особливості назв весільного обряду в польській та українській мовах	169
<i>Bracki Artur.</i> Słowiańskie pies'ni ludowe o miłos'ci – obraz idealnego partnera	173

ІСТОРІЯ СЛАВІСТИКИ

<i>Бондар О. І., Бондаренко І. П.</i> Україністика в Японії	182
<i>Маньковська Т. О.</i> Науково-педагогічна діяльність Ватрослава Ягича в Україні	186

СЛОВ'ЯНСЬКА ДІАЛЕКТОЛОГІЯ

<i>Колесник В. А.</i> Тенденции употребления артикля в болгарских говорах Юга Украины	192
<i>Баранник Л. Ф.</i> Лексические омонимы в русских островных говорах Юга Украины	203
<i>Пейчева О. Н.</i> Иноязычное влияние на фонетику славянского диалектного слова	208
<i>Барболова Зоя.</i> Ономазиологичната система на българите в николаевската Терновка	215
<i>Топалова С.</i> Числівник у чийшийських болгарських говірках України	223
<i>Георгиева С. И.</i> Особенности морфологической системы болгарского говора села Заря, Одесской области	231

РЕЦЕНЗІЇ

<i>Желязкова Веселка.</i> Ценный вклад в изучение болгарских говоров в Украине: Валентина Колесник. Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь. // Българските говори в Украйна. Том III. Одесса, 2001. 287 с.	236
---	-----

КОРОТКІ ПОВІДОМЛЕННЯ

<i>Мостовая Д.</i> Мытарь-мыттоимьць-мьздоимьць (из наблюдений над лексикой старославянского языка)	244
---	-----

НАШІ ЮВІЛЯРИ

<i>Дмитрию Семеновичу — 70! Н. В. Бардина, Л. Ф. Фомина</i>	248
<i>Аделаида Константиновна Смольская. А. Абикулова, А. Илясов, О. Пейчева.</i>	250

ВІВЧЕННЯ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОЇ СПАДЩИНИ І ПРОБЛЕМИ ПАЛЕОСЛАВІСТИКИ

ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВИСТИКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

А. К. Смольская (Одесса)

Когда речь заходит о корнях славянской письменности и книжности, в нашем сознании возникают образы славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.

Солунские братья Константин-Кирилл и Мефодий как создатели функциональной азбуки и первого письменного языка славян навсегда вошли в историю славянской и, шире, европейской и мировой культуры.

Некоторые ученые считают [1], что историю славянской филологии следует начинать не с XIX в., с трудов И. Добровского, А. Х. Востокова и др., а с века IX, с деятельности Кирилла и Мефодия в качестве первых славянских фонологов, лексикологов и грамматистов. Фонологией им приходилось заниматься при создании азбуки, графемы которой отражали звуковую речь славян, лексикой и грамматикой – при осуществлении славянских переводов Священного Писания.

Интерес к деятельности Кирилла и Мефодия обнаружился очень рано, особенно на славянских территориях.

Упоминания о славянских первоучителях содержатся в документах Киевской Руси: в «Повести временных лет», в месяцеслове к «Остромирову Евангелию». На восточнославянских территориях были найдены многочисленные списки трактата черноризца Храбра «**О ПИСЬМЕНЕХЪ**», первого труда по истории славянской письменности, затрагивающего и ее докирилловский аспект [2]. На Украине сказание черноризца Храбра «**О ПИСЬМЕНЕХЪ**» было напечатано в 1578 году в острожском издании «Азбуки» Ивана Федорова, фактически одного из первых украинских букварей [3].

В XIX веке в составе славистики очень активно развивалась палеославистика, велись поиски древних рукописей, в том числе относящихся к так называемой кирилло-мефодиевской эпохе (2 пол. IX – 1 пол. XI вв.), дискутировался вопрос о первичности глаголицы или кириллицы; крупнейшие ученые, в том числе русские и украинские, занимались изданием древнейших памятников славянской письменности [4].

В XX в. кирилло-мефодиевистика (используется и термин кирилло-мефодиана) уже выделилась как отдельная наука в составе славистики, появились кирилло-мефодиевские центры в Софии (Болгарии) и в Салониках (Греции), созданы Институты старославянского языка в Праге (Чехии) и в Загребе (Хорватии), в разных странах проводятся кирилло-мефодиевские симпозиумы и конференции, издаются специальные студии и сборники, в Болгарии вышла в свет кирилло-мефодиевская энциклопедия.

Ученые подсчитали, что к концу XX века появилась целая библиотека книг по кирилло-мефодиевистике, насчитывающая 10000 различных изданий: монографий, статей, описаний и публикаций рукописей [5].

В кирилло-мефодиевистике изучается жизнь и деятельность солунских братьев по славянским и неславянским источникам, исследуется драгоценный рукописный фонд кирилло-мефодиевской эпохи, создаются словари старославянского (в другой терминологии – староболгарского, древнецерковнославянского) языка, составляется и требует постоянного пополнения библиография данной области науки, изучаются кирилло-мефодиевские традиции в разных странах, рассматриваются различные виды деятельности, посвященные чествованию памяти славянских первоучителей, оцениваются произведения искусства, посвященные Кириллу и Мефодию, в особый отдел выделяется кирилло-мефодиевская иконография [6].

Кирилло-мефодиевистикой, помимо филологов, культурологов, искусствоведов, занимаются также историки, богословы, философы, в работах которых большое место уделяется мировоззренческим позициям и экзегетическим взглядам славянских просветителей.

Поскольку границы кирилло-мефодиевистики достаточно широки, в предлагаемом обзоре речь пойдет только о некоторых актуальных проблемах и достижениях в этой области науки на рубеже XX (90-е годы) и XXI веков. В основном будут затронуты вопросы, относящиеся к рукописному фонду кирилло-мефодиевской эпохи, а также к предпринимаемым в науке попыткам выявления архетипов славянских переводов библейских текстов.

Однако в начале следует сказать об источниках, библиографии и лексикографии кирилло-мефодиевистики.

В славистике высказывается мнение, что все источники, относящиеся к жизни Кирилла и Мефодия уже обнаружены, хотя неожиданные находки полностью не исключаются, особенно в отношении греческих рукописей, которые, возможно, находятся на Афоне, но неизвестны научным кругам [7].

Сохраняется, однако, много вопросов, как по поводу различных списков самых важных источников, какими являются Пространные жития Константина и Мефодия, особенно известные в наше время 57 списков Жития Константина-Кирилла, так и в отношении проблематики углубленного описания основных миссий славянских первоучителей. Приведем только два примера новых работ о Великоморавской и Хазарской миссиях. В 1996 году в Одессе напечатана статья словацкого ученого Павла Шимы «Текстуальные и языковые данные о главной причине конца Великоморавской миссии» [8], а в 1999 году увидела свет монография болгарского исследователя Христо Трандофилова, в которой на базе различных славянских и неславянских источников в широкой исторической перспективе рассмотрена хазарская по-

лемика Константина-Кирилла с представителями других, нехристианских конфессий [9].

Известно, что в 8 главе Пространного жития Константина, где речь идет о Хазарской миссии и пребывании Константина-Кирилла в Херсонесе, есть доньне сохраняющие свою дискуссионность знаменитые строки о том, как Кирилл в Крыму «*овръѣте же тоу евангеліе и псалтырь роуцьскими письмени писано*» и человека нашел «*глаголюща тоу вестѣдоу*», беседовал с ним и «*въскорѣ начать чести и сказати, и мнози сѧ емоу дивлахоу бога хвалаше*».

Эти строки разделили славистов на тех, кто согласился признать упомянутые евангелие и псалтырь восточнославянскими по языку, хотя и не смог привести дополнительных научных доказательств, и тех, кто выдвигает различные гипотезы противоположной позиции, в основном опирающиеся на мнение о поздней интерполяции данного отрывка или на утверждение об искажении в тексте исходной лексемы, приведшем к слову «*роуцьскими*». Ср. известную гипотезу А. Вайяна и Р. Якобсона о замене *соуцьскими* > *роуцьскими* [10].

Гипотезы о поздней интерполяции данного отрывка утрачивают свою актуальность, т.к. лингвисты, напр. Дж. Дзиффер, подчеркивают, что все обнаруженные на сегодняшний день 57 списков Жития Константина «говорят именно о русских письменах», свидетельствуя таким образом, что данный отрывок «по-видимому, относится к архетипу всей традиции текста» [11].

В 90-е годы XX века появилась новая попытка греческого ученого А.-Э. Тахиаоса пролить свет на загадочное место в Житии Константина. А.-Э. Тахиаос, хотя и не признает наличия «*письма русов*» в IX веке, допускает, что данный отрывок в тексте подлинный. В своей гипотезе греческий ученый опирается на известное мнение о том, что создание алфавита и осуществление славянских переводов Кириллом и Мефодием предшествовало Великоморавской миссии. Отсюда вытекает далеко не беспорочное предположение Тахиаоса, что Кирилл, «отправляясь в Крым, явно вез с собой черновой перевод священных текстов» [12]. В Крыму нашел человека, говорящего по-славянски, и пытался на основе своих переводов научить его христианским истинам. Что касается слов «*русские письмена*», Тахиаос считает, что здесь имеет место смешение этнических терминов «*славянский*» и «*русский*», известное древним текстам. Гипотеза А.-Э. Тахиаоса не связана ни с поздней интерполяцией, ни с искажением текста и опирается на более раннюю аналогичную аргументацию А. В. Карташева [13].

В современной палеославистике важна проблема пополнения кирилло-мефодиевской библиографии. Известно, что материалы для такой библиографии начали собираться еще в начале XX века, например, профессором Новороссийского (ныне Одесского) университета М. Г. Попруженко, который после эмиграции в 1920 г. в Болгарию продолжил эту работу, став

в 1934 г. редактором первого библиографического труда по кирилло-мефодиевистике, составленного Г. А. Ильинским [14]. Позже М. Г. Попруженко вместе со Ст. Романским составили и опубликовали кирилло-мефодиевскую библиографию за 1934-1940 гг. Последующие кирилло-мефодиевские библиографии И.Е. Можавовой (Москва) и болгарских ученых И. Дуйчева, А. Кирмаговой и А. Пауновой (София) были доведены только до 1980 года.

Их продолжение является актуальным не только для кирилло-мефодиевистики в целом, но и для славистики отдельных регионов и стран, например, для Украины, где в 90-е годы XX века активизировался интерес к творческому наследию и традициям славянских первоучителей.

В 1995 году в Киеве Институтом рукописей Центральной научной библиотеки имени В. И. Вернадского была издана значимая для изучения наследия Кирилла и Мефодия в Украине книга «*Просвітителі Кирило і Мефодій у писемних джерелах Інституту рукопису ЦНБ НАН України. Каталог рукописів 2 половини XV - 1 чверті XX ст.*» (составитель Л.А. Гнатенко) [15].

На рубеже столетий ведущие киевские ученые написали ряд важных статей, затрагивающих различные аспекты развития кирилло-мефодиевских традиций в Украине: Житник В. К., Русановский В. М. «*Чеські й словацькі будителі та українські кирило-мефодіївці*» [16]; Сохань П. С. Кирило-мефодіївські традиції на Україні (предисловие к названному выше каталогу рукописей); Горський В. С. Кирило-мефодіївська традиція в культурі Київської Русі [17]; Мишанич О.В. Кирило і Мефодій в українській літературі [18].

Перу А.В. Мишанича принадлежит также важная публикация 1996 года «*Кирило-мефодіївська проблематика у наукових дослідженнях І. Франка*» [19], в которой рассматривается большой вклад выдающегося украинского поэта и ученого-слависта в мировую кирилло-мефодиевистику.

Традиционно внимательные слависты Украины к старославянским памятникам, хранящимся в библиотеках Киева и Одессы. Член-корр. НАН Украины В.В. Нимчук опубликовал в 1998 году статью «*Київські глаголичні листки – найдавніша кирило-мефодіївська пам'ятка*» [20]. Профессора Одесского национального университета А.К. Смольская и Д.С. Ищенко делятся своими наблюдениями по поводу актуальных проблем исследования Хиландарских листков [21].

В Одессе, начиная с 1995 г., ежегодно проходят международные кирилло-мефодиевские конференции, издается «*Слов'янський збірник*», в котором, помимо украинских ученых, печатаются известные палеослависты из других стран: Лешек Мошинский (Польша), Светлина Николова (Болгария), Павел Шима (Словакия), А. С. Новикова (Россия).

В честь Дня славянской письменности и славянских первоучителей проводятся научные сессии и семинары в Киеве, Львове, Николаеве и других городах Украины, так что вопрос о сборе украинского материала по кирилло-мефодиевской библиографии является далеко не праздным.

90-е годы XX в. ознаменовались значительными успехами в старославянской лексикографии. В 1994 году в Москве вышел однотомный «Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)», подготовленный русскими и чешскими лингвистами. Чешские слависты заканчивают издание выпусков последнего, 4-го тома «Slovníka jazyka staroslověnského». В Болгарии в 1999 г. был напечатан «Старобългарски речник», т. 1 (А-П).

Конец XX века свидетельствует о новых подходах к творческому наследию солунских братьев, к рукописному фонду кирилло-мефодиевской эпохи.

Ученые считают, что неизданный средневековый текст существует для современной культуры лишь потенциально, реальное существование имеет лишь текст изданный [22]. Все канонические старославянские тексты уже изданы, однако некоторые ранние издания отличались неточностями или были недостаточно комментированы. Поэтому в конце XX века вновь издавались и уже известные памятники письменности, и обнаруженные новые рукописи, расширяющие рукописный фонд кирилло-мефодиевской эпохи.

В 1983 г. накануне IX Международного съезда славистов в Киеве вышло новое факсимильное издание «Киевских листков», сопровождаемое глубоким комментарием В. В. Нимчука [23].

В 90-е годы две известные исследовательницы О. А. Князевская и Екатерина Дограмаджиева вместе с их коллегой Л. А. Коробенко представили в новом издании старославянский текст кириллического евангелия XI в. «Саввину книгу». «Саввина книга», названная так по имени переписчика, была обнаружена еще в 1866 г. И.И. Срезневским. К рукописи XI в. были «пришиты» еще две древнерусские рукописи XIII и конца XI – начала XII вв. Срезневский назвал весь кодекс «сшивком» [24]. Новое московское издание 1999 г. именуется «Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI-XII и конца XIII в.» [25].

В 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синайском полуострове, где сохранялись две старославянские глаголические рукописи – «Синайская псалтырь» (177 листов – 137 псалмов) и «Синайский молитвенник» (более 200 листов), были обнаружены еще три рукописи кирилло-мефодиевской эпохи: 32 листа т. н. новой части «Синайской псалтыри», 28 листов «Синайского молитвенника» и рукопись из 80 листов, названная «Синайским миссалом». Последняя рукопись представляет особый интерес, т.к. является собранием западно-христианских месс, т.е. по жанру совпадает с «Киевскими листками». Как отметил В. В. Нимчук, с обнаружением «Синайского миссала» «Киевские листки утратили свою изолированность по жанру» [26]. Обе рукописи – переводы с латинского языка, что во время Моравской миссии Кирилла и Мефодия было возможно. Учеными допускается, что Мефодий сохранил в Моравии некоторые римские литургические традиции, несмотря на то, что им вводилась византийская обрядность [27].

Обнаружение в XX веке новых рукописей кирилло-мефодиевской эпохи – случай нечастый, заинтересовавший славистов разных стран. В 1988 г. вновь открытые рукописи были изданы фототипическим способом греческим ученым Ионисом Тарнанидисом. Позже новую часть «Синайской псалтыри» чешские палеослависты во главе со Зденкой Хауптовой транслитерировали на кириллицу для подготовки наборного издания. На распечатке компьютерного варианта наборного издания уже написаны первые исследовательские работы [28].

В гуманитарных науках XX века отмечен особый интерес к греческому по происхождению термину «архетип». Термин этот со значением 'первоначальная форма, первообраз, первоисточник' используют не только лингвисты, но и литературоведы, культурологи, философы.

Лингвисты широко пользовались термином архетип при реставрации праязыков, напр. праславянского языка. Сегодня палеослависты активно интересуются проблемой восстановления архетипов славянских переводов Библии. Особый интерес с этой точки зрения вызывают евангельские тексты, достаточно частотные даже в каноническом корпусе старославянских памятников письменности, где представлены 4 глаголических (Зографское, Маринское, Ассеманиево, Охридское) и одно кириллическое евангелие (Саввина книга).

Мнение о необходимости реставрации первичного славянского перевода евангелия, т. е. о восстановлении архетипа евангельского перевода, относящегося не к широко понимаемой кирилло-мефодиевской эпохе, а к IX веку, ко времени деятельности солунских братьев, высказывалось уже давно, хотя это мнение до сих пор является дискуссионным, т. к. многие ученые подобные проекты считают невыполнимыми и даже фантастичными.

Восстановление архетипа славянского перевода евангелия затруднено многочисленными разночтениями в евангельских текстах старославянской поры и более позднего времени.

Есть и другие трудности. В рукописную эпоху славянское евангелие было представлено в двух главных разновидностях: четвероевангелиях (или полных евангелиях) и апракосах (служебных евангелиях). Из 500 сохранившихся списков славянских евангелий XI-XIV вв. 50 приходится на краткий апракос, 200 – на полный, 250 – на четвероевангелие [29]. Положение осложняется тем, что слависты по-разному представляют тип евангелия, которое было первым переведено Кириллом и Мефодием.

Только в начале XIX в., во время И. Добровского проблема первичности славянского перевода или служебного евангелия, или тетра в славистике не ставилась, т. к. предполагалось, что славяне шли по тому же пути, что и греки, у которых сначала появилось полное евангелие, а потом служебное.

О первичности славянского перевода краткого апракоса, необходимого для службы в церкви, впервые заговорил русский ученый К. И. Невоструев в 1863 г. [30]. Это мнение было поддержано многими учеными XX века: К. Го-

ралеком, Л. П. Жуковской, Л. Мошинским и др. Однако существуют и другие точки зрения – о первичности перевода тетра. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что в древнейших четвероевангелиях может быть литургическая разметка, свидетельствующая о возможности их использования для богослужения. Ср. цитату «Черты литургического тетра, столь заметные в Мариинском и Типографском евангелиях, были унаследованы ими от славянского архетипа» [31].

Несмотря на все сложности, в декабре 1991 года Комитет Объединенных библейских обществ нескольких стран одобрил к исполнению проект исследования славянской рукописной традиции Нового Завета. Исполнителями проекта в 90-е годы стали петербургские ученые во главе с профессором А. А. Алексеевым. В 1998 году ими был издан капитальный труд по ранней истории славянских евангелий. Палеославысты из Петербурга исследовали евангелие от Иоанна как часть четвероевангелия, опорным текстом для которого стало «Мариинское евангелие» XI в., с коррекцией и дополнениями по другим евангельским рукописям. Всего было обработано с помощью компьютера и изучено более 1000 славянских евангельских рукописей XI – XVI веков. Издание русских ученых «Евангелие от Иоанна в славянской традиции» привлекает внимание палеославыстов [32], т.к. является важным шагом на пути восстановления архетипа славянского перевода евангелия.

Известно, что среди канонических старославянских рукописей только Синайская псалтырь относится к переводу книг Ветхого Завета. Между тем из Пространного жития Мефодия становится ясным, что при Мефодии осуществлялись переводы ветхозаветных текстов, однако от них сохранились только отрывки в более поздних рукописях. Сейчас болгарские палеославысты, работающие под руководством Светлины Николовой в Кирилло-мефодиевском центре при БАН, стремятся очертить круг славянских средневековых переводов Ветхого завета, выделив наиболее древние по языку, прототипы которых восходят к переводческой деятельности славянских первоучителей [33].

В предложенном сообщении затронуты лишь отдельные проблемы кирилло-мефодиевистики на рубеже двух столетий, однако, думается, что представленный материал свидетельствует о дальнейшем развитии этой важной области славистики и заставляет согласиться с мнением палеославыстов о том, что славянские просветители Кирилл и Мефодий «создали традицию, обладающую вневременным измерением».

Примечания

1. А. Е. Супрун. Введение в славянскую филологию. – Минск: Вышэйшая школа, 1989. – С. 315.
2. См. Куев К. Черноризец Храбър. – София, 1967.; Сказание о начале славянской письменности/ Отв. ред. В.Д. Корольюк; перевод и комментарии Б. Н. Флори. — М.: Наука, 1981. — С. 102 – 104, 174 – 189.

3. О. В. Мишианич. Кирило і Мефодій в українській літературі// Слов'янський збірник/ Відпов. ред. А. К. Смольська. — Вип. VI. — Одеса: Астропринт, 1999. — С. 8.

4. *Вопрос о развитии палеославистики в Новороссийском (ныне Одесском) университете затрагивается в статье: А. К. Смольская, В. А. Колесник. Болгаристика в Одесском университете// Наша школа. — № 2 – 3. — Одесса, 1999.*

5. А.-Э. Тахиаос. Задачи и перспективы дальнейшего изучения жизни и деятельности Кирилла и Мефодия// Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова / Под ред. В. П. Гудкова. — Москва: Диалог-МГУ, 1998. — С. 56.

6. См. Светлина Николова. Постижения и перспективи на Кирило-Методиевските изследвания // Симпозиум Кирило-Методиевистика и старобългаристика. — София: БАН, 1982; А.-Э. Тахиаос. Задачи и перспективы дальнейшего изучения жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. — С. 55 – 72.

7. А.-Э. Тахиаос. Указ. работа. – С. 57.

8. См. Слов'янський збірник. — Вип. III. — Одеса: Астропринт, 1997.

9. Христо Трандофилов. Хазарската полемика на Константин-Кирил. – София, 1999.

10. О гипотезе А. Вайяна и Р. Якобсона, а также о других интерпретациях загадочного места в VIII главе Пространного жития Константина см. раздел «Комментарии к Житию Константина» в кн. Сказание о начале славянской письменности; см. также А. – Э. Тахиаос. Указ. работа.

11. Джс. Дзиффер. Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина// Славяноведение. — № 1. — 1994. — С. 65.

12. А.-Э. Тахиаос. Указ. работа. — С. 66 – 67.

13. А. В. Карташев. Очерк по истории русской церкви. — Т. 1. — Париж, 1959. — С. 79.

14. Г. А. Ильинский. Опыт систематической Кирилло-Мефодиевский библиографии / Под ред. и с дополнениями М. Г. Попруженко и Ст. М. Романского. — София, 1934.

15. *Просвітители Кирило і Мефодій у писемних джерелах Інституту рукопису ЦНБ НАН України/ каталог рукописів другої половини XV – першої чверті XX ст. — К.: Изд. Ін-ту історії України НАН України, 1995.*

16. См. XI Міжнародний з'їзд славистів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. — Київ: Наукова думка, 1993.

17. См. Болгарский ежегодник. — Т. III. — Київ, 1998.

18. См. Слов'янський збірник. — Вип. III. — Одеса: Астропринт, 1997.

19. См. Кризь віки. — К, 1996.

20. См. Болгарский ежегодник. — Т. III. — Київ, 1998.

21. А. К. Смольская, Д. С. Ищенко. Актуальные проблемы исследования “Хиландарских листков”// Духовна спадщина Київської Русі. — Вип. II. — Одеса: Маяк, 1997.

22. А. А. Алексеев. Задачи научного издания славянских и русских источников XI – XVI вв.// Вопросы языкознания. — 1988. — № 4. — С. 28.

23. В. В. Німчук Київські глаголичні листки. — Київ: Наукова думка, 1983.

24. См. О. А. Князевская. Древнеславянская рукопись «Саввина книга» // Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова. — М.: Диалог-МГУ, 1998.

25. См. рецензию на эту книгу: Т. Славова. Една дълго чакана книга // Старобългаристика. — XXIV, 2. — 2000.

26. В. В. Німчук. Київські глаголичні листки. — Найдавніша кирило-мефодіївська пам'ятка // Болгарский ежегодник. — Т. III. — Київ, 1998. — С. 34.

27. В. В. Німчук. Київські глаголичні листки. — Київ: Наукова думка, 1983. — С. 34.

28. С. Ю. Темчин. Писцы Синайской псалтыри по данным орфографии: диграфное и лигатурное написание št // Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова. — М.: Диалог-МГУ, 1998.

29. Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подготовили А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванесова, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. — СПб.: Российское библейское общество, 1998. — С. 17.

30. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. — С. 18.

31. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. — С. 37.

32. См. рецензию на книгу: Екатерина Дограмаджиева. Капитален труд върху ранната история на славянското Евангелие // Старобългаристика. — XXIV, 2. — 2000.

33. Светлина Николова. Проблема полного Мефодиевского перевода Библии // Слов'янський збірник / Відпов. ред. А.К. Смольська. — Вип. VII. — Одеса: Астропринт, 2000.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДВУМЯ СПИСКАМИ ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ СВ. КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

Мая Иванова (София)

В науке принято считать, что Пространное житие св. Константина-Кирилла Философа (далее — ЖК) — древнейший славянский агиографический текст. По этой причине, а также из-за множества спорных вопросов относительно его создания, функциональности и распространения, интерес к нему не затухает.

В настоящем докладе представлены наблюдения над двумя списками ЖК: МДА 19 и Бусл. 44. Эти наблюдения являются только подготовительным этапом к более обстоятельному сравнительному текстологическому анализу не только этих двух указанных списков, но и списков, принадлежащих к другим направлениям рукописной традиции. На этом этапе основная задача состоит в том, чтобы продемонстрировать близость между двумя списками, а также подвергнуть переосмыслению утверждение, что широко известный и детально комментированный список МДА 19 представляет собой изолированное явление в рукописной традиции ЖК.

Сначала я коротко останавлиюсь на характеристиках списка МДА 19 и перечислю существующие нынче точки зрения относительно его места в текстологической стемме. Список помещен в кодекс, содержащий Библиейские книги 16-ти пророков с толкованиями, и датирован последней четвертью XV века¹. Высказывалось предположение, что рукопись происходит из Троице-Сергиева монастыря, где она хранилась с XVI по XVIII век, в 1747 г. переходит в Собрание Московской духовной академии, а теперь хранится в РГБ в Москве, ф. 173.

Список всегда вызывал интерес не только потому, что он является первым списком, на цитатах которого слависты знакомятся с содержанием ЖК²; не только потому, что до недавнего времени было принято считать, что он является древнейшим русским списком ЖК³; и не потому, что он многократно издавался⁴, а из-за того факта, что в утвержденном на сегодняшний день группировании списков он занимает особое место.

¹ См. Палеографическое описание А. А. Турилова. — Жития Кирилла и Мефодия. М.-С., 1986, 123–129.

² Горский А. [анонимная] О св. Кирилле и Мефодии. — Москвитин, III, 1843, 6, С. 405–434 (также: Жития св. Кирилла и Мефодия. — В: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, С. 1–42). В этой статье Ал. Горский приводит довольно большое количество цитат из ЖК, хотя и не указывает на их источник.

³ Список МДА 19 фактически был старейшим русским недатированным списком ЖК к моменту окончательной идентификации списка Барс. 619. См. Левочкин И. В. Древнейший список Пространного жития Константина Философа. — Советское славноведение, 2, 1983, 75–79; Флоря Б. Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла. (Итоги и задачи изучения) — В: Жития Кирилла и Мефодия. М. — С. 1986, С. 28.

⁴ МДА 19 самый издаваемый список ЖК. Под № 1 он появляется в издании О. Бодянского; после этого его издает и Й. Первольф (Perwolf J. Prameny dějin českých. Děj I. Životy svatých. Svázek 1. Fontes rerum Bohemicarum. Tom I. Vitae sanctorum. Fasc. 1. V Praze, 1873, 1–38), и П. Лавров (Лавров П, Материалы по

В 1930 г., комментируя работу своих предшественников над ЖК и разъясняя выбор издателя О. Бодянского¹, П. Лавров дает довольно краткую, но существенную характеристику списка МДА 19: "...в нем в большей степени сохранены были особенности югославянского оригинала болгарского письма..."² Эта констатация не развернута и не подкреплена примерами, но выведена им подобным образом в сопоставительном плане со списком Соф. 1288 (№ 2 у Бодянского): "Этот список (Соф. 1288 – б. м., М. И.), как видно из примечаний к нему, был исправнее, чем первый (МДА 19 – б. м., М. И.), который требовал многочисленных исправлений, но в нем были очень часты русские особенности в языке и правописании, отчего и приходилось предпочесть список за № 1"³.

Лет через десять голландский славист Ван Вейк впервые сформулировал трехчастную группировку русских списков, оставив при этом МДА 19 за рамками этой классификации. Он считает, что список занимает "сравнительно самостоятельное место, поскольку иногда связывается с одной, а иногда – с другой группой", т. е. текст представляет чтения, характерные одновременно для разных групп⁴. Фр. Томшич, принимая мнение Ван Вейка, констатирует, что ему не удалось "выявить в ней характерные лишь для нее чтения, которые можно было бы возвести к первоначальному тексту"⁵.

Впервые Вл. Киас обратил внимание на тот факт, что разграничение групп списков связано с составом изборников, в которых ЖК помещалось: группа А – Четьи-Минеи на октябрь; группа В – Четьи-Минеи на февраль и группа С – списки в изборниках. В то же время он высказывает мнение, что список № 1 (т. е. МДА 19) "находится между В и С" и "обладает только дополнительным и вспомогательным значением, т. к. содержит множество более поздних изменений (исправлений) текста ЖК"⁶; что он – "наименее ценная, хотя и наиболее издаваемая русская рукопись и в то же время – сравнительно наиболее древняя, содержащая, однако, в отличие от остальных, большее количество неологизмов, поправок и компиляций текстов группы В и группы С"⁷.

истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, 1 – 39). В последующие времена – составители MMFH (Magna Moraviae Fontes Historici. II. Textus biographici, hagiographici, liturgici. Brno, 1967 (Opera Universitatis Purkynianae Brunensis, facultas Philosophica 118); 57 – 115) также останавливаются на нем, а в Житиях Кирилла и Мефодия (1986) список опубликован не только в качестве нормализованного текста, но и воспроизведен фототипически.

¹ О. Бодянский опубликовал 16 списков ЖК: Бодянский О. Кирилл и Мефодий. Собрание памятников до деятельности св. первоучителей и проповедителей славянских племен относящихся. Пространные жития Константина Философа. Списки I – XVI. — ЧОИДР, 1863, 2 (№ 1 – 7); 1864, 2 (№ 8 – 12); 1873, 1 (№ 13 – 16), при этом он определенно принимает список МДА 19 в качестве основного.

² Лавров, П. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930 (Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического Общества, I), с. XV.

³ Там же.

⁴ Van Vijk N. Zur Rekonstruktion des Urtextes der altkirchenslavischen Vita Constantini. — Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. XVII, 1941, S. 270.

⁵ Grivec F., F. Tomšič. Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. — Radovi staroslovenskog instituta. Zagreb, 1960, 4, s. 84.

⁶ Kyas V. I. Zásady rekonstrukce textu Života Konstantinova. — Studia Palaeoslovenica, 1971, s. 195.

⁷ Kyas V. I. Problém pôvodného textu Života Konstantinova a Metodějova. — Slavia, 54, 1985, s. 176.

Из всего вышеизложенного становится очевидным, что в трехчастной схеме, построенной на базе русских списков ЖК, МДА 19 нельзя категорически и с легкостью отнести ни к одной из групп, но безусловно он соотносится с группой С, т. е. с группой изборников разного типа. Это видно и из разночтений, приведенных П. Лавровым к изданию списка МДА 19¹.

Вывод Б. Флори относительно списка МДА 19 обобщает наблюдения: "Прежде всего следует отметить, что после разысканий список МДА № 19 по-прежнему уникален – другие тексты, в которых повторялись бы его характерные особенности, пока неизвестны."² Нельзя не отметить, что этот вывод сформулирован на базе гораздо большего количества списков, чем то количество, с которым работал Лавров³.

В 90-ые годы XX в. рукописной традицией ЖК очень подробно занимался итальянский ученый Дж. Дзиффер. Его взгляд на список МДА 19 вызывает интерес, и его тоже стоит представить. Он считает, что наиболее известный список МДА 19 дает сильно смешанный (запутанный) текст и его следует реже, по сравнению с другими списками, использовать в качестве основного текста при сопоставлении со всеми остальными списками⁴. В другой публикации, комментируя издания и изучение рукописной традиции ЖК, Дзиффер констатирует, что почти все исследования до сегодняшнего дня ссылаются на текст, "который во многих местах следовало бы назвать по крайней мере недостоверным". Он также считает, что текст МДА 19 вообще предлагает худшую текстовую форму и относится к малой группе рукописей (вместе с МДА 19 списков всего 3), а осуществлен он через трехкратную контаминацию⁵. И в итоге я позволю себе процитировать Дзиффера полностью: "Нечто новое можно сказать и по поводу самого известного списка ЖК – Москва. РГБ. Московская Духовная академия 19 (МДА 19). Уже давно известно, что он является плодом контаминации по крайней мере трех различных списков: основу составляет текст, принадлежащий ко второй новгородской группе (бывшей группе С), но текст отражает и явную зависи-

¹ Лавров четко указал на те списки, которыми он пользовался: кроме 16-ти списков, изданных О. Бодяским, еще и: [Л] – список из библиотеки "Общества Любителей Древней письменности; [Н] – список из Касьяновского изборника, потом из собрания Н. К. Никольского; [Р] – список из Румянцевского музея № 1770 из Собрания Олонечской семинарии и [С] – список из Соловецкого монастыря, хранящийся в библиотеке Казанской духовной академии под № 621 – в общей сложности – 20 списков. См. Лавров П. Материалы..., с. XIX.

² Флоря Б. Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла. (Итоги и задачи изучения). – В: Жития Кирилла и Мефодия. М. — С., 1986. — С. 27.

³ До 1973 г. были известны 29 полных кирилловских списков ЖК, а Б. Ангелов и Хр. Кодов описали 48, что означает 19 новых списков. Вж. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3, С., 1973. — С. 30; 34 – 46.

⁴ Дзиффер Дж. Рукописная традиция Пространных жития Константина. – Советское славяноведение, 3, 1991. — С. 61.

⁵ Ziffer G. Hagiographie und Geschichte. Die altkirchenslavische Vita Constantini. – In: Rhythmus und Saisonalität. Kongreßakten des 5. Symposiums des Mediävistenverbandes in Göttingen 1993. 1995, 143 – 144.

мость от представителей первой новгородской (бывшая группа А) и московской (бывшая группа В) групп. Действительность оказывается, однако, еще более сложной и интересной. Описанная контаминация не является на самом деле собственной инициативой писца списка МДА 19, так как имеются еще два других списка, которые не зависят от первого и содержат тот же текст: я имею в виду списки С.-Петербург. РНБ. I.738 (Буслаев 44) и Москва. РГБ. Бодянский. Оп. II. Ед. Хр. 11. Но и это не все, поскольку из сопоставления списка МДА 19 с двумя другими следует, что после переписывания МДА 19 был еще раз сравнен с двумя другими списками: одним, принадлежащим ко второй новгородской группе (но к другой подгруппе по сравнению с положенным в основу первоначальной контаминации), и другим, восходящим к московской группе (В). Если же вспомнить, что текст ЖК до сих пор известен в науке главным образом по этому списку, то напрашивается вывод, что кирилло-мефодиевские исследования в течение полутора веков основывались в первую очередь на самом худшем из списков всей рукописной традиции памятника.¹¹

Очевидно, что все вышеизложенные мнения, независимо от их принципиальных различий, имеют характер категорических и не вызывающих сомнения обобщений.

Что же касается второго интересующего нас списка, о нем мы можем сказать следующее — он помещен в кодекс, содержащий Псалтырь и Изборник, и датирован XVI веком. Хранится в РНБ в Санкт-Петербурге под № F.I.738 из Собрания Буслаева № 44. В отличие от МДА 19 список не издавался². Производит впечатление, что археографические данные о списке Бусл. 44 почти совпадают с данными другого списка, принадлежащего по всей вероятности библиотеке Антониево-Сийского монастыря. Он помещен в Следованной псалтыри XV-XVI вв. из Собрания Архангельской семинарии № 50. Весь кодекс должен состоять приблизительно из 600 листов, нет данных, на каких именно листах помещено ЖК. Письмо — полуустав, русское правописание. Этот список тоже был лишь описан³, но не издавался. Фотокопии или микрофильма с него также не снимались. По сути дела, Ант.-Сийский список известен лишь по археографическим данным. По этой причине итальянский медиевист М. Капальдо причисляет его к группе спис-

¹¹ Дзиффер Дж. Новые данные о традиции и тексте Пространного жития Константина. Славяноведение, 1, 1994, 62 — 63.

² Сведения о кодексе и в частности о списке находим в: Бычков И. А. Каталог собрания Ф. И Буслаева. СПб, 1897, с. 121; Климент Охридский..., Т. 3, № 26 (С. 40).

³ Виктор А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб, 1890, с. 11 — Виктор не указал листы, на которых находится житие (Виктор делает это описание в 1876 г., а оно было издано лишь после его смерти. В предисловии Описи издатели сообщают, что часть описанных рукописей уже не находится в Библиотеке Семинарии и среди них — и рукопись № 50). Поэтому в 1966 и в 1971 г. болгарские исследователи не нашли рукописи в Рукописном отделе БРАН. Копия этого списка хранится в Архиве Бодянского (РГБ — Москва, ф. 36, папка II, ед. 11). Копия содержит 12 листов, была прислана Виктором в 1877 г., 19.04. Содержит все ЖК, а в конце ее есть добавление, связанное с русской историей. Данные о списке есть и в: Климент Охридский..., Т. 3, № 13 (С. 38).

ков, “о которых есть сведения, но чье существование не подтверждено”¹¹. А болгарский исследователь Ст. Бабалиевска считает, что список Арх. 50 (Ант.-Сийский) и список № 44 из Собрания Буслаева являются, по сути дела, одной и той же рукописью. Эту свою констатацию она выводит на базе одинакового содержания (Псалтырь, Библейские песни, Слово об иноческой жизни и др.) и наличия 25 миниатюр². Нужно отметить и тот факт, что наслов и начало списков Бусл. 44 и Ант.-Сийского также идентичны³. Я не берусь высказывать категорическое мнение относительно тождественности списков или зависимости между ними. Так как списка Антониево-Сийского не существует как реального текстового носителя, на этом этапе я не включаю его в свое исследование. Необходимо еще уточнить, что к сожалению я не имела возможности работать и с указанным уже неоднократно поздним исследовательским списком, хранящимся в Архиве О. Бодянского.

Сравнение между двумя списками будет проводиться лишь в нескольких аспектах: насловы формулы; членение текста (рубрики, графические знаки); лексика⁴.

Наслов, начало и концовка: То, что бросается в глаза с первого взгляда — это полная тождественность насловов (МДА 19: *мѣца ѿвѣрвѣрѣ въ дѣ житїе и жизнь и подвизи иже въ стѣхъ ѿца нашего константіина философа. прѣваго наставника и оучителя словѣнскѣхъ языкъ. влѣви бѣе:—* и Бусл. 44: *житїе и жизнь и подвизи. иже въ стѣхъ ѿца нашего константина Философа. прѣва настѣ и оучѣла словенскоу языкоу. влѣви ѿ:—*). Она очевидна и по той причине, что нет других списков (за исключением данных о списке Ант.-Сийском), которые содержали бы точное соответствие указанной насловной формуле. В своем более раннем исследовании я представила варианты насловов (заглавий) ЖК в различных списках, на базе которых можно сформировать и несколько групп, при этом я не берусь утверждать, что это единственный признак, по которому списки можно классифицировать. В любом случае, однако, изменение компонентов заглавия является показателем разного восприятия личности и дела

¹¹ В своей студии по вопросам интерпретации и критики текста ЖК итальянский ученый предлагает одно полезное Дополнение, в котором излагает свою группировку списков в лаконичной, но очень ясной схеме. В нее включены все возможные и необходимые сведения (отмечена, например, нумерация каждого списка из изданий и описей, сделанных раньше, — Бодянский, 1863 — 1873, Лавров, 1930, Гривец-Томшич, 1960, MMFH, 1967, Радич, 1968 и Ангелов-Кодов, 1973). Капальдо разграничивает 3 группы: а) списки, чье существование подтверждено (57 списков); б) списки, о которых есть сведения, но чье существование не подтверждено (6 списков) и с) поздние исследовательские списки XIX в., являющиеся “копиями известных списков” (7 списков). По утверждению самого Капальдо, его цель — дать возможность читателю ориентироваться быстро в различных системах и сведениях, предлагаемых предшествующими учеными (См. Capaldo M. Sulla Vita Constantini. Questioni minori di metodo, di esegesi, di critica testuale. — Europa Orientalis, 1992, 11, 341 — 345).

² Бабалиевска Ст. — Читалище, 1992, 5 — 6, С. 7.

³ Этот вывод основан на сравнении между текстом списка Бусл. 44 и данными о списке Антониево-Сийском, отраженными в описях (Климент Охридский..., Т. 3, С. 38). Ничего нельзя с положительностью утверждать о концовке обоих списков, так как концовка Ант.-Сийского не процитирована.

⁴ Хотелось отметить, что над текстом МДА 19 я работала, пользуясь точным фототипическим изданием, помещенным в книге “Жития Кирилла и Мефодия”, М. — С., 1986, 43 — 93. Я ознакомилась также и с изданиями ЖК по этому списку. Над текстом Бусл. 44 я работала, пользуясь лишь фотокопиями и микрофильмами.

первоучителя Константина-Кирилла. Насловный вариант, продемонстрированный только в списках МДА 19 и Бусл. 44, я определила как вторично обособившийся на базе предположения, что выражение “святой отец наш”, замещающий “блаженного (учителя)” вероятно каким-то образом связано с кодексами, в которых помещено ЖК, — а в обоих случаях это сборники с ветхозаветными чтениями¹.

При сравнении начала и концовки также можно отметить полное совпадение (МДА 19: Бѣтъ мѣтвѣны и щедрѣ. жадаа на покаяніе члѣе. да выша спѣсѣни вѣси были. и Бусл. 44: Бѣтъ мѣтвѣны и щедрѣ. жадаа на покаяніе члѣе. да выша спѣсѣни вѣсѣ были). В обоих списках после финала: ...начаша свѣтити на нѣ днѣ и ночь хвалаше бѣга прославляющаго, также и славать. Тонѣ во естѣ и вѣтъ вѣтѣны, диниъ:~ добавление, отмеченное, прокомментированное и изданное по списку МДА 19² и считающееся его характерной особенностью, но оставшееся без комментариев при описании списка Бусл. 44.

Членение текста (рубрики и знаки): В МДА 19 очень четко видны краснословные рубрики в поле рукописи, заложенные еще при переписке текста. Они отмечены П. Лавровым в разночтениях (издание 1930 г.) и А. Туриловым (издание 1986 г.). В палеографическом исследовании списка он называет их “индивидуальными особенностями”. Это следующие рубрики: иѣнїе (л. 366); ирѣча (л. 374-об); о законѣ (л. 374-об); о хѣтѣ (л. 376-об); ирѣчи (л. 379-об и л. 380); о малѣоѣ (л. 380); ѡжѣ (л. 381 и л. 381-об); ирѣчи (л. 381-об); ѡжѣ (л. 387-об); свѣнїе (л. 389-об).

Краснословные рубрики (заглавия) есть также и в самом тексте: ирѣчи кирилово съ анїиенѣ патриархонѣ:~ (л. 368); о крѣтѣ (л. 368-об); ирѣчи съ срацины (л. 369); о иконѣ (л. 378-об). Относительно помет л. 368-об и л. 378 А. Турилов отмечает следующее: “Если они написаны в тексте, а не на полях, то иногда разрывается связное повествование, что указывает на их вторичность”. Необходимо уточнить, что совершенно очевидно речь идет о вторично внесенных, но рукой основного переписчика, рубриках.

Вторично внесенные маргинальные рубрики: Речь идет о более позднем членении текста на отдельные части (“чтения”). Они отмечены маргинально темными (черными) чернилами, “тонким полууставом”, который А. Турилов датирует XV – XVI в., в следующем порядке: вѣтѣе г л. 372 напротив начала гл. 8); вѣтѣе д (л. 382-об напротив начала гл. 14) и вѣтѣе е (л. 385 напротив начала гл. 16). Большинство списков, делящих текст ЖК на чтения, начинается с “чтения второго”, соответствующего гл. 6. По мнению А. Турилова, “эта система членения свидетельствует о том, что список памятника

¹ См. Иванова М. Типове наслови в преписваческата традиция на Житието на Константин-Кирил. – Palaeobulgarica, 2000, 1, 45 – 47.

² См. Добровский Й. Кирилл и Мефодий славянские первоучители. М. 1825, прил., 108-120 (изд. М. П. Погодин); Бодянский О. ЧОИДР, 1863, кн. 2, 31 – 32; Лавров П. Материалы..., 36-37; Климент Охридски ..., Т. 3, с. 36; Жития Кирилла и Мефодия..., 92 – 93.

использовался в литургической практике”. Турилов отмечает также, что “человек, разбивая текст на чтения, сделал (теми же чернилами) и помету “посланье” (л. 381), очевидно, восполнив пропуск писца”. Гораздо позже внесены скорописные маргинальные указания относительно использованных в житии библейских цитат.

Чисто графически текст ЖК расчленен четко видимыми большими красными точками с двумя черточками над ними.

В списке Бусл. 44 членение текста не совпадает полностью с членением списка МДА 19. Только внутренние заглавия, заложенные при переписке текста, совпадают полностью: начало гл. 5 — ирѣчи кирилово съ анїи патриархѣ:~ и начало гл. 6 — ирѣчи съ срацины:~. Также в гл. 5 напротив текста философѣ же вѣтѣца... в поле маргинально внесено о крѣтѣ, при этом нельзя с точностью определить, внесена ли помета той же рукой, которая писала основной текст. В МДА 19, как мы уже указали, рубрика эта краснословная и вписана в строчку (л. 368⁶). Недостает рубрик ирѣчи; о законѣ; о хѣтѣ; о иконѣ; ирѣчи; о малѣоѣ; ѡжѣ; ирѣчи; ѡжѣ; кнѣ. Текст списка Бусл. 44 не расчленен на чтения, как в списке МДА 19.

Все это указывает на тот факт, что если переписчик списка Бусл. 44 был знаком со списком МДА 19, то он не был в полной зависимости от него. Или, может быть, маргинальные пометы в МДА 19 не были внесены до XVI века?

Интересно еще отметить, что графические знаки, обозначающие сегментацию текста в обоих списках МДА 19 и Бусл. 44, одинаковы и их использование, с небольшими исключениями, полностью совпадает. Так, например, знаком :~ отмечен финал внутритекстовой (но имеющей самостоятельный характер) информации.

В обоих списках в качестве сегментирующего элемента использована большая точка с двумя черточками над ней, с наклоном влево (. ' '). Этот знак подчеркнута увеличен, а в МДА 19 он выведен красным. Таким образом оформлены отдельные главы, которые почти совпадают со схемой деления, введенной Шафариком¹. Так именно обозначен конец гл. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15. Знак был использован и при передаче прямой речи (в схеме вопрос-ответ, где выполняет роль кавычек). Такое употребление знака выдержано не полностью. Аналогичным является и употребление знака, когда передаются внутренние размышления агиогеора или произнесенная им молитва. Иногда таким образом обозначаются и библейские цитаты. Судя по собственным своим наблюдениям над списками ЖК, знак не засвидетельствован в других рукописях, кроме двух указанных, а также еще в одной – в Белокриницком списке XVI в¹.

Лексические особенности: Материал интересен, и его необходимо подробно исследовать. Здесь я только замечу, что в лексическом отношении

¹ В издании от 1851 г. П. И. Шафарик впервые делит текст ЖК на 18 глав.

списки исключительно близки между собой, но подробных примеров я не даю и не комментирую их. Если даже мы выявим все несоответствия, то станет очевидным, что их количество совсем незначительно.

Отдельно могут быть представлены те отрывки текста, которые демонстрируют ошибки, существующие в обоих списках. Я ограничусь лишь одним примером — гл. 4: *наѣти же сѧ оримѸ и геомитри и оу лѣва и Ѹ фотѣ диалексице...* (МДА 19, 367) и *наоѣти же сѧ оримоу и геомитри и оу льва и фотѣ диалексице...* (Булсл. 44). Имя античного поэта (Гомера) в списке МДА 19 исправлено позже в поле. Но очевидно исправление сделано после того, как переписчик Бусл. 44 использовал список.

Настоящий доклад суммирует наблюдения над двумя списками, при этом, конечно, не ставя перед собой целью быть полностью исчерпывающим. На базе сделанных выводов уже можно начать и сопоставление с другими списками. К примеру, упомянутый уже Белокриницкий список обнаруживает ряд общих черт с МДА 19 в отношении членения на рубрики, графического членения, разделения на чтения, пометок библейских цитат. Со своей стороны, Белокр. список напрямую связан с одним из поздних исследовательских списков, сделанных в 1849 г. Т. Ф. Большаковым для П. Й. Шафарика — с IX.F.13, хранящимся в Архиве чешского ученого в Народном музее в Праге. Все это дает возможность параллельно выявлять особенности более двух списков и прийти к окончательному решению вопроса является ли список МДА 19 изолированным явлением в рукописной традиции ЖК.

¹ В 1987 г. Д. Кенанов сообщил о сборнике XVI в., содержащем ЖК и Похвальное слово об этом святом. Кодекс теперь хранится в Санкт-Петербурге — БРАН под № 13 фонда 75. Раньше он принадлежал Белокриницкой старообрядческой митрополии, цитируют его как Белокриницкий (Белокр.) список. См. Кенанов Д. Белокриницкий сборник от XVI в. с Житием и похвалитно слово за Константин-Кирил Философ. — Кирило-Методиевски студии, С., кн. 4, 1987, 65 — 68.

ГРАФІЧНО-ОРФОГРАФІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СПИСКІВ ОДНОГО ДАВНЬОРУСЬКОГО ЦЕРКОВНОГО ПОВЧАННЯ

М. І. Зубов (Одеса)

Об'єктом розгляду пропонованої розвідки є давньоруське “Слово святого Григорія Богословца, избобрѣтено въ тѣлѣхъ о том како первое поганиѣ суще языци служили идоломъ и иже и нынѣ мнози творять” (так називається пам'ятка за списком із збірника XV ст., що належав Новгородському Софійському собору). У повному вигляді пам'ятка у різний час була видана за кількома списками: за Паїсїївським збірником кінця XIV ст. — (М. С. Тихонравов [1], М. М. Гальковський [2] — далі список позначається літерним скороченням ПЗ); за рукописом XV ст. Новгородської Софійської бібліотеки (М. С. Тихонравов [3], М. М. Гальковський [4] — далі НС), за рукописом XVI ст. Кирило-Білозірського монастиря (М. С. Тихонравов [5] — далі КБ), за рукописом XVI ст. Чудівського монастиря (М. М. Гальковський [6] — далі Ч). За першими трьома списками пам'ятка видана також П. В. Владимировим у 3-му випуску “Памятников древнерусской церковно-учительной литературы” О. І. Пономарьова [7]. Це останнє видання має радше популяризаторський характер, аніж науковий. Власне, сам видавець попереджає, що видання призначається не для фахівців-філологів [8]. Графічні особливості джерел тут не передаються, тому це видання може використовуватися лише як допоміжний матеріал.

У науці зазначена пам'ятка широко знана як така, що присвячена викриттю язичництва у слов'ян, у зв'язку з чим її видання постійно використовуються у дослідженнях давньоруської дохристиянської минувшини. Проте, наскільки нам відомо, у спеціально текстологічному аспекті списки пам'ятки розглядалися ще недостатньо. Між тим правдиве розуміння змісту “Слова св. Григорія...” не може вважатися повним без висвітлення питання про взаємозв'язки і співвідношення списків пам'ятки. Один із аспектів цього питання і є предметом подальшого розгляду. Як інструмент аргументації щодо кінцевих висновків слугують мовні, передусім фонетико-орфографічні, дані, що зафіксовані у виданнях пам'ятки.

Хоча, як щойно зазначено, поглиблений текстологічний аналіз списків пам'ятки не провадився, але окремі зауваження стосовно цього дослідники вже висловлювали неодноразово. Тому попередньо слід зупинитися на цих міркуваннях. М. М. Гальковський, датуючи Паїсїївський збірник XIV століттям [9], відніс саме “Слово про ідолів...” або його частину до кінця XIII — початку XIV ст. й охарактеризував список ПЗ як найдавніший за мовними рисами та за змістом. На його думку, викладення тут “сильне і стисле, думки логічно витікають одна з іншої”. Проте помилки тексту промовляють на

користь того, що пам'ятка була переписана у збірник ще з більш раннього списку. Інші ж відомі списки містять пізніші посильні пояснення (не завжди правильні) переписувачів або й просто механічні вставки у початковий текст [10].

Предметом ретельного аналізу "Слово св. Григорія..." було в Є. В. Анічкова, який мав на меті реконструювати первинний складовий вигляд пам'ятки. Для цього дослідник проаналізував різночитання списків ПЗ (цей список також вважався ним найближчим до протооригіналу), НС та КБ, виявив розшукувані вставки і подав реконструкції гіпотетичних попередніх редакцій пам'ятки, яку він відносить до 60-х років XI ст. [11].

При тому, що більшість технічних рішень щодо підозрюваних вставок і пропусків у списках має зовні обґрунтований вигляд, головною помилкою дослідника нам видається те, що він розглядав доповнення у цих списках відірвано від конкретної ідеї пам'ятки. Вірніше, ця ідея видавалася Є. В. Анічкову, як і всім іншим дослідникам, що зверталися до аналізу пам'ятки, дуже широкою – повчання проти язичництва взагалі. До того ж Є. В. Анічков, подібно до М. М. Гальковського, теж вважав різночитання у списках "Слова св. Григорія..." механічними накопиченнями вставок пізніших переписувачів.

Понад два десятиліття тому Б. О. Рибаків висунув іншу думку: найнадійнішим і, очевидно, найбільш близьким до протооригіналу є список НС, авторство якого до того ж може приписуватися ігумену Данилу – автору відомого "Ходіння", у якому той розповідає про своє паломництво у Палестину 1106 – 1107 р. Разом із цим дослідником вирішується й питання хронології пам'ятки – початок XII ст. [12]. І хоча атрибуція пам'ятки Б. О. Рибаківим розцінюється як малопереконлива [13], проте його міркуваннями щодо надійності списку НС не слід нехтувати: список НС справді містить виразні сліди більш значної давності того первинного тексту, який став основою цього списку.

Звертаючись до зауважених видавцями палеографічних особливостей збірника XV ст., у якому міститься список НС "Слова про ідолів...", зазначимо, що цей збірник писаний в аркуш, у два стовпчики, півуставом [14]. Остання риса і є, власне, визначальною для атрибуції нижньої хронологічної межі переписування пам'ятки: давньоруський півустав з'являється під кінець XIV ст. [15].

Головнішим аргументом на користь того, що список НС було зроблено з більш давнього протографа, є спостереження над вживанням у ньому літер на позначення зредукованих. Однак попередньо зауважимо деякі інші графічні особливості, які, коли їх розглянути в загальному контексті, теж можуть слугувати свідченням більшої відносної давності протографа списку НС.

Передусім мається на увазі вживання диграфа *ou* на позначення у. Відомо, що в рукописах XI – XIII ст., писаних давньоруським уставом, таке по-

значення є нормою, яка з другої половини XIII ст. змінюється поступовим вживанням тільки однієї літери *u*, яка постала внаслідок скорочення винесеного над рядок під титло першого елемента *o* у диграфі *ou* [16]. Спочатку це зрідка стосується позиції тільки після приголосних, а надалі (перша половина XIV ст.) таке написання стає узвичаєним при збереженні диграфа на початку слова та після голосних у середині слова. З другої половини XIV ст. процес охоплює всі позиції й постає новою графічною нормою [17].

Список ПЗ, писаний, як характеризує М. С. Тихонравов, прекрасним уставом [18], засвідчує за цим параметром норму першої половини XIV ст.: пор. *оученьк, оухыщренье, оуды, оупире* (початок слова, без винятків); *наоузи* (після голосного, один випадок на список); *по оукраинамь* (фонетично в середині слова після голосної, графічно – початок слова, один випадок) при тому, що після приголосних вживається винятково *u* (для прикладу – *служенья, бубеннаго, мука, роду* тощо).

Порівняння аналізованих списків за тим же параметром показує, що півустав списку НС засвідчує послідовне, практично без винятків, використання диграфа *ou* в усіх позиціях. Для коментаря цієї графічної особливості слід зробити невеличкий екскурс в історію давньоруського півустава. Як відомо, він виявляється у двох варіантах: власне давньоруський та південнослов'янського походження (так звані старший півустав і пізніший півустав [19]). Перший з них мав недовге – кінець XIV і початок XV століть – існування і характеризувався серед іншого поширенням літер *ou* і *u* та відсутністю лігатури *u*, тоді як остання у пізнішому півустві активно вживана [20]. Водночас у старшому півустві після приголосних літер вживається голосна літера *u*, а у пізнішому півустві поновлюється давня норма використання диграфа *ou* в усіх позиціях: пор. наведені О. І. Соболевським приклади пізнього півустава *въпоустыни. оуготоваите* [21].

Здавалось би, це ставить все на свої логічні місця: список ПЗ XIV ст. відображає певний етап давньоруського уставу на його шляху до раннього півустава, а список НС XV ст. начебто закономірно засвідчує пізніший варіант півустава. Однак тут слід звернути увагу на один виняток: списки НЗ та НС за виданням М. М. Гальковського виявляють спільну графічну форму з лігатурою *u* – *громъ* [22]. А список НС має ту ж лігатуру ще у двох словоформах – *слабжили* [23] та *перепластоу* [24] (в інших списках слово відсутнє). Відомо, що написання *u* поруч з *ou* зустрічається в кириличних рукописах віддавна, особливо на кінці рядка, де диграф за браком місця утрачував початковий елемент [25]. Проте подібне написання в цілому не характерне для раннього давньоруського півустава. Натомість воно стає досить поширеним незалежно від позиції у пізнішому півустві.

Саме останньої риси не виявляє список НС. Графічна винятковість написань тут *громъ* та *перепластоу* при збігу написання першого із слів у двох списках наштотує на думку, що написання не є новацією авторів обох списків: очевидно, написання вже були у протографі (чи протографах), звідки

одне (*громѣ*) потрапило до списку ПЗ, а обидва – до списку НС. Не можна, звичайно, не враховувати можливості й того, що написання постали за рахунок того, що припадають на кінець рядка у списках. Але коли б навіть виявилось, що у рукопису списку НС написання *ѣ* в словах *громѣй перепѣтѣу* припадає не на кінець рядка, то це стало б ще одним аргументом на користь старанності переписувача-копіста. Втім, якісь подальші міркування з цього приводу потребують звернення до рукописів.

У цілому ж напрошується такий проміжний підсумок: за характером вживання диграфа *оу* список НС начебто відповідає нормам пізнішого півуставу, однак не виявляє при цьому виразно нового вживання лігатури *ѣ* – іншої прикмети цього півуставу. А далі легко помітити, що з погляду сукупності головніших ознак пізнішого півуставу список НС взагалі не відповідає цьому типу письма. Нагадаємо, що серед найбільш характерних його рис виявляються такі: використання лише однієї літери *ь* на місці *ъ* та *ѣ*; “болгарський” тип написання сполучень плавних із зредукованими (*врѣхъ* тощо); спорадичне використання літери *з* (зело) на місці *з* та літери *ж* (юс великий) на місці *у*; використання букв *ѡ* (фіта), *ѣ* (іжиця), *ѣ* (кісі) у запозиченнях як наслідування грецького правопису; голосна *а* замість *ѡ* (*добраа*); *і* (*і*) десятиричне після голосних [26]. Жодної можливої для вияву в даному тексті із цих рис не спостерігається: тут досить послідовно використані обидва знаки *ъ* та *ѣ* на місцях колишніх зредукованих; дотримана саме давньоруська норма написань плавних із зредукованими; відсутні літери *з* (зело), *ж*; літера *і* зустрічається один раз у заголовку (*поганій*), відповідаючи нормі пізнішого півуставу, але в тексті вона відсутня; послідовно використовується літера *ѡ* або її аналог *ѡ*. Особливо це уявляється на фоні списку КБ, який містить багато із зазначених прикмет пізнішого півуставу.

Звернемося нарешті до особливостей вживання букв на позначення зредукованих у списках пам’ятки. Відомо, що на XV ст. зредуковані вже не могли становити окремої фонологічної чи фонетичної сутності. Не зупиняючись докладно на теоретичних аспектах проблеми занепаду зредукованих, яка висвітлена в славістиці вже досить глибоко, пошлемося лише на розвідку М. Б. Попова, де розглядаються й основні на сьогодні наукові позиції щодо процесу занепаду зредукованих [27]. При всіх розбіжностях пояснень фонетико-фонологічного смислу цього процесу висхідна фактологічна база залишається єдиною: різні етапи його відображені слов’янськими писемними джерелами цілком виразно, а для давньоруських пам’яток кінця XIII – початку XIV ст. постає характерним неупорядковане, як відомо, вживання букв *ъ* і *ѣ* [28]. Отже, коли пам’ятка рукопису XV ст. виявляє упорядковане вживання зредукованих, то це вагомий аргумент на користь того, що вона старанно списана з більш давнього рукопису.

Алгоритм аналізу зредукованих в науці давно відпрацьований: розглядаються кореневі утворення (з окремим виділенням сполучень плавних із зредукованими), префіксальні, суфіксальні елементи [29].

Представимо кореневі слов’янські утворення (їх не так багато на пам’ятку) наступною таблицею зіставлення списків:

ПЗ	НС	КБ	Ч
	чьтоуѣть (два випадки)		
	рѣтъть		
	лѣживаѡа		
	хѣрсѡу (два випадки)		
	къшь	кошь	къшь
прелестѣь	прѣльстѣь	прелестѣь	прелестѣь
	сѣхне		
	мѣвь		
дѣлфичьскаѡа	дѣлфичьскаѡа		
	гоньзноуѣль		
	алѣчьны		

Послідовність збереження зредукованих списком НС, як бачимо, цілком виразна, і стосується вона як сильної позиції (*рѣтъть*, *къшь*, *сѣхне*, *мѣвь*, *хѣрсѡу*), так і слабкої. Проте є й кілька випадків пропуску зредукованих: *злымѣь*, *зловѣрнии*, *мнѡще*, *нечтивыѡа*, *книгахѣь*, *книга*, *сны*, *чтоуѣть* (при двох випадках, зауважимо, *чьтоуѣть*). Усі випадки пропусків припадають на слабку позицію зредукованого. Безсумнівно, якась частина з них могла бути вже у протографі списку НС: пор. *книга* або *зло* як хрестоматійний приклад ранньої втрати зредукованого тощо. Випадків написання голосних повного творення на місці сильних зредукованих у коренях слів не спостерігається. Відхилення у списку НС від етимологічно правильного вживання літер на позначення зредукованих поодинокі: наприклад, один раз зустрічається написання *трьвицьнаѡа* (пор. ст.-сл. *трѣва*) при тому, що вірне давньоруське *трьви* вжито п’ять разів. Можна підозрювати, що в цьому написанні допущена типова помилка заміни графічно близьких *ѡ* та *ѣ* [30]. Щодо форми *алѣчьны*, то тут так званий неорганічний зредукований у корені відомий слов’янським пам’яткам з найдавніших часів [31].

Звернення до сполучень плавних із зредукованими в цілому підтверджує ту ж саму закономірність, що притаманна й кореневим написанням:

ПЗ	НС	КБ	Ч
первое	първое	первое	первое
толѣцѣхъ	тѣлцѣхъ	толѣцѣхъ	толци
скверненѣю	сквърньноѣю	скверньноюю	скверную

ПЗ	НС	КБ	Ч
скверныхъ	сквърныхъ	сквернены ^х	скверных
жертвы	жъртвы	жрътвы	жертвы
жертвъ	жъртвы	жертв	жрътвъ
моланьямъ	молъныи	молнмямъ	молнмямъ
	верътачеса		
скверну	сквърноу	скверноу	скверну
таверская	тавърская	таверская	таверская
первънецъ	първенѣць	первенець	первенець
тревищная	трѣвищная	требищная	требищная
дельфиньская	дѣлфиньскаго	дфличьскаго	
скверныя	сквърныя	сквернены	скверныя
	сквърнаго	сквернаго	сквернаго
	жърца		
терканинѣ	търкмени	търкме	търкмени

Таким чином, можна схилитися до міркування, що список НС за ознакою написань плавних із зредукованими цілком належить до давньоруської традиції. Відхилення тут також незначні. Так, по одному разу зустрічаються написання жерца та жроуце, де відбито процеси прояснення зредукованого в сильній позиції та зникнення зредукованого в слабкій позиції. Подібне написання могло бути вже у протографі, але й могло з'явитися внаслідок живої вимови переписувача XV ст. Із інших фонетичних явищ давньоруської мови тут привертають до себе увагу випадки прояву другого повноголосся: *молъныи, верътачеса, тавърская*. На загальному фоні ці три випадки можуть тлумачитися як мимовільне порушення орфографічної норми протографа.

Звертаючись до інших випадків вживання зредукованих (без наведення вичерпних переліків), зазначимо, що закономірності правильного вживання зредукованих виявляються також і на рівні суфіксально-префіксальних (*сквърныя, їзъврътено, въкоушають*), флективних (*навьямъ*) та применникових написань (*въ швразъ, въ рѣтъ*).

Фронтальне зіставлення за характером вживання зредукованих списку НС з іншими списками пам'ятки показує, що в них виразно проступається тенденція до написання прояснених рефлексів зредукованих на місці сильної позиції або до відсутності написання зредукованих на місці слабкої позиції. У цілому ж наведені факти свідчать на користь того, що за аналізованими ознаками "Слово св. Григорія..." за списком НС відображає більш давній

стан пам'ятки у порівнянні з іншими списками. А це значить, що його переписувач у XV ст. досить ретельно скопіював більш ранній список, який походить від того періоду, коли зредуковані були живим явищем давньоруської фонологічної системи: очевидно, це період як мінімум не пізніше кінця XII – початку XIII ст.

Література

1. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности. — Т. IV. — М., 1862. — С. 96–97.
2. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Записки Московского Императорского археологического института. — М., 1913. — Т. XVIII. — С. 22–25.
3. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 98–101.
4. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 22–25.
5. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 102–104.
6. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 32–35.
7. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. — СПб., 1897. — Вып. 3. — С. 231–235.
8. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы... — С. V.
9. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 17.
10. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 17–21.
11. Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. — СПб., 1914. — С. 58–80, 380–386.
12. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981. — С. 12, 25–30.
13. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. I. — Л., 1987. — С. 438.
14. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 84.
15. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография — М., 1979. — С. 172.
16. Гольищенко В. С. Немаркированный знак у в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка : Памятники XI – XVIII вв. [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [Ред. С. И. Котков, Н. П. Панкратова]. — М., 1982. — С. 3–29.
17. Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. — СПб., 1908 // URL: <http://www.textology.ru/drevnost/srp4.shtml>
18. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 83.
19. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография... — С. 172.
20. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография... — С. 172.

21. *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. — СПб., 1908 // URL: <http://www.textology.ru/drevnost/srp4.shtml#A1>

22. *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 23. Щоправда, видання списку ПЗ в М. С. Тихонравова передає написання *грому* (Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 97). Проверити це місце за виданням Ф. І. Буслаєва (Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. — М., 1861. — Ствп. 528 – 529) не можливо, бо саме воно серед інших підпало під купюру. Остаточну ясність може внести звернення до рукописів.

23. У виданні М. С. Тихонравова написання має вигляд служили (Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 98.)

24. *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси... — С. 23; Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности... — С. 99.

25. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография... — С. 199.

26. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. — М., 1999. — С. 143.

27. *Попов М. Б.* Редуцированные гласные в древнерусском языке // Древнерусский язык домонгольской поры: Межвуз. сб. / ЛГУ. Отв. ред. В. В. Колесов. — Л., 1991. — С. 20 – 42.

28. *Див. наприклад:* Ушаков В. Е. О языке Устюжской кормчей XIII – XIV вв. (Палеогр. и фонетич. описание рукописи Гос. 6-ки СССР им. В. И. Ленина, из собрания Н. П. Румянцева, № 230). Под ред. проф. Ф. П. Филина. – Киров, 1961. — С. 28.

29. *Див. наприклад:* Соколова М. А. К истории русского языка в XI веке (Рукопись московской Библиотеки им. Ленина, № 1666) // Известия по русскому языку и словесности. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — Т. III. — Кн. 1. — С. 75 – 135; Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. — Казань, 1964.

30. Пор.: *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография... — С. 5 – 6.

31. Пор.: *Соколова М. А.* К истории русского языка в XI веке... — С. 112.

КОГА И КЪДЕ Е НАПИСАНО СЛОВО О ВЕДРЪ И О КАЗНЬХЪ БОЖИИХЪ?

Анчо Калоянов (Велико Търново)

В 1867 г. Измаил Срезневски публикува *Слово о ведрѣ и казнѣхъ божиихъ* (Слово за засухата) по препис в Златоуструй от XII в., което смята за източник на поучението, включено в Повесть временных лет, и Поучение блаженнаго Феодосия, игумена Печерскаго в Златоуструй от XV в. [15, с. 34 – 43]. Съпоставяйки трите текста, той установява, че в двете поучения е пропуснато почитанието на кладенци и реки, “упоминание о которых было бы кстати, если бы они были в народе”. В краткия си коментар Срезневски не назовава пряко къде е създадено Слово за засухата (или е направена вставката за суеверията), но очевидно след като не е в Киевска Рус, то е в България.

Забележката на видния познавач на старославянските паметници е оставена без внимание от Аничков, който в “Язычество и Древняя Русь” (1914) отделя специално внимание на Слово за засухата, смятайки го за древноруска творба [2, с. 147 – 154]. Обратното, съобразявайки се с мнението на Срезневски, Галковски в “Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси” (1916) приема, че то заедно с други творби, в които се споменава почитането на кладенци, не се отнася към руската действителност, а има южнославянско потекло [4, с. 47 – 48].

Може да се твърди най-общо, че Слово за засухата споделя атрибуцията на състава на Златоуструй, който в древноруската традиция е познат в две редакции – пълна (134 слова) и кратка (81 слова). Златоуструй от XV в. е от пълната редакция, доколкото Срезневски посочва, че в него словото е 85-о по ред, а Златоуструй от XII в. принадлежи към кратката и е най-ранният от всички известни преписи, съхранил добре старобългарските си езикови черти. В такъв случай, независимо от решаването на въпроса коя от двете редакции е дело на цар Симеон, присъствието на разглежданото слово и в двете позволява да отнесем появата му до времето между 921 г. и 927 г., година на смъртта на българския владетел [7, с. 116 – 125].

Всички слова в Златоуструй имат нравствено-назидателен характер и според Климентина Иванова са предназначени за индивидуално четене [9, с. 178]. Освен творби, приписвани на Йоан Златоуст, чиито гръцки първообрази за Златоуструй от XII в. е установил Малинин още през 1978 г. (11), в състава присъстват и няколко слова без такива. През 1901 г. Чаговец в монографията си за Теодосий Печорски пръв открива, че Словото за засухата заимства от Словото за градобитието на Григорий Богослов и според него този факт потвърждава догадката на Срезневски за гръцкото му потекло [17, с. 122]. Неговите наблюдения са ми известни от монографията на Аничков, който проследявайки установените от Чаговец осем библейски цитата, прави важния извод, че Словото за засухата е оригинална творба с компилативен ха-

раakter. Следвайки Слово за градобитието на Григорий Богослов по него-вия старобългарски превод [10], авторът му е въвел първите три библейски цитата от Иоил, Исаия и Амос, но е имал пред очите си превод на Иоил, а по-нататък в текста включва самостоятелно дълъг цитат от Малахия. Към използваните от автора на Слово за засухата източници Аничков прибавя и Слово на Христолюбца, което в предходното изложение на монографията си също смята за древноруско.

Авторът на Словото за засухата сбито и темпераментно описва критичната ситуация, от която търси изход. В началото той се идентифицира с общността, изпаднала в беда, обръща се към аудиторията си с “братя”, заедно с които и той е като в тежък сън потънал в беззакония и съблазни, “без да помислим за Божиите наказания, които в тия дни ни идват заради нашите грехове.” Подсетен от Григорий Богослов, който в Словото за градобитието описва сходно природно бедствие и пътем споменава плачът на блажения Иоил, авторът анонимно привежда цитат от този пророк: *глетъ бо самъ пркъ къ намъ, обратитес къ мнѣ всѣмъ срдцѣмъ вашнмъ. постѣмъ и плачѣмъ. и въплѣмъ. Очевидно, не въобще авторитетът на пророк Иоил, а конкретният призив за пост и покаяние са били от съществено значение за автора с оглед на тогавашната ситуация и тази подробност има съществен принос за датиранието на словото. Още по-показателен е фактът, че веднага след този цитат пряко е назована целта на проповедта, изразена чрез разговорната конструкция “аще... то”: *аще снѣ боудеть въ насъ. то надежо имамъ всех грѣхъ прѣчени въвѣше отрадоу приати. От тук нататък авторът на Слово за засухата се отделя от насъ, от общата участ, и преминава от “ние и аз” към “аз (ние) и вие”, което издава позицията на проповедник, обвиняващ паството си в двоеверие: *нѣ не видимъ васъ въ церкви събирающься... нѣ рекосте створимъ зѣла да придоуть на нѣ довраа. пожръмъ стоденъцемъ и рѣкмъ и сѣтѣмъ. да оудочимъ прошения своя... роукы бо ваша и ногы ослаблены соуть къ църкѣвамъ и къ добрымъ дѣломъ. а на игрища и на трѣбѣ и на проири-ваа дѣла оубыстрены. цркви стоають зарастыше. а игрища оутлачены грѣхов-ными пласаниа да како нѣ хощеть миловати бѣсовьската оутоди творѣща... нѣ оуклонншася въсѣдъ советннхъ въсѣ и поклонншася тварьмъ роукоу своєю. Обвинението, от което приведох най-характерните аргументи на проповедника, завършва с повторно напомняне, че само след покаяние може да дойде опрощението от Бога. Значещо за целта на анализа е изразяването му отново с разговорната конструкция “аще... то”: *нѣ аще сѣ прѣдѣреченхъ въсѣхъ зѣловъ отвьржемъ то како чадомъ своимъ подастъ намъ всѣа проше-ния и одѣждитъ на нѣ дѣждь ранъ и позднѣ и наплѣнѣтьсѣ гоумна пше-нице и прѣлѣютьсѣа точнаа виньнаа и кѣфина... Нещо повече, връщайки се към пророк Иоил, авторът припомня години на нашествие на вредители, загубите от които също ще бъдат овъзмездени, ако двоеверните се покаят.****

След този пасаж общата тоналност на проповедта се променя, което под-сказва, че е замислена в две части. Втората част започва с обръщението “чада

възлюблени”. Авторът смята за много важно да напомни, че любовта към Бога преминава през пост, ридание и сълзи, но този път не прибегва до авторитета на Писанието, а го прави самостоятелно, в свой текст. За обвинението в двоеверност на паството той използва клишето “на думи християни, а на дела езичници”, познато от превода на приписваното на Иоан Златоуст Слово за лжепророците [5, с. 60 – 63]. Употребата му е сигурен белег за датиранието на творбата към епохата на двоеверието.

В тази част на Слово за засухата вниманието на неговия автор е съсредоточено върху изясняването на природата на злото у човека, към което го тласка Сатаната. Отпаднал от небесата заедно с отстъпилите от Бога сили, които са се превърнали в бесове, той е прелъстил Адам, направил го е престъпник на Божиите заповеди и повинен на смъртта. Врагът на Бога при-мамва човеците *троубами и скомрахъ. и нѣмѣи игръми вѣкъти къ собѣ гоуслѣми свирѣлѣми пласаниа смѣхъ. поушощнѣми лѣжамѣ. сѣрашамѣ. кобѣми. вѣлшѣбамѣ. клеветамѣ. татѣбамѣ. развон блочѣмъ. пнѣаньстѣмъ. завнѣстѣми вражении.*

В края на Словото за засухата авторът, следвайки според Аничков Сло-во Некоето Христолюбца [2, с. 153], припомня на двоеверните, че още при кръщението сме се отrekli от делата на Сатаната, “което по-горе чухте, и се подчинихме на единия Бог и вярвами в Светата Троица”. Очевидно, той скрито полемизира с езическата вяра в много богове, сбито излагайки догмата за Света Троица, чието възприемане от новопокръстените е било затруднително и дори погрешно. За важноста на този проблем свидетелства и Слово за Света Троица от Климент Охридски, а тъкмо то е едно от няколкото, които са без гръцки първообрази в Златоструй [9, с. 178].

Намиращо се в състав на Златоструй, избран от цар Симеон заедно с творба на Климент Охридски, Словото за засухата поставя въпроса защо е предпочетено от владетеля книжовник, на кого от видните представители от епохата на Златния век принадлежи неговото авторство, кога и къде е произнесено то. Налага се да уговорим веднага, че ако в цялост Златоструй е от слова за индивидуално четене, то Слово за засухата първоначално е било предназначено за произнасяне, както това личи от употребата на глагола “слушам”: *си слышаше чада възлюбленнаа...; таже вѣше слышаште...*

Лингвистичните наблюдения над този паметник не са ми известни, във всеки случай той не е бил в ползрението на българските изследвачи и затова ще се задоволя с най-общо посочване на белези, които отвеждат към преславската редакция на старобългарския език. Както вече е установено, за нея е характерна разговорната конструкция “аще... то” [16, с. 298]. Освен посочените два примера, които стоят в началото и края на обвинението в двоеверие, има още три, но могат да се имат пред вид, само ако са в съчета-ние с други синтактични и лексикални особености. За такива с голяма доза увереност можем да приемем преславизма *ратъ* [13, с. 32 – 33] и лексемите, характерни за паметници от източнобългарските предели (Савина книга,

Супрасълски сборник, съчиненията на Йоан Екзарх, Симеоновия Изборник): *тъчнѣа, гонезнати, пронгырив, трѣба* [14, с. 252], *лѣностъ* [3, с. 211]. Съпоставката на цитата от Исаия в Словото за градобитието и в Словото за засухата [2, с. 149] показва процес на замяната на *вѣща с шина*, който датира от X в. [12, с. 262], но е в самото си начало, тъй като са използвани и двете лексеми — *и шина жельзна вѣща твоа*. Доколкото авторът е имал пред очи превод на Иоил, Амос и Малахия, които се числят към т. нар. малки пророци, бъдещите проучвания могат да спомогнат за датирането на разглежданото слово, установявайки коя от трите рецензии (паримийната, пълната или преславската) на техния превод е използвана [8, с. 229 – 264].

За по-точно датиране на Словото за засухата ще пригнем до доводи от историческо естество, които пренасочването му в древноруска летописна традиция предлага. Във вид на поучение то е включено в Повесть временных лет към 1068 г., в която руските князе претърпяват голямо поражение от нашествието на половците и с оглед на актуализирането му е променено началото (*наволитъ бо богъ по гнѣвоу своѣмоу иноплемьеникъ на землю*), а в края отново се припомня повода (*да сега ради казни отъ бога приемлемъ всѣчьскѣша и нахожене ратныхъ*). Пренасочването към летописа е улеснено от самото Слово за засухата, в което сред божии наказания са *ратми напастьми*. В своята монография Аничков отделя специално внимание на клишето “Бог наказва отклонилите се от него с бездъжие” [2, с. 93 – 96] — то е взето от Второзаконие, използвано от Григорий Богослов в Слово за градобитието и е подсилено от старобългарския преводач във вставката с начало “*овога ведро творя*”. От съществено значение е фактът, че едва в Слово за засухата сред наказанията с природни бедствия се появява и *ратъ* в съседство с *напасть*. Стб. *ратъ* означава “битка, сражение, война”, а само в мн. ч. (както е в нашия случай) и “неприятелска войска”, т.е. в контекста е със значение “нашественици”, доколкото наказаните от Бога са на своята територия. В преписа на Златоструй от XV в. вместо *ратми напастьми* стои *ратными напастьми* “бедствия от войни” или “бедствия, причинени от неприятелска войска”. Ще добавим, че клишето, в което наред с бездъжие има и *ратъ*, се среща в приписваното на Моисей Слово за ротите и клетвите, запазено в препис от XVI в. [5, с. 139], но вече като *ратми частыми* “чести войни”. С други думи, в Слово за засухата сред божии наказания е и войни с нашественици, изпратени от Бога, поради което летописците са сметнали за уместно то да бъде включено като поучение към годината със сходно събитие в историята на Киевска Рус.

Споменаването на войни позволява сигурното датиране на разглежданото слово. Преславски книжовник е могъл да преведе Слово за градобитието на Григорий Богослов най-рано през 886 г., когато след смъртта на Методий в Плиска идват неговите ученици, а Слово за засухата, което заимства от превода на словото на Григорий Богослов, е могло да бъде написано най-късно през 927 г., годината на смъртта на съставителя на Златоструй.

В периода между 886 г. и 927 г. най-опустошителни за българските земи са били двете (или трите) войни на княз Симеон с маджарите.

Началото на двоеверието (като отстъпление от християнството) е сложено с акта на покръстването през 866 г. Новопокръстена България преживяла в мир, без значителни военни стълкновения със съседите си до встъпването на Симеон на престола. През 894 г. той започва война с Византия, която привлякла на своя страна маджарите. Все още номади и езичници, те нахлули в североизточните предели на държавата и я подложили на опустошение. Сведенията за военните действия между българи и маджари са противоречиви и непълни, но се смята, че са водени най-малко две войни, докато в началото на 896 г. Симеон напълно ги разбил, а печенезите унищожили поселищата им между Буг и Днестър. Победата била извоювана много трудно и то след като Борис Покръстителя отново излязъл от своята монашеска килия. На обърналите се към него за помощ и напътствие поданици “той наредил тридневен пост, напомнил им да се покаят и след това да търсят помощ от Бога” [1, с. 48]. Тъкмо този акт на Борис Покръстителя е бил мотивиран от проповедника, автор на Словото за засухата, ето защо и на два пъти слушателите се приканват към пост и покаяние. В такъв случай Словото за засухата е създадено и произнесено по време на втората война на княз Симеон с маджарите през 895 г. и е дело на най-авторитетния деятел от кръга около Борис-Михаил, което от своя страна обяснява и предпочитанието на съставителя при включването му в Златоструй.

Известно е, че през 863 г. хан Борис пристъпил към преговори за покръстване с Людовик Немски и византийския император Михаил след военни несполуки и в неплодородна година, когато връхлетели и скакалци, а през август започнали земетръси, продължили 40 дни. Тридесет години по-късно, когато все още били живи и част от противниците на покръстването, ситуацията се повторила, при това Византия се оказала все същата непримирима противница на вече християнизираната българска държава, а се съюзнила с езичниците маджари. Ето защо на несъгласия, съмнения и въпроси, задавани по време на покръстването и подновени през 895 г., се е наложило чрез Слово за засухата да бъде даден авторитетен отговор. Поради тази причина проповедникът прави допълнението, че ако прегрешилите се покаят, Господ ще даде не само дъжд, но и ще ги овъзмезди за годините, каквото изпоядоха изпратените от него скакалци, полски мишки и гъсеници. За разлика от библейските първоизвори, в Слово за засухата се изрежда и унищожаването на ниви и гори и зад това наказание също прозира резултат от нашествието на маджарите.

Не е известно дали войните с маджарите се били съпътствани от засухи и киши, но проповедникът изрично свидетелства, че двоеверните са принесли жертви на кладенци, реки и мрежи. От вставката на преславския преводач на Слово за градобитието се знае, че жертвоприношението на кладенци е с молба за дъжд, което ще рече, че въпреки строгите предписания на сбора

през 894 г. против остатъците от езичеството, появилите се засушавания са станали причина за престъпването им. В североизточните предели фолклорните обреди за дъжд Пеперуда и Герман се правят заедно на един от седемте четвъртъка от Велики четвъртък до Спасовден. В обхвата им винаги попада датата 3 май, под която Слово за засушата се намира в Златоструй от XV в. [15, с. 35]. Било е произнесено и преди празника Света Троица, към който най-вероятно е бил ориентиран и всеобщият тридневен пост в България.

Литература

1. Андреев, Й., И. Лазаров, П. Павлов. Кой кой е в Средновековна България. — С., 1994.
2. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. — СПб., 1914.
3. Василева Н. Симеоновият сборник и “Лествицата” на Йоан Синайски. — В: Епископ — Константинови четения, Шумен, 1996. — С. 211 — 225.
4. Гальковский Н. М., Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: Т. I. — Харьков, 1916.
5. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. II, Древне-русские слова и поучения направленные против остатков язычества в народе. — М., 1913.
6. Георгиева Т. Към характеристиката на “Златоструй” от XII век. — В: 1100 години Велики Преслав, т. 2. Шумен, 1995. — С. 335 — 348.
7. Димитров П. Изборниците на цар Симеон. — В: Преславска книжовна школа, т. 1, С., 1995. — С. 115 — 130.
8. Златанова Р. Преславският превод на Дванадесетте малки пророци. — В: 1100 години Велики Преслав, т. 2. Шумен, 1995. — С. 229 — 289.
9. Иванова Кл. Златоструй. — В: Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. С., 1992. — С. 178.
10. Коцева Ел. Най-ранният кирилски препис от слова на Григорий Богослов. — В: Българско средновековие. Българо-съветски сборник в чест на 70 годишнина на проф. И. Дуйчев. — С., 1980. — С. 240 — 252.
11. Малинин В. Н. Исследование Златоструя по рукописи XII века Императорской публичной библиотеки. — Киев, 1878. Цит. по Т. Георгиева (вж. 6. — С. 336)
12. Русек Й. Из наблюденията върху лексиката на Екзарховия “Шестоднев”. — В: Преславска книжовна школа, т. 1, С., 1995. — С. 262 — 268.
13. Славова Т. Преславската редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод. — В: Кирило-Методиевски студии, VI, С., 1989.
14. Славски Ф. Няколко бележки за езика на Йоан Екзарх Български. — В: Преславска книжовна школа, т. 1, С., 1995. — С. 250 — 253.
15. Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. XXIV. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного препод. Феодосию Печерскому. С. 34 — 43. I — XI, СПб., 1867.
16. Тихова М. Към синтаксиса на словата на Петър Черноризец. — В: Преславска книжовна школа, т. 1, С., 1995. — С. 297 — 300.
17. Чаговец В. А. Преп. Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901. Цит. по Аничков (вж. 2, с. 147).

Парадоксално, але цікавий матеріал для спостереження дії Кирило-Методіївської традиції на формування лексичного складу східнослов'янських мов надають дослідження історії і функціонування назв зокрема язичницьких культових споруд у писемності Київської Русі та їх подальшої долі у східнослов'янських мовах. Маємо на увазі лексеми **капище**, **тръбище**, **коу-мирьница**, **коумирище**, **вожьница**. Розглянемо перші чотири, які пов'язані з номінацією конкретних язичницьких реалій.

Капище. Суфіксальний дериват від старосл. *капь* “εἰδωλον – видіння, примара, образ”, “εἰκών – статуя, зображення” (Супр.) [1] плус локативний суфікс *isk-jo*. Твірну основу вважають старослов'янським запозиченням з давньо-чувашської (дунайсько-болгарської) мови – *kär*; суч. чув. *päk*, уйг. *ker* “форма, картина”; дав.-тур. *gib* “картина” [2].

Лексема **капище** відбита у старосл. писемності із значенням “статуя, ідол” (Супр.), “язичницький храм” (*Venc Nik*) [3], тому дослідники в різній формі висловлюють думку про старослов'янське походження цього слова у давньоруській літературній мові, наприклад, А. С. Львов: “Якщо Е. Бернекеру була ще незрозуміла етимологія *капь*, то зараз беззаперечно вважають його тюркське, точніше болгарське походження. Слово *капь*, звідки і **капище** принесене на Балканський півострів т. зв. Аспаруховими булгарами. В давньоруській літературній мові **капище** – церковнослов'янське” [4]. На це вказує болгарська сучасна та історична лексикографія: **капище** – старов. “язичницький храм” [5]; книжне “язичницьке святилище”, – з болг. запоз. до рос. **капище** “язичницький храм”, рум. *săriște* – застар. “язичницький храм” [6].

У східнослов'янській писемності слово **капище** відбите переважно у перекладних пам'ятках із значеннями: 1) “капище, язичницький храм”; 2) “ідол, статуя” [7]: “капища идольскага искоренени и извержени выша (олтар, олтар, олтар) ... пришьдъ раскопа нечистыхъ капищъ Елиньскихъ (βωμοίς) ... капища идольскага раскопати (τούς ναούς) (ГА XIII – XIV, 54, 133, 212) [8].

В оригінальних східнослов'янських текстах дуже рідко: “тма вѣсовскааго служенья погыбе. и солнце е҃да(г)льское землю нашу осиа. капища раз(д)р҃у-инша (с). и цркви поставляють (с) идоли скр҃ушають (с). и иконы сты(х) авлаах҃уса” — Ілар Сл Зак XI сп. XIV/XV, 167 зв. [9].

Трапляються нечасті продовження у пізніх російських пам'ятках писемності: “Кут҃ухта Лама ... построилъ капище своимъ идоломъ” (Спафарий. Сибирь, 130, 1675) [10]. Слово фіксоване у Лексиконі Полікарпова, в сучасній російській мові – архаїзм [11].

В українській мові: капище — “Божниця, капище, сонмище, соворище” (СС, XVII, с. 101); “Поганская церковъ» (ПБ, 1627, с. 52); “Поганський храм у східних і прибалтійських слов’ян дохристиянського часу” [12].

Увійшло до складу сучасної білоруської літературної мови: капи́шча — “культува будівля східних та прибалтійських слов’ян язичницького періоду” [13].

Є спроби істориків (Б. О. Рибаків, Г. Лозко) уточнити семантику слова капище у давньор. мові шляхом зіставлення окремих частин комплексу язичницьких культових споруд, знайдених археологами, з описами їх руйнування у давньоруських пам’ятках писемності, саме тих, де вжите дієслово *раскопати* (ГА, див. вище). На цій підставі Б.О. Рибаків припускає, що слово капище означало “земляні вали, що оточували язичницький культовий комплекс”, або ж “всю сукупність земляних споруд” [14], а Г. Лозко — “майданчик, де стояла статуя”, “насіп”, “земляний вал, горб” [15].

Висловлюючи такі припущення, слід мати на увазі, що дієслово *раскопати* у давньор. мові вживалося з широким значенням “зруйнувати”, наприклад: “а неву раскопати повелѣлъ” (ЛС, під 1302, с. 85) — звелів зруйнувати загороджувальні споруди у воді, котрі заважали пройти кораблям [16]. А з врахуванням того, що слово капище запозичене, функціонувало переважно у християнських перекладних текстах, імовірніше припустити відсутність його у живому давньоруському лексиконі. Це слово літературної мови із загальним значенням “ідольський храм”.

Трѣвице. Суфіксальний дериват на * -iskjō у південнослов’янській огласовці із значенням місця події, похідний від староболгарського *трѣва* “жертва” (твірна основа праслов’янська, індоєвропейського характеру з неясною етимологією) [17], як назва язичницької культової споруди відома слов’янським мовам лише у південнослов’янській огласовці.

У східнослов’янській писемності вживався із значеннями “жертвник”, “олтар”, “каплиця”, “жертвоприношення”, “жертва” в перекладній (за деякими винятками) християнській літературі [18]. Із значенням “капище”, тобто “язичницький храм” поодинокі відбитий пізніми списками давньоруських за часом створення теж християнських пам’яток: “развратниша тревница” (Прохор., с. 402, XII); “аще которын клирикъ ли кр(с)тъганъ елѣн не сетъ въ тревнице поганска ... да ш(т)лоуचितъ (с) (εις ἱερόν ἔθνον)” (Уст. крм. Л. 36, XVII ~ XII) [19].

Продовження отримало із значеннями “олтар” та “місце для принесення жертв”, що непрямо вказує на язичницьку культову споруду: “тревнице тревникъ: олтаръ, жертвникъ, шфѣровникъ, мѣстце до колена або рѣзана любъ палена шфѣръ” (ПБ, с. 133); *требище* “місце, де відбувалося принесення жертви богам” [20]; *требище* “1. Те, що і треба; 2. Місце, де відбувалося жертвоприношення, треба” [21].

За висновком Б. О. Рибаків, зробленим на підставі лінгвістичного аналізу лексеми та розгляду археологічних джерел (Ржавинського святилища

зокрема), *требищем* називали просторий круг між двома валами, оточений з усіх боків великою і малою крадами, так званий народний майданчик, де рядові учасники обряду спостерігали за тим, що відбувалося в капищі, і вступали в дію лише тоді, коли починався розподіл жертвовної їжі [22]. Полісемантичність слова *трѣвице* він обґрунтовує широким семантичним і словотвірним полем лексеми *трѣва* (“требовать”, “потреблять” тощо), висловлює при цьому думку про те, що “язичницька термінологія міцно увійшла до християнського обігу...” [23]. Термінологія якої саме мови, він не зазначив.

На жаль, лінгвістичні факти суперечать цим висновкам. Південнослов’янська огласовка слів *трѣва* і *трѣвице* на відміну від східнослов’янських *терева* і *теревнице* свідчить про їх входження з язичницької до християнської термінології десь на Балканському півострові у болгаро-македонських діалектах. До східних же слов’ян вони прийшли у складі християнської термінології, хоча й називають язичницькі реалії. Слово *трѣвице* “жертвник” вжите у перекладах на місці давньогрецького *βωμός* — “усяке підвищення, підставка, сходи́на, олтар зі східцями”, а *трѣвице* “язичницький храм” — замість *εἰς ἱερόν ἔθνον* — “храм язичницький” [24].

Поодинокі уживання останнього та відсутність прямих продовжень свідчать скоріше про перекладацький неологізм, аніж полісемантичність.

Коумирница. Суфіксальний дериват (суф. -ьник-) із значенням “місця, приміщення, в якому щось зберігається”, похідний від старослов’янського *коумиръ* “ідол”, “статуя язичницького бога” (Супр., Син. евх.). Щодо етимології останнього висловлюють суперечливі думки: від семіт. * *kumrā*, сирійськ. *kumrā* “жрець”, звідки вірм. *k’urm*, род. мн. *k’rtac* — Младенов; з осет. *gumr* “велетень”, від біблійного *Gomer* — Міллер, Горяєв, Абаєв; з фін. *kumartaa* “кланятися”, “поклонятися”; з ново-грецьк. *κουμρι* “стовбур дерева” від *κομρός* [25]. У семантичному відношенні наведені концепції мають вразливі місця, дві останні вважають помилковими [26].

Зважаючи на старослов’янське походження слова *коумиръ* у слов’янських мовах, досить імовірно видається думка про його праболгарське (тюркське) походження [27].

Слово *коумирница* “язичницький храм”, “капище” має 11 фіксацій за СДЯ у перекладних пам’ятках — прологах та грецьких патрологіях: “вывьшимъ же имъ влизъ горы и пещеры. коумирници и храмниѣ влгына (за інш. сп. *вгынь*) елиньскы” — ПрЛ XIII, 15 в; “Слоухъ вы(с) всемъ елиномъ и жидомъ. како затворитиса коумирницамъ ихъ. и жидовьскымъ црквамъ”. — там же, 117а, [28].

Перша ж фіксація — *коумирница* “храм” (Супр.) відбита у старослов’янській писемності, є поодинокі відбитки у південнослов’янських пам’ятках сербської редакції XIV – XVI ст. [29].

Форма *коумирница*, старослов’янська за походженням, на східнослов’янському мовному ґрунті продовження не отримала, східнослов’янська лексикографія з рідкою одностайністю фіксує замість неї народно-розмовну

форму кумирня “язичеська молитовня з кумирами” [30], яка містить виразну експресивно-негативну забарвленість.

Коумирище. Суфіксальний дериват на *iskjъ із семантикою місця знаходження суб'єкта, позначеного твірною основою. Єдина фіксація в ГА із значенням “язичницький храм, капище”. Міг виникнути в перекладацькій творчості під впливом форм капище; “трѣвище: събравшемъ же са всѣмъ и коумирицю исполньшу са оусты въ оуста, гла црь къ рабомъ Ваалемъ. — του εἰδωλείου” (ГА, XIII – XIV, 177г.), [31].

Продовження в східнослов'янській писемності не отримало. В східнослов'янських мовах відсутнє.

Розглянуті лексеми — капище, трѣвище, коумирища, коумирище — не стали назвами реалій християнського культу, хоча твірна основа однієї з них (трѣва) дотична і до власне християнських термінів (трєвник). Причиною тому можна вважати несумісність деяких референтів з референтами християнського віросповідання.

Парадоксальність досліджуваної лінгвістичної ситуації полягає в тому, що реалії, співвідносні з референтами язичницьких термінів, — язичницькі релігійні споруди, боги, процеси, не позичені східними слов'янами ні в кого, сягають праслов'янського й індоєвропейського періодів, проте позначені у східнослов'янських писемних пам'ятках лексемами старослов'янського походження. Отже вони відбивають не народно-розмовну практику, а наслідування нашими письменниками церковнослов'янської (в основі болгаро-македонської) писемно-літературної традиції, літературну обробку слів християнином-перекладачем, редактором, писцем тощо. Разом з тим можна з упевненістю припустити, що в живих східнослов'янських говірках були інші слова на позначення язичницьких реалій, які з прямим номінативним значенням до писемних пам'яток майже не потрапили.

Література

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х. — М., 1964. — Т. 2. — С. 185.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — С. 185, 186.
3. Slovník jazyka staroslovenského: Lexikon linguae palaeoslovenicae. — Praha. — Zeš. 1 – 52. — 1958 – 1997. — Zeš. 15. — S. 14.
4. Львов А. С. Лексика “Повести временных лет”. — М., 1975. — С. 123, 124; Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X – XI вв., — София, 1986. — С. 51; Черных П. Я. Очерк исторической лексикологии: Древнерусский период. — М., 1956. — С. 93; Силенко Лев. Мага Віра: Рідна Українська Національна Віра. — Київ, 1998. — С. 381.
5. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / под ред. на Стефан Илчев. — София, 1974. — С. 180; Геров Н. Речник на българския език: Ч. 1 – 5 [Фототипно изд.]. — София, 1975 – 1978. — Ч. 2. — С. 349.

6. Речник на българския език: Т. 1 – 8. — София, 1977 – 1995. Т. 2. — С. 219, 220.
7. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). — Т. 4. — М., 1991. — С. 203. / Под ред Р. И. Аванесова. — Т. 1 – 4, Т. 6. — М., 1988 – 2000. — Т. 4. — С. 203; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка [Репр. изд.]. — Т. 1 – 3. — М., 1989. — Т. 1. — С. 1192, 1193.
8. Срезневский И. И. Материалы ... — Т. 1. — С. 1192.
9. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). — Т. 4. — С. 203.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. — Вып. 1 – 23. — М., 1975 – 1996. — Вып. 7. — С. 64.
11. Словарь современного русского литературного языка. — В 17-ти т. — М., 1950 – 1965. — Т. 5. — С. 781.
12. Словник української мови: В 11-ти т. — К., 1970 – 1980. — Т. 4. — С. 93.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. — Мінск, 1977 – 1979. — Т. 2. — С. 631.
14. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — М., 1987. — С. 226.
15. Лозко Г. Українське язичництво. — К., 1994. — С. 41.
16. Прискока О. В. “... А Неву раскопати повелел”. — /Русская речь, 1982, № 3. С. 103 – 106.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 3. — С. 45, 46, 95, 96.
18. Срезневский И. И. Материалы ... — Т. 3. — С. 1020, 1021.
19. Срезневский И. И. Материалы ... — Т. 3. — С. 1021.
20. Словник української мови: В 11-ти т. — Т. 10. — С. 241.
21. Словарь современного русского литературного языка. — В 17-ти т. — Т. 15. — С. 850.
22. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — С. 227, 228.
23. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — С. 227.
24. Срезневский И. И. Материалы ... — Т. 3. — С. 1020, 1021; Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь [репринт V-го издания 1899 г.]. — М., 1991. — С. 262, 379.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — С. 416.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — С. 416.
27. Цейтлин Р. М. Зазначена праця. — С. 51.
28. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). — Т. 4. — М., 1991. — С. 329.
29. Miklosich F. Lexikon palaeoslovenico – graeco – latinum. — P. 322.
30. Словник української мови: В 11-ти т. — Т. 4. — С. 398; Словарь современного русского литературного языка. — В 17-ти т. — Т. 5. — С. 1835, 1836; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. — Т. 2. — С. 755.
31. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). — Т. 4. М., 1991 — С. 327.

Умовні скорочення

- Venc Nik Друга Старослов'янська легенда про св. Вацлава у Вересневій Мінеї за сп. XVI ст. Цит. за вид.: Slovník jazyka staroslovenského. — Praha. — Zeš/ 1 – 52. – 1958 – 1997.
- ГА Хроніка Георгія Амартола. Цит за словниками та вид.: Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исслед. и словарь. — Пг., 1922. — Т. 2.
- Глар Сл Зак Слово про закон і благодать митрополита Іларіона, XI ст. за сп. к. XIV – XV ст. Цит. за вид.: Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). — М. – Т. 1 – 1988.
- ЛС Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. — СПб., 1913.
- ПБ Лексикон славенороський Памва Беринди / Підгот. тексту і вступ. стаття В.В. Німчука. – К., 1961. — 272 с.
- ПрЛ Пролог “Лобківський” XIII ст. Цит. за вид.: Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.).
- Прохор. Давньоруське Прохорове сказання про Іоана Євангеліста за списками XV – XVI ст. Цит. за вид.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках: XLI – LXXX. – СПб., 1876. — С. 398 – 402.
- Син. евх. Синайський євхологій XI ст. Цит. за словниками.
- Спафарий. Сибирь. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. – Зап. ТГО по Отд-нию этнографии, т. 10, вып. 1., СПб., 1882, с. 30 – 177.
- СС Синоніма славенороськая. Цит. за вид.: Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славенороськая / Підгот. текстів, пам'яток і вступ. статті В.В. Німчука. – К., 1964. – 201 с.
- Супр. Супрасльський рукопис XI ст. Цит. за словниками.
- Уст. крм Устюжська кормча. Цит. за вид.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. 1 – 3. – М., 1989.

ГОМИЛЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ДЕЛИБЕРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ В “КРАТКИХ ПОУЧЕНИЯХ” СВЯЩЕННИКА РОДИОНА ПУТЯТИНА

И. В. Грибанова (Николаев)

Объектом нашего рассмотрения явился текст “Кратких поучений” священника Родиона Путятина, которые были изданы университетской типографией в Москве в 1844 г. (Изд. 3, с прибавлением 9 поучений). Сборник включает 48 поучений. Такой выбор обусловлен слабой изученностью произведений гомилетического жанра, созданных в один из наиболее сложных периодов в истории русского литературного языка, названный В. В. Виноградовым “полосой перелома”. Вообще 40-е годы XIX в. Виноградов определил как “смерть риторики как теории церковной и “аристократической прозы” (2, с.115). Актуальным в анализируемый период был лозунг О. И. Сенковского “Расторгнуть дружбу русского слова с славянским”.

В то же время анализ издаваемых в 30 – 40 гг. трудов по риторике, таких как “Справочное место русского слова” (изд. 1839, 1843 гг.), “Правила высшего красноречия” М. М. Сперанского (изд. 1844 г.), составленных по материалам курса лекций в Главной семинарии при Александро-Невском монастыре, - не позволяет говорить о решительном противопоставлении церковной риторики светской к середине 40-х г.

Жанр проповеди как самый демократичный жанр церковной риторики, тем не менее, не мог не отразить демократических устремлений эпохи и новых тенденций к грамматической стандартизации, а также новой интерпретации традиционных ораторских приемов. В том же 1844 г., в той же университетской типографии вышел труд Ф. И. Буслаева “О преподавании отечественного языка”, отразивший демократическую реформу русского литературного языка. На материале языка произведения гомилетического жанра мы должны проследить отражение в рядовой проповеднической литературе традиционных вероучительных риторических приемов. При этом в центре нашего внимания — один из приемов, а именно, делиберативный вопрос, анализ которого осложняется тем, что проповедь — жанр синкретический, а в напечатанном виде представляет собой, как вообще напечатанная речь, по образному выражению Ф. А. Волькенштейна, “партитуру одной скрипки, вырванной из оркестра”. Для наблюдений же за вопросами как риторическими приемами особенный интерес представляют “формы ораторской речи, обращенной к многолюдной аудитории..., в том числе “религиозной проповеди” [2, с. 121].

“Генетически проповедь восходит к пресвитерскому или епископскому наставлению общин раннехристианского времени... Как наиболее доходчивые формы истолкования церковной догматики и христианских этических

норм... переводные (византийские — И. Г.) проповеди получили широчайшее распространение в славянской письменности с древнейших времен (уже с IX в.)” [3, с. 284].

Самые выдающиеся славянские проповедники, ссылаясь на уровень паствы, избегали сложных языковых форм и приемов. Так, например, византийский биограф Климента Охридского Феофилакт писал, что Климент “составил на все праздники простые и ясные слова - не сложные, не требующие осмысления, а доступные даже самому неуклюжему из болгар” [там же, с. 329]. Теми же принципами руководствовался Константин Преславский, составивший “Учительное Евангелие”: “Беседы предназначались для чтения в церкви и должны были легко доходить до сердца новообращенных христиан” [там же, с. 330]. Сборники гомилий, ориентированные на византийскую традицию, имели широкое распространение во всех славянских странах, а вопросно-ответная форма, восходящая к эллинистическим приемам риторики, органично вписалась в православную вероучительную традицию, что Павел Флоренский определял как особый ритм вопросов-ответов [7, с. 125].

Византийская композиционная модель гомилии включала в себя краткое введение, часто в форме вопроса, толкование и заключение. Православная проповедь на протяжении многих столетий сохранила основные принципы рамочной конструкции. Не составляют исключения и “Краткие поучения” Родиона Путятина. Стиль анализируемых гомилий отличается подчеркнутой гипофоричностью: монологи объединяют различные типы вопросов и ответы на них, амплификацию, сочетающую обращение к этосу, пафосу и логосу.

Если в целом проблемные вопросы, активизирующие внимание слушателей, и риторические вопросы, эмоционально воздействующие на слушателей, - весьма широко используемые в рассматриваемом жанре приемы, то собственно делиберативные вопросы для XIX века, прием сомнения, рефлексии, в проповеди встречались нечасто. Делиберативные вопросы в “Почувениях” Путятина могли выполнять роль зачина, как в Почувении в день Благовещения и в Святую великую субботу:

“Не знаю, что сказать вам в нынешний день, сл. Благочестивые. Сказать ли: плачете? Сказать ли: радуйтесь?.....”

Другой тип делиберативных вопросов, использующих форму 1 л. ед. ч. местоимения, — это вопрос-упрек в свой адрес:

“Но что я в такой праздник тревожу душу грешника?”

Наиболее частотными делиберативными вопросами в “Почувениях” Родиона Путятина являются вопросы с использованием форм 1 л. мн. ч.

“Но мы, слушатели, и грешники, и молимся без усердия, и потому что же наши молитвы? Полезны ли они скольконибудь для нас, или мы, молясь, только время тратим?” [1, с. 77].

Подобный тип делиберативных вопросов побуждает аудиторию к размышлению, к внутреннему диалогу. М. А. Корзо, исследовавшая католическую и православную проповеди XVII века, пришла к заключению о “природительном рефлексировании”, к которому призывает паству католическая проповедь, в отличие от проповеди православной [5]. В анализируемых нами поучениях о Родионе (Путятин) обращает вопросы не столько к слушателям (читателям), сколько к себе, вовлекая паству в систему размышлений, апеллируя к разумному отношению человека к своей жизни. В этом приеме, исключая отстраненность пастыря от пасомых, нет жесткости оценок, обличения, осуждения.

Гипофора — вопрос-раздумье — излюбленный прием Путятина. С помощью гипофоры священник обращается к логосу, а в связи с тем, что для стиля этого автора характерно сложное соотношение различных типов вопросов и ответов на них, “вопросно-ответный ритм”, доводы к логосу переплетаются с доводами к этосу и пафосу. Анализ текстов позволяет нам предположить не только ориентированность на общность пресуппозиций верующих, но и на единомыслие как “готовность размышлять в общем направлении”, т.е. эти тексты, безусловно, отвечают этосу православной гомилетики, той “культуре стыда”, о которой пишет и М. А. Корзо [5].

Своеобразие стиля “Кратких поучений” составляют и мнимо-риторические вопросы, являющиеся на самом деле делиберативными. Если риторический вопрос не предполагает ответа, то делиберативный вопрос может соотноситься с неожиданным, непредсказуемым ответом.

Весьма неожиданным и парадоксальным кажется ответ на вопрос “Отъ чего намъ теперь бываетъ грустно думать о смерти?” — “Отъ того, что рѣдко думаемъ о смерти” [1, с. 83].

В отдельных случаях мнимо-риторический вопрос как будто заключает рассказанный эпизод. Так, в “Почувении въ недѣлю 24 по Пятидесятницѣ” после пересказа Евангельского текста об исцелении Иисусом Христом больной женщины и восклицания “12 лѣтъ лѣчилась, и не вылечилась!” — следуют вопросы “Отъ чего же это произошло? Уж не грѣшно ли пользоваться лекарствами? Не противно ли Богу лечиться у лѣкарей?” Но ответы лишены однозначности. — “Не противно Богу лечиться у лѣкарей, не грѣшно пользоваться лекарствами. Лекарства тоже Богомъ сотворены... почитай врача... Только надобно знать, какъ лечиться у лѣкарей...” [1, с. 109]. Такой тип делиберативных вопросов активизирует внимание слушателей.

Доверие к аудитории, приемы активизации внимания, рефлексия, мучительный поиск ответов на жизненно важные вопросы — все это мы находим и в последнем из опубликованных произведений Н. В. Гоголя “Светлое Воскресение”, так явно перекликающемся с гомилетическими текстами, проанализированными нами и совпадающими по времени с Гоголевским сочинением.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «ПЛАЧА АДАМОВА» (КАК ЖАНРА ДУХОВНОЙ ЛИРИКИ СЛАВЯН)

А. А. Абикулова (Николаев)

Духовный фольклор славян, известный также под названием *духовные стихи*, — явление своеобразное и многожанровое. Достаточно активно изучаемый в XIX веке, духовный фольклор в XX он был практически предан забвению. Поэтому, прежде чем говорить о его лигвистических особенностях, хотелось бы обратиться к некоторым общим определениям духовного фольклора, представленным в энциклопедических словарях наиболее известными исследователями.

В Энциклопедическом словаре русского библиографического института «Гранат» (1882 г.) дается следующее определение: «Духовные стихи, как отдельный вид устной народной поэзии, по своему характеру и содержанию служат выражением религиозных представлений и настроений массы» [9, с. 195]. Далее указывается, что духовные стихи возникали везде, где христианство проникало в сознание масс, а также служили удовлетворению религиозных потребностей народа, популяризируя элементы веры. Авторы словаря отмечают также, что уже в XV веке были обнаружены первые записи духовной лирики интересующего нас жанра, а именно — Плач Адамов, которые собиратель и исследователь духовного фольклора П. Безсонов также называл *Покаянными стихами*.

Распространялись духовные стихи устным путем через особых певцов, которые назывались *калики перехожие*. Эти стихи в свою очередь по форме делятся на две группы: 1) сближающиеся со старинной былевой поэзией (былины, старины, реже — бытовая, обрядовая песня); 2) сближающиеся с искусственной виршевой школьной силлабической лирикой XVIII века юго-западно-русского происхождения [9, с. 196, 197]. Такие стихи происходили чаще всего от польских кантов или были подвержены их сильному влиянию — это заметно при рассмотрении стихов, представленных в сборниках П. Безсонова.

По характеру духовные стихи делятся на 2 разновидности: эпические (содержат рассказы о тех или иных событиях) и лирические (выражают определенные настроения). Источник их, как правило, «связан с книжной литературой» [9, с. 197].

Авторы известного Энциклопедического словаря 1893 года Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон дают несколько иное определение: «Духовные стихи в народной словесности возникли под непосредственным влиянием христианства и, главным образом, из материала, доставляемого духовной письменностью (Священное Писание, Жития)» [10, с. 271].

“Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит как незнакомый и чужой всем?” — такие мнимо-риторические вопросы задает писатель. Антиномичность, парадоксальность, мнимая риторичность вопросов, которые обращает прежде всего к себе Н. В. Гоголь, предполагают и вовлечение читателя (как и слушателя проповедей о Родиона) в размышления, ставят читателя перед нравственным выбором. Но стиль Н. В. Гоголя переключается со стилем гомилий и при использовании других приемов, напр., отрицании, когда в самом отрицании кроется утверждение и основание для надежды: “Где будят — там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными... У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресение Христова” [7, с. 475].

М. В. Лескинен в рецензии на монографию М. А. Корзо делает вывод о позитивном полюсе восприятия православной проповеди, заключая: “Православное вероучение апеллирует не к неизбежности тяжкого духовного и мирского труда, но к простоте чувств, и поэтому гораздо более духовно-демократично” [5, с. 158].

Анализ проповедей, представленных в сборнике “Кратких поучений” свящ. Родиона Путятина, показывает, что и в середине XIX в. сохраняется собственно православная эмотивность, демократические тенденции усиливаются. Эти гомилии, безусловно, продолжают вероучительную традицию, чему способствует как в целом вопросно-ответная форма композиции, так и введение делиберативных вопросов. Конечно, православная проповедь 40-х годов XIX в. не могла не отразить новых тенденций, устремлений эпохи, литературных влияний. Материалы представленных проповедей достаточно ясно показывают связь со стилем последних произведений Н. В. Гоголя. Не только мнимо-риторические, делиберативные вопросы так любимы и Гоголем, и о. Родионом (Путятиным), но их стили характеризуются и общим эмоциональным настроением.

Как видим, “дружба русского слова с славянским” не была расторгнута в середине XIX века.

Литература

1. *Краткія поученія священника Родіона Путятіна*. Изданіе третіе, съ прибиленіємъ девяти поученій. — М., 1844.
2. *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. — М., 1980.
3. *Очерки истории культуры славян*. — М., 1996.
4. *Корзо М. А.* Образ человека в проповеди 17 в. — М., 1999.
5. *Лескинен М. В.* Рецензия на книгу М. А. Корзо “Образ человека в проповеди 17 в.”, М., 1999 // *Славяноведение*, № 2, 2002, с. 155 – 159.
6. *Павел Флоренский*. Имена. Мысль и язык. — М.-Харьков, 1998.
7. *Гоголь Н. В.* Избранное. — Сретенский монастырь, 1999.

Интересна также следующая мысль: «Принимая новую религию, народы новой Европы находились на той ступени умственного развития, когда песня есть наиболее обычный способ выражения внутренней жизни» [10, с. 271]. Этим обусловлено возникновение и развитие фольклора на духовные темы. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон различают эпические и лиро-эпические стихи в зависимости от их содержания, а также указывают на то, что сюжеты их, как правило, заимствованы из Св. Писания, из Житий Святых, из церковных поучений и песнопений.

Статья о духовных стихах в «Словаре общедоступных сведений» (1902 г.), кроме определения, практически повторяющего указанные выше, содержит также информацию о том, что для этого вида фольклора характерно особое разнообразие форм, а по содержанию духовный фольклор разделяется на стихи об убогих людях (авторы духовных стихов поют о себе) и стихи, пересказывающие в поэтической форме жизнеописания святых [11, с. 10].

Исследователи-фольклористы и литературоведы вновь заговорили о духовных стихах после почти векового перерыва. Этим объясняется тот факт, что образцы духовного фольклора XV – XVIII вв., к сожалению, не всегда понимаются как произведения сакрального характера, возникшие в православно-культурной среде. Именно поэтому необходимо в настоящее время обращение к первоисточникам и к дореволюционным публикациям духовных стихов.

Вопрос о языковых особенностях духовных стихов у нас до сих пор специально не рассматривался, и лингвистический аспект исследования этой формы славянского фольклора представляет особый интерес.

Естественно, что в языковых особенностях духовной лирики отражались различные моменты. На формирование их языковых особенностей оказали влияние:

- а) текстика Священного Писания;
- б) влияние славянского фольклора вообще;
- в) то, что духовные стихи распевались на гласы, аналогичные богослужебному песнопению

При рассмотрении фонетических особенностей духовной лирики сказывалось влияние всех трех аспектов.

Период возникновения и формирования духовной лирики связан с таким важным фонетическим процессом, как падение редуцированных **Ъ** и **Ь**. «Дошедшие до нас памятники XI в. отразили изменения, которые к этому времени произошли с редуцированными гласными в живой речи славянских писцов. Изменения эти связаны с усилением различий в произношении слабых и сильных редуцированных». [4, с. 51] По нормам, зафиксированным в старославянских рукописях, редуцированные в слабой позиции исчезают. Исчезновение редуцированных было явлением характерным как для разговорной, так и для письменной речи славян, зафиксированным и в старославянских рукописях, и в более поздних письменных документах славян.

Однако в настоящее время представление об обязательном исчезновении слабых редуцированных оспаривается как славянскими диалектологами, так и исследователями песенного творчества славянских народов. Так, по наблюдениям русского диалектолога Л. Л. Касаткина, а также по данным других восточнославянских диалектологов «на месте конечных редуцированных в некоторых современных северорусских и окружающих среднерусских говорах могут произноситься гласные звуки». [6, 353] Например: *хлебо, домо, стоито, завуто*.

С одной стороны, по мнению А. И. Горшкова, «падение сверхкратких гласных, имевшее место по всем славянским языковым группам, привело к коренной перестройке звуковой системы славянских языков. С падением сверхкратких гласных прекратилась эпоха действия «закона открытого слога», принципиально изменилась фонетическая структура слова, возник длинный ряд взаимообусловленных фонетических (а отчасти и морфологических) новых явлений». [5, с. 104]. С другой стороны, как отмечает украинский исследователь А. М. Залесский, «окремі із вставних голосних фіксуються у позиціях, у яких колись зредуктували голосні неповного творення [ъ], [ь], тому такі голосні – пазвуки чи голосні повного утворення – закономірно розглядаються у контексті історичної долі редукованих: як їх пряме продовження-прослідки чи “рецидив дії закону відкритого складу”. [цит. по 7, с. 91]

Рассматриваемые нами тексты духовных стихов жанра «Плач Адамов» подтверждают как первую, так и вторую точку зрения, поскольку из 30-ти текстов в 25-ти слабые редуцированные закономерно пали, а в 5-ти нами отмечено стойкое явление субституции, т.е. наличие новых звуков на месте слабых редуцированных, преимущественно **Ъ** > **О**. Однако, причины вокализации слабых редуцированных в духовных стихах являются иными.

Рассматривая фонетический строй стихов «Плача Адамова», следует отметить также некоторые моменты старообрядческого пения, оказавшего большое влияние на тексты этого жанра.

Редуцированные передаются в этом пении особым образом через т. н. «хомонию». «Хомовое» пение противопоставляется «народному» или «истинноречному» (синонимичный термин «наречному»), в котором бывшие редуцированные не сохранились вовсе или сохранились в том же виде, что и в чтении. Произношение вообще приближено к современному. «Наречное» пение принято в православной церкви. Разногласия по поводу того, каким пение должно быть церковное пение, возникли еще до раскола. Последовательно наречное пение стало вводиться при патриархе Никоне (специальный царский указ 1652 г.), затем он был подтвержден собором 1666-1667 гг., и с тех пор оно повсеместно принято в православной церкви. Среди сторонников наречного пения и противников хомонии были такие признанные в старообрядчестве авторитеты, как протопоп Аввакум, Иоанн (Григорий Неронов), Андрей Денисов – но тем не менее в Выгорецкой обители при последнем было принято пение хомовое. В то же время ревностными привержен-

цами хомового пения были соловецкие старцы. Примечательно, что в современном русском народном пении существуют добавочные гласные, вставные слоги. Такое явление функционально соответствует древнему хомовому пению.

В литургическом хомовом пении бывший **Ъ** передается как **О**, а бывший **Ь** — как **Е** /поется «носимо» вместо «носимъ», «есте» вместо «есть», «побѣдителена» вместо «победительна» и т. п./ Это явление непосредственно восходит к эпохе падения редуцированных и образованию из них в сильной

позиции **О** и **Е**: переход **Ъ > О** и **Ь > Е** в пении произошел вскоре после падения слабых редуцированных, когда в связи с их исчезновением сократилось количество слогов и текст перестал соответствовать мелодии. Количество последовательных звуков в мелодических формулах перестало соответствовать количеству слогов.

Соответственно в XIV – XV вв. в тексте певческих книг произошла замена слабых редуцированных на **О** или **Е**. Эта замена была тем более необходима, что в певческих рукописях до XIV в. гласные **Ь** и **Ъ** могли тянуться /в соответствии с напевом/ точно так же, как и все остальные гласные, например, *непрѣтѣмѣно, въсьсь* и т. п.

Таким образом, до появления субститутов как заменителей еров тексты для пения не совпадали с текстами для чтения (причем это расхождение произошло задолго до раскола), и в данном случае можно говорить об исторической связи гласных **о** и **е** с бывшими редуцированными.

В хомовой манере пелись и покаянные стихи («Плач Адамов») – «напевные безрифменные стихи с относительно небольшой, но свободно регулируемой длиной строк» [3, с. 8].

Они распевались в восьми мелодических системах – «гласах», само же движение музыкального распева в покаянном стихе было тесно связано с системой его гласных звуков, они являлись обособившимся от литургических текстов самостоятельным жанром духовной лирики.

И в XIX веке прекрасно видны следы влияния хомового пения на фонетический строй стиха — **О** — вместо **Ъ**; **Е** — вместо **Ь**. Приведем фрагмент рукописи на крюках:

«Глас 8. Плач Адамов

Плакася Адама,

Предъ раемъ седя:

Раю мой, раю,

Прекрасны мой раю!

Мене бо ради,

Раю сотворено бысте,

А Евы ради, Раю заключено бысте,

Увы, мне, грешному

Увы беззаконному!

Согрешиха, Господи,

Согрешиха и беззаконноваха!

Уже азъ не вижу

Райския пици

Уже азъ не слышу

Архангельска гласа!...»

Обратимся к акустической характеристике **Ъ** и **Ь**. «Как показывает история отдельных славянских языков, это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой кратности их: они были короче нормально-кратких гласных **о**, **е**. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при образовании этих редуцированных гласных было то, что голосовые связки вибрировали короче, чем при гласных полного образования» [2, с. 152, 153].

Очевидно, сам процесс пения, основанный, прежде всего, на распевании гласных звуков, требовал полноты **Ъ** и **Ь**. Как видим, явление «хомонии» как раз и основывается на увеличении количества гласных полного образования, поскольку их гораздо легче распевать. Как утверждает Р. О. Якобсон, «есть все основания полагать, что до падения слабых глухих гласных в древнерусском языке устный эпический стих сохранял силлабический характер и что после падения глухих вставка паразитарного гласного сперва служила восстановлению распатанной силлабической сетки. Таким образом, первоначально вставной гласный мог быть стихотворным субститутом утраченных еров» [8, с. 89].

Итак, субституты обнаружены нами в 5-ти текстах, в 20-ти словах. Конечный редуцированный **Ъ** всегда меняется на **О** (9 случаев). Например: Адамо, сотворено, заключено, согрѣшихо вместо Адамъ, сотворенъ, заключенъ, согрѣшихъ [1, с. 237, 268, 294].

Следующий пример приводится нами из текста, который, по замечанию П. Безсонова, связан с крюковыми рукописями и пением хомовым: «Сослал нас Господь *Бого* (вместо *Богъ*)». По мнению Л. Л. Касаткина, «конечное **о** в формах существительных, в глагольных формах и в других словах объясняется одним и тем же – сохранением конечного гласного, бывшего редуцированного, в сильных фразовых позициях. Примеры эти – последние остатки явления, распространенного ранее более широко в русских говорах. Пути его утраты были неодинаковы в разных говорах. В одних говорах оно задержалось главным образом в существительных, в других говорах – в глаголах. Но и там, и там оно встречается до сих пор в самых различных частях речи» [6, с. 361].

В исследуемых текстах мы обнаруживаем субституты в именах и в глаголах. «Можно предположить, что после падения редуцированных окончание имен и глаголов выступало в двух вариантах: в гласном –**о** и в нуле гласного. По-видимому, эти варианты окончания первоначально были позиционно обусловлены и –**о** выступало в сильных фразовых позициях: при эмпазе, на конце речевого акта и фразы (которые и сейчас, как правило, выделяются в русских говорах и литературном языке большей длительностью) или при другом ритмико-интонационном выделении слова. Сильная фразовая позиция способствует более четкому произношению слова, в этой позиции дольше задерживаются звуки, находящиеся в процессе утраты» [6, с. 362].

В связи с этим следует отметить, что, если в разговорной речи в сильной позиции выступают только отдельные фрагменты фразы, то при пении все части фразы, как правило, распеваются с определенной силой. Даже на слабых долях такта сила звука во многом превышает силу звучания разговорной речи. Именно поэтому явление субституции закрепилось в пении повсеместно так же, как в сильных позициях фраз разговорной речи.

Конечный редуцированный **Ь** заменяется на **Е** (6 случаев), но может меняться и на **И** (6 случаев). Например: «Сотворено бысте», «Прекрасен рай бысти». В середине слова нами обнаружен только единичный случай явления субституции: «беззаконеновахо».

Мы рассмотрели только один из аспектов фонетических особенностей духовных стихов, связанный с их песенной структурой. В заключение хотелось бы отметить, что духовные стихи жанра «Плач Адамов» или «Покаянные» по стилю, содержанию и распеву близки богослужебным текстам. Публикуя собранные им «Покаянные стихи», П. Безсонов писал, обращаясь к читателям: «Вы увидите сначала сходство, простирающееся до самых мелких выражений, до того, что в народных устных стихах, распеваемых доселе, сохранено из рукописей даже «хомовое» произношение *бысте* вместо *быть* и т.п. Но вместе с тем какой же цельный и разнообразный мир творчества, возникший из одного зерна силами народного гения!» [1, с. 17].

Литература

1. *Безсонов П.* Калики перехоже: Т. 2. — СПб., 1863.
2. *Селищев А.* Старославянский язык: Т. I. — М, 1951.
3. *Успенский Б. А.* Одна архаическая система церковно-славянского произношения // Вопросы языкознания. — 1967. — № 6.
4. *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. — М, 1986.
5. *Горшков А.* Старославянский язык. — М, 1963.
6. *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. — М: Наука, 1998. — С. 353 – 366.
7. *Гриценко П. Ю.* Ареальное варьирование лексики. Київ: Наукова думка, 1990.
8. *Якобсон Р. О.* О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. — 1962. — № 6.
9. *Энциклопедический словарь*, издание русского библиографического института «Гранат»: Т. 19. — М, 1882.
10. *Энциклопедический словарь* / Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона: Т. 16, СПб., 1893.
11. *Большой энциклопедический словарь общедоступных сведений*: Т. 9. — СПб., 1902.

Изборник Святослава представляет собой вторую по древности датированную славянскую рукописную книгу, после Остромирова евангелия. Изборник 1073 г. создавался в киевской книжной мастерской для князя Святослава Ярославича Черниговского, бывшего в 1073 – 1076 гг. великим князем Киевским.

Оригиналом для данного памятника явился сборник, переведенный с греческого для болгарского царя Симеона. Это единственный памятник письменности «золотого века царя Симеона», сохранившийся полностью в близком ко времени создания оригинала списке. Тип книги, который представляет собой Изборник Святослава, является результатом творческого усвоения русскими книжниками традиций формирования репертуара и художественного оформления староболгарской книги.

В пределах Древней Руси и Московского государства Изборник неоднократно переписывался. Изборник 1073 г. по своему составу и типу восходит к антологии ранних памятников патристики, популярных в VII – VIII столетиях. Свообразная подборка имела совершенно определенную цель: дать разъяснение широкому читателю, не искушенному в тонкостях догматики и богословия, основных истинах христианского вероучения, предварить основные недоумения, которые могли возникнуть при чтении книг Нового и Ветхого заветов, изложить основы понимания некоторых закономерностей мироздания. Симеон и работавшие по его заказу книжники обращаются к наиболее ранним памятникам патристики, прежде всего IV – VI вв.

По поводу прихода на Русь данного памятника выдвигается три версии: 1. Изборник был захвачен или куплен древнерусами во времена завоевательных походов в Болгарию.

2. Он мог быть получен через византийцев, захвативших ценную болгарскую книгу, а затем подаривших или продавших на Русь во времена мирных торговых контактов и династических связей между византийскими императорами и древнерусскими князьями.

3. Передан (подарен, продан) самими болгарскими князьями на Русь от захвативших их страну византийцев [95, 1].

Но наиболее вероятным представляется предположение Л. П. Жуковской, согласно которому сборник Симеона пришел на Русь вместе с теми болгарскими князьями, которые в 1001 – 1014 гг. бежали из Болгарии на Русь от завоевавшего в эти годы их страну Василия II. Попав на Русь, Изборник Симеона был вскоре переписан два или более раз. Самая древняя сохранившаяся копия его - Изборник 1073 г. Первоначально рукопись имела 35 тетрадей по

8 листов, как это было принято в древности, и содержала 280 листов. Таким образом из рукописи утрачены 14 листов в тетрадах 1, 2, 3, 17, а также отсутствует тетрадь 18-я по первоначальной нумерации.

Изборник Святослава 1073 г. был обнаружен в 1817 г. в библиотеке Воскресенского монастыря под Москвой археографической экспедицией А. М. Строева и К. Ф. Калайдовича. С 1834 г. Изборник находился в Синодальной библиотеке в Москве, а в 1920 г. вместе с собранием Синодальной библиотеки был передан в Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, где и хранится до настоящего времени.

Еще раз подчеркнем, что Изборник Святослава 1073 г. не является оригинальным произведением древнерусских писателей, и в настоящее время известно о существовании нескольких греческих рукописей X в. подобного содержания.

Содержание Изборника Святослава условно можно разделить на две части: в одной представлены догматические положения по вопросам христианской веры, философии и этики, в другой — сюжеты бытового характера.

В Изборнике также представлены сочинения писателей IV — IX вв.: Василия Великого, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Феодора Раифского и др. Основное место в кодексе занимает сочинение Анастасия Синаита, церковного деятеля VII в.

Текст Изборника начинается Похвалой князю Святославу Ярославичу. Вслед за Похвалой в рукописи идет состоящее из отрывков разных авторов своеобразное введение, в котором содержится ряд основных положений христианской религии. Но основное содержание составляют «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита. Большое внимание уделяется политическим и экономическим нормам христианина.

За «Вопросами — ответами» Анастасия Синаита в Изборнике помещен философский трактат, состоящий из сочинений Максима Черноризца и Феодора Раифского. Заканчивается Изборник «Летописцем вкратце», который содержит сведения о годах правления византийских императоров.

Известные списки Изборника имели индивидуальные различия как с рукописью 1073 г., так и друг с другом. В настоящее время известно 22 списка Изборника.

Изборник написан уставом на пергамене форматом 33,6 × 24,8 см. Текст расположен в два столбца. Общее количество листов — 266.

Изборник написан двумя писцами XI в., за исключением л. 127 об., который заполнен писцом XIII в. Первый писец — дьяк Иоанн писал текст на л. 1-85 и 14,5 строках первого столбца л. 86, а также л. 264 — 266, начиная с 25 строки первого столбца л. 264 с Летописцем вкратце патриарха Никифора.

Писцом Иоанном выполнены также надписи над миниатюрами «Семья Святослава» и «Спас». Им проведена цифровая разметка текста и обновленные рукописи, обозначена нумерация тетрадей с первой по начало двенад-

цатой. Им же был размечен по главам текст, предназначавшийся для второго писца.

Второй, безымянный писец Изборника 1073, написал большую часть книги, а именно с л. 86 — пол. 264. Вторым писцом обозначена нумерация тетрадей с конца 12 по 35. В целом письмо Изборника 1073 г. однотипно. Это — русский устав со всеми особенностями, присущими рукописям XI в.

Красивому монументальному письму Изборника соответствует его художественное оформление, возможно, частично копирующее свой болгарский протограф; художественные элементы рукописи несут определенную функциональную нагрузку. Подчиняясь тексту, они создают четкую композицию памятника. Рукопись имеет две выходные миниатюры, четыре архитектурных фронтисписа, две заставки, концовку и три типа инициалов.

Таким образом, на примере одной из древнейших славянских книг можно смело говорить о теснейшем взаимодействии двух великих славянских культур — русской и болгарской. Этот обмен являлся непрерывным на протяжении тысячи лет и, будем надеяться, никогда не прервется.

СКЛАДНІ СЛОВА В “ЖИТТІ ФЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСЬКОГО”

Н. В. Убийвовк (Тирасполь)

Житіє — це свого роду моральне повчання, подане у вигляді опису. Як і всі жанри середньовічної літератури, житіє – діловий жанр церковно-службового призначення. Разом з тим агіографія є одним з найулюбленіших, а через це впливових жанрів давньоруської літератури.

Похідна направленість цього жанру на побут і життя в земному її проявленні, а також класичні його традиції утворюють суперечність, яку уважно вивчали історики літератури: окрім ідеально-абстрактних алегорій і символів, крім риторики і абстрактної патетики цей жанр постійно вимагав історично і реалістично достовірних описів. Тут особливо різко стикаються дві протилежні тенденції: строге слідування етикетному канону, традиційним мовним формам і необхідність в образах, у мові віддзеркалювати прикмети реально-життя. Тому на Русі з XI ст. позначилось два напрями в розвитку жанру, присвячених одній і тій же особі, але виконаних за різними канонами агіографії. Спочатку відбувається фіксація необхідного матеріалу, спогади свідків записуються як прості “читання”, пізніше пам’ятні записи підлягають переробці і стають легендарно-біографічними сказаннями з тією метою, щоб пізніше при щасливому збігу обставин перетворитися у закінчену форму житія. Так було, наприклад, в XI-XII ст., коли готувалися тексти про Бориса і Гліба. Разом з тим, як похідний текст “записів” стискувався, поступово входячи в традиційну форму житія, природно відбувалася зміна стилю опису, мінялася мова розповіді. Інколи важко вирішити, до якого ступеня обробки належить віднести ті чи інші особливості мови і стилю. Змінюються одночасно не всі компоненти тексту, а тільки ті, що можуть варіюватися. Етикетна форма завжди зберігається, і це утворює враження нерухомості жанру і тексту у відношенні до мови [5, с. 63].

Київська Русь успадкувала від Візантії багаті, добре розроблені традиції агіографії, складені канони різних типів житій. Всі вони набули своїх особливих рис, відбиваючи суспільно-політичне і культурне життя Русі. Дослідження багатьох вчених (І. С. Некрасов, Л. А. Дмитрієв та ін.) встановили, що на відміну від інших запозичених жанрів, житіє у своєму прагненні увібрати форми вираження “реальності” спочатку активно бере їх із фольклору, а потім із ділового мовлення. Текст поступово розростається як за рахунок етикетних положень, так і завдяки розширенню традиційних формул, виникають два типи розповіді: конкретно-описовий і абстрактно-повчальний. Мова змінюється: в першу чергу зникають яскраві архаїзми, особливо граматичні.

Відбувається і подальша зміна тексту. Короткі візантійські констатації фактів вже Нестор розгортає, вводячи нові діючі особи.

“Житіє преподобного отця нашего Феодосия игумена Печерського” – один з найраніших зразків агіографічних творів Київської Русі. Воно було написане видатним давньоруським книжником літописцем Нестором, через 10 років після смерті святого, у 1084 р., і дійшло до нас у складі Успенського збірника XII – XIII ст. Вчені не мають єдиної думки щодо територіальної приналежності Успенського збірника, в якому вміщено житія кількох руських святих. Як зазначають видавці збірника: “Ряд учених, спершу істориків, а потім і лінгвістів вважали, що Успенський збірник було створено на території південної Русі (у Києві) і тому мова його писарів відбиває давньокиївський говір. В інших працях робиться припущення, що місцем написання могла бути Ростово-Суздальська земля (Ростов або Володимир) і, таким чином, у ній відбивається давньоруський північно-східний говір” [10, с. 26].

В. М. Русанівський, впевнений, що збірник створено у Києві: “Порівняння мовних рис (фонетичних, граматичних, лексичних і навіть стилістичних) оригінальних пам’яток агіографічної літератури з відповідними мовними особливостями інших жанрів оригінальної літератури, південноруське походження яких не підлягає сумніву, схиляється до думки, що про київських святих писали все ж таки кияни. Це, як довелося дізнатися раніше, доводить і Нестор як автор житія Феодосія Печерського [6, с. 27].

Можна додати, що академік І. В. Ягич багато разів говорив про південноруське походження Успенського збірника, вбачав у ньому відбиття особливостей київської говірки, що відрізнялася від південно-західного (галицько-волинського) діалекту [10, с. 26].

Успенський збірник – найдавніша пам’ятка східнослов’янської писемності, в склад якої поряд із традиційними перекладами житійної і церковно-учительної літератури входять оригінальні давньоруські твори. Найраніше було видано саме Житіє Феодосія Печерського – у 1858 році О. М. Бодянським. Успенський збірник з 1920 р. зберігається у відділі рукописів Державного Історичного музею у Москві. Рукопис написаний уставом двома почерками на 304 аркушах пергамена великого формату. Ж Ф написано на 41 аркуші, з 26а до 67в, що приблизно складає 1/7,5 всієї книги.

Твір дуже великий за обсягом, насичений як побутовими подробицями, так і повчальними, легендарно-біографічними рисами. Написане Ж Ф знаменитим майстром письменства Нестором, який був сучасником Феодосія, свідком його канонізації. Це житіє навряд чи підлягало літературній свідомій мовній переробці за ті приблизно 100 років, коли воно було переписане в Успенський збірник. Саме на Ж Ф на 46 аркуші закінчується I почерк і починається II. Як вводить дослідники Успенського збірника, писарі писали поспіль, це може свідчити про те, що протограф був один.

ЖФ – оригінальний твір, складений видатним книжником, написаний церковнослов’янською мовою руського зразка. Як відомо, Нестор – давньоруський письменник, літописець. Крім Ж Ф він був автором житія князя Бориса і Гліба і I редакції “Повісті временних літ”.

Мова літопису значно відрізняється від мови агіографічної літератури, яка має ділове церковно-службове призначення і тому була витримана у дусі церковнослов'янської мови. В. В. Виноградов назвав таку мову книжно-слов'янським типом давньоруської літературної мови, а В. М. Русанівський називає це високим стилем, окрасою якого були книжні слова віддієслівного походження та складні слова. [6, с. 25].

Треба зауважити, що складні слова, які прийшли в церковнослов'янську мову (а раніше старослов'янську) під впливом грецької, являються не єдиним шаром складних слів. Ще в праслов'янську і навіть індоєвропейську добу існував спосіб утворення складного слова, наприклад, человек у сучасному сприйманні вже не усвідомлюється як складене з *ĉelo* - рід, *сім'я* і *вѣкъ* (дитя), тобто человек - "дитя роду". Так само і Господь вже не розкладається на *господь*, де в I частині ховається "гість", а у II - "хазяїн". [1, с. 75]. Не членувалися вони і у свідомості людей XII-XIII ст. і раніше, тому такі слова ми не розглядаємо як складні, їх складність усвідомлюється лише на етимологічному рівні. З праслов'янської і предслов'янської доби існували складні слова, що утворювалися повторенням кореня, як, наприклад, глагол <*gol-*gol, а також було складання різних основ, до того ж було кілька типів таких утворень: складання основ із з'єднувальним голосним - o - e -, типу листопад, сѣножать, земледержець, меченосьць. Не менш був розповсюджений і спосіб єднання основ без з'єднувального голосного: медведь, братоучадо та інші. [11, с. 160]. Ці слова вже усвідомлювалися як складні. Сюди можна додати такі слова як вельможа, воевода та інші. Слово вельможа зустрічається в тексті ЖФ 5 разів.

Дуже розповсюджене було складання основ для ранньої слов'янської антропології: Изяслав, Святослав, Володимир та інші. [9, с. 49]; [8, с. 233].

Ці імена, хоч і збереглися в обмеженій кількості внаслідок християнізації, теж сприймалися і сприймаються як складні. У ЖФ зустрічаються такі складні антропоніми: Изяслав - 10 разів, Ростислав - 1 раз - 41 б, Святослав - тричі, Всеволод - 1 раз - 51 в - всі ці імена належать князям.

Зустрічаються і географічні назви, утворені від імені Володимиръ: града Володимира 41 б і Володимирською оболость 42 а.

П'ять разів зустрілися слова з попередньою частиною *полоу*: *полоуднию* 40 б, *полоудньни* 40 г, *полоунощное* 46 г, *полоудне* 47 г, *полоудние* 40 б, 60 б. У всіх випадках ці слова позначають частину доби - середину дня або ночі. Як свідчить В.Ф. Дубровіна (4), ранні утворення з *пол-полу* - нечисленні, вони зустрічаються в пам'ятках з церковнослов'янським типом мови. Ці пам'ятки частіше являють собою переклади з грецької мови. Зіставлення церковнослов'янського слова з його іншомовними відповідниками дає додаткову, нерідко вирішальну інформацію про значення слова. Проте відносити такі слова на рахунок грецьких зразків не можна. Подібні слова існували і в народно-розмовній мові, про що свідчить наявність їх у діалектах. [2, с. 93]. Так що ці слова можна вважати за східнослов'янські, тобто незапозичені (не кальковані) утворення.

Всього в ЖФ вживано 62 складних слова (191 слововживання), що на кілька порядків менше, ніж, наприклад, у перекладеній з грецької мови Єфремовській Кормчій XII ст., де, за підрахунками Л. В. В'ялкої, зустрілося 430 складних слів (1050 слововживань). [3, с. 96].

Наявність у давньоруській лексичній системі складних слів, їх звичність підкреслюється тим, що інколи грецьке просте слово перекладалося складним. Таких випадків Л. В. В'ялкіна нарахувала 34. [3, с. 108]. Це свідчить про те, що вже в той час в давньоруській мові існувала повністю визначена модель складного слова. Так само складним словом могло перекладатися грецьке словосполучення. У цих випадках перекладачі утворювали складне слово не тільки тому, що воно об'єднувало короткість вираження і семантичну насиченість, а й тому, що складне слово мало ще додаткову емоційність, якої були позбавлені прості слова. Як підкреслює В. М. Русанівський, складні слова "є окрасою високого стилю". [6, с. 25].

Таку високість стилю надавали, перш за все, слова з першою частиною благо: *благотѣрнии*, *благодать-благодѣть* (яке було перекладом простого грецького слова *χάρις*), *благодарити*, *благословляти*, *благословити*, *благословухание*, *благохотѣние*, *благочестие* - 16 слів *благословение*, *благословити* (47 слововживань); *бого*: *богодѣати*, *богодѣхновенный*, *богоносный*, *богославный* - 9 слів (37 слововживань), тобто більше половини серед всіх слововживань складних слів. Найчастіше вживаються слова *благодать-благодѣть* - *благодатьство* - 12 разів, *благословение* - 10, *благословити* - 13 і *богородица* - 19 разів, останнє слово має не тільки високу емоційну піднесеність, а й точну семантичну навантаженість, двічі воно доповнюється синонімічними утвореннями: *преславныя бѣа* і *приснодвца мариа* 37 б, *стѣя бѣа* і *приснодвѣя мариа* 60 в.

Таку ж високу частотність мають слова *христороубць* - 18 разів і *прикметник хлюбивый* - 6 разів, що характеризують людину за її відношенням до Ісуса Христа, *чърноризць* - 15 разів і *прикметник чърноризный*, які вказують на чернецький стан людини, тобто конкретизують особу в суспільстві і вживаються часто тому, що події розгортаються в Києво-Печерському монастирі.

Досить часто зустрічаються слова, пов'язані з церковною службою, молитвою: *славословіє* - 5 разів, *славословение* - 2 рази, *словослови* - 1 раз у контексті: *блгоисправающе боу* и *словословоу* 33 б. І. І. Срезневський відзначає, що *словословіє* вживається замість *славословіє* в ЖФ і деяких оригінальних давньоруських творах.

Слово *зълодѣи*, 1 раз написано як *золодѣи* 29 б, існує у багатьох сучасних слов'янських мовах: російській, українській (злюди), чеській, польській, в-лужицькій - і своїм виглядом нагадує слов'янське за походженням слово, проте І. І. Срезневський вважає, що краще воно пояснюється як переклад - калька з грецького слова *κακῆρως*. [7, II с. 1002].

Серед складних слів у ЖФ переважають словотвірні кальки з грецької, їх значення у чистому вигляді повністю визначається поза контекстом. Вони дуже близькі до словотвірних еквівалентів, єдина різниця між ними полягає в їх походженні (генетична ознака): якщо еквіваленти становляться власне еквівалентами тільки при перекладі з іншої мови, існуючи в якості самостійної лексики в мові, то словотвірні кальки, являючись наслідком перекладу, є новотворами, що виникають під впливом вихідної мови. [12, с. 126].

Складні слова завжди відчутно показують внутрішню форму. Еквіваленти передають значення похідного слова, але не копіюють морфемну структуру.

Серед складних слів ЖФ й і еквіваленти: братолюбие, благодать та інші, яким в грецькій мові відповідають прості слова і деякі словосполучення: многоцѣнныи.

За структурою більшість складних слів утворена з двох коренів, що поєднуються голосним -о-: благодать, крѣстообразнь, любовѣяние та інші. Проте є слова без єдиначних голосних: вельможа, всі слов'янські власні імена: изаславъ, ростиславъ, святославъ та інші. Є слова з займенником в І частині всѣдръжитель, всѣлоукавыи, з полоу-: полоудные, полоунощное, з числівником: пьрвомчнка, з прислівником: прѣжжеченыи.

Аналіз складних слів в ЖФ показав, що складні слова завжди існували в слов'янській словотвірчій системі, тому вони так легко ввійшли в старослов'янську і давньоруську мови при перекладах з грецької.

Складні слова при перекладах можуть виникати як еквіваленти і кальки, що виникли при перекладах з грецької мови.

Значна кількість складних слів виконує певну стилістичну функцію, надає піднесеність, урочистість викладу.

Окремі слова пов'язані з діяльністю церкви, називають конкретні богослужбні дії, церковні чини.

Кількість складних слів в ЖФ порівняльно невелика, і тільки велика кількість слововживань говорить про важливість тих чи інших слів, про їх необхідність у свідомості освічених людей, їх закріпленість у церковному побуті і повсякденному житті.

Список складних слів Житія Мефодія:

1. благовернии 51 в, 60 б, 64 б; 2. благодать 33 г, 35б, 35б, 37б, 37б, 38 в, 42 а, 50 г, 60 в, 64 г, 66 а, 66 б, 66 в; 3. благодатьство 58 г; 4. благодать 54 а; 5. благодаряще 29 а, 47 в; 6. благоисправляюще 33 б; 7. благонравствствоу 31 г; 8. благовослови (ть) 28 г, 31 в, 45 в, 48 г, 48 г, 48 г, 63 б; благословив 27, 29 г, 63 а; благословень 32 а, 64 а; 9. благословения 35 а, 36 г; благословление 45 в, 48 г, 54 б, 54 б; благословлению 52 а; (сь) благословлением 48 г, 52 а; благословлении 27 а – 10 вживань.
10. благооухание 46 г; 11. благохотѣние 33 г; 12. благочѣстивыми 36 г; 13. благочѣстивомъ 27 а; благочѣстиемъ; 14. богодѣявшооумоу 45 а; 15. богодѣяновеный 30 г, 31 г, 41 г, 45 б, 48 б; 16. богогласныхъ 28 г; 17. боголюбовии 53 в; 18. богоноснааго 26 б, 59 г, 67 б; 19. богородица (бца) 26 б, 35 б, 35 г, 40 г, 42 б, 47 б, 47 г, 47 г, 48 а, 48 а, 48 б, 53 а, 53 в, 56 г, 60 б, 64 а, 66 г, 66 г – 19 разів; 20. богословесныхъ 27 б, 27 в, 27 г, 27 г, 29 б; 21. богооудольнымъ 62 в; 22. богооудольно 62 а; 23. братолюбии 62 б; 24. братоненавидьникъ 58 в; 25. братоненавидьние 39 б, 58 г; 26. вельможамъ 30 в, 43 в; вельможъ 36 г, 59 а, 62 в; тонсенавидьние 39 б, 58 г; 27. володимирскоую (оболость) 42 а; 29. всѣволо-27. володимира (града) 41 б; 28. володимирскоую (оболость) 42 а; 29. всѣволода 51 в; 30. всѣдержителю 27 а, 27 г; 31. всѣлоукавааго 55 в, 57 г; 32. зьлодѣи 28 г, 57 в, зьлодѣи 29 б; 33. зьлокъзньныи 55 в; 34. изаславъ 34 б, 40 а, 40 б, 41 а, 43 б, 47 в, 48 в, 53 в, 58 а, 60 б – 10 разів; 35. крѣстообразньи 64 б; 36. любовѣяния 39 б; 37. маловременньи 33 а; 38. медоточныхъ 33 в, 41 а, 51 г; 39. милосердие 27 а, 50 а/б, 51 а, 62 в; 40. милосердь 49 в, 34 в; 41. многоцѣнная 48 в, 62 а; 42. мясопоущъ 37 г; 43. полоудние 40 б, 65 б; полоудне 47 г; 44. полоудный 40 г; 45. полоунощное 46 г; 46. приснодвца 37 б; 47. приснодвья (мария) 60 в; 48. прѣжжеченыи 60 в; 49. празднословия 39 б; 50. пьрвомчнка 51 а; 51. ростиславоу 41 в; 52. святославоу 41 в, 60 в, 64 б; 53. славословие 36 а, 36 в, 40 г, 53 г; 53 г; 54. славословении 31 в, 36 б; 55. славословие 35 г; 56. славословоу 33 б; 57. страстьпѣцю 26 б; 58. оумилосердьивши 29 а; 59. холубьць (христоролюбьць) 40 а, 40 г, 40 г, 41 б, 42 б, 43 б, 47 в, 47 г, 48 в, 49 а, 53 г, 53 г, 54 б, 58 а, 60 б, 60 в – 18 разів; 60. холубивьи (христоролюбивьи) 34 б, 40 а, 41 а, 41 а, 41 в, 55 г – 6 разів; 61. чьрноризьць 26 б, 31 в, 40 г, 42 б, 43 б, 45 г, 49 а, 50 а, 50 а, 59 а, 56 в, 60 в, 61 в, 65 в, 65 г – 15 разів; 62. чьрноризноу 37 в.

Література

1. Абаев В. И. Сложные слова – хранители древней лексики // ВЯ. — 1983. — № 4.
2. Востокова Г. В. Семантическая мотивация сложного слова (об одном из значений в русском языке XI – XVII вв.) // ВЯ. — 1984. — № 1.
3. Вялкина Л. В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на материале Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. — М., 1964.
4. Дубровина В. Ф. Греческий оригинал в лексикографической практике // Древнерусский язык. — М., 1989.
5. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. — Л., 1989.
6. Русанівський В. М. Історія української літературної мови. — К., 2001.

7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1989.

8. Подольская Н. В. Антропонимика берестяных грамот // Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования. — М., 1979.

9. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // ВЯ. — 1990. — № 3.

10. Успенский сборник XII — XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. — М. 1971.

11. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. — М., 1956.

12. Чернышева М. И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // ВЯ. — 1984. — № 2.

НАЦІОНАЛЬНА СВОЄРІДНІСТЬ І ВЗАЄМОДІЯ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

О РАЗВИТИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ОТВЛЕЧЕННОГО ПРИЗНАКА В СЕРБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Г. Г. Тяпко (Москва)

Отвлеченная лексика в сербском литературном языке, в основу которого была положена живая диалектная речь, с самого начала кодификационной деятельности В. С. Караджича (1787 – 1864) была объектом пристального внимания специалистов, литераторов и нормализаторов языка¹. Интерес к этому слою лексики был связан прежде всего с оценкой функционирования нового литературного языка. Многим современникам В. С. Караджича казалось, что диалектная речь, получившая статус литературного языка, не способна выразить духовный мир человека с той глубиной и силой, которые присущи литературным языкам классического типа, *культивированным*², опирающимся на письменную традицию. Как показывают исследования, имена существительные, входящие в понятие поле словообразовательной категории отвлеченного признака, являются одним из наиболее многочисленных и значимых разрядов *интеллектуальных* единиц, обеспечивающих важнейшие функции литературного языка — интеллектуальную, специальную, эмотивную³, эпистемическую, информационную, духовную, социальную, эстетическую и некоторые другие. Их употребительность — один из показателей уровня «литературности» текста. Иной «расклад сил» выявляется при анализе диалектного идиома В. С. Караджича в момент его кодификации. Корпус первого издания «Сербского словаря» (1818) содержит 26 270 словарных статей⁴, из них доля производных имен отвлеченного качественного признака (или имен качества) очень мала: они «не дотягивают» и до двухсот единиц.

Напомним, что главной целью В. С. Караджича в тот период была унификация норм литературного языка, имевшая огромное значение для «сближения» этноса. И он блестяще справился с этой задачей, осуществив ее не мелким ремонтом неэффективной языковой системы, а полной заменой последней, притом в кратчайшие сроки. Возможно, к этой же цели можно было прийти другим, эволюционным путем, с меньшими потерями. Но реформа В. С. Караджича в ту эпоху победила, а победителей, как известно, не судят.

¹ См.: Петрановић Б. Место предговора // *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Österreichs / Von der Comission für slavische juridisch-politische, Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Separat-Ausgabe.* — Wien: Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1853. — С. XI-XII; Стрешњ Ј. Српски правосни. Сачино и по закљученијама Друштва уредно садашњи његов подпредседатељ Јован Стрешњ. — Гласник Д.С.С., IV, 1852, стр. 15; Selimović M. *Za i protiv Vuka.* — Beograd: BIGZ, 1967. — 136 с. и др.

² Басай М. Формирование языковой нормы у славян в эпоху национального возрождения // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.* — М.: Наука, 1990. С. 252 – 261.

³ Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок.* — М.: Прогресс, 1967. — С. 432 – 443.

⁴ Кашић Ј. Трагом Вукове речи // *Чланци и расправе.* — Нови Сад: 1987. — С. 146 – 147.

Новый и предшествующий литературные идиомы типологически не совпадали, поэтому мы не беремся оценивать их качества в категориях «лучше» или «хуже», опираясь только на количественный критерий. В своем анализе мы исходим из того, что данные языки — разные культурные «коды» или коды разных культур, одна из которых элитарная, городская, а другая — сельская. Каждая из них отражает свой фрагмент языковой картины мира и использует при этом характерные для нее приемы и средства. Задача данной статьи — показать, как новый, самый высокий социальный статус, который обрела диалектная речь в результате реформы В. С. Караджича, повлиял на развитие одного из характерных разрядов лексической системы *литературного* языка — имен существительных со значением отвлеченного качественного признака. Пути разрешения коллизий в сфере отвлеченной номинации делают сербский материал исключительно интересным и даже поучительным объектом исследования. Размах процессов пополнения, обновления и совершенствования сербской отвлеченной диалектной лексики был бы невозможен без вовлечения в эти процессы *словообразовательной* системы языка, приведения ее в соответствие с новыми задачами. Актуальность темы продиктована, кроме всего прочего, недостаточной изученностью вопроса. Несмотря на многочисленные упоминания в перманентно разгоравшихся общественных дискуссиях, сербская отвлеченная лексика не получила системного и комплексного освещения в научных исследованиях. В данной статье мы намерены отчасти восполнить этот пробел.

Обращение к диалектной речи как критерию правильности было продиктовано тем, что, по мнению В. С. Караджича, язык писателей и горожан, особенно жителей Воеводины, был испорчен образованием на чужом языке, способствовал укороению близкородственной диглоссии и не мог иметь будущего. Такой экстремный подход раннего Караджича вывел за пределы нового литературного языка огромный интеллектуальный лексический потенциал, накопленный литературными идиомами предшествующего периода, и тем самым упразднил или маргинализировал действовавшие словообразовательные схемы, строевые элементы и словообразовательные категории (далее СК). На периферии словообразовательной диасистемы пребывала и СК отвлеченного признака, основной запасник интеллектуальных единиц литературного языка.

Приступая к исследованию одной из СК сербского литературного языка, уточним само понятие «словообразовательной категории», одно из важнейших в деривационном синтезе. Мы исходим из того, что СК — это «гомогенная» макроединица деривации, объединяющая множество изофункциональных словообразовательных типов. Последние являются ее системообразующими компонентами. Набор СК составляет каркас общей деривационной системы языка, в которую они входят в качестве системообразующих под-

систем»¹. Развитие СК отвлеченного признака эксплицитно проявляется в ощущимом увеличении номинативных единиц с этим значением, в упрощении, автоматизме и «предсказуемости» (потенциальности) их воспроизводства, что означает усиление влияния данной СК на формирование словарного состава литературного языка, совершенствование и расширение его номинативных возможностей, а имплицитно — в формировании суффиксального центра, роль которого исключительно велика. Функциональное назначение суффиксального центра заключается «в оптимальной реализации релевантного для данной СК словообразовательного значения и [...] обеспечить наиболее полного инвентаря производящих основ»². К этому следует добавить, что оптимальное функционирование СК способствует устранению диалектной одномерности словарного состава литературного языка, стилистической дифференциации языковых единиц с одинаковым значением, устранению избыточной дублетности, формированию новых, более мотивированных системных связей в лексике. К сожалению, размеры статьи не позволяют рассмотреть особенности «работающей» СК более подробно, без сокращений.

Сама идея развития языковой единицы (в данном случае — макроединицы деривации) предполагает наличие «точки отсчета», с которой проводится сравнение. Ранний период формирования и функционирования современного сербского литературного языка, к счастью, документирован лексикографическими трудами, важнейшими из которых являются два прижизненных издания (1818, 1852) «Сербского словаря» В. С. Караджича. Последние являются достоверным слепком народного языка на рубеже двух веков: XVIII и XIX. На эти издания мы опираемся как на исходную базу исследования.

Если виртуальный синхронный срез сербского литературного языка стартового периода окрасить двумя цветами: одним репрезентанты исследуемой СК отвлеченного признака, а другим всю остальную лексику народного языка, представленную в словаре В. С. Караджича, то мы получим едва заметное пятнышко на фоне основного цвета. В то же время словарь В. С. Караджича изобилует неизпроизводной отвлеченной лексикой: в большинстве своем это простые лексемы с широким значением, преимущественно общеславянские лексические архетипы (*вера, љубав, сан, бес, јад, нада, очај*, и др.), реже заимствования (типа *инат* 'упрямство'). Первоначально именно они и использовались говорящими как основные актуализаторы отвлеченных понятий. Малочисленность состава зафиксированных в словаре производных имен качества не вызывала затруднений в общении сельского населения. Их частая повторяемость, многозначность, широта и нерегламентированность семантики предоставляли носителям языка свободу в насыщении этих слов

¹ Нешименко Г. П. и др. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. — М.: Наука, 1994. — С. 97.

² Там же. С. 109.

самой различной информацией. При необходимости, в случае отсутствия нужных имен качества, последние заменялись простыми абстрактными именами существительными, что определяло самодостаточность и периферийность данной СК в диасистеме.

Несмотря на малочисленность, имена существительные со значением качественного признака, эксцерпированные из первого издания «Сербского словаря» (1818), представлены множеством словообразовательных типов — 14 (см. таблицу)¹, что свидетельствует об аморфности и связанности СК, в ареале которой они находились.

Таблица 1

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
-ина	-ост	-ота	-оћа	-ство	-је	-лук
51	22	15	13	12	5	5
8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.
-ја	-оба	-штина	-иња	-отиња	-ило	-ица
4	3	3	2	5	6	2

Это подтверждают и особенности ее внутренней организации:

— ограниченность числа реальных производящих основ: к ним относятся прежде всего неизпроизводные качественные имена прилагательные, состав которых в народном языке всегда был лимитирован (это основы типа *благ > благод, леп > лепота, блед > бледоћа, љут > љутина* и др.);

— пересечение у одной и той же основы различных суффиксов — двух, трех и даже четырех одновременно и, как следствие, наличие многочисленных цепочек дублетных имен существительных со значением отвлеченного признака, ср.: *мекшина-мекост-мекота-мекоћа; мудрина-мудрост-мудрота* и т. п.;

— неизпроизводность значительной части производящих основ (непроизводные качественные прилагательные);

— структурное единообразие *контактного сегмента* производящих основ имен качества — вокал + консонант (*мек, благ, слаб, љут, мудар*);

— тождество *контактной зоны* для больших групп суффиксальных формантов со значением отвлеченного признака (напр.: *-ост, -ота, -оћа, -отиња, -оба*); последние три позиции обеспечивали автоматизм в сочетаемости (стыковке) производящих основ и суффиксов изофункциональных словообразовательных типов, входивших в ареал диалектной СК отвлеченного признака;

— исконность суффиксов (за исключением суф. *-лук*), что свидетельствует о закрытости системы для иноязычного влияния;

¹ В таблице представлены суффиксы репрезентантов всех словообразовательных типов со значением отвлеченного качественного признака, зафиксированные в первом издании «Сербского словаря» (1818) В. С. Караджича (ср.: *шупљина, верност, дивота, грубоћа, лукавство, лукавштина, безумље, ердоба, жутило, терћа, скупотиња, пасјалук, оскудица*).

— нефункциональная дублетность единиц при ограниченности, выражаемых ими концептов (ср.: 'доброта' *врлина, врлота, врлоћа, добрина, доброта, доброћа, 'злость' злоћа, злота, срџба, срџња, срџост, насјалук, беснило, бесноћа, љутина, опачина, пакост, бес*);

— широта, «расплывчатость» семантики древнейших общеславянских имен качества, позволявшая коммуникантам употреблять их в самых разных ситуациях, не боясь быть непонятыми (напр.: *милина* — 'преlestь, очарование, миловидность, влюбленность, нежность, умиление, удовольствие', *итрина* — 'быстрота, сообразительность, смекалка, сметка').

Отсюда следует, что в стартовый период исследуемая СК не имела еще отчетливо выраженного центрального суффиксального ядра и периферии. Дублетность, функционально-стилистическая нивелированность, избыточность и изофункциональность строевых элементов и словообразовательных типов, закрытость для иноязычного влияния сковывали репродуктивные возможности отдельно взятого СТ, почти не оставляли места для языкового экспериментирования, авторских окказионализмов, экспрессивно окрашенных образований (типа *будзаитност* 'жефтиноћа', *болина* 'финоћа' и т. п.).¹

В этой связи возникает вопрос, как вводимый В. С. Караджичем литературный язык, располагавший столь скудным фондом интеллектуальных единиц, справлялся с новыми, весьма сложными функциональными задачами? Известно, что с самыми большими трудностями сталкивались первые сербские переводчики на «простой» язык, особенно при переводе произведений научного, философского и религиозного содержания. Абстрактная лексика диасистемы не могла покрыть весь объем новых для нее концептов, в том числе отвлеченных понятий и признаков. В частности, нужны были многочисленные «заместители» отсутствовавших в народном языке имен качества. И они зафиксированы в текстах этого периода. Одним из способов замены безэквивалентных слов в сербской переводной литературе был способ трансформации, передача семантики инославянских имен отвлеченного качества придаточными частями сложноподчиненного предложения². Этот прием, в частности, широко использовал и Дж. Даничич, единомышленник и сподвижник В. С. Караджича. При трансформации семантика каждой из морфем русского отвлеченного имени передавалась в сербском тексте отдельным словом, а их совокупность «разворачивала» русское производное слово в придаточное предложение. Это приводило к увеличению в сербском тексте плотности придаточных предложений, которые можно рассматривать в качестве диахронных номинативных единиц, выполнявших функции слова в системе иноязычного культурного кода — устной диалектной речи. Эти заместители можно

считать и одной из суппозиций слова¹. По мере развития и совершенствования сербского литературного языка они вытеснялись более экономными и точными однословными номинативными единицами.

Это был важный, но не единственный способ передачи иноязычных имен качества на «простой» язык. Вслед за В. С. Караджичем сербские авторы нередко в качестве эквивалентов использовали сербские производные абстрактные имена существительные, широта семантики которых позволяла наделять их необходимыми значениями весьма произвольно, в зависимости от контекста. Существовали и другие приемы и средства, лежащие за пределами словообразовательной системы.

Несмотря на вялое протекание внутренних процессов в диалектной СК отвлеченного признака, словарь В. С. Караджича все же фиксирует некоторую поляризацию в ее конфигурации, неоднородность репродуктивного потенциала словообразовательных типов. Расстановка сил внутри этой макроединицы деривации была такова, что позицию суффиксального «центра» занимал суффикс *-ина* (*горчина, густина, жидина, жичина, зрелина, мокрина, једрина, претилина* и т. д.), а остальные — формировали неоднородную «периферию», в которой просматриваются: среднепродуктивный суф. *-ост*, ограниченно продуктивные суффиксы *-ота, -оћа, -ство*, мало-(слабо)продуктивные суффиксы *-отиња* и заимствованный *-лук*, непродуктивные суффиксы *-ица, -иња, -ја*.

Коррективы, внесенные В. С. Караджичем позднее в систему языка, не касались интеллектуального словаря. Они были направлены прежде всего на совершенствование фонологической системы новоштокавщины и гармонизацию внутрисистемных отношений в области морфологии и грамматики. Лексический фонд, хотя и был увеличен В. С. Караджичем почти вдвое в корпусе второго (1852) прижизненного издания «Сербского словаря», тем не менее, практически не вышел за пределы первоначальных ономастических категорий, «покрываемых» лексикой первого издания (1818). Второе издание еще масштабнее отражало лексику *народного языка*: сельский уклад жизни, трудовые отношения, верования, обычаи, развлечения сельских жителей, названия отдельных трав, болезней и т. д.² Объем фиксаций новых абстрактных имен существительных на фоне общего увеличения корпуса второго издания словаря вырос незначительно. Даже те инновации в лексике, прежде всего в сфере абстрактной номинации, которые В. С. Караджич вынужден был внести в свой перевод Нового Завета (1847) на народный язык, были учтены им при переиздании «Сербского словаря» (1852) лишь частично, с большими пропусками. Правда, историки языка отмечают позитивную роль «Терминологического словаря» (1853), опубликованного при участии В. С. Караджича и Б. Петрановича, отвечавшего за сербскую часть из-

¹ Михајловић В. Посрбице од Орфелина до Вука. I том (Б-О). — Нови Сад: Матица српска, 1982; Михајловић В. Посрбице од Орфелина до Вука. II том (П-Ш). — Нови Сад: Матица српска, 1984.

² См. об этом подробно: Тяпко Г. Г. О влиянии культурного кода языка на структуру номинативных единиц (На материале русских *nomina abstracta* и их сербских эквивалентов в переводах Дж. Даничича) // Славянское и балканское языкознание / Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. Выпуск посвящен памяти академика Никиты Ильича Толстого. — М.: Изд-во «ИНДРИК», 1999. С. 183-202.

¹ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. — М.: 1989. — С. 382.

² Кашић Ј. Трагом Вукове речи: чланци и расправе. — Нови Сад: МС, 1987. — С. 147.

дания, в формировании сербской (и шире — сербской, хорватской, словенской) отвлеченной лексики первого поколения. При всех издержках этого издания оно, тем не менее, способствовало развитию многочисленных абстрактных существительных, ранее в языке не существовавших. Интересна в связи с этим подборка актуальных для данной темы примеров М. Павловича, фиксирующего в своей статье новые для того периода сербские и хорватские имена качества, используемые в терминологических целях: «немецкие производные nomina abstracta с суф. -keit, -heit, -ung переводились в «Терминологии» производными сербскими и хорватскими эквивалентами с суф. -ост: važnost, знатность (вм. značaj, cf. Bedeutung, Wichtigkeit); способность (Fähigkeit), odvažnost, отважность; odlucnost, решительность (Entschiedenheit); нунолѣтност (замененное позднее лексемой нунолетство); а также при переводе немецких заимствованных nomina abstracta: pozovljivost, позовливость (Appellabilität); надлежност (Competenz). Среди сербских и хорватских аналогов им отмечены также имена качества на -ство (напр., злочинство, zločinstvo), «кованица» ближесродство (Majorat)»¹.

Однако важнейшие изменения в составе и объеме сербской отвлеченной лексики произошли уже после В. С. Караджича. За короткий период функционирования в качестве литературного языка кодифицированная им новоштокавская диасистема преобразилась прежде всего в области интеллектуального словаря. Стремительное развитие цивилизации и культуры в этом регионе после многовекового застоя обогатило понятийный мир языка, инициировало глубинные качественные и количественные изменения именно в лексике. Так, если корпус первого издания (1818) «Сербского словаря» содержал 26 270 словарных статей, второго прижизненного издания — 47 000 слов², то картотека академического словаря литературного и народного языка (с 1959 г. вышло 16 томов и готовятся следующие) содержит уже около 500 000 слов³. От первого издания «Сербского словаря» нас отделяет немногим более 180 лет, а словарный состав литературного языка увеличился почти в двадцать раз. Значительную часть лексического фонда, вырвавшегося из тисков диалектных ономазиологических категорий, стали составлять именно интеллектуальные единицы, способствовавшие устранению функционально-стилистической одномерности диалектного идиома.

По мере развития литературного языка словообразовательная система все более активно втягивается в процессы порождения отвлеченной лексики, что прямо связано с изменением статуса СК отвлеченного признака: активизируется динамика ее внутренних процессов, меняется ее архитектоника и иерархичность словообразовательных типов, происходит «смена лидеров» в ее суффиксальном центре, при этом в конкуренцию включаются и за-

имствованные словообразовательные типы. СК отвлеченного признака становится магистральной в системе «интеллектуальной» деривации. Динамические процессы внутри данной СК приобретают разнонаправленное движение — из «периферии» в «центр» и наоборот. Так, первоначально центральной СТ с суф. -ина вытесняется на периферию, а СТ с суф. -ост, занимавший в диасистеме верхнюю ступень периферии, переходит в центральную зону и становится единоличным доминирующим суффиксальным центром СК. Это стало возможным прежде всего потому, что из всех суффиксов, участвующих в словопроизводстве имен существительных со значением отвлеченного признака, только суффикс -ост практически не имеет ограничений в выборе типа производящих основ. Он легко сочетается с любыми основами, независимо от их производности и строения контактного сегмента. Остальные суффиксы сочетаются только или преимущественно с непроизводными основами. Но самым главным фактором, способствовавшим беспрецедентной активности СТ с суф. -ост, было использование им семантического потенциала параллельных словообразовательных категорий.

Поясним сказанное с помощью таблицы, на которой представлены наиболее активные словообразовательные типы имен качества, эксцерпированных из «Сербского словаря» (1818) В. С. Караджича, и их производящие основы¹. Последние делятся на простые (заштрихованная часть) и производные.

Таблица 2.

Непроизводные основы	Производные адъективные основы					
	-ан/-јан	-ак	-ен	-о > -л	-љив	не-
16	9	4	1	3	1	2
-ин(а)						
-от(а)						
-оћ(а)						
	-ост					

Из таблицы следует, что простые основы являются общими одновременно для нескольких изофункциональных словообразовательных типов: с суф. -ина, -ота, -оћа и -ост (все они находятся в границах заштрихованного пространства), в то время как структурно неоднородные, производные основы сочетаются исключительно с суф. -ост. Отметим, что состав последних, выявленный на основе обследования эксцерпций первого издания (1818) «Сербского словаря», довольно разнообразен, несмотря на их малочисленность.

¹ Подсчеты проведены на основе эксцерпций из словаря (1818) В. С. Караджича (Г. Т.).

¹ Pavlović M. Saradnja Vuka Stefanovića Karadžića na Terminološkom rečniku iz 1853. god. // Filologija (Zagreb). — 1963. — № 4. — С. 139.

² Кашић Ј. Оп. cit., С. 147.

³ Jović D. Razvoj srpskohrvatskog književnog jezika u XX veku // Књижевност и језик 1988, № 1. — С. 33.

Это адъективы с контактными сегментами: *-ан/-јан* (*непокоран* > *непокорност*; *задовољан* > *задовољност*), *-ен* (*безазлен* > *безазленост*), *-ол-л* (*светао* > *светлост*), *-љив* (*немарљив* > *немарљивост*). Общей семантической особенностью производящих основ, представленных в обеих частях таблицы, является *статичность* выражаемого признака. С этой точки зрения все они равноценны: и те, и другие выражают именно *статичный* признак. Статичный признак выражают и производные от них имена качества, зафиксированные в «Сербском словаре» (1818) В. С. Караджича. Можно сделать и более широкое обобщение: именно *статичность* была характерной семантической особенностью *диалектной* СК отвлеченного признака. Активизация словообразовательного типа с суф. *-ост* в новом сербском литературном языке была обусловлена не механическим увеличением типов производящих основ со значением статичного признака и даже не контактной «неприхотливостью» суф. *-ост*, а вовлечением в процесс словопроизводства качественно новых производящих основ — глагольных прилагательных, особенностью которых был больший семантический диапазон: они могли выражать одновременно не только признаки, но и *процессы*. Способность совмещать свойства прилагательного и глагола передавалась также дериватам на *-ост*, оказавшимся одним из наиболее востребованных разрядов единиц, особенно в сфере специальной номинации.

Оживлению процессуальных имен на *-ост* дал импульс и сам В. С. Караджич. Работая над переводом Нового Завета, он создал довольно большую группу глагольных прилагательных с суф. *-љив*: *грабљив*, (*не*)*иститљив*, (*не*)*истражљив*, (*не*)*осјетљив*, (*не*)*поколебљив*, (*не*)*примирљив*, (*не*)*разумљив*, (*не*)*родљив*, *опадљив*, *поучљив*, *празноговорљив*, *преварљив*, *распадљив*, *пропадљив*, *свадљив* (15 лексем). Эти авторские неологизмы существенно пополнили фонд реальных производящих основ СТ с суф. *-ост*. Тем самым В. С. Караджич стимулировал развитие одной из самых продуктивных и востребованных в литературном языке словообразовательных моделей, репрезентанты которой могли выражать процессуальность, оставаясь при этом в семантическом поле качественного признака.

Введение в словопроизводство глагольных производящих основ на *-љив* способствовало выведению СТ с суф. *-ост* из связанного состояния, в каком он пребывал в диасистеме, активному включению его в процессы номинации. С помощью новой модели был создан солидный инвентарь терминованной и специальной лексики для широкого спектра научных дисциплин, который непрерывно пополняется и в настоящее время. Приведем несколько характерных примеров, эксперпированных из обратного словаря Й. Матешича¹: физ. *жижљивост*, (*не*)*растежљивост*, (*не*)*растегљивост*, (*не*)*стегљивост*, (*не*)*гибљивост*, (*не*)*горљивост*, (*не*)*сагорљивост*, *топљивост*, *сипљивост*, *шкрипљивост*, (*не*)*ломљивост*; экон. (*не*)*опорежљивост*, *увожљивост*,

ност, (*не*)*пресушљивост*; юр. (*не*)*доказљивост*, *неоповргљивост*; мат. *умножљивост*, (*не*)*измерљивост*, *бројљивост*; хим. (*не*)*растворљивост*; пищ. *бродљивост*, *хранљивост*; тех. (*не*)*расклопљивост*; метеоролог. (*не*)*видљивост*; сельскохоз. *родљивост*, *обрадљивост* и т. д.

Данная модель оказалась также весьма продуктивной при образовании номинативных единиц, связанных с поведенческим, психологическим, нравственным и деятельностным портретом человека. Ср.: *дарежљивост* 'щедрость', *брижљивост* 'заботливость', *пажљивост* 'внимательность', *подругљивост* 'насмешливость', *гадљивост* 'брезгливость', *жуљивост* 'желчность', *злобность*, *плачљивост* 'плаксивость', *причљивост* 'болтливость', *ранљивост* 'ранимость', *уклонљивост* 'уклончивость', *уступљивост* 'уступчивость', *дирљивост* 'трогательность', *непомирљивост* 'непримиримость', *осветљивост* 'мстительность' и т. д.

Таким образом, в пределах стилистически одномерной гомогенной макроединицы деривации получает развитие один из периферийных СТ, опирающийся на новую разновидность производящих основ. Сначала В. С. Караджич своей собственной практикой, а затем несколько поколений писателей, ученых, переводчиков, специалистов-практиков сделали эту словообразовательную схему живым источником обогащения сербской лексики.

Состав производящих основ, используемый СТ с суф. *-ост* в новом литературном языке, продолжал стремительно расти. В словопроизводство включаются различные по структуре и семантике производящие основы, содержащие суффиксальные сегменты *-ан* и *-ен*. Среди них выделяется группа основ, репрезентантами которой являются производные качественные прилагательные, отличающиеся от основ, зафиксированных в «Сербском словаре», более сложной структурой и семантикой. Они составляют открытый, практически неограниченный для пополнения словообразовательный ряд. Наряду с глагольными прилагательными на *-љив* (*-ив*) наращивает мощность одна из разновидностей *глагольных* дериватов — страдательные причастия с суффиксами *-ан* и *-ен* (в «Сербском словаре» (1818) они представлены единственным примером, см. таблицу). Образованные от них имена отвлеченного признака также совмещали семантические особенности двух частей речи — глаголов и прилагательных. Обладая большой востребованностью, они быстро заполняли лакуны номинативного фонда новоштокавской диасистемы. С их помощью постепенно выстраивались мощные современные сербские (и хорватские) терминосистемы самых различных теоретических и прикладных научных дисциплин. К этим производящим основам присоединились и многочисленные заимствованные прилагательные, входящие в новоштокавскую грамматическую диасистему с помощью суффикса *-ан* (типа *активан*, *актуелан*, *аморалан*, *анониман*, *виталан*, *апсурдан*, *дуалан*, *эластикан*, *электричан*, *идентичан*, *гравидан*, *индивидуалан*, *интиман*, *интензиван*,

¹ Matešić J. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Lieferung 4. — Wiesbaden: 1967.

криминалан, луцидан, пасиван и т. д.)¹. Тождество контактного сегмента производящих основ двух типов — исконной и заимствованной, приводило к автоматизму их стыковки с суф. -ост.

Благодаря адаптации новоштокавской диасистемой заимствованных прилагательных на -ан сербский литературный язык получил неограниченный источник пополнения резерва производящих основ имен качества с суф. -ост. Это еще больше укрепило его позиции в качестве монопольного суффиксального центра СК отвлеченного признака.

Заимствованные прилагательные на -ан являются одновременно производящей базой и для заимствованных СТ, в частности, имен существительных с суф. -итет, живого, постоянно пополняющегося разряда сербской отвлеченной лексики. Так, современный литературный язык приобрел значительный фонд семантических дублетов с общими производящими основами — гибриды с суф. -ост и заимствования на -итет (ср.: анониман: анонимност — анонимитет; апсурдан: апсурдност — апсурдитет; бестијалан: бестијалност — бестијалитет; гравидан: гравидност — гравидитет, реципрочан: реципрочност — реципроцитет и т. д.). Новоштокавская диасистема адаптировала широкий пласт иностранной по происхождению терминологии, весомую часть которой составляют именно гибриды с суф. -ост и заимствованные лексемы на -итет. Приток последних не ослабевает. В ряде случаев отмечается стилистическая (а иногда и субстандартная) дифференциация дублетов, характерная для новейшего времени. Примечательно, что заимствованные единицы на -итет не обретают гибридных дублетов с суф. -ост при отсутствии у них в языке-реципиенте однокоренных прилагательных с сегментом -ан. Таковых, в частности, не имеют заимствованные существительные афинитет, контигвитет, амбигвитет, антиквитет, боитет, морталитет, нобилитет и др., функционирующие без дублетов на -ост.

Характеристика заимствованных производящих основ данного типа была бы не полной, если бы мы не отметили еще одну, соотносительную с ними заимствованную модель — на -изам. Вообще, «европеизмы» на -изам имеют широкий спектр значений, но среди них выделяется семантическая группа, близкая к исследуемым нами именам качества. Ее легко выделить и по семантике, и по общности производящей основы с упомянутыми выше дублетными моделями на -ост и -итет. Вместе с ними заимствования на -изам образуют словообразовательные «триады», цепочки, состоящие из трех членов (напр., активитет — активност — активизам; актуалитет — актуалност — актуализам; аморалитет — аморалност — аморализам; виталитет — виталност — витализам; дуалитет — дуалност — дуализам; экстремитет — экстремност — экстремизам и т. д.).

Группа имен качества на -изам также пополняется в современном языке новыми единицами, которых еще нет в сербско-хорватских словарях иност-

ранных слов. Приведем один из свежих примеров: *Савски венац је сачињен од две крајности, закључила је градоначелница; с једне стране се налази богатство, салонизам, а с друге грађани који живе на социјалном дну* [Политика, 29.06.2001.]. Там же читаем: *«Елитизам и сиромаштво»* (заголовок) [Политика, 29.06.2001.].

В результате пересечения у заимствованных производящих основ сразу трех суффиксов -ост / -итет / -изам — в суффиксальном центре исследуемой СК в современном литературном языке возник очаг конкуренции. Однако нет сомнения в том, что ведущая позиция сохранится за СТ с общеславянским суф. -ост, поскольку его монопольность поддерживается участием не только заимствованных, но и исконных, и инославянских производящих основ, численность которых в совокупности несравненно выше, а сфера функционально-стилистического «приложения» шире и разнообразнее.

Современная языковая ситуация способствует дальнейшему развитию исследуемого нами разряда единиц. Сегодня вновь переосмысливается и «переоткрывается» история сербского литературного языка, смягчаются оценки в адрес оппонентов В. С. Караджича, что не может не отразиться на языковых вкусах. Употребительны имена качества разного происхождения: и гонимые некогда композиты церковнославянского происхождения, и забытые русизмы, и европеизмы, и турцизмы, и заимствования из английского языка. Несмотря на то, что языковое развитие не во всем совпадает с развитием общества, тем не менее, социальные потрясения оставляют в нем свой след: восстановление международных контактов, обновление связей с соседними этносами, имплементация норм международного права в национальное законодательство, оживление экономической и культурной жизни, стремительное развитие старых и новых терминосистем являются мощными факторами языкового творчества. Они непосредственно воздействуют на развитие, динамизацию и магистральность исследуемой нами словообразовательной категории.

Литература

1. Басай М. Формирование языковой нормы у славян в эпоху национального возрождения // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII – XIX вв. — Москва: Наука, 1990. — С. 252 – 261.
2. Вујаклија М. Лексикон страних речи и израза. — Београд: Просвета, 1980. — 1051 с.
3. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 432 – 443.
4. Караџић В. С. Српски рјечник (1818). Сабрана дела Вука Караџића. Књ. II. — Београд: Просвета, 1966. — 272 с.
5. Караџић В. С. Српски рјечник (1852). Сабрана дела Вука Караџића / приредио Јован Кашиић. Књ. XI/1. — Београд: Просвета, 1986. 854 с.; Књ. XI/2. — Београд: Просвета, 1987. — 1906 с.
6. Кашиић Ј. Трагом Вукове речи // Чланци и расправе. — Нови Сад: 1987.

¹ Вујаклија М. Лексикон страних речи и израза. — Београд: Просвета, 1980. — 1051 с.

ТРАДИЦІЇ ЛЮДЕЙ МОРЯ ЯК ВАЖЛИВІ ЕЛЕМЕНТИ ЗАГАЛЬНОЇ МОРСЬКОЇ КУЛЬТУРИ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЛЬСЬКОЇ СУДНОПЛАВНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ)

О. А. Войцева (Одеса)

Порівняно з іншими виробничими групами у свідомості представників морської культурної спільноти, що знаходяться в контакт з морем, протягом віків формуються специфічні уявлення про навколишню дійсність.

Поняття морської культури входить до загального поняття культури як сукупності матеріальних і духовних цінностей, створених людством протягом його історії. Цей термін отримав поширення з кінця XIX ст. у працях антропологів, етнографів, соціологів, зацікавлених проблемами впливу людей моря на формування культури і цивілізації. Морська культура досліджується з точки зору активності людини в підпорядкуванні засобів географічного середовища з метою задоволення власних потреб, а її виділення як окремого культурного комплексу пов'язане з суттєвими аспектами, притаманними морській дійсності. До них належать: 1) море "як культуротворчий чинник і стимулятор культури", адже стихія моря становить 72% земної кулі і відіграє особливе значення у вихованні людей, які з ним контактують: „może wychowuje w znacznie większym stopniu niż ląd”; 2) люди моря як територіальні і професійні угруповання; 3) тип активності, сформованої під впливом фізичного або психічного контакту з морем: “żywił morza nie jest ani wrogi, ani przyjacielski, ale bezwzględny i wymaga od marynarza całego napięcia jego uwagi, żeby nie został pokonanym”; 4) процеси і винаходи, пов'язані з діяльністю людини на морі, у зв'язку з морем або під його впливом [1, с. 8]. Важливими наслідками цієї діяльності є морські традиції і звичаї, які знайшли відображення в корпусі польського морського лексикону.

Для семантичної інтерпретації лексичного матеріалу, пов'язаного із сферою мореплавання, цінною є епістемологічна концепція фаз розвитку матеріальної культури у зв'язку з джерелами енергії і характерними засобами сировини: еотехнічна – “система води і дерева”, палеотехнічна – система вугілля, заліза і водної пари, мезотехнічна – система електроніки, космонавтики, внутрішнього згоряння, неотехнічна – розвиток електроніки, космонавтики, ядерної енергії, штучних матеріалів, тенденція до гуманізації техніки. Слід зазначити, що у період еотехнічної фази – будівництва вітрильних водних споруд (до 40 рр. XIX ст.) – закладаються основи загальноморських традицій.

Універсальність морської культури має екзистенціальні, географічні, екологічні і історичні основи. Внутрішній контекст її модифікує традиційні культурні елементи, сприяє виникненню специфічних структур, а зовнішній у зв'язку з якістю контактів, їх напруженістю, відношеннями між ними на рівні ді-

7. Майков А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. — М., 1857.

8. Майков А. А. Историја српскога народа. Написао А. Мајков. С рускога прев. Ђ. Даничић. — Београд, 1858.

9. Михајловић В. Посрбице од Орфелина до Вука. I том (Б-О). — Нови Сад: Матица српска, 1982.

10. Михајловић В. Посрбице од Орфелина до Вука. II том (П-Ш). — Нови Сад: Матица српска, 1984.

11. Нецименко Г. П. и др. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. — М.: Наука, 1994. — С. 93 – 126.

12. Петрановић Б. Место предговора // Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Österreichs / Von der Comission für slavische juridisch-politische. Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Separat-Ausgabe. — Wien: Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1853. — С. XI–XII.

13. Стејух Ј. Српски правопис. Сачинио и по закљученијама Друштва уредно садашњи његов подпредседатељ Јован Стејић. — Гласник Д.С.С., IV, 1852.

14. Толстой Н. И. Язык и культура // Zeitschrift für slavische Philologie, 1990, Bd. I, N. 2.

15. Тяпко Г. Г. О влиянии культурного кода языка на структуру номинативных единиц (На материале русских nomina abstracta и их сербских эквивалентов в переводах Дж. Даничича) // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры: Выпуск посвящен памяти академика Никиты Ильича Толстого. — М.: Изд-во «ИНДРИК», 1999. — С. 183 – 202.

16. Шнем Г. Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. — М.: 1989.

17. Jović D. Razvoj srpskohrvatskog književnog jezika u XX veku // Књижевност и језик 1988, № 1.

18. Matešić J. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Lieferung 4. — Wiesbaden: 1967.

19. Pavlović M. Saradnja Vuka Stefanovića Karadžića na Terminološkom rečniku iz 1853. god. // Filologija (Zagreb). — 1963. — № 4. — С. 139.

20. Selimović M. Za i protiv Vuka. — Beograd: BIGZ, 1967. — 136 с.

21. Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Österreichs // Von der Comission für slavische juridisch-politische Terminologie. Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Separat-Ausgabe. — Wien: Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1853. — XIV+694.

хронії і синхронії утворює специфічні умови для розвитку ендо- і екзогенних культурних елементів, творення нових культурних якостей, специфічних рис ментальності людей моря.

Внаслідок поєднання таких факторів, як вплив природного середовища особливого типу, виконувана діяльність, суспільно-морський колектив утворює ієрархічну організаційну структуру, яка належить до закритих інститутів і призначена для виконання членами морської спільноти окреслених ролей [7, с. 53]. Специфіка морського фаху полягає, зокрема, у тому, що моряки на судні працюють не тільки в години вахти, але готові до виконання праці під час усього рейсу. Така організація життя на судні, а також необхідність тривалого перебування в однаковому колективі накладає відбиток на характер людей моря, формує такі риси, як замкненість, стійкість, твердість тощо. У морському колективі маніфестується переконання про спеціальні нахили до морської спеціальності, а зразком виступає стереотип “морського вовка” — старого моряка, самотнього, загартованого у боротьбі з долею („wilk morski” „potoczne określenie doświadczonego, starego marynarza, znającego doskonale i kochającego morze oraz swój zawód”) [MSM, с. 250, 262].

Безпосередній і довготривалий контакт людини з морем спричиняється до виникнення спеціально орієнтованої картини світу, притаманній будь-якій соціопсихологічній одиниці — нації, етносу, соціальній або професійній групі, окремій особистості, яка відображає знання людей моря про навколишню дійсність, наївні і наукові поняття, у тому числі такі, що позначають морські традиції [5, с. 127]. Як наслідки свідомої діяльності людини спеціальний образ світу знаходить відображення у морському лексиконі, здавна відомому вузькому колу спеціалістів, оскільки вивчення субмови певної професії передбачає входження до “магічного кола майстрів даного фаху” [8, с. 5]. Сучасна людина, зокрема фахівець в галузі морської справи, є носієм: 1) культури малих соціальних груп, членом якої він є; 2) національної культури, з якою пов’язані рідна мова, образ життя, характер соціалізації; 3) елементів інших культур і світової культури, з якими пов’язані знання інших мов, використання засобів масової інформації, читання зарубіжної літератури тощо [2, с. 115].

Внаслідок контактування “морських народів” (суспільств певних культурних кіл) у процесі суспільної практики з особливим природним середовищем, у суспільно-фаховому морському колективі впродовж віків склалися традиції і звичаї, що вмістили досвід, погляди, смаки, норми поведінки, загальноприйняті правила, які передаються наступним поколінням моряків. Як важливі елементи морської культури, морські традиції впродовж віків модифікувалися, розвивалися, їх дотримання стало сьогодні обов’язковим для всіх людей моря, вони утворили своєрідний морський кодекс.

Позамовні дані, які становлять основу морських традицій, відбиваються у мовленні морських суспільно-фахових угруповань. Воно кваліфікується вченими неоднозначно: як соціодіалект, англ. *sociolect*, *social dialect*, пол.

gwara środowiskowa „odmiana języka uznana przez inne grupy społeczne „za gorszą” na podstawie stereotypowej oceny niektórych charakterystycznych cech” або професіолект, пол. *gwara zawodowa* „odmiana zawodowa języka”. Термін “професіолект”, що, на наш погляд, більш точно відображає специфіку даної субмови, поділяється на такі різновиди: побутовий, з яскраво вираженою експресивністю лексичних засобів, і офіційний, представлений термінологією — “систематизованим зібранням лексичних засобів (термінів) даної галузі знань або даної професії” [7, с. 65 – 67].

Між побутовим і офіційним професіолектом відбувається постійна взаємодія, напр.: окремі назви загальноморських традицій втрачають конотацію і входять до морської термінології польської мови (лексичного прошарку, який обслуговує морську справу, пов’язаний з судноплаванням як науково-технічною галузю), а також вживаються у польській науково-популярній, публіцистичній і мариністичній літературі [12, с. 45].

Слід зазначити, що “серед польських племен тільки кашуби (найсхідніші рештки балтійських західнослов’янських племен (X–XII вв.) не втрачали впродовж усієї історії стику з морем і судноплаванням” [1, с. 12]. У XVI – XVII ст. польські королі намагаються створити на Балтійському морі військово-морський флот, вдало використовують каперську систему (про що свідчить перемога над шведами у битві під Оливою (1627 р.). Але з XVIII ст. Польща втрачає Помор’я і Гданьськ, а після повернення “на рубежі Пястів” протягом XX ст. важливим суспільним завданням для польської держави стає зміна “польської сухопутної психіки”, підготовка морських кадрів, нормалізація морської термінології, а у зв’язку з зародженням польського військового і торговельного флоту морські традиції поступово отримують поширення в Польщі. Спочатку їх носіями є моряки, що плавали на флоті інших країн (Д. К. Коженевський, М. Заруський та ін.).

На сучасному етапі Польща є однією з країн Балтійського регіону, які готують високопрофесійні морські кадри. Слід зазначити, що Балтійське море становить 528 км (14,4%) кордону Польщі, морське господарство країни утворюють: суднобудівництво (суднобудівні і судноремонтні верфі Щецина, Гдині, Гданьська), морський транспорт (у 1999 р. польські арматори мали 149 суден, 40, 9% від загальної кількості водних споруд плавали під прапором Польщі), морське рибальство.

У сфері сучасної польської морської термінології, що має чітко окреслені лексико-тематичні групи (назви плавальних засобів, архітектури судна, теорії судна, навігації, лоцї, морехідної астрономії, суднових механізмів тощо), слова і словосполучення, які позначають морські традиції, утворюють окрему підгрупу, номінації якої називають явища і реалії позамовної дійсності, мають чітко виражений “культурний характер”, а встановлення їх семантики без знань в галузі морської культури в широкому розумінні цього слова виявляється досить складним [3, с. 18].

Із сфери функціонування у сферу фіксації та закріплення в польських морських енциклопедичних і термінологічних словниках перейшли назви основних морських церемоній (*położenie stępki, chrzest statku, wodowanie, próbny rejs, dziewiczy rejs*), звичаїв (*chrzest równikowy*), у тому числі номінації, які позначають традиції у військово-морському флоті (*ronda wieczorna, świst trapowy*).

Більшість з них — це словосполучення, що виникли на основі однослівних, родових номінацій. Постійний порядок складників, утворений шляхом приєднання залежного компонента або атрибутивно-субстантивним порядком слів, дає підставу кваліфікувати їх як терміносполучення. Компоненти словосполучень зазнали термінологізації: відбулася їх інтеграція, збіг з окресленим спеціальним поняттям, яке вони позначають у фахових текстах [4, с. 49 – 50].

Частина з розглядуваних назв із занепадом вітрильного флоту і розвитком прогресу у морській справі застаріла: *powieszenie na rei* “повішання на реї” „*stosowana w dawnych czasach kara wobec piratów, zbuntowanych marynarzy lub wobec marynarzy za popełnienie zabójstwa na pokładzie*”; *przeciąganie pod stępka* дослівно “протягання під кілем” „*kara dla marynarzy za naruszenie regulaminu okrętowego lub inne wykroczenia. Jedną linę wiązano do nóg karanego, drugą do rąk i rzucając od dziobu przeciągano wielokrotnie pod dnem okrętu*”; *bić „szklanki”* “бити склянки” „*szybkie, równomierne uderzenia w dzwon okrętowy odmierzające czas co pół godziny*”) [MLM, с. 218 – 219; 223; 267].

Найдавнішими серед морських традицій вважаються церемонії, пов’язані з будівництвом водної споруди та спусканням її на воду: *położenie stępki* “закладання судна” “*rozpoczęcie budowy statku przez położenie na blokach stępkowych pochylni stoczniowej pierwszego, środkowego arkusza blachy dna*”; *chrzest statku* “хрещення судна” „*uroczyste nadanie nazwy nowemu, wodowanemu statkowi, odbywa się w stoczni, przeważnie z odegraniem hymnu narodowego; matka chrestna wypowiada słowa: „płyn po morzach i oceanach, sław imię polskiego stoczniowca*”; *wodowanie* “спускання на воду” „*spuszczanie nowo zbudowanego kadłuba statku z pochylni na wodę lub wyprowadzanie z suchego doku związane z uroczystością nadania nazwy statkowi*” [MLM, с. 213, 46; 300; 252; 10, 17].

Ритуал закладання судна означає початок формування корпусу водної споруди. За традицією під щоглою в давніх часах вміщували золоті монети, на сучасному етапі до металевої кишені закладної секції кладуть закладну дошку з текстом, який містить назву судна, дату його закладання та ін. [МЭС, т. 1, с. 448].

Вірогідно, що церемонія спускання на воду корабля була відомою стародавнім єгиптянам, оскільки опис подібної церемонії (спускання на Нилі корабельського судна) містять єгипетські ієрогліфи з 2100 р. до н. е.

Традиція вважати корабель живою істотою йде від давніх греків, які вірили, що, як людина, він може розмовляти, має свідомі очі і навіть душу.

Цікаво, що в сучасній польській морській термінології моряк, який обстежує обрій, *stoi na oku* “тобто в тому місці, де на зовнішній стороні бортів прадавніх водних споруд були намальовані очі; *oko* „*wachta pełniona w warunkach ograniczonej widoczności; ustawiony na dziobie marynarz, który w czasie złej widoczności melduje o przeszkodach żeglugowych i o wszystkim, co widzi od lewego do prawego trawersu w kierunku dziobu*”: *Wieczorem wychodzimy na pokład i obejmujemy służbę. Mnie przypadło „oko”* (Balcerak, *Oczami marynarza*) [с. 6, 20 – 21; MSM, с. 154; MLM, с. 187].

Упродовж сотні років церемонія хрещення судна мала виключно релігійне значення, оскільки давні мореплавці були в постійній небезпеці, залежності від природних сил, таємничої, грізної стихії моря, і тому хотіли поєднати природні сили і прихильність богів, які в розумінні давніх людей кедували світом. Рідини, що застосовувались під час обряду хрещення, були символом очищення і благославлення. Давні греки і римляни вживали для хрещення судна воду, а також вино як символ успіху, інші народи вважали дійовим способом принесення в жертву богам людську кров (норвежці, вікінги).

З розвитком цивілізації змінюються і морські звичаї. Напр., в XVI ст. в Англії морське хрещення було величною церемонією, що відбувалася за участю королів, які вносили тост і пили вино з золотого або срібного кубка, який потім викидали за борт.

Звичай розбивати шампанське під час спускання судна на воду був введений в 1789 р. у Франції, а згодом поширився, став популярним і в інших країнах, зокрема в Польщі. Спускання судна на воду і його хрещення відбуваються за участю хрещеної матері, яка надає водній споруді ім’я за встановленими в Польщі критеріями, напр.: рибальські судна мають назви зодіаку, астрономічних тіл, танкери – назви гір, суховантажні судна – назви польських областей і міст, королів, видатних діячів, траулери – назви морських і океанічних риб, каботажні судна – жіночі імена тощо. Потім судно випробують у пробному рейсі, відправляють у перші рейси: *próbny rejs, dziewiczy rejs* „*pierwsza morska podróż statku po wodowaniu i próbnym rejsie*” [MLM, с. 62].

Урочистість з приводу спускання на воду першого польського морського рудовозу „*Sołdek*” відбулася 6 листопада 1948 р.: *Chrztu statku dokonała żona trasera, Helena Sołdkowa. 24 września 1949 r. s/s/ „Sołdek” wyszedł w swój próbny rejs. Dowodził nim kpt. ż.w. Zbigniew Rybiański, absolwent czeskiej Państwowej Szkoły Morskiej. Pierwszy rejs „Sołdka” był wydarzeniem na miarę państwową. Pisała o tym cała polska prasa (Wiadomości Gdynskie, 2001, № 4).*

Церемонія морського похорону (*pogrzeb morski* „*pochowanie zwłok zmarłego na morzu; ciało zaszyte w płótno, obciążone balastem i przykryte banderą, umieszcza się na desce wspartej na nadburciu i po odprawieniu krótkiej ceremonii pożegnalnej na zastopowanym statku oddaje się salut syreną okrętową i opuszcza się banderę równocześnie przechylając deskę, tak, aby ciało zsunęło się za burtę*”)

є також одним із давніх обов'язкових морських обрядів, якого дотримувались люди моря. Відомо, що у вікінгів зобов'язував звичай ховати в морі померлих вождів, навіть якщо вони помирали на суші. В XVI – XIX ст. у церемоніалі морського похорону брала участь вся команда судна. У наш час ця традиція стає архаїчною.

Особливі почуття, що виникають у моряків до водних споруд, на яких вони плавають, виявляються у новому ритуалі — **pożegnanie statku** “прощання з судном”. Напр., 30 березня 1971 р. в Гдині відбулося прощання з польським пасажирським судном “Batory”: Ponura pogoda oddawała nastrój, jaki panował w sercach zebranych Polaków, kiedy statek opuszczał Gdynię po raz ostatni. Jak dawniej była orkiestra, były holowniki, potrójny ryk syren, tłum żegnających i łzy. Tylko na pokładzie tym razem nie było żadnego pasażera (Akademicki Kurier Morski, 2001, № 27).

Популярним традиційним морським звичаєм є **chrzest równikowy** “хрещення на екваторі” „звичайову обряд мари́нарський полегajúcy на подданіu osoby przekraczajúcej równik różnym zabawnym zabiegom przy udziale marynarzy przebranych za króla mórz Neptuna, jego żonę Prozerpinę, syreny, trytony, diabły; nadawane jest też ozdobne świadectwo tego chrztu”) — предствлення богу морів Нептуну людей, що вперше перетинають екватор. Виникло морське хрещення, очевидно, в епоху географічних відкриттів, коли перші європейські мореплавці (португальці, іспанці) шукали нових шляхів до Індії. Назва його та форма викликають асоціації з релігійним хрещенням (**chrzest** „obrzędek nadania imienia i przyjęcie ochrzczonego do grona wyznawców”): неofітів кроплять посвяченою водою і надають імена, проте використання античних мотивів свідчить про світський характер даної церемонії [MLM, с. 46]. Цей жартівливий ритуал допомагає морякам зняти психічну напругу, стресові ситуації, що виникають на судні.

Вперше польський учбовий вітрильник „Lwów” перетнув екватор у 1923 р.: W chwili przecięcia równika na okrzyk nawigatora „znaczy równik na rumbie”, parodiujący komendy przez kpt. Mamerta Stankiewicza, rozpoczęto ceremonię zgodną z obowiązującym rytuałem. Neofici porwani przez oblicze Neptuna otrzymali solony chrzest przypieczetowany wręczeniem stosownych certyfikatów mianujących ich wilkami morskimi (Akademicki Kurier Morski, 1998). Традиція хрещення на екваторі має спеціальний сценарій, пор.: **опис даної церемонії на польському судні „Horyzont II” 28 листопада 2000 р.:** Kiedy już Neptun zasiadł na tronie, dzierząc przy tym słusznych rozmiarów trójząb, do rzeczy przyszedł Tryton i wyjąwszy pergamin, na którym imiona neofitów spisane były, począł ich kolejno wzywać. Nie zabrakło w świetle Neptunowej i asrologusa, który głós pospołu z Trytonem zabierał, a wyroki gwiazd i panowanie Neptuna nad statkiem potwierdził, i fachowej ręki medyka i towarzyszczącego mu pielęgniarza, który higienę neofitów wstępnie ocenił... Охрещеним членам екіпажу видали диплом з таким змістом: „Ja, Neptun, król wszystkich mórz i oceanów, czynię wiadomym wszem i wobec i każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć należy, że:

(tu nastepowato ziemskie imię neofity) na korabiu s.b.s. „Horyzont II” aequator przepłynął i obrządków i chrztu morskiego przez zanurzenie w aqua atlantici poddan był i imieniem (nadanym, które tu zastępować miało, a zazwyczaj od stworzeń morskich pochodziło) nazwan, stwierdziliśmy ex officio przez ten obrządek zdolność do żeglugi tegoż, nakładam na niego obowiązek czci honor marynarza i nieść pomoc bliźniemu w każdej potrzebie po wsze czasy” (Akademicki Kurier Morski, 2001, № 27).

Частина словосполучень позначає назви загальноморських традицій, розповсюджених у військово-морському флоті: **świsł trapowy** дослівно “свіст на трапі” „oddanie honoru na gwizdku bosmańskim przez marynarza trapowego oficerom przybywającym na okręt wojenny lub opuszczającym go”; **ronda wieczorna** “вечірній обхід” „obchód okrętu wojennego, wykonywany codziennie wieczorem przez zastępcę dowódcy okrętu wspólnie z bosmanem okrętowym i podoficerem ewidencyjnym w celu sprawdzenia na okręcie stanu bezpieczeństwa” [MLM, с. 275].

У польському флоті виникла власна морська національна традиція, що має назву **zaślubiny Polski z morzem** “заручини Польщі з морем” — церемонія на честь повернення Польщею морських кордонів. Вперше „заручини” відбулися 10 листопада 1920 р. в м. Пуцьк, коли командуючий поморським фронтом генерал Ю. Галлер кинув у море обручку, “by po wsze czasy Polska panowała nad Bałtykiem” [MLM, с. 309]. Від тоді кожного року відбуваються річниці символічних заручин Польщі з морем.

Давні морські традиції і звичаї зберігаються в суспільно-фахових колективах людей моря, зокрема в гроні польських моряків. Регулярне використання польськими фахівцями в галузі морської справи у професійному спілкуванні словосполучень і номінацій, що позначають морські традиції, дає підставу кваліфікувати їх як відтворювані мовні одиниці окремої підгрупи морської термінології. Семантика цих назв зумовлена зв'язками зі співвідносними поняттями, які побутують у загальній сфері морської культури. Сформовані в середовищі осіб, яких об'єднує спільна професія, дані назви є важливими елементами міжкультурного спілкування носіїв морських традицій.

Література

1. Горбач О. Українська морська й судноплавна термінологія // Горбач О. Лексикографія і лексикологія: Зібрані статті. — Мюнхен, 1992. — С. 3 – 29.
2. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. — М.: Русск. яз., 1980. — 253 с.
3. Кочерган М. Сопоставительная семантика: идеи, проблемы и методы // Съпоставително езикознание. Списание на Софийския ун-т «Св. Климент Охридски», XXII. — 1997. — № 1. — С. 11 – 22.
4. Михайлишин Б. П. Усталеність як неодмінний показник складених термінів // Мовознавство. — 1999. — № 4 – 5. — С. 48 – 58.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. — М.: Аграф, 1999. — 381 с.

6. Brocki Z. Morze na oku: Historyjek z życia terminów morskich: Zb. drugi. — Gdańsk: Wyd-wo Morskie, 1964. — 227 s.

7. Kolodziejek E. Gwara środowiskowa marynarzy na tle subkultury marynarskiej. — Szczecin: Wyd-wo Naukowe Un - tu Szczecińskiego. Rozprawy i studia. Tom (CCXX) 146, 1994. — 140 s.

8. Łuczyński E. Polska terminologia morska I poł. XX wieku: Nazwy części jednostki pływającej // Zesz. nauk. Rozprawy i monografie. № 95. — Gdańsk: Wyd-wo Un - tu Gdańskiego, 1987. — 195 s.

9. Łuczyński E., Maćkiewicz J. Językoznawstwo ogólne: Wybrane zagadnienia. — Gdańsk: Wyd-wo Un - tu Gdańskiego, 1999. — 118 s.

10. Matki chrzestne statków / Pod red. E. Rusak. — Gdańsk: Marpress, 1998. — 316 s.

11. Ożdżyński J. Morska wspólnota kulturowa w świetle faktów językowych: Morfologia zapożyczeń w polskim słownictwie flisackim i żeglarskim. Prace monograficzne. Tom 105. — Kraków: Wyd-wo WSP, 1989. — 376 s.

12. Wawrzyńczyk J. Terminologia morska w leksykografii rosyjsko-polskiej i polsko-rosyjskiej // Przegląd morski. — 1985. — № 1. — S. 45 – 47.

Скорочения

МЭС – Морской энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. В. В. Дмитриева. — Л.: Судостроение, 1991. Том 1. — 504 с.

MLM – Grajewski J., Wójcicki J. Mały leksykon morski. — Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1981. — 317 s.

MSM – Furmaga L., Wójcicki J. Mały słownik morski / Pod red. E. Cimaszkiewicz. — Gdynia: Mitel International Ltd, 1993. — 266 s.

КОНЦЕПЦИЯ КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АДАПТАЦИИ РУСИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Йован Айдукович (Белград)

1. В 1997 году в рамках нашей монографии о русизмах в сербском (сербскохорватском) языке был опубликован первый контактологический словарь адаптации русизмов¹. Теоретическая часть *Словаря* основывается на теории языковых контактов и адаптации англицизмов в хорватском или сербском языке загребского профессора Рудольфа Филиповича², которую мы проверяли, переоценивали и дополняли.

2. В отличие от этимологических словарей, которые указывают на происхождение, первоначальное значение слов и этапы их последующего развития, контактологические словари указывают на последний контакт или на последние контакты в ряду заимствований. Поэтому на конференции, посвященной болгарскому языку в 1999 году (а также и на других конференциях)³, нами была предложена идея использовать в толковых словарях, словарях иностранных слов и контактологическом словаре вместо термина *этимологическая помета* термин – **контактологическая помета**. Данным термином подчеркивается неэтимологическая направленность упомянутых словарей, а измы рассматриваются как предмет контактологии.

3. Минимальной контактологической единицей на всех языковых уровнях является **контактема**. Первый раз понятие «контактема» упоминается в нашей статье о принципах контактологической идентификации русизмов в лексикографических источниках⁴. Например, в роли контактемы на фонологическом уровне выступают **контактофонема, контактографема, контактема распределения звуков, контактема ударения**, а на лексическом уровне — **лексический изм**. Контакттофонема — это фонема языка-адресата, участвующая в определенном языковом контакте. Русским фонемам в слове *агитка* (<a>, <г'>, <и>, <т>, <к>, <ъ>) противопоставляются сербские контактофонемы (<a>, <г>, <и>, <т>, <к>, <a>), а для их изображения на письме используются сербские контактографемы (а, г, и, т, к, а). В адаптации польских измов принимают участие иные контактографемы (*agitka*). В данном примере на уровне распределения согласных звуков выделяется контактема *тк*. Места ударения русской модели и сербского изма не одинаковы, т. е. для сербского языка характерна «свободная контактема места ударения». Под *лексическим*

¹ Айдуковић Ј. Русизми у српскохрватским речницима. Принципи адаптације. Речник, Београд, Фото футура, 1997.

² Filipović R. *Teorija jezika u kontaktu: uvod u lingvistiku jezičkih dodira*, Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti, — Zagreb, Školska knjiga, 1986; Filipović R. *Anglicizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku: porijeklo – razvoj – značenje*, Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti, — Zagreb, Školska knjiga, 1990.

³ Конференција «Български език през XX век», София, 1998 г.; Собрание славистов Србији с 1999 по 2002 г. и др.

⁴ Айдуковић Ј. Контакттолошки принципи идентификације русизама у лексикографским изворима. // Славистика VI — Београд, 2002, С. 108 – 115.

измом подразумеваем слова, сохранившие следы языкового контакта в виде звуковых, орфографических, морфологических, словообразовательных, семантических, лексико-стилистических и синтаксических особенностей.

4. Согласно «теории переноса» под понятием *русизм* подразумеваем 1) производные и / или производные слова русского происхождения, сохранившие сильную формально-семантическую связь с соответствующими русскими словами; 2) слова русского происхождения, утратившие вследствие адаптации почти полностью или частично формально-семантическую связь с соответствующими русскими словами, 3) слова нерусского происхождения, заимствованные русским языком (русский язык является языком-посредником); и, наконец, 4) слова русского или нерусского происхождения, заимствованные языком-адресатом через язык-посредник (в словацком языке языком-посредником в основном является чешский язык, в македонском — сербский и болгарский языки, в словенском — хорватский и чешский), причем они могут восприниматься носителями языка либо как исконная, либо как иноязычная лексика. С другой стороны, согласно «теории копирования и активации» под понятием *русизм* подразумеваем слова, имеющие минимум одну частично или полностью адаптированную контактему, возникшую под воздействием русского языка. Под *активацией* подразумеваем пополнение лексического состава языка-адресата старославянской и церковнославянской лексикой, которое протекает под сильным влиянием языка-источника.

5. Контактологический словарь русизмов относится к специальному типу лингвистических словарей, посвященных идентификации, адаптации и классификации русизмов. Они дают информацию о пути языкового заимствования, указывают на развитие русизма в языке и его семантику. Цель словаря может быть двоякой. С одной стороны, в словаре может быть представлен процесс адаптации русизмов на всех языковых уровнях, а с другой стороны, целью словаря может быть только идентификация русизмов. В первом случае речь идет о *контактологическом словаре адаптации*, а во втором — о *контактологическом словаре идентификации*¹.

6. Контактологический словарь адаптации русизмов в славянских языках основывается на теории адаптации русизмов (см. Ајдуковић, 1997)², а тип адаптации определяется благодаря двум ведущим контактологическим принципам. Согласно *первому принципу* — тип общей адаптации русизмов

определяется на основе наибольшего индекса адаптации на всех уровнях. Согласно *второму принципу* — тип адаптации русизмов определяется благодаря трехступенчатой формально-семантической эквивалентности русской модели и изма (выделяется нулевая, компромиссная и свободная адаптации).

КОНТАКТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ АДАПТАЦИИ РУСИЗМОВ

Сербский язык

А

АГИТКА б-д /агитка/, Ф2/4, Д0, им-ж, М0, С1Фм (РМС45); С0, ЛСА1, А1 (РСАНУ23)

агитка С, им-ж (СРЈАН24)

вар: агитовка (РМС45)

оп: рус. (РМС45); туђ. (РСАНУ23); (СРЈАН24: разг.); <*к(а) > -к(а)>; [слог: 2/1; знач.: 1/1]

□ песма или чланак написан ради агитације. (РМС45). □ песма, чланак или сл. којима је циљ аги-тација. (РСАНУ23)

АГИТПРОП б /агитпроп/, Ф2/4, Д0, им-м, М0, С0, ЛСА1, А1 (РСАНУ23)

агитпроп А, им-м (СРЈАН24)

оп: рус. (РСАНУ23); пол. (РСАНУ23); скраћ. (РСАНУ23); (СРЈАН24: скраћ.); <*П А>; [слог: посл/1; знач.: 1/1]

одељење за агитацију и пропаганду при политичким и другим организацијама. (РСАНУ23).

АДНАКОЛКА а /аднаколка/, Ф2/3, I, им-ж, М0, С2Фр, ЛСА1, А1 (ЛСРИ14)

одноколка С, им-ж (СРЈАН595)

оп: рус. (ЛСРИ14); <*к(а)>;

двоколица, цезе, лака кола на два точка, кабриолет; болничка кола на два точка за пренос рањеника у руској војсци. (ЛСРИ14). © * болничка кола <...> (ЛСРИ14).

АКАДЕМИЧЕСКИ е /академически/, Ф3/4, Д0, прид, М1, С1Н2-4м+С1Ф1м+С1Фр, ЛСА2, А2 (РСАНУ50)

академический С, прид (СРЈАН28)

оп: рус. (РСАНУ50); заст. (РСАНУ50); [слог: 4/3; знач.: 4/1]

в академски /36/, који је завршио академију /2/, обично војну или сликарску академију. (РСАНУ50). © С1н (#2: учебни; #3: следећи принцип академизма; #4: чисто теоретички, не затрагивајући проблем практици, оторвани от нее) + С1ф (#1: см. академия /1/) + С1ф (* који је завршио). (СРЈАН28).

АКТОВКА е-д /актовка/, Ф3/4, Д2, им-ж, М0, С1Фр, ЛСА1, А2 (РСАНУ61)

акт<3> I, (СРЈАН30); актовка (РСАНУ61)

¹Ајдуковић Ђ. О контактологическом словаре русизмов в польском, словацком и чешском языках // *Hungaro-Baltoslavica 2000, «Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений и идей»*, — Budapest, С. 13 – 17.

²Процесс фонологической адаптации русизмов называется *трансформизация*. На уровне слова различаем первую частичную, вторую частичную и свободную трансформизацию. Общий принцип словообразовательной адаптации русизмов называется *трансеминация*. В зависимости от степени совпадений словообразовательной основы и аффиксальной морфемы русского слова и русизма различаем три типа трансдеривации: нулевую, частичную и свободную. На морфологическом уровне понятие *трансформизация* указывает на адаптацию основной морфологической формы слова, а понятие *трансморфологизация* — на общий принцип адаптации морфологических категорий русизмов. Значение русского слова адаптируется процессом *трансеминации*. Она может быть нулевой, частичной или свободной. В рамках частичной трансемантизации различаем четырнадцать подтипов.

вар: *актовка* (РСАНУ61)
оп: рус. (РСАНУ61); лат. (ЛСРИ26); поз. (РМС60); [слог: 1/1; знач.: 1/1]

в. једночинка, драмски комад у једном чину; исп. акт /3/ (РСАНУ61). © # у једном чину. (РСАНУ61).

АНГЛИЈА в-д /Англија/, Ф2/4, I, им-ж, М0, С0, ЛСА2, А2 (РСАНУ118)

Англия I, им-ж (СРЈАН37)
оп: лат., рус. (РСАНУ118); заст. (РСАНУ118); [слог: 1/1; знач.: 1/1]

Енглеска. (РСАНУ118).

АНГЛИЈСКИ е /англијски/, Ф3/4, Д0, прид, М1, С0, ЛСА2, А2 (РСАНУ118)
английский С, прид (СРЈАН37)

вар: *англиски* (РСАНУ118)

оп: рус. (РСАНУ118); заст. (РСАНУ118); [слог: 2/1; знач.: 1/1]
енглески. (РСАНУ118).

АНГЛИЧАНИН б /Англичанин/, Ф2/4, Д0, им-м, М0, С0, ЛСА2, А2 (РСАНУ118)

англичанин С, им-м (СРЈАН37)

вар: *Англичанин* (РСАНУ118)

оп: рус. (РСАНУ118); заст. (РСАНУ118); [слог: 3/2; знач.: 1/1]
Енглеz. (РСАНУ118).

АПАРАТЧИК ц /апаратчик/, Ф2/4, Д1/1, им-м, М2, С1Н1м+С2Н1р, ЛСА1, (СЛСР49)

апаратчик С, им-м (СРЈО29)

оп: рус. (СЛСР49); <1. фиг.> (СЛСР49); (СРЈО29: 2. разг.); <*-чик -чик>;

□ <1> човек крутих навика, формираног у отуђеном бирократском апарату државе или партије (СЛСР49). □ <2> припадник чиновничко-управљачког апарата. (ЛСРИ62). © #1: рабочий, управляющий аппаратом, несколькими аппаратами /в 1 знач./ (СРЈО29).

АРМИЈА в-д /армија/, Ф2/4, I, им-ж, М0, С1Н2,4,5м+С2Ф3р, ЛСА1, А1(РСАНУ168)

дрмия I, им-ж (СРЈАН45)

вар: *армија* (РСАНУ168)

оп: рус. (РСКЈ18,1013); фр. (РСАНУ168); 3. фиг. (РСАНУ168); (СРЈАН45: фр.; 5. ~ кого.; 5. фиг.); [слог: 1/1; знач.: 5/3]

□ војска. (РСКЈ18). □ 1. целокупна војска једне земље. 2. војна јединица састављена од неколико корпуса односно дивизија и других мањих јединица. 3. велика маса, мноштво. (РСАНУ168). © #2: сухопутные вооруженные силы /в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил/. #4: в дореволюционной России: основная масса сухопутных войск, в отличие от гвардии не имевшая служебных привилегий. (СРЈАН45).

7. Основной единицей контактологического словаря является контактологическая словарная статья, в состав которой входят, с одной стороны, лексико-графическая информация из словарей, служивших базой для составления контактологического словаря, а с другой стороны в статье помещаются индексы и формулы контактологической теории. Под контактологической формализацией подразумеваем представление иноязычных слов в виде индексов и формул контактологической теории¹.

8. Контактологическая статья состоит из пяти частей. Четыре части дают основные данные о русизме, а пятая часть представляет русскую модель.

9. Заглавное слово печатается в начале словарной статьи с абзаца жирным прописным шрифтом. После заглавного русизма приводится помета *адаптации орфографии* (а, б, в, ц, е, г, д; б1, в1, ц1, е1, г1). В формировании орфографии русизма участвуют произношение русской модели (а), ее орфография (б, в; б1, в1), произношение в сочетании с орфографией (ц, ц1), орфография в сочетании со словообразовательно-морфологическими закономерностями языка-адресата (е, е1) и, наконец, произношение в сочетании со словообразовательно-морфологическими закономерностями языка-адресата (г, г1). Язык-посредник обозначается пометой (д).

ср. серб. АГИТКА б <...>; АРТЕЉ ц <...>; АТЕСТАТ ц-д <...>; АТА-МАН б-д; АРМИЈА в-д <...>; АНГЛИЈСКИ е <...>; АДНАКОЛКА а <...>; польск. BAŁAJKA б1-д <...>; слов. BAŤUŠKA а <...>; чеш. BEZPARTIŇNÍ е1 <...>

10. За орфографическими сведениями следует тип *трансфонемизации* (Ф). Под трансфонемизацией мы подразумеваем фонологическую адаптацию фонем, принимающих участие в языковом контакте. Принадлежность слова к определенному типу трансфонемизации обозначается соответствующей пометой²: Ф0 (адаптация русских согласных <б>, <п>, <в>, <ф>, <м>, <н>, <д>, <т>, <з>, <с>, <г>, <к>, <х>, <р>, <л>, <ж>), Ф1/1 (ударным гласным в русском языке <а>, <о>, <е>, <и>, <у> соответствуют такие же гласные в языке-адресате; производится адаптация русских согласных <д>, <т>, <з>, <с>, <ц>, <р>, <н>, <х>, <б>:, <дз>), Ф1/2 (ударному <ы> соответствует <у> в польском языке; производится адаптация русских мягких согласных <б'>, <п'>, <в'>, <ф'>, <м'>, <н'>, <д'>, <т'>, <з'>, <с'>, <р'>, <ж'>, <к'>, <г'>, <х'>, <л'>), Ф1/3 (русским безударным гласным <и>, <у>, <ы> соответствуют безударные гласные <и>, <у>, <и> в языке-адресате; производится адаптация русских мягких <т'>, <д'>, <л'>, <н'> и долгих согласных), Ф1/4 (замена безударного гласного <ы> и аффрикаты <ч> соответствующим гласным или согласным), Ф2/1 (производится адаптация

¹Айдукович Й. Типы трансдериваций русизмов в контактологическом словаре. // *Международный симпозиум «Лингвистическое и культурное разнообразие — фактор европейского развития»*, — Бухарест, 2001, С. 45 — 52.

²В настоящей статье нами предлагаются новые критерии классификации подтипов трансфонемизации (первую попытку классификации см. в Айдукович, 2000).

русских согласных <ж>, <ш>, <л>, <ч>, <дж>), Ф2/2 (гласный <a> в первой степени редукции заменяется гласным <a>), Ф2/3 (гласному <a> во второй степени редукции соответствует гласный <a>), Ф2/4 (русские мягкие согласные заменяются твердым), Ф3/1 (русский гласный <e> в первой и второй степени редукции заменяется в языке-адресате гласными <e>, <i>; адаптация русских <д>, <т> польским <dź>, <ć> и сербским <ђ> и <ћ>), Ф3/2 (замена в языке-адресате русского гласного <ъ> гласным <o>); замена русского гласного <a> гласным <o>), Ф3/3 (замена русского <ш'> согласным <ш> и адаптация русских твердых согласных мягкими согласными в языке-адресате), Ф3/4 (словообразовательно-морфологическое изменение лексем; исчезновение согласного <ј> и т. д.).

ср. слов. **BARIN** б1, Ф2/4 <...>; чеш. **BEZPRIZORNÝ** е1, Ф3/4 <...>; польск. **BOLSZEVIK** в1, Ф3/2 <...>; серб. **АПАРАТЧИК** ц/апаратчик/, Ф2/4;

11. Вслед за этими показателями приводится тип *трансдеривации* (D), который указывает на словообразовательную адаптацию русизма. В зависимости от степени совпадения словообразовательной основы и аффиксальной морфемы русской модели и русизма различаем три типа трансдеривации: нулевую (D0), частичную (D1) и свободную (D2) трансдеривацию. К нулевой трансдеривации относятся русизмы, имеющие одинаковые словообразовательные основы и аффиксальные морфемы по сравнению с русской моделью. В рамках частичной трансдеривации различаем первый (D1/1) и второй (D1/2) подтипы. К первой частичной трансдеривации относятся русизмы, унаследовавшие разнообразные словообразовательные основы и одинаковые словообразовательные морфемы. Вторую частичную трансдеривацию прошли русизмы, имеющие по сравнению с русской моделью одинаковые словообразовательные основы и различные словообразовательные морфемы. Русизмы, адаптированные свободной трансдеривацией, не совпадают с русским словом ни в словообразовательной основе, ни в словообразовательной морфеме.

ср. польск. **BOLSZEVIK** <...> D0 <...>; чеш. **DIVERZANTSKÝ** <...> D1/1 <...>; слов. **BIELOGVARDEJSKÝ** <...> D1/1 <...>, серб. **АТЕСТАТ** <...> D1/1 <...>; **АКТОВКА** <...> D2 <...>

12. После типа трансдеривации приводится тип *трансморфемизации* (M), а в некоторых случаях и тип *трансморфологизации* (TM). Трансморфемизация представляет собой общий принцип, по которому происходит адаптация основной морфологической формы слова. Трансморфологизацией адаптируются грамматические категории и части речи. В исследуемых словарях чаще всего проводится адаптация категорий рода и числа у существительных, а у глаголов и имен прилагательных – категория вида. Категория падежа, затем категория времени и некоторые другие не являются предметом анализа, потому что нас интересует только основная форма слова. Трансморфологизацию обозначаем в случаях принадлежности русизма к несколь-

ким частям речи. Нулевая трансморфемизация охватывает адаптацию морфологически неадаптированной основы и связанной морфемы. Частичная представляет собой соединение неадаптированной основы русского слова и связанной морфемы языка-адресата. К свободной трансморфемизации относятся русизмы, выделяющие адаптированные свободные морфемы и русские связанные морфемы или связанные морфемы языка-адресата. Если морфологические категории двух сопоставляемых языков совпадают, то русизм адаптируется нулевой трансморфологизацией, а если нет – русизм образован свободной трансморфологизацией. Если морфологические категории совпадают в меньшей или большей степени, тогда русизм адаптируется частичной трансморфологизацией (см. Айдукович, 2000).

ср. слов. **BIELOGVARDEJEC** <...> M0 <...>; польск. **ARCHIMANDRYTA** <...> M1 <...>; чеш. **BARČENOK** <...> M2 <...>; серб. **АПАРАТЧИК** <...> M2

13. В области семантической адаптации русизмов нами обнаружено существование двадцати восьми типов *транссемантизации* (C). Согласно нашей теории семантической адаптации существует три типа транссемантизации (нулевая, частичная и свободная транссемантизации). Нулевой транссемантизацией (C0) образованы русизмы, имеющие русские значения. В рамках частичной транссемантизации различаем двадцать шесть семантических изменений: 1. уменьшение количества значений модели (C1Hm); 2. уменьшение поля значений модели (C1Fm); 3. уменьшение поля значений изма (C1Fr); 4. увеличение количества значений изма (C2Hr); 5. увеличение поля значения изма (C2Fr); 6–15. двучленные сочетания – всего десять; 16–24. трехчленные сочетания – всего девять; 25, 26 - четырехчленные сочетания – всего два). Свободная транссемантизация происходит в русизмах, которые потеряли семантическую связь с первоначальным заимствованным значением (C#).

ср. слов. **KOLCHOZ** <...> C1F1m <...>; польск. **ANTONÓWKA** <...> C0 <...>; чеш. **ATAMAN** <...> C1H3m <...>; серб. **АРТЕЛЬ** <...> C1H3m+C1F1,2m+C1Fr <...>; **АПАРАТЧИК** <...> C1H1m+C2H1p <...>

14. Вслед за типом транссемантизации дается тип *лексико-стилистической адаптации* (LCA). На лексико-стилистическом уровне мы можем говорить о нулевой (русизмы не отличаются от соответствующих русских слов в отношении лексико-стилистических признаков), частичной (лексико-стилистические признаки различны и модели полностью не совпадают) и свободной лексико-стилистической адаптации (русизм по сравнению с русским словом имеет другие лексико-стилистические признаки).

ср. слов. **KOLCHOZ** <...> LCA1 <...>; польск. **ANTONÓWKA** <...> LCA0 <...>; чеш. **ATAMAN** <...> LCA1 <...>; серб. **АКАДЕМИЧЕСКИ** <...> LCA2 <...>

15. В рамках синтаксической адаптации (СИ) внимание уделяется в основном именному и глагольному управлению. Тип синтаксической адаптации определяем только на материале словарей, в которых приводится синтаксическая характеристика слова.

16. В конце первой части словарной статьи дается помета общей адаптации (А), а также и помета лексикографического источника.

ср. слов. **BARIN** <...> A1 (KSSJ); чеш. **BEZPRIZORNÝ** <...> A2 (SSI34); польс. **BOLSZEVIK** <...> A2 (SPJ606); серб. **АКТОВКА** <...> A2 (РСАНУ61)

17. Во второй части контактологической статьи дается основная словарная информация о русской модели (ударение; орфография; способ словообразования; принадлежность к определенным частям речи и их категориям; информация об источнике):

аттестат С, им-м (СРЈАН51)

артель І, им-ж (СРЈАН)

18. В третьей части даются варианты русских слов и реплик. Производные слова даются ограниченно.

борзой С, им-м (ССРЈТ111)

борзой І, прид (СРЈАН108)

борзая С, им-ж (СРЈАН108)

19. В четвертой части (помета оп:) указывается на этимологию, морфологию, словообразование, ударение, количество значений, синтаксис, лексико-стилистические признаки изма и реплики и др.

АТАМАН <...>

оп: рус. (РСАНУ192); нем. (ЛСРИ83); поль. (РМС726); + фиг. (РСАНУ192); [слог: посл./2; знач.: 3/1]

АРМИЈА <...>

оп: рус. (РСКЈ18,1013); фр. (РСАНУ168); 3. фиг. (РСАНУ168); (СРЈАН45: фр.; 5. ~ кого.; 5. фиг.); [слог: 1/1; знач.: 5/3]

20. Значение русизма дается в пятой части вместе с иллюстрациями и описанием семантических изменений.

ср. слов. **KOLCHOZ** <...> skratkové slovo označujúce pol'nohosp. društvo v ZSSR (KSSJ157); серб. **БАНДУРА** <...> □ украински и польски музички инструмент налик на балалајку. (РМС137). □ украински и польски музички инструмент налик на мандолину. (СЛСР75). □ музички инструмент Украјинаца и Пољака сличан гитари и балалајци само са више жица (8 – 24). (ЛСРИ101). □ музички инструмент са жицама. (РСАНУ287).

21. Контактологический словарь адаптации русизмов восьми славянских языков, который разрабатывается автором данной статьи, поможет нам следить за формированием и дальнейшей интеграцией русизмов в языке — адресате.

СЛОВО РУСЬ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ МОВНОМУ КОНТЕКСТІ:

2. Индоевропейці – скотари — землероби

В. Г. Таранець (Одеса)

Реконструкція і аналіз індоевропейських словоформ семантичного поля 'арії' показав [13], що індоевропейці проживали в далеку давнину на високігор'ї. Етнографія первісних народів свідчить, що племена цього часу займалися полюванням та збиральництвом у лісах, скотарство та землеробство тільки зароджувалися і мали примітивний вигляд. Давнє господарство ґрунтувалося на привласнювальних відносинах і характеризувалося рівномірним розподілом продуктів харчування і інших засобів життя, відтворюючи форми господарювання появилися з часом. Умови життя в гористій місцевості наклали відбиток на словниковий склад індоевропейців. Звернемося до етимології окремих лексем, що відносяться до цього часу проживання індоевропейців-горян.

В індоевропейській прамові виділяється давній корінь **Нек*[^]*ro* зі значенням 'необроблене поле для випасу домашньої худоби'. Цей корінь знаходить відображення у багатьох мовах: дінд. *ájra* 'пасовище', гр. гом. *αγρός* 'поле, пасовище', лат. *agrestis* 'польовий, дикий', гот. *akrs* 'поле' [3, 694]. Очевидно в зазначеному корені є редульована форма **Не-* по відношенню до первісного **-k*[^]*ro*. Це підтверджується фактичним матеріалом окремих індоевропейських мов.

У германських мовах, наприклад, вживаються зі значенням 'поле, рілля' такі словоформи: днв. *ackar*, свн. *acker*, гот. *akrs*, англ. *acre*, шв. *åker*, дсакс. *accar*, дсканд. *akr*, дат. *ager*, які разом зі спорідненими словами в інших мовах відносяться до кореня іє. **aġro-s* 'поле, земля під оранку' [16, 11 – 12]. Автори словника Duden відзначають, що в індоевропейській прамові цей корінь раніше позначав землю за межами поселення, куди відганяли худобу на пасовисько або з метою удобрення землі. Вважається, що первинним було все ж значення 'земля для пасовиська', яке позначається в нім. *Weideland* у протилежність до нім. *Ackerland* 'земля під оранку' [18, Bd.1, 172]. Корінь подібний до нім. *Weide* 'пасовище, вигін' лежить в основі давнього заняття індоевропейцями скотарством. Зупинимося на цьому слові детальніше.

У германських мовах *Weide* має два значення: 1) назва дерева 'верба' і 2) 'пасовище, вигін'. В останньому випадку слово засвідчене в днв. *weida*, свн. *weide*, голл. *weide*, дангл. *wîd*, дісл. *veidt* зі значеннями: 'охота, рибальство, добування їжі; корм (для худоби, птиці), їжа; пасовисько, вигін; поїздка, дорога', що дало можливість дослідникам реконструювати іє. **uei-*, **ueiə-* зі значенням 'в пошуках харчу їти на полювання, прямувати до чогось' [16, 758]. Проте така праформа являє собою лише проміжний варіант у розвитку мови-

основи. Початковий нескладовий лабіальний напівголосний дозволяє передбачити в анлауті більш давній лабіовелярний приголосний, і, значить, корінь матиме вигляд іє. *k^we-, а для протомови ріє. *k^wa-. У структурі приведених вище германських слів можна виділити дві частини типу *wei-da, vei-đr*, в яких кінцеві складові являють собою варіанти граматичної суфіксальної морфеми, що в давнину позначала двоїну (множинність) [див.: 12]. З розвитком окремих германських мов морфемна межа змістилася в напрямку суфікса, який розщепився, і корінь змінився до вигляду *weid-*. Таким чином, на час існування індоєвропейської протомови необхідно реконструювати кореневу частину у вигляді *k^wa зі значенням 'необроблене поле для випасу домашньої худоби'. Очевидно, що *k^wa відноситься до того первісного стану суспільного життя індоєвропейців, коли зароджувалися скотарство та землеробство.

Землеробство було пов'язане з обробкою землі, де використовувалася *соха* як найпримітивніше знаряддя при обробці землі. Спочатку соха мала значення 'жердина, тичка', бралася вона з роздвоєнням на кінці, як це зустрічається й тепер при будівництві навісу, повітки, у вигляді журавля біля колодязя. "Мабуть, така соха, - пише В. Даль, - повернута верхом вперед і з відрубленим крюком була першим ралом при оранці землі" [4, т.4, 283 - 284]. Соха відрізняється від плуга тим, що вона "розриває, боронить землю, а плуг піднімає і перевертає пласт" [4, 283]. При проходженні коріння дерев, які попадалися при оранці, сошники ставилися на соху плоско. Із-за труднощів при такій оранці "пускали соху в соху", тобто "проходили кожну борозну по два рази" [4, 283]. Наявність великої кількості в російській мові приказок, стійких зворотів зі словом *соха* та його похідними формами свідчить про велику давнину існування цього знаряддя праці.

В інших слов'янських мовах мають місце споріднені за значенням форми: укр. *соха* 'підпірка', др. *soxa* 'кіл, підпірка', болг. *soxa* 'палиця з розсохою', слн. *soh* 'стовп з перекладкою', п. *socha* 'розвилка', вл., нл. *socha* 'кіл з розсохою' і ін. "Різні значення, - пише М. Фасмер, - об'єднуються загальним 'кіл, дерево з розвилкою'" [14, т. 3, 729].

У германських мовах представлені з тим же значенням слова: гот. *hōha* 'плуг', у двн. демінутивна форма *huohili*, які дають герм. **huoho* 'плуг' [17, 266]. У нім. *Naken* 'соха', попередниці плуга, немає коліс і зустрічається соха при обробці землі на невеликих участках землі (в гористій місцевості) або як дань традиції [18, Bd. 10, 178].

Споріднені форми мають місце в інших індоєвропейських мовах: лит. *šakà* 'гілка, сук, розвилка', лтс. *saka* 'розгалуження дерева', дінд. *sakha* 'гілка, сук', вірм. *cax* 'гілка' [14, т.3:729]. У сатемних мовах на початку слова виступає шілінний приголосний. У цих мовах [s] виник із [h], який має місце, наприклад, у гот. *hōha* 'плуг'. Очевидно, що в словах типу *соха* та *hōha* представлена редуплікація кореня *hō-*, який вийшов із **h^wa-*. У свою чергу за законом Грімма герм. **h^wa* вийшло з іє. **k^wa*. Така ж природа і слов'янського **h^wa-*, яке представляється дослідниками як редупліковане у вигляді іє. **k^wakhā*

[17, 266]. Про це ж свідчить запозичення у фінській мові *kuokka* 'соха' [17, 267].

Таким чином, назва 'сохи' має в собі редуплікацію кореня **k^wa*. Те ж саме необхідно сказати відносно кореня, що позначав 'гору, висоту' – у мовах він представляє собою також повторення кореня **k^wa* [див.: 13]. Проаналізований матеріал свідчить, що індоєвропейці в час проживання в гористій місцевості займалися примітивним землеробством. Аналіз споріднених індоєвропейських словоформ дозволяє виділити в їх системі парадигму, в якій представлена коренева форма **k^wa*. Редуплікація цього кореня призвела до словесних новоутворень, розглянутих раніше, зі значеннями 'гора, висота', 'необроблене поле для випасу домашньої худоби', 'соха'. Очевидно, що зазначена протоформа відноситься у слов'янських та інших індоєвропейських народів до того прадавнього часу, коли землеробство тільки появлялося і мало первісне застосування в гористій місцевості.

Розширення землеробства в індоєвропейців і поступовий перехід до відтворюючого господарства призвели до вдосконалення плуга у вигляді псл. **рало*, який мав у собі залізні накінечники. Спорідненими до слов'янської є назва плуга в інших мовах: дірл. *arathar*, вал. *aradr*, лат. *arātrum*, дісл. *arđr*, шв. *årder*, лит. *árklas*, лтс. *arkl(i)s*, гр. *árotron*, вірм. *arawr*, тох. *äre*. Спільним для зазначених словоформ є корінь **ra*, який відноситься до дієслова **ar(ā)* – зі значенням 'орати' [20, 177]. Розширення земельних угідь призвело до проведення більш інтенсивного використання землі під оранку. Приведені вище лексеми мають безпосередній зв'язок з коренем **k^were*. Землеробство проводилося не тільки в гористій місцевості, але й розширилося на підніжжя гір і на низини. Використання тяглової сили давало можливість обробляти землю в долинах, на узбережжі річок та озер. Як зазначає Й. Пухвел, в історії розвитку індоєвропейського знаряддя обробки землі розрізняються два його види: поширений в Центральній Європі новий термін *plough* і залишки засвідченого кореня **ar(ā)* – в анатолійських та індо-іранських мовах [20, 178]. Останній із коренів, як вище зазначалося, мав місце фактично в усіх мовах, назва нового знаряддя у вигляді *plough* засвідчена лише в деяких із них, зокрема, в слов'янських, германських, литовській (*plúgas*), румунській (*plug*) та албанській (*pl'ug*) мовах, в грецькій представлена форма *plouíki* 'великий плуг'. Дослідники по-різному розглядають питання походження цього слова, хоча більшість із них вважають його не праіндоєвропейським, а запозиченням із германських в слов'янські мови чи навпаки. Це питання дискутується протягом двох століть і до сьогоднішнього дня не знаходить однозначного вирішення. Зупинимося на цій проблемі спеціально і розглянемо її перш за все на матеріалі двох груп мов, в яких слово *plough* представлено найбільш широко.

Приручення великої рогатої худоби дозволило індоєвропейцям використовувати воли як тяглову силу при обробці землі, що сприяло розширенню господарства, і переселитися на рівнинні простори, включаючи землі на берегах річок, озер та морів. Удосконалення процесу обробки землі призвело

до появи на зміну сохи та рала залізного плуга. Плуг, як зазначає В. Даль, “найтяжче орне знаряддя” [4, т. 3, 130]. Головна відмінність плуга від своїх попередників, як уже зазначалося, полягає в тому, що він не тільки робить борозну, а піднімає пласт землі і перевертає його. Така технологія обробки землі суттєво вплинула на продуктивність праці, що призвело до полегшення та покращення обробки землі і підвищення її врожайності. Плуг уміщувався на двох колесах, при цьому вживалася тяглова сила. У слов’ян це були, як правило, воли до двох-трьох пар, запряжених у ярма.

У слов’янських мовах у значенні ‘плуг’ засвідчені такі словоформи: укр., рос. *плуг*, др. *плугъ*, болг. *плуг*, схв. *плугъ*, слн. *plüg*, ч. *pluh*, *plouh*, слц. *pluh*, п. *plug*, вл. *pluh*, нл. *plug*, полаб. *pläug*, що дозволяє реконструювати праформу псл. **plugъ* [14, т. 3, 287]. Застосування плуга в господарстві слов’ян призвело до створення нового укладу життя. Якщо раніше соха примінялася як одиниця податі, то з часом ця одиниця разом зі зміною знаряддя праці змінилася на рало, а опісля, коли став використовуватися в господарстві плуг, податі стали “поплучними” [2, т. 24, кн. I, 629; 2, т. 21, 1336]. Все це свідчить, що плуг появився після рала та сохи, хоча ще довгий час при обробці землі використовувалася соха. Примінялася вона при обробці поля ще “не очищеного від каміння та пеньків”, нею можна було обходити різні перешкоди на ґрунті [15, т. XXXI, 10]. У цих випадках соха була незамінним знаряддям праці і їй навіть при наявності плуга віддавалася перевага.

Лексема *plough* засвідчена в германських мовах у такому вигляді: днв. *plōh*, *pluag*, *phlāch*, *fluoc*, *fluog*, свн. *pfluoc*, нім. *Pflug*, нижн. нім. *plovg*, дс. *plōh*, дангл. *plow*, англ. *plough*, дфриз. *ploch*, фриз. *pluwge*, шв. *plog*, дат. *plov*, ісл. *plógr*. У готській мові цей корінь відсутній [21, 459; 18, Bd.13, 1773; 6, т. 3, 238]. Германський матеріал дозволяє реконструювати праформу **plōg-* зі значенням ‘плуг’. Незважаючи на велику поширеність розглянутої словоформи в германських мовах, етимологію слова не можна вивести, виходячи з цих мов. Намагання зіставити *pfluoc* з близькозвучним нім. *pflēgen* ‘доглядати кого-небудь’, ‘турбуватися про когось’ не дало очікуваних результатів. Дослідники визнають, що етимологія цього слова не з’ясована [16, 506].

Я. і В. Грімм вважали, що це давнє слово запозичене, і германці прийняли його під час своїх переселень у час до дії першого пересуви приголосних [17, Bd. 13, 1773], і звідси слово нібито перейшло до слов’ян та литовців. М. Фасмер, В. Скит також приймають це припущення, що слово **plōg-* перейшло з германських мов у слов’янські та литовську [14, т. 3, 287; 21, 459]. З цієї думкою погоджуються Я. Пухвел, Т. В. Гамкрелідзе та Вяч. Вс. Іванов [20; 3, т. I, 688]. В. В. Мартинов, досліджуючи в деталях слов’яно-германську лексичну взаємодію найдавнішого часу, не знаходить досить підстав для однозначної і певної відповіді на поставлене питання, хоча приходиться до висновку, що в цьому випадку можна говорити про “середню вірогідність” запозичення германцями у слов’ян слова *плуг* [7, 175 – 178].

Найбільш давні писемні свідчення слова *плуг* подає Ф. Клуге, приводячи лангобардське у формі *plovum* та, посилаючись на Плінія, слово *plaumorātum* зі значенням ‘двохколісний плуг’ [19:626]. Але і в цих мовах, як і у вищерозглянутих випадках, представлені на початку слова сполуки двох приголосних *pl-*.

Прибічники точки зору походження пс. **plugъ* із індоєвропейської пра-мови вважають, що ця лексема вийшла із кореня іє. **plou-* ‘пливти’. Звідси, як зазначає В. В. Мартинов, має місце спорідненість коренів іє. **pleu-* / **plou-* *-gh*, із яких останній з розширеним суфіксом у слов’янських мовах знайшов велике поширення [7, 175]. Спорідненими автор називає слова болг. *плъгам* ‘ковзати’, бр. *найзуха* (тип плуга). Таким чином, пише В. В. Мартинов, можна реконструювати дві індоєвропейські форми зі значенням ‘плуг’: **pel-* / **plou-* *-gh*. Вважаємо, що перший корінь з голосним між початковими приголосними є більш архаїчним, ніж другий, хоча останній представлений у всіх за-свідчених слов’янських, германських та інших формах зі значенням ‘плуг’. Як уже нами зазначалося [10], сполуки приголосних завжди вторинні по відно-шенню до складових структур з одним приголосним у початковій позиції, і тому корінь іє. **pel-* приймаємо як первинний у структурах зі значенням ‘плуг’.

Подібну реконструкцію з серединним голосним робить Й. Пухвел по відношенню до алб. *pluar* ‘леміш’ (до плуга) і представляє її у вигляді **p(ə)* — *pluar* зі значенням ‘розрізання чогось’ [20, 181]. По аналогії у корені ‘плуг’ можна виділити частини **p(ə) – lu – gъ*, де кінцеве **-gi* (пор: *плу-зи*) пред-ставляє собою граматичний формант зі значенням ‘двоїстості’ (множинності). Основу слова можна зіставити зі словоформою *леміш*, яка мала вигляд у стел. *леміш* і значила ‘соха, плуг’ [5, т. 3, 220]. Автори зазначеного словника по-рівнюють цю основу з *lomiti* ‘ламати’, дінд. *phāla* ‘леміш’, із іє. **(s)phel-* ‘роз-щемляти, ламати’. Таким чином, передбачаємо наявність голосного у по-чатковій сполуці, що в результаті уможливило реконструкцію слова ‘плуг’ у вигляді псл. **pəlugъ*.

Розгляд реконструйованої форми **pəlugъ* показує, що в другому складі, який засвідчений у всіх розглянутих вище мовах як наголошений, представ-лена сильна фонетична позиція. У цій позиції в слов’янських та германських мовах має місце голосний [o], [u] або подібний дифтонг, тобто у всіх випадках представлений лабіальний голосний. Із досліджень відомо [9, 79 – 80], що голосний такої якості міг виникнути лише під впливом відповідного поперед-нього приголосного. Такий фонетичний вплив міг бути лише зі сторони по-переднього (тут початкового) складу. Можна передбачити, що в цьому складі реалізувався також один із лабіальних голосних [o] або [u], і тоді основа мала вигляд іє. **polu-* / **pulu-*. Таке розуміння фонетичних змін у межах індоєвро-пейської основи не дозволяє нам прийняти гіпотезу, приведену вище віднос-но походження **plugъ* від іє. **pel-* зі значенням ‘пливти’. На нашу думку, роз-виток землеробства у предків слов’ян і перехід на обробіток землі на рівнині за-пов’язаний з використанням нового знаряддя праці – плуга. У цих умовах заз-

начена основа асоціюється з коренем іє. **pol-*, який мав значення 'поле, нива'. Таким чином, матеріал мов, у яких використовується лексема *плуг*, дозволяє реконструювати основу іє. **polu-*. Зазначена форма має в собі складові **po-lu* з первинним значенням 'поле' + 'різати' (пор. *леміи*). Кінцевий *-*gъ* (із **plugъ*) відноситься до більш давнього іє. **ku/*ko*, що представляє собою суфікс, з допомогою якого в слов'янських мовах утворювалися похідні іменники [8, 289]. Розвиток цього суфікса в цих мовах призвів до фонетичних змін у кінцевому ненаголошеному складі, які мали вигляд: **ko* > **ki* > *h*, що призвело до протиставлення одиниці і множини типу укр. *плуг* – *плуги*. Кінцевий приголосний [h] в результаті стягнення в морфемній структурі слова, як уже вище зазначалося, примкнув до кореня. Спорідненою вважаємо також форму іє. **polg'h-* зі значенням 'повзти, сковзатися' [1, 48]. Таким чином, поява у слов'янських мовах лексеми *плуг* пов'язана перш за все з уже існуючим словом *поле*. Саме в такому смислі іє. **pel-* 'плоский, рівний, широкий' представлено в слов'янських, германських та балтійських мовах. Тобто, **pel-* зі значенням 'поле' утворює типологічну ознаку, яка характеризує слов'яно-германо-балтійську мовну спільність. Подальший розвиток **pel-* має свої характерні риси в названих мовах, а саме: псл. **pole*, герм. **fel-*, прус. *palwe*, лтс. *lauks*, лит. *laikas*. У германських мовах на початку слова представлений приголосний [f], який вийшов згідно закону Грімма із іє. **p-*. Таким чином, наявність іє. **pel-* у вищезазначеній спільноті трьох груп мов свідчить про те, що перший пересув приголосних у германських мовах мав місце після розпаду цієї спільноти. У цей же час словесний наголос був рухомим, що і призвело до редукції початкового складу в литовській та латвійській мовах.

По-особому виглядає у цих же мовах розвиток словоформи **polugъ* зі значенням 'плуг'. У всіх слов'янських мовах наголос змістився з початкового складу, в результаті чого голосний в цьому складі редукувався і випав. У германських мовах має місце форма **plōg* 'плуг', яку вважаємо запозиченням із слов'янських мов. У протилежному випадку початковий приголосний [p] повинен був би в германських мовах змінитися у [f] (згідно закону Грімма), як це має місце, наприклад, в слові **fel-* (із іє. **pel-* 'поле'). В результаті такої зміни утворилося б сполучення приголосних **fl-*, типове для германських мов (пор.: нім. *fließen* 'пливти, текти' із іє. **pel-* 'пливти'). Подібна форма представлена в литовській мові *pliugas* зі значенням 'плуг'; в латвійській і пруській вона відсутня.

Таким чином, прийняття положення про те, що назва 'плуг' містить в собі прадавній корінь іє. **pel-* 'поле', дозволяє зробити висновок про запозичення в литовську, германські та інші мови праслов'янської форми **plugъ* 'плуг'. Це запозичення відбулося після дії фонетичного закону – першого пересуву приголосних (закону Грімма), властивого всім германським мовам, що свідчить про час існування єдиної загальногерманської мови. Вважається, що зазначена зміна приголосних відбулася після розпаду індоєвропейської прамови і мала місце в германських мовах не пізніше V століття до н.е.

У цей час германські племена були в тісному контакті зі слов'янськими, запозичене слово передалося всім західногерманським та північногерманським мовам. Міграція готських племен на південний схід до узбережжя Чорного моря стала причиною того, що це слово не засвідчене в готській мові.

У доповнення до вищезазначеного необхідно зупинитися на природі кореня **pel-* зі значенням 'поле', типового для слов'яно-германо-балтійської мовної спільності. Найбільш чітко прояснює це питання германський матеріал. Відповідний аналіз свідчить про смисловий синкретизм назв типу нім. *Feld* 'поле' і *Wald* 'ліс'. Корінь герм. **fel-* має в собі смисл 'поле як результат зрубленого лісу'. В цьому відношенні *Feld* протиставляється нім. *Wald* 'ліс' [див.: 16, 162], про що свідчить етимологія слова *Wald* в германських мовах. В окремих мовах засвідчені такі його словоформи: днв. *walt*, гол. *woud* 'ліс', англ. *wold* 'гориста місцевість', шв. *vall* 'пасовисько, вигін', які позначали первісно 'необроблену землю' [16, 752]. В.Скіт, посилюючись на Layamon, зазначає, що в одному тексті вживається слово *wæld*, в іншому *feld*, але обидва "в смислі відкритої площини" [21:720]. Реконструюється герм. **walþuz* зі значенням 'обережок гілок, ліс' [6, т. 2, 230]. В. В. Левицький виводить германський корінь із іє. **uel* 'рвати, смикати' подібно до слов'янських форм і зауважує, що рос. *лес* (< **lěsъ*) "етимологізується по аналогії з герм. **walþ-* як **uloi-kos* (< **uel-* 'рвати, смикати')" [6, 231].

Таким чином, германський матеріал (і слов'янський також) підтверджує смислову спорідненість коренів **pel* 'поле' і **uel-* 'рвати, смикати', що можуть бути зведені до виду іє. **k^wel-* зі значенням 'поросла лісом, необроблена земля'. Зазначені германські лексеми засвідчують такі переходи **k^wel-*: 1) в *fel-þuz* 'поле' (через форму іє. **pol-*) і 2) в **wal-þuz* 'ліс'. Таким чином, початковий лабіовелярний іє. **k^w-* має в германських споріднених словоформах розвиток у таких напрямках: іє. **k^w-* > іє. **p-* > герм. **f-* та іє. **k^w-* > герм. **h^w-* > герм. *w-*. Зазначене підтверджує правильність реконструкції іє. **k^wel-* і його пізнішої інновації у вигляді **pol-*. Із досліджень відома прадавня спорідненість у індоєвропейській правовій звуковій **rl*, що свідчить про існування фонетичних варіантів **k^wel-*/**k^wer-*. Ці форми в протомові мали вигляд **k^wara-*.

Реконструйований корінь ріє. **k^wara-* зі значеннями 'земля під оранку, рілля, орати, рало', 'ліс, поле' має формальну та смислову подібність з **k^wara*, **k^wara* 'арії' (тобто 'ті, що проживають в гористій місцевості'), а це значить, що семантика **k^wara* розширилася з часом і стала включати в себе поняття 'землероби'. Таким чином, **k^wara* має в собі смисл 'індоєвропейці; горяни; скотарі; землероби'.

Література

1. Аникин А. Е. О праслав. **pelz-/polz-/pъlz-* // Этимология, 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 41 – 49.
2. Большая советская энциклопедия. Том 21, том 24. 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1970.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СЛОВАЦКИХ СКАЗКАХ: СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КОНЦЕПТА 'СМЕРТЬ' (I)

Н. В. Бардина (Одесса)

Памяти моей сестры Ольги Гордиенко

Данная статья – продолжение проводимого уже в течение 10 лет исследования словацкой лингвоментальности [см.: 1-6], которое, как представляется, имеет не только теоретическое, но в значительной мере – прикладное значение: для того, чтобы оптимизировать функционирование языка в обществе, необходимо познать самих себя, что невозможно сделать без сопоставления с *Другим*, похожим и непохожим на тебя.

Словаки – наши ближайшие соседи, чей культурно-исторический опыт сохранения национальной идентичности не может остаться незамеченным. Сейчас в мире насчитывается всего около 7 миллионов словаков. На протяжении тысячи лет они жили под властью венгров, но сберегли свой язык, свою культуру. Более того, именно язык и культура словаков оказали воздействие на язык и культуру венгров, а не наоборот. Венгры переняли словацкие мелодии и ритмы, заимствовали множество словацких слов. Каждый раз, получая возможность строить самостоятельное государство, словаки стараются это делать спокойно и толерантно. Можно предположить, что в системе словацкой ментальности есть нечто целесообразное, что полезно было бы использовать и нам при идеологизации массового сознания, при регуляции того, что французы назвали дискурсной формацией и от чего в итоге зависит наше существование.

Мир входит в нас в виде дискурса, через движущийся текст, охватывающий историко-культурные стереотипы поведения и понимания. Именно таким образом описывается в последнее время проблема, традиционно называемая проблемой языковой картины мира. Истоки ее можно отыскать еще у Цицерона. В XVI столетии Мартин Лютер утверждал, что разные языки имеют свои специфические черты в понимании мира. Позднее эта идея получила развитие в работах философов Ф. Бэкона, И. Гамана и И. Гердера. Собственно лингвистическая линия проблемы берет начало из теории Вильгельма фон Гумбольдта, продолжается в теориях Э. Сэпира, Б. Уорфа, Лео Вайсгербера, которые наиболее отчетливо провозгласили тезис о том, что каждый язык формирует свое, неповторимое мировоззрение.

При все возрастающей популярности исследований языковых картин мира в современной антропоцентрической лингвистике здесь остается ряд существенных спорных моментов, без решения которых трудно уяснить саму суть исследования. Определяя языковую картину мира как знание, зафиксированное в содержании языковых форм и конвенциональных способах их

3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I – II. – Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1984. — 1329 с.
4. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 – 4. – М., 1978 – 1980.
5. *Етимологічний словник української мови* (гол. ред. О. С. Мельничук). Т. 1, 2, 3. — К.: Наукова думка, 1982, 1985, 1989.
6. *Левицкий В. В.* Этимологический словарь германских языков. 3т. – Черновцы: Рута, 2000.
7. *Мартьянов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). — Минск: изд-во АН БССР, 1963. — 250 с.
8. *Мейе А.* Общеславянский язык. Пер. с франц. – М.: изд-во иностр. лит-ры, 1951. — 492 с.
9. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
10. *Таранец В. Г.* Энергетическая теория речи. — Киев-Одесса: Вища школа, 1981.
11. *Таранец В. Г.* Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоєвропейської прамови). Вид. 2-е, переробл. і доповн. — Одеса: Астропринт, 1999. — 116 с.
12. *Таранец В. Г.* Генезис граматичної категорії числа в індоєвропейських мовах // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна “Іноземна філологія на межі тисячоліть”. № 471. — Харків: “Константа”, 2000 — С. 261 – 272.
13. *Таранец В. Г.* Слово *Русь* в індоєвропейському мовному контексті: 1. Походження етноніма *арії* // Слов'янський збірник. Вип. VIII. /Відп. ред. А. К. Смольська. Одеса: Астропринт, 2001. — С. 15 – 23.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Пер с нем. и дополн. О. Н.Трубачева. 2-е изд. Т. 1 – 4. — М., 1986 – 1987.
15. *Энциклопедический словарь* Брокгаузе. Том XXXI (изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон). — Санкт-Петербург, 1900.
16. Duden. – Duden. Bd. 7. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim – Wien – Zürich, 1963.
17. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. – Leiden, 1939.
18. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. 1. Band, 10. Band 1. Abteilung. – Leipzig, 1905.
19. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, 1957.
20. Puhvel J. The Indo-European and Indo-Aryan Plough: A Linguistic Study of Technological Diffusion // *Technology and Culture*, v.V, N.2, 1964. – p.176-190.
21. Skeat W. An etymological dictionary of the English language. – Oxford, 1983.

выражения, необходимо уточнить, **во-первых**, противопоставляется ли при этом языковая картина концептуальной картине мира (как это делают сторонники т.н. менталистского направления) или, как утверждают последовательные неогумбольдтианцы, – язык не скрывает за собой ничего, кроме самого языка.

В первом случае языковая картина представляется как нечто упрощенное, урезанное, искажающее действительность. Но действительность существует для нас только в виде системы смыслов. А смысл, значение находится не вне человека, а в его уме. Само понятие концепта выводится когнитивными методами из сети языковых репрезентантов. По мнению Ю. Степанова, «*концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека*»; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [17:43]. Это целые пласты смысла, которые впитали в себя историю народа, особенности этнического мировидения, эмоциональные константы ментальности.

У концепта сложная структура: к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, а также все то, что делает его фактором культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д. Но история – это совокупность текстов, слова. Так как человеческая память, по мнению французского психолога П. Жане, – только отсроченная форма говорения [8]. Мы помним только то, о чем можем рассказать. И лучше всего запоминаем именно то, о чем *хотим* рассказать.

Следовательно, если еще можно предположить, что на стадии возникновения языка невербальные (зрительные, звуковые) образы воздействовали на формирование знаковой системы, то сейчас становление речевых и мыслительных способностей ребенка демонстрирует влияние языковых структур на успешность вхождения в мир. Таким образом мы приходим к известной фразе Хайдеггера «язык – это дом бытия и жилище человеческого духа». Естественно, билингвизм и мультилингвизм усложняет это построение. У одного говорящего дом бытия – это дворец, а у другого – собачья будка.

Второй момент связан с проблемой уровня языковой картины мира и ее статичностью-динамичностью.

Долгое время лингвисты усматривали специфику языкового мировидения преимущественно в этимологии, во внутренней форме слов. Но, как справедливо заметил еще Ф.Бэкон, в семантике языка заключено, прежде всего, мировидение наших предков, а не нас самих. Выдвигалось предложение разграничивать языковую и речевую картины мира: первая закреплена в структуре слов и предложений, вторая – в реальном построении текста.

Более перспективной, однако, представляется позиция тех лингвистов и философов, которые видят возможность решения современных научных проблем в выходе в междисциплинарное пространство. Если язык это не просто система знаков, а форма существования человека, то языковая картина мира *в принципе* должна рассматриваться как языковой *фильм* мира, с учетом дви-

жения логосознания в каждый момент построения дискурса, всех форм человеческого поведения.

Таким образом, языковые картины мира моделируются в виде многомерных дискурсов, формируемых на основе нескольких взаимосвязанных концептов. Любой дискурс – это альтернативный (возможный) мир, возникающий из взаимодействия системы ценностей создателя и системы ценностей потенциального адресата.

Пласты дискурса по-разному осознаются актуальным сознанием. Наиболее отчетливой оказывается концептуальная сеть – те ключевые фрагменты жизни, вокруг которых вращается логосознание рассказчика, и то, какими вербальными средствами они формируются. То, о чем говорит и о чем умалчивает автор, что для него является первостепенным, различительным, сходным, приятным, желанным, страшным и т.д.

Следовательно, картина мира отражается даже в сюжетно стандартизованных текстах, к которым наряду с инструкциями, руководствами относятся и сказки, написанные на «вечные» сюжеты.

Функциональная структура сказки, блестяще исследованная в свое время В. Я. Проппом, своеобразно профилируется под влиянием национального логосознания. И это профилирование можно выявить путем сопоставительных исследований или в экспериментальной ситуации восприятия текста. Общность образа мира – непременное условие понимания дискурса и принятия его как «своего». Именно поэтому национальная языковая картина мира отчетливо обнаруживается как отклонение от стандарта при восприятии адресатом, принадлежащим к другому типу лингвоментальности.

С учетом всего вышесказанного нами был проведен эксперимент, связанный с интерпретацией народных сказок, записанных в районе Шариша – верховины близ города Прешова (Восточная Словакия) [25], студентами филологического факультета, изучающими словацкий язык. Когнитивные зоны, которые оценивались как неожиданные, шокирующие, неуместные, рассматривались в дальнейшем как узлы профилированной концептуальной сети.

Анализ показал, что сказочные словацкие дискурсы формируются вокруг нескольких основных концептов: *смерть – еда (пир) – мать – богатство – купля-продажа – дом – разбойники – месть*. Все они образуют фрагмент глубинной общекультурной системы, который с максимальной выпуклостью проявился именно в словацкой картине мира. Центр данной профилированной подсистемы представляет, по нашему мнению, концепт *смерть* как самый глобальный (вместе со своим когнитивным двойником *жизнь*) концепт мировой культуры, принимающий гипертрофированное дискурсное выражение в культуре словаков, на протяжении всей своей истории болевших за духовное и физическое выживание.

Системообразующая сила концепта *смерть* постоянно привлекает внимание этнолингвистов, психологов и философов [см., например: 12; 14-16; 18-

20; 22]. Как утверждал М. Мамардашвили, «без символа смерти, без того, чтобы жить в тени этого символа, – ничего нельзя понять, ничего нельзя в действительности испытать» [11:15]. Историческая, социальная и национальная изменчивость отношения человека к смерти – ключевой момент в установлении истории ментальности человечества [19:25-27]. Концепт ‘смерть’ в каждый момент его рассмотрения отражает основные социальные расчленения, религиозные различия, региональные и национальные особенности. И только через тексты, вербальное поведение разного рода мы можем обнаружить общее и специфическое в системной включенности концепта.

Сказка – это особая форма художественного текста, которая выполняет не эстетические, а этические функции. В принципе, каждая народная сказка – это модель мира, построенная по определенному этическому принципу [26:74]. В словацких сказках переплелись и языческие, и христианские, и собственно национальные представления концепта ‘смерть’. К архетипическим интерпретациям можно отнести восприятие взаимосвязи *жизнь – смерть* не как оппозиции, а как воплощения единой сущности.

По мысли древних, жизнь и смерть всегда дополняют друг друга: жизнь порождает смерть, а смерть – жизнь. И то, и другое – лишь разные стороны единого круговорота бытия. Умереть – значит родиться вновь [10:156]. Известно, что мифы о происхождении смерти встречаются практически у всех народов. Мотив смерти из мифологии переходит в сказочный фольклор, где и приобретает национальные варианты.

Специфика словацкого сказочного концепта – в удивительной обыденности, даже приятности этого события, в чем, в принципе, можно усмотреть рефлекс общеславянской внутренней формы, где приставка *съ-* имела значение «хороший» [20:309]. При этом данное мелиоративное представление нельзя связывать с так называемой «прирученной смертью» средневековой культуры, отличительной чертой которой была жесткая разделенность мира мертвых и мира живых [19:28]. В словацком сказочном мире герои легко умирают и живые без всякого страха общаются с мертвецами и обращаются с трупами. Смерть интерпретируется просто как переход в иное состояние того же самого явления действительности, – состояние, которое в любой момент может прерваться. Интересно в этом плане использование в разговорной словацкой речи выражения *už nežije*, соответствующее русскому *он уже умер*, и конструкции типа *včera mal pohreb* (дословно *он вчера имел похороны*) = *его вчера похоронили*. Смерть, таким образом, в самом языковом существовании выступает не как антоним жизни, не полярное противопоставление, а как противоречащее свойство, которым человек может обладать, не теряя при этом своей сущности.

Например, в сказке “Ako gróf odčaroval šumnú Marinku”, имеющей сюжет, аналогичный известной «Белоснежке», пушкинской «Сказке о мертвой царевне», после смерти Маринки («мертвой царевны», которая предстает простой сельской девушкой) все братья-разбойники застрелились у ее гро-

ба. Граф, который проезжал мимо, из любопытства подошел посмотреть на такое количество трупов. Маринка ему понравилась. Он забрал тело к себе домой и затолкал в своей комнате под кровать. Родители его уговаривали похоронить девушку, вытянули ее из-под кровати, начали расчесывать и вытащили заколдованную булавку. Первое, что сказала ожившая Маринка: “Načo si ma sem doniesol? Mne tam na druhom svete veľmi dobre bolo!”

С одной стороны, смерть здесь уподобляется сну: душа не навсегда покинула тело, а только на некоторое время его оставила. Закрепленность такого образа в словацкой ментальности подтверждается анализом народных стихотворений, помещаемых на надгробиях: наиболее часто употребляемые обороты «*sladko spi*», “*tu odpočiva v Kristu Pánu*” [24]. Здесь, правда, ярко выраженной оказывается христианская ориентация на сон до Судного дня, в сказках же разделение души и тела не имеет никакого налета сакральности.

С другой стороны, русское и украинское языковое сознание поражает обыденность и фамильярность обращения с трупом, даже некоторая небрежность в описании смерти. Само слово *труп* – межъязыковой омоним, который в словацком языке имеет два значения: ‘туловище’ и ‘основная конструкция любого механизма’ (этимологически восходит к греческому корню со значением ‘твердый, жесткий, упрямый’) [23:322, 341], а словацкое *truhla* обозначает не только гроб, но и сундук для хранения одежды [23:471]. Здесь уместно вспомнить аналогичное отношение к физиологической стороне смерти в ментальности болгар. По мнению Г. Гачева, болгарин любит «тело» во всех его состояниях, поэтому его не потрясает, например, факт хранения костей погибших героев в Красном уголке или сообщение на могиле о том, что здесь погребено только туловище, а голова покоится в другом месте [см.: 7]. Для русской языковой картины мира *единение* души и тела образуют феномен *человек*, бездуховная плоть имеет отрицательные коннотации [21:27 – 28], а вербализация телесных страстей в большинстве художественных текстов табуирована. И в этом смысле словацкие сказки воспринимаются как «кровожадные».

Кровожадность усматривается в некоторых моментах обыгрывания, буквализации метафоры. В сказке “Hľúpy syn” мать советует сыну пойти в корчму и “*pohádzať po dievčatach očami*”: может быть, какой-нибудь девушке он и приглянется. Глупец воспринимает образное выражение как обозначение конкретного действия, идет в овчарню, всем овцам вырезает глаза, распикивает их по карманам, приходит в корчму и начинает бросать в танцующих девушек окровавленные куски, удивляясь, почему им это не нравится.

Для словака в сказке между тем и этим светом нет непреодолимых преград. Главным герой сказки “Mrtvý svadobník” накануне свадьбы приглашает покойного друга в гости. Тот, естественно, приходит, сидит три часа за столом, потом зовет жениха к себе с ответным визитом. Жених прыгает за другом в могилу, где мертвец тоже накрывает на стол. Через три часа герой

возвращается к своей невесте и обнаруживает, что на самом деле прошло триста лет. Тогда он возвращается на кладбище и от горя умирает. Там его и похоронили.

Концептуально-символическая система этой сказки высвечивает древнюю взаимосвязь концептов *смерть, еда (пир), свадьба, клятва*. Они настолько тесно переплетаются, что само вербальное разделение в определенной степени условно. Понятие пир в славянской культуре было первоначально связано с понятием свадьбы, которая – в свою очередь – служила символом битвы и смерти, «потому что и то, и другое, и третье – суд Божий» [13:293]. Пить – это желать и любить. *Желать, голодать, гореть* этимологически связаны между собой [13:289-291]. И это соотношение проявляется не только на славянском, индоевропейском материале. Значение ‘страстно желать’ в семантической структуре слова *умирать* зафиксировано и на материале языков банту, относящихся к подгруппе бенуэ-конголезских языков [18]. Таким образом, речь не идет об уникальности самого соединения концептов в словацких сказках, а о настойчивой фокусировке сознания именно на этих фрагментах когнитивной цепи.

Во многих сказках смерть связана с пиршеством, едой. Но в словацких сказках описание еды концептуально. В сказке про 12 братьев-воронов очень детально описывается, как герои ели кашу и хлеб и очень страдали, что некому им наварить мяса. Сюжет сказки «Глупый сын» весь построен фактически на том, что сын постоянно ел блюда в гостях не так, как ему советовала мать.

Концепт *клятва*, соединяясь с концептами *смерть* и *еда*, включает в эту когнитивную сеть и концепт *мать*. С одной стороны, обряд клятвы нередко заключался в том, что человек падал на землю и захватывал ртом землю, которую съедал: в представлении язычников земля отождествлялась с матерью, оплодотворяемой небом и дающей потомство [10:188]. С другой стороны, хотя единого мнения относительно этимологии слова ‘мать’ не существует, выделяют два значения индоевропейского корня **mat-*: ‘слово, говорить’ и ‘хороший’. Второй элемент, вошедший в индоевропейское именование родительницы, – **ter-*, имел значение ‘смерть’ [10:189,254]. Таким образом, концепт *мать* диалектически соединяет жизнь и смерть, говорение и смерть¹.

Анализ мифологической символики в индоевропейских языках показывает, что в сознании наших предков понятие матери как источника всего сущего связан с разрыванием надвое: это и порождающая утроба, и могила, смерть, саван [10:156].

¹ Соединение говорения и смерти в единое диалектическое свойство, подобное жизни и смерти, можно увидеть еще в сократовском толковании говорения как упорядочивания мира. Этот феномен противоборства устной речи и смерти находит подтверждение в существовании двух пиков разговорчивости в диахронии языковой личности: в детстве, в период социализации, и в старости, когда человек начинает ощущать распад своего Я. И в том, и в другом случае говорение выполняет функцию установления связи с внешним миром [подробнее см.: 2:142-143]. Оригинальная концепция оппозиции речи и смерти представлена в: [15].

В словацких сказках именно такая амбивалентность и системная привязанность концепта *мать* к когнитивной сети с центром *смерть* оказываются подчеркнута акцентированными. В сказке «Balada o Janičkovi» мать отправляет детей в лес по ягоды, обещая им по возвращении хлеба с маслом. Маленькая дочка получает обещанное лакомство, а сына Яничка по непонятным причинам мать зазывает в кладовую, убивает, расчленяет на части, варит и посылает мужу на обед. Из косточек Яничка рождается птичка, которая возвращается в родной дом, сестру и отца (хотя он и съел своего сына!) одаривает, а на голову матери сбрасывает мельничный жернов, отчего она тут же умирает.

Связка *смерть – мать – еда* обычно реализует второй вид смерти в сказочном мире: не сон, а расчленение, исчезновение. И вновь мы на диалектическом витке языковой модели мира: расчленение – это смерть, но это и жизнь, так как порядок, античный логос, говорение предполагают первоначальное расчленение неразделенного (ср. древнегреческое λέγειν – ‘говорить, разделять сущее’ и в то же время ‘слагать, собирать’ [подробнее см.: 2]).

Мать (в отличие от мачехи в русских народных сказках) в словацком фольклоре может и убить любимого ребенка, и продать, обменять его. Причина этого нигде не объясняется или объясняется неважностью.

В сказке о красивой Маринке очень богатая женщина страдала из-за того, что некому завещать богатство. Но потом, после того, как с помощью колдовства, получила прекрасную Маринку, продает ее разбойникам.

Рассматривая эти когнитивные фокусы повествования с системных позиций, можем достаточно легко обнаружить глубинные причины вхождения их в сеть с центром *смерть*. Страстная любовь предполагает жажду обладания. В словацком фольклоре нередок образ влюбленного юноши, который мечтает о смерти своей возлюбленной [6] или даже убивает ее, потому что, овладев ее телом, не может полностью овладеть душой [27]. Концепт обладания *mat'*, относящийся к ключевым концептам словацкой ментальности вообще [4], притягивает к себе концепт *богатство*, который, в свою очередь, соотносится с понятием *бог*. «При этом, – утверждает М. Маковский, – бог понимается как смерть, ставшая жизнью, преисподняя в значении неба, ночной мрак, преображенный в день» [10:182]¹.

Акцентуация релятивности всего существующего и центростремительность мировосприятия, характерные для словацкой ментальности на всех уровнях ее объективации [см.: 1; 3 – 6], сочетаются в сказочных дискурсах с подчеркнутой безоценочностью, незмоциональностью, обыденностью происходящего. Но если сказочный мир – это этическая модель мира, то – возник вопрос у наших информантов, – какие же взрослые вырастают из детей, воспитанных на подобных сказках?

¹ Более подробное рассмотрение включенности этих концептов, а также концептов *дом, разбойники, мечь* в когнитивную систему словацких сказок с центром *смерть* – предмет второй статьи на данную тему.

Заметим, что сказка не только воспитывает ребенка, но и развлекает его. Поэтому само соединение смеха и смерти в сказочном мире симптоматично и также отражает глубинные архетипические взаимосвязи: смех – это своеобразный общественный жест, который имел магическую символику, направленную как на творение добра, так и на заклинание злых сил. Само возникновение смеха выражает отношение людей к происходящему событию. И поэтому, например, поскольку смерть считалась благом, божественным перевоплощением, похороны обычно сопровождалась смехом [10:300]. Следовательно, существование «страшных», но безэмоциональных в вербальном выражении сказок пробуждает и закрепляет в сознании читателя наиболее глубинные слои надсубъектного идеального. Лаконичная сдержанность сказочного повествования и когнитивная фокусировка на определенных концептах воспроизводится в художественном творчестве выросших словацких детей. Выдающийся писатель XX столетия Франтишек Швантнер специально занимался феноменом нечувствительности человека к восприятию чужой смерти и отражением этого феномена в словацком фольклоре. И одна из самых известных швантнеровских новелл, переведенная на многие языки, «At'ka» начинается с отстраненного соединения неагентивной констатации смерти и обыденного описания ночного выпаса коней: “Ráno na Paseke zabilo Bariaka a večer toho dňa ned'aleko odtiaľ v Sihlách páslí koniari”. Двигателем сюжета популярного романа Петера Яроша «Lasky hmat» служит неотвратимость смерти главного героя, о которой в финале сообщается через диалог работников скорой помощи, решивших не оставлять труп на улице (теперь этим должны заниматься работники морга), потому что умерший был соседом санитара:

— *Je mŕtvý! – skonštatoval po chvíli Granth.*

— *Aj tak ho odvezieme, – povedal sanitár Lofaj. – Bol to môj sused’.*

Русскому читателю такие тексты, как и тексты словацких сказок, кажутся бездушными, жесткими.

Но все-таки модель мира в художественном словацком тексте, хотя и сохраняет основные принципы профилирования сказки, отличается тенденцией к большей акцентуации положительного полюса анализируемой концептуальной сети. Здесь, во-первых, воплотился не только опыт восприятия фольклора, но и спонтанной коммуникации, которая в словацком стилистически дифференцированном дискурсе характеризуется повышенной рефлексивностью говорящего. А в органическом сочетании различно акцентированных письменной и устной формы существования человека и видится нам основа гармонии духа и души [см.:1-2]. Поэтому в художественных текстах обыденная жесткость и жестокость уравновешивается характерным для гуманистической культуры тезисом: «Любовь и другие земные ценности берут верх над смертью» [19:33].

Именно поэтому поздний роман Ф. Швантнера носит название “Život bez konca” («Жизнь без конца»), смерть героя романа П. Яроша вызвана

бесконечной любовью к человечеству (и само название романа можно перевести как «Любови осязание»), а в известнейшем романе Душана Митаны “Koniec hry” мать из чувства любви берет на себя вину за убийство, совершенное ее сыном.

Представляется, что если рассматривать сказочный дискурс как широкое контекстно-ситуативное коммуникативное окружение, выполняющее апеллятивную, регулятивную функцию, то словацкие сказки, закрепляя в сознании ребенка бесстрастную релятивность и диалектичность архаичного восприятия мира, дополняют тем самым этическую регламентированность словацкого воспитания и рефлексивность языкового существования. В результате, возможно, и формируется именно тот тип личности, который способен адаптироваться в любом культурно-социальном контексте.

Литература

1. Бардина Н. В. К построению формулы лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Одеса, 1996. — Вип. 1.
2. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. — Одесса, 1997.
3. Бардина Н. В. Проблема диалектичности словацкого миропонимания и релятивизм словацкого дискурса // Матеріали міжнародної славистичної конференції пам'яті професора Костянтина Трофимовича. — Львів, 1998. — Т. 1.
4. Бардина Н. В., Шима П. Вербально-когнитивный конденсат *mat'* в системе словацкой лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Одеса, 1998. — Вип. V.
5. Бардина Н. В. Концепт *trápnu* в системе словацкой лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Одеса, 2000. — Вип. VII.
6. Бардина Н. В. Категория «релятивное свойство» в словацких народных песнях // Слов'янський збірник. — Одеса, 2001. — Вип. VIII.
7. Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 1988.
8. Жане П. Эволюция памяти и понятие времени // Хрестоматия по общей психологии. — М., 1979.
9. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002.
10. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М., 1996.
11. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. — М., 1995.
12. Николаева Н. А. Смерть как судьба в древнеирландском языке: семантика и этимология // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — М., 2000. — №2.
13. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // А. А. Потебня. Слово и миф. — М., 1989.
14. Пятигорский А. М. Несколько замечаний о мифологии с точки зрения психолога // Ученые записки Тартуского университета, 1965. — Вып. 261.
15. Руднев В. Язык и смерть // Логос. — 2000. — №1.
16. Синельникова Л. Н. Смерть как феномен движения и изменения, связанный с моментом истины // Логический анализ языка. Языки динамического мира. — Дубна, 1999.

ВІДТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНО-ХАРАКТЕРИСТИЧНОЇ ЛЕКСИКИ ЗАСОБАМИ ІНШИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

О. Л. Паламарчук (Київ)

Питання відтворення у перекладному художньому творі національного колориту, національного духу, притаманного оригіналові, давно перебувають у центрі уваги теоретиків і практиків перекладу (А. В. Федоров, Л. С. Бархударов, К. Чуковський, І. Кашкін, В. С. Виноградов, М. Рильський, О. Кундзіч, В. В. Коптілов, Р. П. Зорівчак, С. Влахов, С. Флорін, ґ. Левий, Б. Ілек, М. Грдлічка, М. Грала, А. Попович, А. Лілова та ін.), оскільки саме в перекладі як специфічному різновиді людської діяльності перехрещуються власне лінгвістичні, етнопсихолінгвістичні та соціокультурні аспекти корелюючих мов.

Проблеми відтворення національно-культурної специфіки першотвору безпосередньо пов'язані з вибором способів і прийомів передачі національно-культурного компонента одиниць різної мови – безеквівалентної та фоновно-конотативної лексики, словотвірних засобів, синтаксичних структур тощо.

Лексичні одиниці, що передають національний колорит оригіналу, становлять досить великий і неоднорідний шар: вони позначають усе, що є характерним для культури, побуту, традицій кожного народу впродовж різних історичних епох. Сюди, як правило, входять словесні засоби вираження реалій, ономастична і частково діалектна лексика, одиниці для передачі звертань, символів, кольорів тощо. Проблема відтворення національно-характеристичної лексики засобами іншої мови ускладнюється ще й тим, що в перекладі необхідно передати не тільки особливості певних побутових чи історичних реалій оригіналу, але й донести до читача правильне розуміння установлених образів, що складаються в кожного народу протягом віків, знайти у мові перекладу такі засоби, які б достовірно відображали риси національної психіки народу – носія мови оригіналу. Так, для українця цілком достатньо епітетів *карії очі, чорнії брови*, щоб викликати в уяві образ дівчини-красуні. І зумовлено це тим, що в народній творчості, в естетичній свідомості українського народу склався певний ідеал краси, своєрідний еталон. Переклад цих, здавалося б, дуже простих одиниць на чеську і словацьку мови пов'язаний із певними труднощами, оскільки лексичні еквіваленти *hnědoooká, černobrová* не адекватні вже хоч би тим, що несуть нульову національно-культурну інформацію.

Зрозуміло, що зберегти у перекладі всі елементи оригіналу, позначені національною та історичною специфікою, просто неможливо, однак перекладач має "творити" так, щоб у читача перекладу виникло відчуття націо-

17. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001.
18. Топорова И. Н. 'Смерть' ('умирать') на материале языков банту // Язык. Африка. Фульбе. — СПб. — М., 1998.
19. Федорова М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Человек. — 1991. — № 5.
20. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1961.
21. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М., 2002.
22. Янкевич В. Смерть. — М., 1999.
23. Krátky slovník slovenského jazyka. — Bratislava, 1989.
24. Michálek J. Ľudová náhrobníková poézia // Prednášky XXVIII. Letného seminára slovenského jazyka a kultúry. — Bratislava, 1992.
25. Posledný groš. — Šarišské rozprávky. — Bratislava, 1997.
26. Slobodník D. Genéza a poetika science fiction. — Bratislava, 1980.
27. Števc. ek J. Fenomén švantner // Prednášky XXVIII. Letného seminára slovenského jazyka a kultúry. — Bratislava, 1992.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ ПЕТРА КУЦЮБИ

нального середовища, з одного боку, а з іншого, щоб читач одержував насолоду від читання художнього твору, а не словника іншомовних слів. Оскільки осягнення культури українського народу неможливо уявити без творчості Т. Г. Шевченка і його твори давно звучать чи не всіма мовами світу, конкретні приклади наводитимемо з перекладів Кобзаря слов'янськими мовами.

При перекладі лексичних одиниць, що позначають предмети, поняття, явища, пов'язані з побутом певного народу, його історією, культурою, використовуються різні способи їх відтворення: транскрипційна передача (ч. *oseledec, hopak, hetman, esaul, šaravary*), часто – з приміткою-поясненням (*oseledec* – прамен власі на holené), приблизний переклад, що включає принцип родо-видової відповідності; заміна функціональним аналогом (укр. *вареники* – ч. *varené knedliky*) та опис, пояснення (укр. *макогон* – ч. *tlouk na mak*, укр. *свитина* – ч. *hrubé plátno, hrubá halena, kytle, hadry*); контекстуальний переклад (укр. *бауман* – ч. *melouny, okurky a jiná zelenina*)¹.

Національним колоритом відзначаються в кожній мові звертання, особливо емоційно забарвлені звертання до дорогої, коханої людини. Для чужинця вони звучать не зовсім звичайно і зрозуміло. Як засвідчує практика, здебільшого відшукуються функціональні відповідники, часто із втратою конотативних значень (укр. *голубко, серденько, ненько*; ч. *holubičko sívá, štěstí moje, přítulné kuřátko*; болг. *гълъбица, бабо мила*).

Цікавий матеріал дає аналіз передавання власних імен та назв у слов'янських перекладах. Для відтворення чужомовного середовища і національного колориту твору перекладачі, як правило, намагаються ввести чужомовні імена й назви (або хоча б наблизити їх) до системи мови перекладу. Для збереження ономастичної лексики використовується транскрипція, рідше – транслітерація (укр. *Микита* – ч. *Мукута*, укр. *Сагайдачний* – ч. *Sahajdačnyj*; укр. *Чигирин* – ч. *Їгурун*), переклад (ч. *Vydřihost* – укр. *Деригість*), так зване ономастичне калькування (укр. *Вільшана* – ч. *Olšany*, укр. *Гандзя* – ч. *Hanka*).

Як відомо, щодо перекладу безеквівалентної лексики існують різні думки. М. Мольнар, наприклад, аналізуючи ранні переклади поезії Шевченка на чеську і словацьку мови та оцінюючи їх якість, зазначає, зокрема, що слово “чумак” чеською мовою звучить вульгарно “морда”, і тому перекладач Е. Вавра мав би його уникнути². Поряд із цим цілком слушним, на наш погляд, зауваженням робиться висновок більш загального плану, з яким важко погодитися: “Великою помилкою було б залишати в чеському перекладі й інші специфічні українські вирази, оскільки вони перешкоджали б читачеві сприймати зміст твору. Це, зокрема, негативно позначилося на перекладі Р. Есенської, яка іноді залишала неперекладеними українські слова.

Переклад Е. Ваври має саме ту перевагу, що він не є буквальний”¹. Певна річ, ніхто не відстоює буквалізм, та йдеться все ж про переклад, а не адаптацію. Хоча це може видатися парадоксальним, з країнознавчого погляду ставити цінність саме буквальний переклад, який зберігає саме інонаціональні реалії. Щодо відтворення специфічно українських (на тлі спільних слов'янських) реалій, то перекладачі знаходять різні шляхи їх органічного включення в переклади Шевченкової поезії, де вони зустрічаються часто. Йдеться про слова типу *бунчук, булава, козак, гайдамаки, гетьман, рушник* тощо, збереження яких не пов'язане з буквальним перекладом. Звернімося до прикладу. Так, слово оригіналу “сопілка” Я. Купала замінив на слово “жалейка”, у російському перекладі використовують назви “сопилка” (О. Безименський) та “свирель” (О. Твардовський), у чеському – аналогічно *pišt'alka*, у болгарському – відповідна назва відсутня.

Враховуючи практику навіть найкращих перекладачів, бачимо, що певні втрати у переосмисленні на іншомовний ґрунт національно-специфічної образності Шевченкового оригіналу, мабуть, неминучі, адже багатозначний асоціативний “художній слово-образ можна лише інтерпретувати”. Відтворення лінгвореалій значною мірою залежить від перекладацьких норм. Як зазначає І. Левий, у чехів і словаків, приміром, не лише переклад вірша прозою (у французів саме такий підхід), а й переклад олександрійського вірша білим, пропуск каламбура або історичного натяку, як і інші полегшення перекладацької праці вважаються відступом від норми².

Безумовно, певні втрати інформації неминучі в перекладі хоча б тому, що в читача перекладу інший естетичний досвід, фонові знання, аніж у читача мови оригіналу – носія мови й культури свого народу. Однак не можна вважати нормальним явищем пропуски назв, які важливі для розкриття цілісного художньо-естетичного образу твору.

Саме через художнє слово, завдяки його специфічним властивостям відбувається не лише раціональне пізнання, осмислення фактів культури в найширшому розумінні цього слова, але також їх емоційне сприйняття, підґрунтям, субстратом якого так чи інакше виступає ментальність певної нації. Коли ж стрижнем національно-словесного художнього образу стає слово як мовний знак культури, проблема глибинного сприйняття художнього тексту іншомовним читачем ще більше ускладнюється. Звернімося хоча б до функціонування слова-символу “калина” в українському побутовому і художньому мовленні: калиновий міст, калинова сопілка, калинова стріла; у поезії В. Стуса – “червона тіль калини”, “калинова кров”, “на колимським морозі калина розквітає рудими слізьми”³. Принагідно зазначимо, що подібні до наведених мовні знаки культури є загальнозначущими, вони є складником

¹ Зорівчак Р. П. Реалія і переклад. — Львів, 1989. — С. 150; Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — С. 262; Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1986. — С. 43.

² Мольнар М. Тарас Шевченко у чехів і словаків. — Пряшів, 1961. — С. 143.

¹ Мольнар М. Тарас Шевченко у чехів і словаків. — Пряшів, 1961. — С. 143.

² Levý J. Umění překlada. — Praha, 1983. — S. 141.

³ Зайченко Н. Ф. Художественный текст как феномен национальной культуры. // Лингводидактика слов'янських мов як феномен культури. — К., 1993. — С. 72.

мовної (мовленнєвої) системи, а відтак відіграють важливу роль в осмисленні та розв'язанні проблем "міжперекладності смислу".

Попередні результати нашого дослідження свідчать, що складнішим виявляється збереження не історичних або соціокультурних реалій як лінгвокраїнознавчих мовних одиниць, а відтворення тих конотативно-емоційних та асоціативних компонентів тексту чи навіть окремого слова, які становлять недосяжне мистецтво простих слів і почуттів. Глибина їх часто захована, за висловом Яна Владислава, "під найбільшою очевидністю, яку не можна чіпати, будь-яке перенесення до іншої мови замінить тут простоту бідністю і поетичну очевидність буденністю"¹.

¹ Рильський М. Слово про рідну матір. — К., 1977.

ИЗОСЕМИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. П. Тропина (Херсон)

Термин *межъязыковая изосемия* возник в балканистике, им обозначают «одинаковые или параллельные явления на лексическом уровне» в языках балканского языкового союза, как генетически родственных, так и не состоящих в родстве [Соболев 2001, 59], см. также [Семчинский 1977; Асенова 1989]. Межъязыковая изосемия сродни семантическому калькированию, но отличается от последнего тем, что при семантическом калькировании всегда ясно, какой из языков выступает донором, а какой – реципиентом; при изосемии же наблюдается параллелизм производных значений семантически эквивалентных слов разных языков, но в каком из языков первоначально возникло производное значение, сказать затруднительно. Семантическое «заражение» в случае изосемии подобно такой эпидемии, очаг возникновения которой установить практически невозможно. Появление изосемных единиц, материальная реализация которых «имеет самостоятельную форму при параллельности или тождестве семасиологических признаков» [Асенова 1989, 35], обусловлено межъязыковой интерференцией. По мнению балканистов, изосемия – «самая интимная форма взаимовлияний в лексике. Она не только простое свидетельство языкового контакта, но результат духовного проникновения и близости между балканскими народами, явление, которое проливает свет на балканский менталитет» [Асенова 1989, 40], см. также [Соболев 2001].

Подобное явление было отмечено нами как активный семантический процесс современности в русском и украинском языках и названо *параллельной семантической деривацией*, ему были посвящены наши доклады на «Межвузовских международных Кирилло-Мефодиевских конференциях» 1999 и 2000 годов в Одессе [Тропина 1999; 2000] и в 2001г в Киеве [Тропина 2001]. Предложенный нами термин, как нам представляется, адекватно отражает, с одной стороны, динамический характер явления (*деривация*), с другой стороны – указывает на отсутствие «ведущего» и «ведомого» языка, на синхронность семантических изменений, происходящих в близкородственных языках (*параллельная*). Вместе с тем, в семасиологии сложилась традиция понимания семантической деривации — динамического процесса — и лексической многозначности - результата этого процесса — как звеньев одного семантического явления (Ю. Д. Апресян, С. Д. Кацнельсон, В. В. Морковкин, В. М. Русановский, А. А. Тараненко, Н. П. Тропина). Представляется, что понятия *вторичной семантической деривации* и *изосемии* находятся между собой в таких же отношениях: они дополняют друг друга, номинируя разные звенья одного семантического явления, называя, соответственно,

процесс и результат процесса, и поэтому в равной мере имеют право на существование в семасиологической терминосистеме.

Русско-украинская изосемия имеет черты сходства и различия с изосемией балканской.

Балканская изосемия прежде всего предопределяется сходными условиями проживания народов, населяющих Балканы, их длительными контактами. Балканская изосемия может охватывать два и более языков: румынско-албанская («пчела» < «улей», «снег» < «падать», «делать» = «идти»); румынско-албанско-болгарская («горсть» = «маленькая рука», «спина» = «лопатки», «пояс» = «поколение»); иногда все названные балканские языки имеют изосемные параллели в греческом («век» = «жизнь», «смола» = «пекло», «жених» = «зять», «брат» = «покупать» и др.) или турецком («коммерция» < «дато-взято», «читать» = «петь» и др.). В современной балканистике бытует мнение о большей значимости семантических параллелей, нежели лексических заимствований, поскольку первые «свидетельствуют о более сильном проникновении в язык» [Hazai; Kappler 1999; Соболев 2001].

Истоки русско-украинской изосемии имеют, во-первых, генетические корни: близкородственность языков не могла не отразиться на близости семантической структуры многих слов, имеющих единое происхождение. Однако близость далеко не всегда равна тождеству: недаром многозначности принято приписывать свойство идеозичности. К примеру, русское *плод* и украинское *плід* имеют общие значения «орган растения, содержащий семена, у некоторых из растений сочный и съедобный», «зародыш у человека и млекопитающих», «результат, порождение чего-либо», кроме того, в украинском языке эта лексема имеет еще и значение «род, семья, родня», а также значение «наследники», отсутствующие у русской лексемы *плод*. Ср. украинские поговорки: *Нема ні роду, ні плоду; Один рід, один плід; Який дід, такий його плід*. (Однако отсутствие двух последних значений в русском не означает, что стереотип восприятия, на основе которого развились значения «потомок», «отпрыск» в украинском, чужд русской ментальности: подобный стереотип мировосприятия прслеживается в поговорке «Яблоко от яблонки недалеко катится».)

Вместе с тем, в современном русском и украинском языках мы наблюдаем появление новых одинаковых параллельных семантических дериватов у слов, ранее не обладавших однотипной многозначностью. Одинаковую многозначность развили (то есть стали изосемичными) в новейшее время не только слова, относящиеся к так называемой «общей» лексике (напр., *ястреб* и *яструб* – о политически воинственном человеке), но и смысловые эквиваленты, имеющие различный план выражения: *перестройка общества, предвыборные соревнования, торможение общественных процессов — перебудова суспільства, виборчі змагання, гальмування суспільних процесів*.

Классификация изосемов-неологизмов с точки зрения исходной, «материнской» единицы выглядит следующим образом:

- 1) одинаковый план выражения как результат вхождения в общий лексический фонд (слова или корня) (*текущая ситуация, голубь* – «пацифист» – *поточна ситуація, голуб*);
- 2) одинаковый план выражения как результат заимствования из общего источника (слова-интернализмы, развившие одинаковые вторичные значения и в русском, и в украинском языках (*эпицентр общественного мнения, вектор развития – епіцентр суспільної думки, вектор розвитку*);
- 3) разный план выражения лексем при тождестве первичного значения (*тормозить прогресс – гальмувати прогрес*).

Последний тип параллельной семантической деривации русского и украинского языков внешне совпадает с «классической балканской» изосемией: близкие в первичном значении, но различные в плане выражения лексемы имеют одинаковые производные значения. Что касается тематической отнесенности производных семантических инноваций, то они относятся, как правило, к абстрактной лексике, нередко с пропозициональным и социально-политическим значением.

Появление параллельных семантических дериватов, подобных «балканской» изосемии, т.е. у слов, лишенных генетической общности, можно истолковывать как результат действия общих или близких социальных, экономических, политических, исторических причин. Факт современной русско-украинской изосемии тем более интересен, что параллельная семантическая деривация активно действует в тот период, когда этносы-носители этих двух языков оказались разделены государственными границами, а осознанная нормализаторская политика и усилия многих ученых-лингвистов в области украинского языка направлены на подчеркнутое выявление его национального своеобразия, национальной специфики, на возрождение черт, утраченных в результате тесных контактов с русским языком в период общей истории и государственности.

Здесь нам представляется уместным вспомнить, что еще А. А. Потетьба указывал на три типа свойств языка — общечеловеческие, племенные и индивидуальные [Потетьба 1895, 11]. Развивая эту потетьбянскую идею, можно истолковать активность проявления изосемии в современных русском и украинском языках несколькими причинами (помимо генетического родства языков): во-первых, влиянием процессов *глобализации*, охватившей весь цивилизованный мир и, естественно, отражающейся на лексико-семантическом уровне языков; во-вторых, «примыкающей» к этой причине общностью судеб народов на протяжении многих веков.

Еще одной негенетической причиной, на наш взгляд, является наличие сходных *стереотипов мировосприятия* [Тропина 2001; Дьяконова 2002], присущих этим двум этносам, несмотря на определенные различия их (этносов) психо-социальных характеристик. Наличие большого количества сходных, при присутствии весомого несовпадения, психо-социальных черт у русских и украинцев подтверждается данными этнопсихолингвистических исследо-

ваний языкового сознания, проведенных в Институте языкознания РАН в рамках программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян» под руководством Н. В. Уфимцевой [2000]; по результатам этих исследований ядро языкового сознания русских и украинцев совпадает на 56,6%, украинцев и белорусов на 63,7%, русских и белорусов — на 50% (для сравнения: у русских и англичан процент совпадения равен 42,6). При этом важно подчеркнуть, что в языковом сознании принято выделять ядро и периферию, уровень совпадения ядер языкового сознания этносов говорит об уровне близости их психо-социального восприятия мира. В ходе упомянутых исследований было выявлено, что у русских и англичан структура ядра различна, тогда как у русских и украинцев структура ядра близка: в самом центре ядра у русских и украинцев *жизнь / життя и человек / людина*, у англичан же на первом месте *те и тап*, причем *тап* имеет иные ассоциации, нежели *человек и людина*) [Уфимцева 2000:211]. Вместе с тем, эти этнопсихолингвистические исследования затрагивают очень глубокие слои этнокультурного сознания и подсознания (коллективного бессознательного) этносов, выявляя прежде всего ядро языкового сознания и ближайшие к нему сферы, современная же семантическая деривация зиждется как на глубинных, архаичных стереотипах, так и на стереотипах, сформировавшихся в новейшее время [Тропина 2001].

Наши наблюдения над процессами параллельной семантической деривации в русском и отчасти украинском языках говорят о том, что семантическая деривация конца XX века в обоих языках активно «эксплуатирует» одни и те же стереотипы восприятия. Особенно это заметно при сопоставлении метафорических моделей, лежащих в основе метафорического типа семантической деривации [Тропина 2001].

Так, и в русском, и в украинском языках в семантических инновациях продолжает действовать архаичный антропоморфный стереотип, отмеченный как канон языкового мышления А. Вежбицкой и В. Н. Телия. Он реализуется, например, в модели «родственные отношения между поколениями людей — иерархические отношения между предприятиями, организациями, структурами». Ср.: *дочернее предприятие, материнская фирма — дочірнє підприємство, материнська фірма*. Оба языка продолжают использовать при вторичной номинации не менее архаичный зооморфный стереотип восприятия: в обоих языках *дельфин* — зимний купальщик, *ястреб (яструб)* — экстремистски настроенный политик, *голубь (голуб)* — сторонник мирного решения конфликтов.

Наряду с этими архаичными стереотипами, когда окружающее видится и номинируется через подобие природе, животному миру, пространству, человеку, человеческим отношениям, современная технократическая цивилизация привела к появлению новых стереотипов восприятия и архетипов семантической деривации, в рамках которых окружающий мир, включая живую природу, самого себя, общественные отношения и т.д., человек начина-

ет воспринимать как нечто механистическое, техническое, и соответственно номинировать [Тропина 2001; 2002]. Такое «неологическое» восприятие характерно и для русского, и для украинского этносов, о чем свидетельствуют как узуальные, так и индивидуальные номинации, ср.: *механизмы общественного контроля, технологии манипулирования общественным мнением, призма общественных интересов, трансляция культурных традиций — трансляція культурних традицій, призма суспільних потреб, технології маніпулювання суспільною думкою*. Ср. также: «Людина — це автомобіль застарілої конструкції», — Е. Гуцало; и «Как любой механизм, наше тело нуждается в ежегодном техосмотре», — «Сам себе режиссер», РТР, 13.01.2001.

Еще один стереотип нового времени — «политика — это спорт или театр» реализуется обоими языками в номинациях типа *предвыборный марафон, предвыборные гонки, политическая борьба, сценарий политической кампании — виборчий марафон, виборчі перегони, політичні змагання, сценарій політичної кампанії*.

Представляется, что именно наличие общих традиционных и зарождающиеся новых стереотипов мировосприятия обуславливает изосемию в современных русском и украинском языках. Наличие сходных стереотипов мировосприятия русского и украинского этносов, проявляющееся в явлении изосемии, базируется не только на сходстве основных социальных и экономических процессов, охвативших оба общества, но объясняется и процессом глобализации, в который втянуты оба этноса и который, как нам представляется, и привел к возникновению одинаковых неологических стереотипов. Обе причины действуют одновременно и в одном направлении.

Литература

- Асенова П. Основни проблеми на балканския езиков съюз // Балканско езикознание. — София, 1989.
- Дьяконова И. В. Междисциплинарный подход к рассмотрению понятия «стереотип» // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб ст. — Пермь, 2002. — Вып.1. — С. 29 — 33.
- Потебня А. А. Язык и народность // Вестник Европы. — 1895. — Кн. 9.
- Семчинский С. В. Лексико-семантические интерференции славянского происхождения в дакороманском ареале // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Л., 1977.
- Соболев А. Н. Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // Вопросы языкознания. — 2001. — №2. — С. 59 — 93.
- Тропина Н. П. Параллельные семантические инновации в восточнославянских языках // Слов'янський збірник. Вип. VI. — Одесса, 1999. — С. 126 — 130.
- Тропина Н. П. Векторы семантической деривации в русском и украинском языках // Слов'янський збірник. — Вип. VII. — Одеса, 2000. — С. 108 — 112.
- Тропина Н. П. Стереотипы восприятия и семантическая деривация // Південний архів: Зб. наук. пр. Філологічні науки. — Вип. X. — Херсон, 2001. — С. 10 — 14.

Тропіна Н. П. Паралельне семантичне оновлення національно-мовних картин світу // Проблеми зіставної семантики: Зб. наук. ст. — Вип. 5. — К. — 2001. — С. 26 — 29.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М., 2000. — С. 207—219.

Hazai G., Kappler M. Der Einfluss des Türkischen in Südosteuropa // Handbuch Südosteuropa — Linguistik / Hrsg. von U. Hinrichs. — Wiesbaden, 1999.

АОРИСТ У ПОЕЗІЇ ТА ПРОЗІ Й. ДУЧИЧА

В. І. Ярмач (Київ)

Час як одна з форм буття й важлива філософська категорія в різних своїх формах був і залишається об'єктом дослідження багатьох наук. Проте категорія часу в широкому філософському абстрактному сенсі, як відомо, знаходить своє відображення й у більш конкретних сферах, однією з найпоказовіших серед яких, безумовно, є мова як основний засіб комунікації. Не випадково, система дієслівних часів конкретної мови, в даному разі сербської, є однією з важливих складових і релевантною типологічною рисою її граматичної структури в системі слов'янських мов і ширше — на індоєвропейському мовному тлі.

Відомий югославський мовознавець-славіст, професор Богдан Терзич, в одній зі своїх монографій підкреслює, що «система дієслівних часів збереглася в сучасній сербській мові “майже у тому самому вигляді, в якому вона існувала в давньоруській мові найдавнішої періоду. Щоправда, протягом останніх десятиліть помітною стала тенденція до звуження живання імперфекта, плюсквамперфекта і другого футура, лише частково — аориста. Звідси випливає, що в сучасній ... сербській мові намічається той шлях в розвитку системи дієслівних часів, який російська мова давно пройшла» [Терзич, 28]. Це, певна річ, повною мірою стосується не лише російської, а й усіх східнослов'янських і багатьох західнослов'янських мов.

Дослідження специфіки формування й еволюції темпоральних конструкцій із значенням минулого будь-якої мови як системи взагалі й аориста зокрема вимагає серйозного ретельного діахронічного експерсу в її історію. Адже, як підкреслював великий лінгвіст-філософ О. О. Потебня, “будь-яке пізнання по суті є історичним і має для нас значення лише по відношенню до майбутнього; ... Кожне спостереження даного моменту спонукає до спостереження попереднього й витягається в нитку історії, нитки сплітаються у тканину життя, що постійно відновлюється” [Потебня, 25; 642]. Вагомий філософський зміст цих тверджень важко переоцінити, особливо по відношенню до літературних творів різних жанрів, що репрезентують сформовану літературну мову народу на досить високому рівні її розвитку, де, природно, окрім чисто формальних ознак і семантичного навантаження на перший план будуть виходити й інші, не менш вагомі параметри й чинники. Зважаючи на це, комплексне дослідження окресленого кола проблем вимагає попереднього детального аналізу особливостей функціонування кожної з темпоральних конструкцій із значенням минулого в сербській літературній мові окремо.

Оскільки в межах цієї статті ми не можемо проаналізувати увесь комплекс питань, пов'язаних із згаданою проблематикою (а крім того, це і не є її безпосереднім завданням), обмежимося лише деякими зауваженнями загального характеру з цього приводу. В усіх історичних пам'ятках сербської мови,

починаючи з пам'яток найдавнішого періоду (а саме, пам'яток старослов'янської мови сербськохорватської редакції періоду XII – XIII ст. — “*Мирославово євангеліє*”, “*Вуканово євангеліє*” тощо), рукописів періоду XIII – XV ст. (коли сербська мова вже набуває майже повністю свого сучасного вигляду), пам'яток епохи XV – XVIII ст. (коли в межах відповідного ареалу з'являється багата художня література й коли на різних територіях і з різних міркувань з'являються перші тенденції до створення єдиної літературної мови), літературних пам'яток XVIII ст. (яке слід розглядати окремо й коли в процес розвитку мови вноситься чужий елемент — русько-словенський), й закінчуючи літературними творами новітнього часу, функціонують усі чотири різновиди темпоральних конструкцій із значенням минулого, характерні й для сучасної сербської мови, а саме: *перфект*, *плюсквамперфект*, *аорист*, *імперфект*. У структурному плані перші дві з них є аналітичними, а решта — синтетичними. Що стосується їх семантики, то остання, аналізована на синхронному зрізі сучасного стану сербської мови, природно, нерозривно пов'язана з історією формування та еволюції різних часових форм у слов'янських мовах.

Так, наприклад, у відомій роботі А. Мейє “Загальнослов'янська мова”, яка є й залишається однією з найсерйозніших і найавторитетніших спроб реконструкції граматичної будови мови-основи, говориться, що “слов'янський аорист був формою, вживаною для розповіді про минулі події... й... кожне дієслово загальнослов'янської мови мало простий минулий час, що називався аористом, і витоки якого ведуть або до індоєвропейських аористів, або до імперфектів. Слов'янський аорист був формою, що вживалася для розповіді про минулі події... Аорист на –s, котрий широко розвинувся в слов'янських мовах і згодом цілком замінив перший (тематичний – пояснення нашіє – В. Я.) тип там, де аорист взагалі зберігся” [Мейє, 198 – 199]. Крім того, як відомо, форми аориста в усіх слов'янських мовах утворюються від основи інфінітива дієслів доконаного виду. Але “в болгарській, сербській і хорватській мовах дієслова недоконаного виду також можуть мати форми аориста” [Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, 328].

Аорист, на наш погляд, є однією з найцікавіших різновидів темпоральних конструкцій із значенням минулого, причому особливої актуальності ця теза не випадково набуває саме на ґрунті сучасної сербської мови.

Сучасні граматики сербської мови і, зокрема, граматика академіка М. Стевановича, стверджують, що основне значення аориста сконцентроване в такій його формі, “...якою позначається дія, що відбувається в минулому, безпосередньо напередодні моменту мовлення” [Stevanović, 345]. Незважаючи на те, що дефініція, дана академіком М. Стевановичем, є дуже еластичною, вже й сам автор наголошує на еventуально широкому спектрі його виражальних можливостей. Крім того, й інші відомі учені не випадково ідуть у цьому напрямку ще далі: сам той факт, що аорист як синтетична темпоральна конструкція із значенням минулого неоднаково вживається на

всьому географічному ареалі сербської мови, вже ставить під сумнів, чи йому взагалі властиві чисто індикативні, тобто неекспресивні значення [див., напр., Vuković]. Таким чином, ми безпосередньо підійшли до важливої проблеми: співвідношення загальноприйнятого, суто граматичного тлумачення значення аориста і функції цієї часової конструкції в художній літературі. Багатий матеріал в цьому відношенні дає, зокрема, поетична й прозова творчість **Йована Дучича**, одного з яскравих представників сербського модерну, літературного явища епохи кристалізації стандартної мови, яку академік П. Івич охарактеризував такими словами: “Більше, ніж будь-який інший період в історії, останні десятиліття XIX століття й початок двадцятого відзначаються як час швидкого і в основному безперешкодного розвитку сербської літературної мови. ...Сили більше вже не треба було розпорошувати на суперечки з приводу суттєвих речей, звукова й морфологічна будова були вже утверджені, й на порядку денному залишилися формалізація й поповнення саме у тих галузях, в яких розвинута літературна мова найбільше відрізняється від збідненої – в області словникового складу й синтаксису” [Івић, 256].

Поетична й прозова творчість Йована Дучича дає багатющий матеріал для вивчення й різнобічної інтерпретації значень аориста як синтетичної конструкції із значенням минулого. Яскравими прикладами такого переносу значення й експресивного вживання аориста можуть бути приклади з його поезій різних часів: так, у наступних уривках з віршів “*Акорди*” й “*Самотність*” багато в чому саме завдяки аористам автор створює притаманне йому неповторне враження безпосередньої причетності читача до подій і переживань, а дія набуває виразно експресивного характеру: *Често све стане; још се само чује / Куцање мог срца. Но исти удари / Чуше се шумом; мирно закуцаше / удар за ударом, из стабла...* [Дучић¹, 8]; ... *Док блиснуше небеса у часу, / И шум чудан прође по самоти, / Мирис липа долином се расу: / Једна душа мину посред ноћи ...* [Дучић¹, 43].

Академік Л. А. Булаховський свого часу справедливо зазначав, що “категорія часу знаходить ... вияв у відповідних ознаках понять, зв'язаних з дією або станом. Проте навряд чи є мова, в якій час морфологічно був би виражений в його чистому значенні. ... У слов'янських мовах час виражається ознаками, взагалі щільно зв'язаними з *в и д о в и м и*” [Булаховський, 190]. І дійсно, під пером Й. Дучича аористи використовуються для позначення дій, що відбувалися в минулому. Однак це не є звичайний опис, а жива розповідь про бурхливі події та переживання. Аористи тут вдало заміняють перфекти, оскільки замість кожної з цих конструкцій можна було б використати останні, що було б цілком коректно з точки зору семантики. Проте перфекти мали б тут чисто поняттєвий, досить обмежений ужиток, лише даючи інформацію про час, коли відбувалися події. Тому Й. Дучич не випадково вдається до передачі такого значення за допомогою форм аористів, за рахунок чого створюється експресивність і передається напруженість подій та швидкий темп, з якими вони змінюють одна одну, причому не лише конкретних подій

у їх, так би мовити, чисто “фізичному” сенсі, а часто-густо й описів саме суто психологічних переживань і станів. Такий прийом взагалі дуже характерний для творчості Й. Дучича, про що красномовно свідчать вищезгадані приклади.

Таким чином, як бачимо, основний елемент подібних аористів має стилістичну природу, тобто в основі цього явища лежить своєрідна заміна значень, які первісно належали певним дієслівним формам. Такі зміни академік Л. А. Булаховський влучно називає емоціональними та афективними “зсувами” формальних значень: “Емоція (почуття) та афект (збудження) нерідко викликають зсуви “точних” значень, які первісно належали відповідним формам. Під впливом емоції або афекту певні форми розширюються вжитку, дістаючи нові функції з більш або менш гострим психологічним забарвленням. ... Буває й так, що емоція та афект знаходять часом собі вихід у навмисній заміні точного вживання форм звернення до форм з іншим значенням. Останні, замінюючи точні, набувають забарвлення, яке їм раніше зовсім не належало, або часом і нового смислу, ... а вибір замість точних для вираження таких думок форм ... - “зсунутих” – минулого часу ... викликається не якимсь логічними, а саме психологічними мотивами” [Булаховський, 193 – 94]. Саме такими є, наприклад, значення форм аориста в глибоко психологічних, емоційно піднесених віршах Й. Дучича “Шум” і “Миттєвості”, вжиті для передачі завершеності дії, що відбувалася до моменту мовлення: “Пође шум з горе јасенова, / Даде га шуми јела...” [Дучић¹, 78]; “Она прође душом као из далека / Залутале птице у светлости маја... [Дучић¹, 48].

Розвиваючи думку про стилістичну природу “зсуву” значення дієслівної форми, зазначимо, що основна причина семантичної транспозиції часу і способу криється в бажанні письменника мальовничо й експресивно представити момент, коли відбувається дія. Другорядним фактором, яким, проте, аж ніяк не можна знехтувати, є наявність у поетичній мові елементів інтенційності й спонтанності, принаймні причини транспозиції криються в певній ефективності особи, котра вживає переносні часові значення. Навіть тоді, коли елемент дієслівного виду впливає на виражальні можливості аориста і, незважаючи на те, що вид є окремою категорією, яку необхідно відмежовувати від часового значення, не можна сказати, що виражальні можливості аориста не залежать від цього елемента: “Безсумнівно, що аорист внаслідок самого характеру його вживання ... характерний більшою мірою для дієслів доконаного виду, ніж недоконаного. ... За допомогою аористів недоконаного виду можна розповідати про події, що мали тривалість у минулому... [Мейє, 207].

Вишукана проза Й. Дучича, котра, на жаль, залишається в тіні його поетичних творів, відкриває ще один, досить несподіваний ракурс для вивчення аориста, хоча в есеїстичних творах цього автора “Скарб царя Радована” і “Ранки з Леутара” саме ці дієслівні конструкції якраз і не є частотними. Навпаки, сама манера викладу, – афористична й стисла, численні висловлю-

вання, що, зазвичай, мають вагу глобальних філософських істин, диктує авторові вживання перфекта, перфекта й імперфекта в презенті, рідше – плюсквамперфекта, ще рідше – аориста тощо. Водночас саме така загальнофілософська спрямованість тексту й дозволяє досить рідко вживаним темпоральним конструкціям із значенням аориста “заграти” по-новому: *Официр се издире на људе и коње, а јасена се диви његовој сили заповједника од којег имају страх људи и животиње* [Дучић², 93]; *Смрт је већма ружна и одвратна, него што је ужасна и језива. Она награди човеково тело и унакази његов граз лица, претворивши најлепшу човекову амфору у безформну и гадну масу* [Дучић², 56]; *Орфеј је сшао у Хад из љубави за нимфом Еуридиком, рано умрлом, и богови су му тамо показали њену сенку, али га богови вратише натраг, јер се преко њихове воље на њу окренуо* [Дучић², 111]. Оскільки в своїх есе Й. Дучич говорить про поняття, що певним чином «проектуються» на вічність (життя, смерть, кохання, ненависть, ревнощі і т. д.), форми аориста, які ним вживаються в прозових есе, здебільшого семантично й емоційно навіть ближчі до моменту мовлення, ніж у його поезії, більше того, вони впливають також і на статус та часові рамки самого поняття «моменту мовлення», що стають все більш розпливчатими. Цікавий також і своєрідний фон, що його створюють аористам інші темпоральні конструкції із значенням минулого, як-от: презент, перфект. Вони якраз, у першу чергу, і становлять мовний мікроконтекст, що виникає в глобальних рамках позамовного контексту, який, у свою чергу, «втягає» на поверхню асоціативні характеристики й ефект стилістичного контрасту. Він виникає, «коли до стилістично немаркованого дескриптивного значення додаються асоціативні характеристики, переводячи, таким чином, лексему ... в категорію стилістично маркованих» [Prčić, 64]. Отже, таким своєрідним стилістично менш маркованим тлом для темпоральних конструкцій із значенням аориста в прозі Й. Дучича й стають емоційно менш виразні конструкції, засновані на використанні інших часових форм. Використання форм аориста в прозі Й. Дучича навіть тяжіє до характеристик, що його має гномічний аорист.

Проаналізований матеріал дає можливість зробити ряд важливих теоретичних висновків. По-перше: дієслово в художньому творі суттєво відходить від чисто граматичних канонів за рахунок транспозиції значень темпоральних конструкцій, яке має стилістичну природу. По-друге: за справедливим висловом академіка М. Стевановича, розповідь за допомогою аориста є набагато експресивнішою, ніж, скажімо, за допомогою перфекта. По-третє, “транспозиція значень аориста є джерелом його експресивності. Індикативний аорист виражає і ... елемент переживання дії” [С’отас, 66].

Таким чином, вживання аориста в художньому творі (поетичному або прозовому) відкриває широкі перспективи для дослідження: використання індикативного аориста, гномічного аориста, аориста в презенті, аориста в майбутньому тощо. Насамкінець в контексті розвитку й взаємовпливу синтетичних і аналітичних тенденцій у мові зазначимо, що в сучасній сербській

мові, з одного боку, намітилася тенденція до певного звуження сфер вживання минулих часів (а саме, до часткового поступового звуження вживання імперфекта й плюсквамперфекта на фоні частотного вживання аналітичних форм перфекта), проте сфера вживання аориста звузилася значно менше. І цей факт, виходячи з унікального виражального спектру цієї часової форми, аж ніяк не можна кваліфікувати як випадковий.

Література

1. Булаховський Л. А. Нариси з загального мовознавства. — К.: Рад. школа, 1955. — С. 190.
2. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. — К.: Наук. думка, 1966. — 595 с.
3. Дучић Ј. Сабрана дела. Књига I и II. — Београд: Народна просвета, 1929. — 303 с.
4. Дучић Ј. «Благо цара Радована (Књига о судбини). Јутра са Луетара (Мисли о човеку)». — Београд: Прозаик, 1996. — 541 с.
5. Ивић П. Преглед историје српског језика. — Т. VIII. — Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижевна Зорана Стојановића, 1998. — 348 с.
6. Мејє А. Общеславянский язык. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. — 491 с.
7. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905. — 650 с.
8. Терзић Б. Руско-српске језичке паралеле. — Београд, 1999. — 370 с.
9. Vuković J. Sintaksička vrijednost imperfekta u savremenom srpskohrvatskom jeziku. Radovi II. — Sarajevo, 1955.
10. Poljanec F. Istorija srpskohrvatskog književnog jezika. — Beograd: Narodna prosveta, 1931. — 287 s.
11. Prčić T. Semantika i pragmatika reči. Sremски Karlovci — Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1997. — 150 s.
12. Stevanović M. Savremeni srpskohrvatski jezik. — Т. I – II. — Beograd, 1964 – 1969.
13. Čorac M. Stilistika srpskohrvatskog književnog jezika. Beograd: Naučna knjiga. — 291 s.

«Спи езерото» - образец на поетическо съвършенство и изящество е една от лирическите миниатюри в стихосбирката «Сън за щастие» на българския поет Пенчо Славейков. В същата 1904 г., когато излиза тази книга, украинският поет Микола Вороний пише стихотворението «На озері». Съпадението на годините е показателно за времето на проява на модернизма в българската и украинската литература, а текстологичната близост между двете творби, освен че е удивителна, би могла да доведе до дълбинни наблюдения за битието на поетическия език и в частност на славянския езиков материал. И двамата автори създават визуален свят в пределите на езика, в който езерото е елемент в пейзажа, заедно с ограждащи го в кръг дървета.

П. Славейков

Спи езерото, белостволи буки
над него сводят вити грапки

М. Вороний

Верболозом, осокою
Молодоо

Плесо озера ясне
Огорнулося і сяє.

У П. Славейков и М. Вороний водата е семантически активен елемент в структурата на света. И в двете творби това е спокойна, спяща, неподвижна вода:

П. Славейков

Спи езерото..

.....

А то, замряло, нито трепва...

М. Вороний

Усміхаються і линуць –

Ніби гинуть.

Водата е показана като материя, с идеята за граници – бряг, дъно, повърхност, дълбина.

П. Славейков

Понякога му сал повърхнини

П. Славейков

И в тихите му тъмни дълбини

И двамата автори изграждат езиковата картина като игра на отражения между небе и вода.

П. Славейков

Преплитат отразени сянки

Мов примари

М. Вороний

І пливуть по ньому хмари,

А ето как всички тези удивително сходни визуални детайли и езикови елементи се сглобяват аналогично в двете творби в импресионистична картина, в която природата е пейзаж на Душата:

П. Славейков

Спи езерото; белостволи буки
над него свождат вити гранки,
и в тихите му тъмни гълбини
преплитат отразени сянки.
Треперят, шепнат белостволи буки,
а то, замряло, нито трепва...
Понякога му сал повърхнини
дълга от лист отронен сепва.

М. Вороний

На озері
Верболозом, осокою
Молодою
Плесо озера ясне
Огорнулося і сяє.
Виграває
В сяйві сонця, мов скляне.
І пливуть по ньому хмари,
Мов примари
Сніжно-білі, осяйні,
Усміхаються і линуць –
Ніби гинуть
У прозорій глибині.
Так в душі моїй спокійній,
Тихомрійній
Любий образ твій встає
І небесною красою,
чистотою
Вабить серденько моє.

Визуалните и словесни аналогии между творбите на Славейков и Вороний изглеждат по-удивителни в перспективата на още едно допустимо сравнение – с творбата “Нирвана” на българския поет П. Яворов.

Нирвана

Б. Пеневу

Спят вечните води, безбрежните води – бездънни,
но в тях се не оглеждат небесата звездни,
и бродим ний наоколо безсънни,
и трепнем пред безмлъвните им бездни.
Спят вечните води, бездънните води – безбрежни,
над тях се не навеждат хоризонти мрачни...

И впиваме ний поглед безнадеждни,
и тръпнем пред догадките си здрачни.
Предвечните води, всевечните води – кристални,
бездънни и безбрежни, призивно прохладни...
Но страх ни е да пием, нас – страдални,
безсънни, безнадеждни, знойно жадни.

Още първият стих на Яворов всмуква спокойния импресионистичен пейзаж във визуалната и смислова перспектива на негацията:

Спят вечните води, безбрежните води – бездънни,
но в тях се не оглеждат небесата звездни.

Това е друга вода – изначална стихия, космическа всепоглещаша субстанция – без бряг, без дъно, без повърхност. У Яворов водата е субстанционална стихия, в която изчезват “небе” и “звезди”, което е всъщност символистичният мотив за угасналото слънце. Светът тук е без граници, без отражения, изцяло в модалността на негацията. Езикова стратегия на Яворовата творба е активирането на конструкти, които не назовават, а отричат същности: “безбрежни”, “бездънни”, “се не оглеждат”, “безсънни”, “безмлъвни”, “бездни”, “се не навеждат”, “безнадеждни”, “безсънни”, докато у Славейков и Вороний водата е пейзаж на Душата, у Яворов тя е субстанция на Духа, блян по пълната неподвижност, тоталното спокойствие, вселенското замиране.

У Славейков и Вороний визуалното е проявление на психологически дълбинното. И двамата създават картина, в която има визуална перспектива, но езикът се задържа на повърхността на смисъла, спира до видимостта, лингвистичната стратегия на двамата автори е подобна на импресионистичната прозорност в изобразителното изкуство.

В творбата на Яворов липсва визуална перспектива, но тук езикът потъва отвъд видимостта, в бездните на метафизичния смисъл.

Славейков и Вороний създават импресионистични визуални изображения в словото, докато Яворов трансцендентира света в пределите на стиха.

Първото, колкото самоочевидно, толкова изненадващо наблюдение е, че различията са повече между двамата български поети – Славейков и Яворов, а близостта е по-голяма между българина Пенчо Славейков и украинца Микола Вороний. При това и Славейков, и Яворов са автори на ранния български модернизъм, принадлежащи към един естетически кръг. А тъй като Славейков и Вороний очевидно не са познавали взаимно творчествата си, традиционното мислене в сравнителното литературознание чрез влияния и взаимодействия стига до невъзможността да намери обяснение. Явно героят на този интерлитературен сюжет на удивителни съвпадения и неочаквани различия е езикът в неговата феноменалност. Героя на славянското сравнително литературознание в статия, писана в 1951 г. в Кембридж Р. Якобсон [1], определя така: «Това е общото славянско наследство и въздействие то му върху всички славянски литератури» [2: 76]. Според Якобсон под съмне-

ние е наличието на собствена естетическа система на модернизма в територията на славянските езици [2 : 44], но доколкото езикът е полето на проявност на естетическото – общославянският езиков фонд предполага по-голяма степен на съответствия, аналогии, подобия на поетическата практика на модерността в славянските литератури. «Този феномен – сходна реакция на сходни интернационални стимули – заслужава симптоматично изследване» – пише Якобсон [2 : 44]. Доколкото езикът е собствено присъща зона на славянското и «езиковият критерий е единственият необходим обективен признак за славянскост», то литературите, създавани от субстанцията на този общ славянски фонд, «имат колорита и текстурата на неговата матрица» [2: 30, 72]

Перспективата, предложена пред сравнителното славянско литературознание от Якобсон, дава ключ за разчитане на интеркултурните сближавания, но сравнителното изследване на поетическите практики в различните славянски литератури предполага и неочаквани различия и непредвидими раздалечавания в общото. Всяка естетика създава своя философия и практика на поетическия език, които са доминиращи и предопределят в по-голяма степен сходството между автори на различни литератури, обединени в системата на естетическото, отколкото между автори, пишещи на един и същ език.

Изводът от подобно наблюдение е, че тезата за менталността на дадена нация, сублимирана в езика, би трябвало да се подложи на съмнение по отношение на поетическото битие на езика. В поетическия език винаги действа т.нар. от Тинянов «теснота на стиховия ред» и думите се използват не в речниковия, а в ореолния им смисъл, произвеждайки го в контекста на лексикалната си, литературно-историческа и естетическа среда.

И така езикът и неговите импликации са основният атрибут на изследване и герой в полето на сравнителното славянско литературознание.

Независимо от всички самостоятелни и дивергентни изменения в звуковия модел, морфологията, синтаксиса, речника и фразеологията, които различните славянски езици са претърпели в историческата си еволюция, на всички езикови нива се запазва един общ съществен фонд от наследствени и непроменими общи свойства [2 : 44, 78]. Над близостта на праславянския словесен материал и над различието на отделните славянски езици израства друг условен език — в най-голяма степен фокусиран върху себе си, върху собствената си организация – езикът на словесното изкуство. Този език на езиците е голямото предизвикателство пред сравнителното славянско литературознание.

Бележки

1. Mass, and Hunter, N. I. 1950 – 51. // Harvard Slavic Studies, I (Cambridge, Mass., 1953).

2. Якобсон, Р. Същината на славянското сравнително литературознание, // Език и литература. — С., 2000. — Кн. 2.

ЗАГАЛНА ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ'ЯНСКОГО МІФОЛОГІЧНОГО ПРОСТОРУ

О. В. Яковлева (Одеса)

Интерес до міфологія в наш час обумовлений не лише об'єктивними і суб'єктивними чинниками розвитку наукового пізнання. Як зазначає Наталя Лисюк, «пов'язано це з історичною драмою homo economicus, homo scientis, homo technologicus, людиною, яка створила економіко-науково-технологічну цивілізацію і яка не залежить від жодних обмежень, крім матеріальних» [3; с. 262].

Ми поділяємо думку цього ж автора про те, що в міфологічних шарах фольклору і в обрядах як вторинних семіотичних моделювальних системах функціонують, власне, не архетипи – ідеальні дообразні утворення, а символи, образи, теми, мотиви (міфологеми), сюжети.

Вірною, на нашу думку, може вважатися гіпотеза про те, що кожний слов'янський мікроетнос – древляни, поляни, сівера тощо – мав свої міфи, і кожний міф існував у багатьох варіантах. Таким чином, існувала лише схема міфу, яка з часом втілювалася у різні варіанти.

Отже, повторення міфологічних мотивів у текстах різних слов'янських народів слід розглядати як проявлення у вербалізованій соціальній пам'яті деяких інваріантних закономірностей самоорганізації та світосприйняття.

Тексти в кожній культурно-історичній традиції різні, міфологічна ж модель всесвіту, космосу завжди зберігає властивості універсалу.

Таким чином, одним із джерел для зібрання міфів певного етноколективу можуть бути вірування, звичаї, замовляння, заговори, заклинання, прислів'я, які входять у духовну систему народу, що, власне, є відображенням міфології.

З давніх-давен існували малі фольклорні форми: заклинання, загадки, гноми (давньогрецьке *gnome* – думка, вислів, судження) – вислів, що містить у собі якесь правило народної мудрості, прислів'я, приказки, що ніби матеріалізують і конденсують у собі мудрість народу. Наприклад, «Гість у дім – бог у дім» (тут зближені поняття «гість» – «бог»; існувало повір'я про відвідування на Різдво осель простих смертних бажаними «богами»).

Так, спостереження О. Потебні над генетично й типологічно спільними та відмінними символами пісень, казок, замовлянь, прислів'їв відкривають нові перспективи досліджень взаємодії фольклорних жанрів, а також виявляють еволюційний характер символів. Нагадаємо, що О. Потебня розглядав символ не лише як стилістичну категорію, а як продукт культурно-історичного розвитку людства, пов'язаний із мовою, світоглядом, пізнанням світу, він вважав символ не тільки явищем мови, міфології, але і явищем усної художньої творчості в її родово-видових трансформаціях, жанровій спе-

дяки”, якщо кінь сьорбне трохи води і пирсне, то піде невеликий дощ, а якщо більше захопить води і почне фиркати, то дощ буде більший” [6; с. 24].

Слід пам'ятати, що в давнину люди не задовольнялися простим переказом своїх міфів, а дуже часто драматизували їх (супроводжували певними діями). Це надавало особливу силу, ефективність словам. Слово входило в реальний світ як його складова частина (слово як факт, подія, вчинок).

Порядок, який спостерігала людина в навколишньому світі і який проявлявся в послідовній зміні дня і ночі, пори року, підтримувався звичаями, обрядами в межах певного колективу. Так, деякі свята (“священні дні”) були пов'язані з “началом” (початок світу), перетворенням за формулою: хаос – порядок – космос.

Будь-які зміни у світі порядку пояснювалися проникненням в нього сил хаоса. Ілюстрацією можуть бути зимові свята східнослов'янського календаря. Це перехід від старого року до нового. В цей комплекс входять три свята – Різдво, Святки (Новий рік) і Хрещення (Водохреща). В основі свят лежить така ідея: старий світ, старий час відбули своє, їх очікує розпад та смерть. Сили життя втілювались у сонці; взимку сонце зникає в боротьбі з холодом, темними злими силами і вмирає у найдовшу ніч року – в ніч зимового сонцестояння.

У слов'янській міфології персонажі, які втілюють родючість і разом з тим зиму і смерть – Масляниця, Марена. Сюжет свята пов'язаний із сюжетом творення світу, космосу: 1. Спочатку силами колектива доводили роботу хаоса до кінця – такий собі нуль космічності (це обряди, пов'язані з контактами “іншого світу”): різдвяна вечеря присвячувалася культу предків, це запрошення на “кутю” душ померлих: “Різдвяна кутя і узвар мають ритуальний характер і надзвичайно давні. На столі ставили ще дві мисочки, за якими ніхто не сідав, одна для духів – душ покійників, а друга для відсутніх членів родини. Після вечері з столу не приймали куті та ще деяких страв. Вірили, що вночі прийдуть духи – душі й сядуть за Святу Вечерю удруге. Для них на вікні чи на покуті ставили шклянку води. Під вечері до хати вносився і кладеться на покуті дід чи дідух ритуального значення, вносився сіно, а під стіл обжинковий чи звичайний сніп; потім все це виміталось і палилося на вулиці, в огонь кидали й солом'яне чучело – міфологічний персонаж у вигляді солом'яної ляльки.” [10; с. 47].

Солома представляє елемент рослинного світу, який символізує кінцеву стадію кругообертання в живій природі і водночас початок нового рослинного циклу. Спалювання соломи означало і життєве в'янення, і наступне оновлення – Воскресіння. Основна тема колядок – возведення домівки (домашнього вогнища) в ранг Космосу.

Ой позволь нам, пан-хазяїн, Та й колядочку сказати,

Навкруги твого двора (двір – це світ) Та й залізнії тина (кінцевість Всесвіту). Посеред твого двора стоїть стовп золотий (сонце або піч у хаті) А на тім на стовпі сидить птиця орел (орел із царів; бог, хазяїн) [6; с. 115].

(пор. прслів'я: Моя хата небом крита, землею підбита, вітром загороджена [6; с. 15]).

Колядування, яке відтворювало вмирання старого світу, відбувалося тільки вночі і включало дії, пов'язані з вивертанням світу навиворіт: ряжені на язичницьких ігрошах “б'яху в бубни, друзии же в сопели сопяху, инши же возложиша на лица скураты (маски, «хари») и деяху на глумленье человеком» [4; с. 65].

В білоруських селах перед Новим роком вибирали дівчину, обвішували стрічками, робили її горбатою, з чорним обличчям: “Треба, щоб Щодра косматая була!” Обличчя прикривали маскою. Слово “маска” в багатьох мовах розуміється як “смерть”, “предок”, “зображення мерця” (за дослідженнями О. Д. Авдєєва) [5; с. 78].

Колядування, яке відбувалося тільки вночі, відбивало увялення східних слов'ян про вмирання природи, але в колядках були й елементи воскресіння: його утверджував обряд водіння кози (ця дія відбувалася вдень). Коза символізує родючість, і це співвідносили з оживанням природи. Коза, що вмирала і оживала, точніше, пробуджувалась від дуди бога Перуна, втілювала сонце. По-перше, вона була одягнена в білий вивернутий кожух; по-друге, “де коза ходить, там жито родить” – у примовках підкреслюється її безпосередній зв'язок з урожаєм. По-третє, найголовніше, коза символізує сонце у веснянках:

Скочила коза з воза, Крикнула до сторожа:

— Стороже, стороженку, подай ми сокироньку,

— Вполоночку рубати, веснянки добувати [6; с. 25].

Обряд “водити козу”, на думку Олени Таланчук, запозичений від римських Сатурналій звичай, а коза вішувала врожай. Пізніше християнство заступило перше свято народження сонця святом Народження Христа, але обряди старого свята скрізь позоставалися мало змінні. З колядою цей же автор пов'язує свято корочуна. Дослідники твердять, що “корочун” – це назва коляди, і таке розуміння збереглося на Україні, у волохів та болгар. Саме слово “корочун” пояснюється або що це – найкоротший день 21 грудня, або що це день “покрочував”, почав здовжуватися, а то виводять від румунського стасіун – Різдво [9; с. 49]. (В багатьох веснянках коза або козел підмінюється селезнем, що також є символом сонця).

В ту ніч завершувалося річне коло. Після цього сонце оживало і набирало сили, яка прибувала щодня і щогодини. Оновлене й чисте сонце розганяє всяку нечисть і обіцяє людям весну. Це і є справжнє свято народження сонця – Різдво.

Зранку колядники ходили від хати до хати, колядували надворі, під вікнами, тобто співали ритуальні пісні. В хаті промовляють святкові побажання з вірою, що те, що говориться, сповниться. Господарю і господині в колядках бажається щастя й здоров'я, “повні кошари й великі отари, телочки й овечки, зеленого винця і красного молодця.” Багато колядок з побажанням врожаю:

Стоїть же нова світлонька, А в тій світлонці тисовий столик,
При тім столику три гості сидять, Три гості сидять, три товариші.
Єдин товариш – ясне сонечко, Другий товариш – та місяченько,
Третій товариш – та дробен дощик. Сонце же мовить: — Нема над мене.
Як же я зйду в неділю рано, Вогрію ж бо я гори й долини,
Гори й долини, поля й дуброви, Морози спадуть, а роси стануть[1; с. 98 – 99].

Система народних уявлень про навколишній світ, відбиваючись у слові, постійно відчувала зовнішній тиск з боку слов'янської книжкової мови, яка повільно складалася протягом кількох століть, починаючи з IX століття від перших перекладів Кирила та Мефодія – першовчителів слов'ян. Але й у наш час окремі елементи зимових свят, такі як колядування вдень, щедрування, діють у багатьох слов'янських селах.

Література

1. Дмитренко М. Олександр Потебня – дослідник фольклорної символіки // Збірник наук. пр.: Українські символи. — Київ: Народознавство, 1994. — 140 с.
2. Корж Н. Г., Луцька Ф. Й. Скарбниці античної мудрості. — Київ: Вища школа, 1994. — 351 с.
3. Лисюк Н. Поняття архетипу в народній культурі // Збірн. наук. пр.: Дух і літера. — Київ, 2001. — № 7 – 8. — С. 262 – 276.
4. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. – Санкт-Петербург, 1999. – 398 с.
5. Механизмы культуры. – М.: Наука, 1990. — 269 с.
6. Народні повір'я. – Київ: Народознавство, 2000. — 130 с.
7. Прислів'я та приказки. — Київ: Народознавство, 2000. — 247 с.
9. Таланчук О. Духовний світ українського народу. — Київ: Фотовідеосервіс, 1992. — 64 с.
10. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. — М.: Наука, 1984. — 236 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ю. В. Мельник (Кировоград)

Глобализация — феномен, проявивший себя на рубеже тысячелетий на всех уровнях жизни человечества. Однако приходится констатировать, что интерес ученых к глобализации ограничивается, в основном, экономическим, политическим и социологическим аспектами. Представляется необходимым отметить, что назрела необходимость обратить внимание на лингвистические аспекты глобализации, при этом исследования в указанной области следует проводить на сравнительном материале, т.к. похожие явления наблюдаются во многих языках. Значительные изменения, происходящие в современном мире, подготовили почву для глобализации и, как результат, языковых изменений.

Термин «лингвистическая глобализация» использует преподаватель английского языка как иностранного в Rice University (Хьюстон, Техас) и редактор электронного журнала *TOPICS* (“Темы”) С. Питерс, понимая под ним более активные процессы взаимопроникновения языков в период глобализации и увеличение числа американизмов в языках мира. Украинские лингвисты говорят о влиянии глобализации на украинский и русский языки (Ажнюк, 2001, 48).

Наибольший интерес для лингвистов представляют:

- 1) активные процессы взаимопроникновения языков мира, в первую очередь, влияние английского на другие языки;
- 2) появление новых и развитие уже существующих диалектов, носителями которых становятся новые группы эмигрантов и других лиц, меняющих местожительство на длительный срок;
- 3) влияние технологий на развитие формы и системы языка и методов изучения иностранных языков.

С окончанием «холодной войны» во многие языки потоком хлынули англоамериканизмы, в первую очередь, связанные с экономикой, современными технологиями и политикой. Распространение американского бизнеса, продукция Голливуда, Интернет, американские скоростные технологии приготовления пищи, переход военно-воздушных сил ряда стран на стандарты НАТО (Домашнев, 2001, 134) и многое другое – все это способствует появлению новых понятий, необходимости изучать английский, и, как следствие, появлению англоамериканизмов в речи. Во многих странах детей называют английскими именами, открываются рестораны с иностранными названиями, регистрируются фирмы, названия которых содержат заимствования, люди не могут найти в родном языке аналогов словам *sale, modem, e-mail, computer, cell phone* и многим другим. Появляются слова типа *Denglish* и *Singlish* (смесь английского с немецким в Германии и с китайским в Сингапуре). Немцы констатируют, что им давно уже проще сказать *ticket* вместо

Busfahrkarte, Eintrittskarte или *Strafzettel*. В Японии каждый день в газетах появляются новые слова с английским корнем, которые непонятны читателям (*cuto* от англ. *cute* вместо японск. *kawaii*, *gesto* от англ. *guest* вместо японск. *okyakusan*).

Особый интерес представляет появление новых (формирование диалекта русскоязычных эмигрантов в Германии) и развитие уже существующих диалектов, носителями которых являются эмигранты. Для украинской науки этот вопрос особенно актуален, т.к. украино- и русскоязычных выходцев из нашей страны за ее пределами немало и при исследовании процесса заимствований особенно интересно сравнить процесс заимствования англоамериканизмов в славянских странах с тем, как поглощаются американизмы языком эмигрантов, какие тенденции совпадают, какие отличаются. Результаты такого исследования позволяют прогнозировать, появления каких слов можно ожидать в славянских языках в недалеком будущем.

Наибольшее количество носителей славянских языков уезжало из Европы традиционно за океан. Сравним особенности эмиграционного процесса разных славянских народов, зафиксированные историками. Из всех славян наиболее известны в Америке поляки. Массовая эмиграция из Польши началась раньше, чем из других славянских стран: первый ее этап относят к периоду 1608-1776 (Naiman, 1939, 1). У большинства польских эмигрантов было крестьянское происхождение, они поселялись в местах, где была развита промышленность, обычно угледобывающая. Что касается чехов и словаков, то исследователи славянской эмиграции в Америку обычно разграничивают чешскую и словацкую эмиграцию. Чехией управляла непосредственно Австрия, а словаками управляли венгры, т.е. национальное меньшинство подчинялось национальному меньшинству, что обеспечивало двойное угнетение словаков по сравнению с чехами (Schermehorn, 1949, 293 – 294). Чехия была более развита в промышленном отношении: среди чешских эмигрантов было в 2,5 раза больше квалифицированных рабочих, чем в среднем среди эмигрантов из Европы (Schermehorn, 1949, 295). В отличие от большинства славян, чехи не занимались неквалифицированным трудом. Словаки работали либо на угольных шахтах (Кливленд, Питтсбург), либо в сельском хозяйстве. Газет на словацком языке в Америке издавалось в два раза меньше, чем на чешском. Что касается ранней эмиграции из Сербии и Хорватии, более 90% эмигрантов не имели квалификации, у себя на родине они занимались сельским хозяйством, но в Америку приехали слишком поздно для того, чтобы получить землю, поэтому были вынуждены работать на угольных шахтах. Одной из самых малочисленных славянских диаспор в США является болгарская: не более 150 тысяч. Американцы, признающие свое болгарское происхождение, — это выходцы не только из Болгарии, но и из России, Югославии, Венгрии и других европейских стран.

В исследованиях, посвященных вопросам славянской эмиграции, большое внимание уделяется русскому и украинскому языкам. Это неудивитель-

но, т.к. эти языки наиболее распространены за океаном среди славянских языков (Ажнюк, 1999; Грановская, 1995; Andrews, 1999; Wertsman, 1976, 1977). Говоря о русской эмиграции в США, необходимо отметить, что каждый этап эмиграции имел свои особенности и по-разному влиял на язык. Первая массовая эмиграция русскоязычного населения в Америку происходила в период с 1918 по 1940. Главным носителем языковых норм стало старшее поколение, отодвинувшее границу литературности далеко назад во времени (Грановская, 1999, 5). Задачей этого поколения стало воспитать русскую языковую личность в иноязычном окружении. Первым языком ребенка становился русский язык, в семье говорили только по-русски. Нападкам подверглась орфографическая реформа: многие печатные издания набирались в эмиграции в соответствии с правилами старой орфографии, например, газета «Православная Русь» до сих пор издается в таком виде¹. Однако несмотря на стремление сохранить родной язык, заимствования были неизбежны: в литературе описаны болгарские, турецкие, чешские и другие заимствования (Калинин, 1923; Грановская, 1999; Копецкий, 1929).

Вторая мировая война добавила в язык эмигрантов лексику советской России (Караулов, 1992, 45). Третья волна русскоязычного населения началась в 1970-е и составила более 100 тысяч человек. Наибольшее число переселенцев приняли Нью-Йорк, Детройт, Цинциннати, Хьюстон, Балтимор а также города-близнецы Миннеаполис/Сент-Пол (Gitelman, 1981, 11). Четвертая волна началась с распадом СССР и продолжается в настоящее время, причем очень много русскоязычных людей приезжает в англоязычные страны не на постоянное местожительство, а временно, по рабочим визам, что обеспечивает свежий приток носителей русского языка.

Несмотря на то, что первая массовая волна украинской эмиграции началась в 1870-е годы, в Америке к тому времени уже было немало украинцев, приехавших в одиночку или небольшими группами. Среди первых выходцев с территории Украины большую часть составляли русины — выходцы из Закарпатья и Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии (Prosko, 1987, 393). Основу первой волны украинской эмиграции составляли, в основном, крестьяне, которые ехали на заработки. Большая часть эмигрантов поселилась в тех частях страны, где была развита угледобывающая отрасль: Пенсильвания, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Иллинойс. Вторая волна украинской эмиграции (1900-1913) привела в Америку 250 тысяч человек, которые поселились, в основном, в той местности, где уже были украинцы.

Между двумя мировыми войнами сравнительно немного — 40 тысяч украинцев — приехало в США. После окончания второй мировой войны пришло еще 85 тысяч человек, среди которых было много людей, получивших

¹Газета «Македонска трибуна», которая публикует материалы на трех языках: английском, болгарском и македонском, до сих пор использует такие буквы, как «юс большой» и «ять». Многие украинские издания следуют правилам, закрепленным Г.Голоскевичем в словаре «Правописний словник» (орфография, принятая в Харькове в 1928 г.). Есть факты издания таких книг представителями украинской диаспоры в Украине (Соневичский, 2001).

высшее образование в Европе. Украинцы четвертой волны эмиграции сделали много для популяризации украинской культуры на Западе: были построены новые церкви, открыты воскресные украинские школы, в центре Вашингтона на средства диаспоры был поставлен памятник Тарасу Шевченко. Много было сделано для создания украинской прессы в США.

Ряд заимствований в речи любого славянского эмигранта совпадает с заимствованиями, которые появляются в речи славян, живущих у себя на родине (рус., укр. и болг. *грант*, рус. *брэнд*, укр. и болг. *бренд*), но многие заимствуются только эмигрантами: ср. рус., укр. и болг. *порч* (англ. *porch*) — веранда, рус., укр. и болг. *бейсмент* (англ. *basement*) — подвал, рус., укр. и болг. *даунтаун* (англ. *downtown*) — деловой центр города, рус. *таксы*, укр. *такси*, болг. *такси* (англ. *tax*) — налоги.

25с/мин до България без допълнителни такси. (Из американской рекламы Deutsche Telekom)

Гърся работници за почистване на *билдинги*. (“Неделник”, 24 – 30.06.01)

Заимствования, которые еще недавно однозначно относились к языку эмигрантов, встречаются сегодня в российских фильмах, иллюстрирующих российскую действительность.

Здесь 500 долларов *кэшию* (англ. *cash* — наличные). (телесериал “Клетка”, канал 1+1, эфир 7.03.02).

В то же время, современные российские фильмы, описывающие жизнь наших бывших соотечественников за рубежом, достойны критики за полное отсутствие отражения языка эмигрантов. Например, в российской комедии “Любовница из Москвы” (2000г, в гл. ролях А. Панкратов-Черный и А. Укупник) герои разговаривают совсем не так, как разговаривают реальные люди, живущие в Майами: за весь фильм прозвучало только два англоамериканизма, которые традиционно относились к языку эмигрантов, хотя они активно употребляются сегодня и в языке русскоязычных жителей СНГ: *редайл* (от англ. *redial* — кнопка на телефоне для повторного звонка) и *паркинг* (от англ. *parking* — парковка).

Большинство заимствованных эмигрантами слов связано с такими областями жизни, как названия учреждений и документов, работа, продукты, жилье, бизнес, образование. Заимствования подобной тематики характерны не только для англоязычных стран. Сравним слова, характерные для наших бывших соотечественников, живущих в Израиле, и содержащие заимствованный из иврита корень и русские флексии¹.

Я завтра еду в *мисрад ха-пним* (Министерство Внутренних Дел) за *дарконом* (паспорт для поездок за границу).

Русское окончание *-ом* придает слову русское звучание.

Моя мама *никайонит* (убирать) уже третий год.

Безусловно, особенности жизни в каждой стране обуславливают особенности заимствований из сфер, из которых они появляются в языке. В Израиле в речь русскоязычных эмигрантов заимствовано много слов, связанных с праздниками и обрядами иудеев, образуются новые слова с заимствованным корнем. Пусть *датишные* (религиозный) идут служить в армию, нечего бить баклуши.

В речи русско- и украиноязычных эмигрантов в англоязычных странах прочно закрепились слова, обозначающие названия продуктов: рус. и укр. *багель* (англ. *bagel* — бублик), рус. *бэгел бейкери*, укр. *бегел бейкери* (англ. *bagel bakery* — бубличная), рус. и укр. *салмон* (англ. *salmon* — лосось), рус. *шримпы* и укр. *шрими* (англ. *shrimp* — креветки), рус. и укр. *лобстер* (англ. *lobster* — омар), рус. *фиш* и укр. *фiш* (англ. *fish* — рыба), рус. *турки* и укр. *туркi* (англ. *turkey* — индюк), рус. *сифуд* и укр. *сiфуд* (англ. *sea food* — морепродукты).

Ср.: Взвесьте мне полкило *пастрамы* — (буженина). (Из речи эмигрантов в Израиле)

Заимствование названий продуктов, для которых уже есть названия в родном языке, связано с тем, что продукт либо не был доступен на родине, либо производится в новой стране по другой технологии. В связи с этим представляет интерес отрывок из воспоминаний Виктории Токаревой, в котором, кроме самого заимствования, присутствует и мотивация.

Я прибыла вечерним рейсом. Переводчица Клаудиа приглашает меня в ресторан: легкий ужин, рыба и фрукты.

— А какая рыба? — спросила я.

— *Сомон*.

— А что это?

— По-Вашему, лосось.

— У нас его сколько угодно, — говорю я.

— У вас в консервах. А у нас сегодня утром из моря. (В. Токарева. Простотак. С. 19)

Представляется интересным заимствование *багель* (бублик): название традиционно русского продукта, казалось бы, должно быть заменено английским эквивалентом в последнюю очередь. Однако определенное влияние оказали и специфика приготовления теста, отличная от российской, и то, что бублики в Америке не подают к чаю, как в России, а делают из них сэндвичи, и обилие сортов, нехарактерных для России. Что касается американских бубличных (*бэгел бейкери*), в них кроме бубликов подают традиционную американскую кухню: салаты, супы из концентрата, сэндвичи, круасаны, напитки.

Заимствования в речи эмигрантов представлены в художественной литературе.

Ну, тогда возьмем по *лобстеру*, по-русски они называются омарами, и поговорим о Майкле Джексопе. (Некрасов, 1990, 379)

¹Материал собран с использованием веб-сайта HYPERLINK <http://www.sem40.ru> www.sem40.ru и в ходе переписки с русскоязычными жителями Израиля.

Безусловно, заимствуется много слов, связанных со страноведческими реалиями. Очень активно используется слово *парти* (вечеринка), при этом его часто произносят с американским звонким звуком, который является промежуточным между *t* и *d* и который нехарактерен для британского варианта английского языка. В ходе опроса информантов, в чем они видят разницу между *вечеринкой* и *парти*, характерными были ответы: «Вечеринка на дому у официального лица, т. е. носящая полуофициальный характер, на которую не нужно приносить подарки или сдавать деньги», «Вечеринка в учреждении за счет учреждения», «Шикарная вечеринка», «Американская халыва». Представляется интересным употребление слова *парти* в художественном переводе с английского, связанное с омонимией: слово *party* имеет также значение *партия*.

Швейцар в дверях поторопился навстречу со словами:

— Сэр, Вы на *парти*?

В первый момент я подумал, что он имеет в виду коммунистическую *партию*. Застекленный вестибюль был заполнен совсем не пролетарскими лицами. И только около стойки портье я понял, в чем дело. Большое отпечатанное по-английски объявление гласило: «Всех гостей мистера Шона Фланана просят связаться с мистером Уолтером, комната 527. (Уильямс, 1992, 153)

Заимствование слова *аппойнтмент* (англ. *appointment* – деловая встреча) аналогично заимствованию *термин* (нем. *termin* – срок, заседание) в речи русскоязычных эмигрантов в Германии и связано с более серьезным отношением на Западе к понятию “деловая встреча”: крайне нежелательно приходить без предупреждения, нельзя опаздывать, в случае отмены встречи необходимо предупредить заранее.

Извини, я тороплюсь: у меня *аппойнтмент*. (Вашингтон, 2000).

Я сегодня еду к зубному, у меня *термин* в пять часов. Здесь нельзя опаздывать, иначе придется все равно платить за прием. (Карлсруэ, 1997).

В результате анализа современной русскоязычной прессы в США и Канаде, представляется необходимым отметить, что, несмотря на схожее англоязычное окружение, можно отметить разницу в заимствованиях, связанную со страноведческими реалиями. Например, происходящая сегодня в Канаде реформа здравоохранения обуславливает обсуждение этого вопроса на страницах русскоязычных газет. В канадских газетных текстах на русском языке, в отличие от американских, часто встречается сочетание *walk-in clinic* (поликлиника, которая открыта во внеурочные часы и выходные дни).

Walk-in клиники: вынужденная мера или «светлое будущее» канадского здравоохранения? (The Yonge Street Review, 10.05.02 — С. 9)

Описывая феномен глобализации, лауреат двух Пулитцеровских премий Т. Фридман подчеркивает, что период глобализации характеризуется невиданным ранее всплеском развития технологий, в первую очередь, компьютерных (Friedman, 2000, 316). Влияние развития компьютерной техники на

язык проявилось на нескольких уровнях: 1) на уровне формы, 2) системы языка, 3) появления новых способов общения.

Во-первых, появился новый социодialekt пользователей компьютеров, который развит в каждом языке по-разному. Наибольшего развития он достиг в английском языке, т. к. появился в нем намного раньше, чем в славянских языках. Традиционное использование сокращений в английских газетных текстах, объявлениях, рекламе привело к использованию их в социодialeкте англоязычных пользователей компьютеров (IMHO, AFAIK и др.), а оттуда перешло и в славянские социодialeкты пользователей компьютеров. В электронной почте изменилось использование заглавных букв: традиционным стало их употребление во многих словах в середине слова (e-Learning), а из электронной почты оно перешло в общую орфографию.

Изменением на уровне системы языка можно считать появление эмотиконов (смайликов) – огромного количества сочетаний пунктуационных знаков, которые обозначают на письме эмоции. Из электронной почты смайлики перешли и в текстовый редактор Word, который сегодня автоматически меняет наиболее употребительные из них на изображение человеческого лица, выражающее эмоции: ☺.

Под влиянием новых технологий появились новые способы общения: синхронное и асинхронное общение через Интернет. Активно используются mailing lists – электронные конференции, создаются новые интерфейсы для общения человека и компьютера, программы распознавания речи.

Переход от периода “холодной войны” к эпохе глобализации был ознаменован не только переходом большинства европейских стран на единую валюту и необратимыми изменениями на карте мира, но и более активным взаимопроникновением языков, в первую очередь, влиянием английского на другие языки, развитием диалектов эмигрантов, влиянием высоких технологий на язык. Сравнительные исследования, посвященные этим изменениям, должны в недалеком будущем занять особое место в общем языкознании.

Литература

1. Ажнюк Б. М. Мовна єдність нації: діаспора і Україна. — К.: Рідна мова, 1999.
2. Ажнюк Б. М. Мовні зміни на тлі деколонізації та глобалізації // Мовознавство. — 2001. — № 3. — С. 48 – 54.
3. Голоскевич Г. Правописний словник. Дев'яте видання. — Нью-Йорк: Книгоспілка, 1962.
4. Грановская Л. М. Русский язык в “рассеянии”. Очерки по языку русской эмиграции первой волны. — М.: ИРЯЗ, 1995.
5. Домашнев А. И. Проблемы классификации немецких социодialeктов // Вопросы языкознания. — 2001. — № 2. — С. 127 – 139.
6. Калинин И. М. В стране братушек. — М., 1923.

РУССКО-НЕМЕЦКАЯ ИНТЕРКАЛЯЦИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЭМИГРАНТОВ

Виктория Капустина (Вильгельмсхафен – Одесса)

7. Караулов Ю. Н. Некоторые наблюдения над русским языком Зарубежья // La Revue Russe. — Paris, 1992. — №3. — С. 41 – 48.
8. Копецкий Л. В. Из жизни языка социальных групп // Slavia. — Praha. — 1929. — Т. VIII. — Вып. 2. С. 222 – 237.
9. Некрасов В. Маленькая печальная повесть // Маленькая печальная повесть. — М.: Книжная палата, 1990. — С. 342 – 385.
10. Соневицкий Р. Базова економічна фінансова та ділова термінологія. Англо-український словник. — Тернопіль: Збруч, 2001.
11. Токарева В. Просто так // Огонек. — 1992. — № 1. — С. 18 – 21.
12. Уильямс А. Дневники Берии / Пер. с англ. Б. Грибанова. — К.: Молодь, 1992.
13. Andrews, David R. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam / Philadelphia, 1999.
14. Friedman, Thomas L. The Lexus and the Olive Tree. Anchor Books. — NY, 2000.
15. Gitelman, Zvi. Soviet Immigrants and American Absorption Efforts: A Case Study in Detroit. Westview Press, Boulder, Colorado, 1981. — P. 11 – 28.
16. Haiman, Jacek. Polish Past in America, 1608 – 1865. — Chicago, Polish Roman Catholic Union Archives and Museum, 1939.
17. Procko, Bohdan P. The Ukrainian Press. In: The Ethnic Press in the United States. Ed.: Sally M. Miller. Greenwood Press. — NY, 1987. — P. 393 – 408
18. Schermerhorn, R. A. These Our People. Minorities in American Culture. Heath and Company. — Boston, 1949.
19. Wertsman, Vladimir. The Russians in America, 1727 – 1975. Oceana Publications, Inc. — NY, 1977.
20. Wertsman, Vladimir. The Ukrainians in America 1608 – 1975. Oceana Publications, Inc. — NY, 1976.

Сегодня, в связи со все возрастающей миграцией населения, прозрачностью границ проблемы билингвизма стали особенно актуальными. Проблемы эти носят не только лингвистический, но и экстралингвистический характер. К их решению привлечено внимание как лингвистов, так и психологов, социологов, культурологов и учёных других отраслей науки.

Условия языковых взаимодействий зависят от специфики общественно-экономических формаций моно-, би- или полилингвальных. Поэтому изучать эти взаимодействия необходимо в социально-историческом контексте. Взаимодействие языков представляет собой характерную черту любой лингвистической ситуации. Среди различных типов языковой ситуации в современном мире наиболее распространённым является именно билингвизм – сосуществование двух языковых систем. Проявления этого сосуществования весьма разнообразны. В зависимости от направления влияния языков различают интерференцию и интеркаляцию: при интерференции родной (первый) язык оказывает влияние на второй, в определенной степени искажая его; при интеркаляции, наоборот, – второй язык оказывает влияние на первый. Интеркаляционная разновидность языковой мутации, как правило, характерна для соотнесенного билингвизма, когда степень владения обоими языками приблизительно одинакова. Она приводит к аттриции, искажению, связанному с использованием родного языка индивида в иноязычной среде в условиях двуязычия. Аттриция изучается в социальном и индивидуальном аспектах.

В этой работе мы попытались установить некоторые особенности включения в русскую диалогическую речь иноязычных компонентов и выявить направления разрушающего воздействия второго языка на родной.

Материалом исследования послужили магнитофонные записи непринуждённых бесед двадцати трёх информантов (разного пола, возраста, рода деятельности), не менее 6 лет проживающих в Германии и в официальной обстановке использующих исключительно немецкий язык.

Диалогическую речь мы рассматривали в трёх вариациях, в зависимости от лингвистического статуса участников диалога:

- 1) в беседе участвуют монолингв, носитель русского языка ($Я_1$) и билингв,
- 2) беседуют два билингва,
- 3) беседуют монолингв, носитель немецкого языка ($Я_2$) и билингв.

В последнем случае в речи билингва наблюдается интерференция, которая в данном случае нас не интересует.

В первых двух случаях фиксируются интеркаляционные аттриции. Среди признаков искажения родного языка можно выделить изменение произношения, лексические замены, упрощение грамматики и перенос синтаксических правил чужого языка в свой, недодифференциацию категорий, утрату способности к продуцированию на родном языке и др.

В диалогах монолингва Я₁ с билингвом наиболее частотны аттриции на лексическом и фонетическом уровнях. В беседах двух билингвов отмечены аттриции на всех уровнях.

По мнению А. Е. Карлинского, если интерференция всегда носит подсознательный характер и практически не поддается контролю говорящего, то интеркаляция прямо или косвенно контролируется сознанием билингва [5]. Однако, по нашим наблюдениям, интеркаляция может носить осознанный и неосознанный характер. Конечно, билингв, общаясь с билингвом на родном языке, часто использует слова из другого языка не потому, что он в недостаточной степени владеет родным и не может на нём выразить свои мысли, а потому, что, как правило, это:

- а) усиливает суггестивную направленность речевого высказывания;
- б) упрощает процесс порождения речевого высказывания (как минимум – на лексическом уровне);
- в) повышает лаконичность высказывания.

Иногда это обусловлено потребностью к самодемонстрации [см.: 4].

Однако интеркаляция — это сложный процесс изменения этнокультурной ориентации языковой личности. Количество интеркаляции прямо пропорционально степени владения Я₂.

При изучении нового языка усваиваются в первую очередь названия предметов и явлений, а также фиксируются новые понятия, как *jodeln* (тирольское горланное пение), *bosseln* – игра (с мячом) жителей восточной Фризии в зимнее время на открытом воздухе, *mett* – блюдо из молотого сырого мяса и т.п.; происходит как редукция, так и усиление смыслов и значений, влекущих за собой изменение картины мира и лингвоментальной философии. Затем изучается грамматика и механизм функционирования языка в непосредственной связи с культурой автохтонного этноса и т.п. Эти новообразования затрагивают сферу самовыражения личности. Поэтому изучение иностранных языков приводит к новому восприятию мира и самоосознанию. Это овладение другим пространством общения. И в связи с этим интеркаляция может приобретать неосознанный характер.

В речи билингвов наблюдаются интересные фонетические гибриды, как, например в слове 'Ханновер', фонетически принадлежащему двум языкам.

Быстро разрушаются словообразовательные механизмы, навыки глагольного управления.

Рассмотрим, следующий фрагмент диалога:

«Ну бедность многих стран // Это // **равновесности** нет между **богатых стран и бедных стран** / Это одна из причин – деньги / Религия наверно / конфликт между **разных религий** /

Заметно, что у двадцатилетнего информанта, живущего в Германии 11 лет, нет проблем с вербализацией логосознания на русском языке в ментальном плане выражения, на словообразовательном же и грамматическом уровнях наблюдаются сложности. Для полных билингвов (и тех, кто не учился в русской школе) согласование, в особенности, в творительном и предложном падежах представляют определённую трудность, в связи с тем, что в немецком языке четырёхпадежная система склонения. Функции выпензанных падежей трансформируются в дательном (Dativ) и винительном (Akkusativ) падежах. Здесь уместно сказать, что аналогичное явление происходит у билингвов с высоким уровнем владения вторым языком, когда возникают сложности упорядочения двух „лишних” падежей (творительно-го и предложного) в рамках немецкой грамматической системы.

Номен **равновесность** образован по аналогии с **полновесностью**. Интересно, что подобные аттриции довольно частотны в диалогической речи.

«Привет дед / как дела? Как **лечёба**?»

Здесь мы наблюдаем образование существительного от глагольной основы **лечить** с помощью непродуктивного форманта по модели **учить – учёба**.

В беседе не только с билингвом, но и с монолингвом двуязычный информант может попеременно использовать то один, то другой язык. Встречаются интра-сентенциальные переключения (внутри одного предложения) и интер-сентенциальные переключения (между предложениями).

Причины подобных переключений могут быть разными. С одной стороны, билингвы, не утратившие понятия „родной язык“ в условиях социальной и языковой интеграции, ввиду тех или иных обстоятельств, обучаются новой профессии, тезаурус которой был им незнаком (скажем компьютерное программирование) на родном языке. Дети, обучающиеся в немецких школах, слушающие немецкое радио и т.п., не знают эквивалентов многих социально-политических, научных, спортивных терминов. Поэтому они испытывают затруднения в подборе конвенциональной лексики на уровне профессионального общения с монолингвом – носителем Я₁.

Рассмотрим, например, реплику из диалога с монолингвом носителем Я₁.

«– Дедуля, знаешь, «Вердер» Бремен взял Pokal»

Здесь мы наблюдаем отклонения на нескольких уровнях. Вместо нормативного образования согласованного определения («бременский «Вердер») использована конструкция именного примыкания без изменения начальной формы «Бремен». Интра-сентенциальное использование немецкого Pokal объясняется тем, что информант, уехавший из России в раннем детстве, тогда еще не знал слова «кубок». Кроме того, вся конструкция «взять (кубок)», вместо «выиграть», «получить» отражает немецкое видение ситуации.

Это одна из типичных аттриций в речи билингвов. Ее мы наблюдаем и в следующем фрагменте, межъязыковое переключение в котором было вызвано попыткой пересказать по-русски диалог, протекавший на немецком языке:

Мама, ты знаешь, девчонки сказали:

О, у тебя такая молодая мама!

Ну что значит молодая? Сколько ты ей дашь?

Самое большее – тридцать.

Так что вы думаете, она меня в четырнадцать **получила**, а моего брата в двенадцать?!

Ну, в жизни всё бывает – haben sie gelacht.

Тогда я спросил: “А у вас сколько детей?”

Употребление глагола **получила** в этом контексте объясняется тем, что во время передачи диалога доминировала немецкая логосистема „ein Kind bekommen“ (дословно „получить ребенка“), релевантный русскому языку перевод: „родить ребёнка“, и „ein Brief bekommen“ – „получить письмо“, где последнее словосочетание калькировано. Утрата способности дефинировать эти употребления сигнализирует о снижении языковой компетенции билингва.

Вместе с тем использование межъязыковых переключений может быть вызвано общением с билингвом, у которого иной родной язык. Анализируя материал, мы обнаружили использование одного и того же тэга у различных информантов:

1. **Na ja** / я начала в восемьдесят восьмом году учиться.

2. Может и нет // **Na ja**.

Реплика № 1 принадлежит информанту – носителю немецкого языка и содержит междометное высказывание **Na ja**, являющееся интерференцией в данном контексте и имеющее значение «итак».

Реплика № 2, содержащая идентичное высказывание, принадлежит полному билингу с первым русским и не может быть чётко дефинирована в интралингвальном пространстве информанта, а её контекстный смысл «поживём – увидим».

Порождение речи не изолировано от говорящего, а покоится на его жизни и опыте. Этот процесс охватывает все ментальные и когнитивные процессы, которые происходят у билингва в конкретном ситуативно-культурном контексте на основе его языковых и паралингвистических знаний, и развитие его когнитивных стратегий во время вербализации. С одной стороны, этот процесс как процедура рутинный, с другой, – динамический, психологическое событие [7]. Нередки случаи, когда по определённым причинам (миграция, изоляция, смена социального статуса билингва и т.п.) происходит смена языковой доминации: Я₁ в силу отсутствия тренировки и потери навыков становится фактически Я₂, а Я₁ приобретает роль доминирующего языка.

Здесь нужно учитывать мотивацию носителей языка, личностную ориентацию и претензии на определенное место в обществе, стратегии в изучении языков в социумах [6].

Выбор языка является компонентом самоидентификации. Поэтому нам представляется важным исследование интеркаляции, проведение социолингвистических исследований, сопоставительное изучение лингвоментальностей различных народностей, что позволит выработать новые стратегии, направленные на сохранение национальной идентичности.

Литература

1. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. — Одесса, 1997.
2. Бардина Н. В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования // Слов'янський збірник. — Вип. III. — Одесса, 1998.
3. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — К., 1974.
4. Капустина В. Немецко-русская интеркаляция: психолингвистический аспект // Opera annua. — Одесса, 2001.
5. Картинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата, 1990.
6. Протасова Е. Дети и языки. — М., 1998.
7. Schwarz, Monika. Einführung in die Kognitive Linguistik. — Tübingen, 1996.
8. Weinreich, Uriel. Sprachen in Kontakt. — München, 1976.

ФОНАЦИОННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ — УКРАИНЦЕВ И БОЛГАР

М. М. Харитонова, И. В. Мурадян (Одесса)

Проблемы межъязыковой интерференции разрабатываются в науке давно. Особую актуальность они приобретают в условиях продуктивного билингвизма, когда, кроме теоретического исследования, важно рассмотрение интерференции в практических целях при обучении русскому языку. «Родство двух восточнославянских языков обуславливает стабильное владение русским языком представителями украиноязычного социума» [10, 270]. Это же можно констатировать и для болгар, проживающих на территории Одесской области. В результате взаимодействия родственных языков «возникает фактор творческого возбуждения и активизации собственных внутренних возможностей в одном из языков под воздействием другого», — отмечает Г. П. Ижакевич [6, 30]. На эту потенциальную способность языков к дальнейшему развитию их структуры и стилистических средств указывали в свое время А. А. Потенба, Л. А. Булаховский и др.

Тесно связаны вопросы интерференции с рассматриваемой в последнее время в работах О. Б. Сиротининой и А. П. Сковородникова «экологией языка».

Из выделенных Е. М. Верещагиным [4, 26] трех видов (рецептивный, репродуктивный и продуктивный) билингвизма в Украине действует продуктивный. «В данном случае, — как пишет Н. В. Хруцкая, — предполагается та степень владения русским языком, когда украинский индивидуум умеет не только слушать, читать или воспроизводить услышанное и прочитанное, но владеет активным запасом русской лексики» [12, 271]. Этот же вид билингвизма распространен и среди студентов-болгар.

Мы имеем дело с билингвизмом субординативного (смешанного) типа, по терминологии американских психологов Ч. Осгуда и С. Эрвина, при котором механизмы, обеспечивающие порождение речи, связаны, т.е. «человек в одной и той же речевой ситуации попеременно использует то один, то другой язык» [12, 271]. В этом случае в речи билинга интерференция проявляется наиболее сильно.

Отметим универсальные факторы, влияющие на интерференцию украинского и русского, болгарского и русского языков. Во-первых, это различие в фонемном составе языков, а во-вторых, интерференция определяется закономерностями дистрибуции фонем. И в-третьих, она зависит от особенностей реализации фонем.

Материалом для статьи послужили многолетние наблюдения над русской речью студентов, обучающихся по специальностям «Украинский язык и литература» и «Болгарский язык и литература».

В русской речи украинских студентов широко представлена недостаточная редукция гласных звуков [о] после твердых согласных и [э], [а] после мягких согласных, например: [молоко'], [в'эсна'], [б'эр'эга'], [л'агу'шкь] вместо [мл'Ако'], [в'и'сна'], [б'ър'и'га'], [л'и'гу'шкь]. Эта фонационная особенность предударных гласных отмечается М. В. Пановым как распространенный вариант и в самом русском языке [11, 160]. Влиянием украинского языка такое произношение, несомненно, подкрепляется. Нами отмечено, что характерное для орфоэпической нормы русского литературного языка «аканье» особенно часто не соблюдается после губно-губных согласных, например: [помогу'], [побо'л'шъ], [по-мо'р'у]. Очевидно, в этом случае соседство губного согласного и лабиализованного гласного мешает появлению нелабиализованных редуцированных [Л], [Ъ].

Как отмечает Д. Н. Антонова, «болгарскому языку, как и русскому, свойственна редукция гласных в безударных слогах, однако длительность и качество редуцированных звуков в этих языках различны» [1, 18]. Под влиянием родного болгарского языка студенты иногда забывают о необходимости качественной редукции гласных [э],[а] после мягких согласных, например: [фп'эр'эд'и'], [ч'асы'], вместо [фп'ър'ид'и'], [ч'и'сы']. «Яркой чертой болгарского акцента является произношение в первом предударном слоге на месте А, О сильно редуцированного гласного [ъ]: к[ъ]кой, в[ъ]да вместо к[Л]кой, в[Л]да» [1, 18].

Несовпадением фонетических реализаций русских звуков [ы], [и] и украинских [и], [і], а также различиями в дистрибуции определяется замена украинцами русских [ы], [и] украинским [и], например, в слове [мы'льі] вместо [м'и'лыі]. Причем следует учитывать, что в украинском языке [и] в отличие от русского [ы] — это звук переднего ряда [7, 28]. Хотя как территориальную вариацию М. П. Кочерган выделяет «бойківське обнижене [и]» [9, 81], которое напоминает [ы] русского языка.

В болгарском языке отсутствует звук [ы], в связи с чем у студентов-болгар отмечается слабая дифференциация звуков [ы] — [и]. Как отмечает Д. Н. Антонова, «в некоторых случаях на месте [ы] болгары произносят гласный более заднего образования или более переднего» [1, 18]. В речи студентов Одесского национального университета, специализирующихся по болгарскому языку, такие ошибки почти не встречаются. Но наблюдается произношение звука [и] на месте орфографического И после знаменательных и служебных слов, оканчивающихся на твердый согласный, где нормой современного русского литературного языка при слитном произношении является [ы], например: покрыт — [и]неем вместо покрыт-[ы]неем, старик- [и] — море вместо старик-[ы]-море, из-[и]кры вместо из-[ы]кры.

Влияние украинского языка особенно сильно проявляется при произнесении русского звука [г]. В сильной позиции часто звучит [γ] фрикативный вместо взрывного русского [г], например: [γ]ород, [γ]олова, [γ]ерой и др. Но наиболее распространено оглушение в слабой позиции взрывного [г] в не-

нормативный фрикативный [x] вместо взрывного [к]. Такое произношение, к сожалению, можно услышать в разных сферах – у студентов и общественных деятелей, у работников телевидения и продавцов, например, произносятся: кру[x], дру[x], бере[x], дене[x]. Из всех проявлений фонетической интерференции это, пожалуй, самое распространенное. Употреблять взрывной Г тем более важно, что в современном русском языке наблюдается сокращение количества слов, которые произносятся с фрикативным [γ]. Н. С. Валгина называет только междометия *ага, господи* и слово *бухгалтер* [2, 58].

Влияние украинского языка сказывается на произношении звука В в слабой позиции. В конце слова и при ассимиляции по глухости в русском литературном языке звучит Ф. В Одессе в этой позиции можно услышать [w] билабиальный, свойственный украинскому языку, и даже [y] неслоговое, например: любо[w], любо[y^ч], морко[y^ч], сли[y^ч]ки, голо[y^ч]ка.

Влияние на русскую речь студентов-болгар нередко оказывают говоры их родных сел. Так, как отмечает В. А. Колесник, в говоре села Евгеновка фонема <в> встречается в трех вариантах: в лабио-дентальном [в], билабиальном [в] и неслоговом [y] [8, 146]. Чаще всего болгарские учащиеся используют [в] лабио-дентальный, соответствующий русскому [в].

В интересном, сделанном на основе анализа речи информантов из пяти городов Украины (в том числе и из Одессы) исследовании Л. А. Вербицкой отмечается, что в произношении украинцев «более ограниченная дистрибуция фонем приводит к замене мягких губных и мягкого [р] на соответствующие твердые в конце слова» [3, 56]. В Одессе это явление распространено не столь широко. Редко не смягчаются губные согласные и [р] (буква[р], голу[б], прору[б]), но обычно не происходит смягчение звука [в], например, в словах: кро[в], любо[в], изба[в].

Влияние болгарского языка проявляется в меньшей степени палатализации согласных звуков в русской речи, например: писате[л], дела[т] или с полумягким согласным – дела[т^ч].

Всегда твердые в русском языке [ж], [ш] могут произноситься смягченно в речи болгар, например: [ж^ч]иву, сиди[ш^ч]. Мягко может звучать и аффриката [ц]: [ц^ч]ифра, лек[ц^ч]ия вместо [цы]фра, лек[цы]я [1, 17].

Особенно сильна украинско-русская интерференция в живой разговорной речи в области акцентологии. Значительное количество ошибок и в русском, и в украинском языках встречается в словах, различающихся только ударением: алфава'т – алфа'вит, апостро'ф – апо'строф, ве'рба – верба', крапи'ва – крапива', не'нависть – нена'висть, ку'хонный – кухо'нный и другие. В русской речи очень частотна неправильное ударение в глаголах прошедшего времени женского рода. В большом количестве двусложных глаголов в русском языке ударение переходит на флексию, отражая выделенную исследователями как активный современный процесс в акцентологии грамматикализацию [5, 314]. Под действием украинского языка в них можно услы-

шать ненормативное ударение, например: бра'ла, спа'ла, да'ла, по'няла, пи'ла вместо брала', спала', дала', поняла', пила'.

В данной статье рассматривается лишь отдельный аспект большой проблемы – особенностей функционирования русского языка за пределами России. Необходимо согласиться с выводом Р. И. Лихтмана о том, что «идеальным результатом изучения городской речи явилось бы картографирование языковых явлений на разных территориях (аналогично картографированию диалектного языка)» [10, 362]. Это дало бы возможность четко отграничить явления интерференции от проявления внутриязыковых закономерностей русского языка.

Таким образом, в ситуации продуктивного и субординативного билингвизма украинско-русская и болгарско-русская интерференция особенно сильно проявляется в произношении и акцентологии. Она оказывает влияние на фонацию отдельных звуков и на результаты фонетических процессов, происходящих в речи.

Литература

1. Антонова Д. Н. Корреляция слухо-произносительных навыков в русской речи болгарских учащихся // Русский язык за рубежом. — 1980. — № 5. — С. 16 – 26.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2001. — 304 с.
3. Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Кукольников Л. Е. Дифференциация звуковой стороны русского языка в условиях русско-украинского двуязычия // Вестник Ленинградского университета. — Сер. 2. — 1986. — Вып. 2. — С. 53 – 57.
4. Верещакин В. Л. Вопросы теории речи и методика преподавания иностранных языков. — М., 1969. — 124 с.
5. Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). — М., 2000. — С. 305 – 325.
6. Ижакевич Г. П. Русская речь в украинском языковом окружении // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. — М., 1985. — С. 30 – 55.
7. Карпенко Ю. О. Фонетика і фонологія сучасної української мови. — Одеса, 1996. — 144 с.
8. Колесник В. А. Евгеновка (Арса) Ономастика. Говор. Словарь. — Том 3. — Одесса, 2001. — 287 с.
9. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. — К., 1999. — 288 с.
10. Лихтман Р. И. Русский литературный язык и русская речь в национальной республике // Язык: изменчивость и постоянство. — М., 1998. — С. 353 – 364.
11. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1979. — 256 с.
12. Хруцкая Н. В. Проблема интерференции в условиях билингвизма // Система і структура східнослов'янських мов. — К., 1999. — С. 270 – 273.

В истории лексикографии любого народа учеными выделяются следующие периоды: дословарный, ранний словарный и период развитой лексикографии¹.

Основной функцией дословарного периода развития лексикографии является объяснение малопонятных слов. Среди лексикографических жанров этого периода для Сербии наиболее характерны вокабулярии (сборники слов, предназначенные для учебных и иных целей). Словари этого периода представляют собой двуязычные лексиконы, в которых сербская часть выполняет пассивную функцию.

Для сербской лексикографической традиции дословарный период начинается примерно в середине XVIII в. и продолжается вплоть до начала века XIX², заканчиваясь в 1818 году с выходом в свет «Сербского словаря» Вука Стефановича Караджича, открывающего своим появлением ранний словарный период сербской лексикографии, связанный с созданием и изучением литературного языка, его презентацией среди других, прежде всего европейских, языков.

Не следует, однако, думать, что развитие сербской лексикографии XIX – начала XX века было связано лишь с «Сербским словарем» Вука, насчитывающим к концу XIX века три издания (1818, 1852, 1898), в каждое из которых были внесены определенные, подчас весьма значительные, изменения (ср., напр., издания 1818 и 1852 гг.).

В XIX веке был издан целый ряд лексикографических работ других сербских авторов. Среди них следует, прежде всего, отметить первый исторический словарь сербского языка «Речник из књижевних старина српских» (1863 – 64), автором которого стал выдающийся сербский филолог Джуро Даничич, а также ряд двуязычных словарей, которые, однако, уступали в объеме даже первому изданию «Сербского словаря» Вука, включавшему толкование более чем 26000 лексем. Например, «Сербско-немецко-латинский словарь» Григория Лазича, изданный в 1849 году³, содержал немногим более 4000 слов и представлял собой скорее словарь наиболее употребительной лексики сербского языка. Не учитывать существование этих словарей значило бы однобоко подходить к истории развития лексикографии у сербов. Однако в общем корпусе лексикографических работ послевуковского периода, т. е. конца XIX – начала XX века, отсутствуют новые толковые словари сербского языка.

Уже к середине XIX века с выходом второго издания «Сербского словаря» становится очевидным, что этот, безусловно революционный лексикографический труд не был полностью в состоянии выполнить функции толкового словаря сербского языка.

Прежде всего, это связано с определенной сложностью в использовании словаря. Ведь чтобы пользоваться словарем Вука, следовало знать немецкий или латинский язык или использовать двуязычные (латинско-сербские или немецко-сербские) словари⁴. Сложность состояла также и в том, что уже второе издание «Сербского словаря» не отражало реального развития лексической системы сербского литературного языка. Созданный Вуком на народной основе, сербский литературный язык нового времени продолжал развиваться. Уже к середине XIX века его лексический состав пополнился значительным количеством слов, отсутствующих в словаре Вука. Прежде всего, сюда следует отнести слова иноязычного происхождения. Вук продолжал считать, что такие слова не могли войти в состав литературного языка в силу своей иноязычности. Во второе издание словаря Вук не внес даже те из подобных слов, которые сам употреблял в статьях и исследованиях, а также использовал при переводе на сербский язык Нового Завета (1847)⁵. Т. о., с одной стороны, «Сербский словарь», в силу своей полиязычности, оставался практически недоступным для большей части носителей языка – представителей простого народа, в то же время он не отвечал уже и потребностям тех, для кого словарь оставался доступным, т. е. образованной части сербского общества, сербской интеллигенции, поскольку не содержал толкования значительной части общеупотребительной лексики сербского языка.

Потребность сербского общества в одноязычном толковом словаре стала ощущаться особенно остро к концу XIX века, что побудило ученые круги Сербии обратиться к лексикографическому труду. Отправной точкой в этом отношении следует считать создание в 1898 году при непосредственном участии известного сербского филолога конца XIX века Стояна Новаковича лексикографического отдела при Сербской Академии Наук. Однако усилия сербских ученых с самого начала были направлены на описание словарного состава сербского языка в целом, на создание толкового словаря, который включил бы все его словарные богатства. Собранный ими лексический материал был положен в основу наиболее объемного⁶ в сербской, а, возможно, и в славянской лексикографии «Словаря сербскохорватского литературного и народного языка» (Словаря САНУ⁴), издание которого, начавшееся в 1959 году, продолжается до сих пор.

¹ См. Лексикография// Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 258.

² Отметим, впрочем, что сербский материал можно встретить в словарях и более раннего периода, но вплоть до XVIII века появление его в словарях имело место в единичных случаях. Напр., к концу XV в. относится анонимный рукописный Агарско-perzijsko-grsko-srpski frazeološki rječnik.

³ *Lazić Grigorije*. Србско-нѣмачко-латински рѣчникъ, 1849. — 243 с.

⁴ Интересно отметить, что именно эти сложности в использовании «Сербского словаря» побудили во второй половине 19 века русского слависта П.А. Лавровского к созданию более доступного для простых носителей языка «Сербско-русского словаря».

⁵ См., напр.: *Поповић М.* Вук Стефановић Караџић. — Београд: Просвета, 1964. — С. 411.

⁶ В завершенном виде словарь будет включать более 400 000 лексем.

⁴ САНУ – Сербская академия науки и искусства.

Такой словарь, даже если бы его издание началось уже в конце XIX века, не удовлетворил бы основной потребности носителей языка, поскольку весьма обширный объем (предполагается, что в окончательном варианте словарь должен состоять из 30 томов) значительно затруднил бы его использование.

Как видим, основной лингвистический научный потенциал Сербии конца XIX – начала XX века был направлен на создание безусловно важного, но не во всем отвечающего потребностям общества лексикографического труда. Поэтому неслучайно, что первый однотомный толковый словарь сербскохорватского языка был создан человеком, не имеющими к лингвистической науке прямого отношения – доктором Луйо Бакотичем.

Созданный им однотомный «Речник српскохрватског књижевног језика»¹ имел большое значение для описания сербского литературного языка, повышения языковой культуры общества. Однако по тем или иным причинам этот лексикографический труд, особенно после появления шеститомного «Словаря сербскохорватского литературного языка» Матицы сербской (1967-1976 гг.)², был практически предан забвению. Как, впрочем, и личность самого автора словаря³. Ссылки на него в работах сербских и зарубежных ученых чрезвычайно редки, поэтому мы сочли возможным охарактеризовать этот лексикографический труд как «забытый» толковый словарь сербского литературного языка.

Луйо Бакотич родился в 1867 году. Как уже было сказано, он не был профессиональным лингвистом. Юрист по образованию, Бакотич изучал право в университетах Вены и Граца, долгие годы работал адвокатом. В 1913 году по просьбе сербских властей он вел переговоры о заключении конкордата между Ватиканом и Сербией. После Первой мировой войны был направлен послом Сербии в Ватикан.

Его научная и публицистическая деятельность также связана в основном с политикой и правом. Он являлся автором многих статей на правовые и политические темы. Кроме того, Бакотич получил широкую известность как переводчик. Вслед за Вуком Караджичем он долгие годы работал над переводом Священного Писания. Результатом этих трудов явился изданный в 1933 году полный перевод Библии на сербскохорватский язык.

Луйо Бакотич умер в марте 1941 года. Его «Словарь сербскохорватского литературного языка» относится к позднему периоду творчества сербского ученого и публициста. Он был издан в Белграде в 1936 году, за пять лет до смерти автора.

¹ Бакотич Л. Речник српскохрватског књижевног језика. — Београд: Завод «Планета» Сретена Ил. Обрадовића, 1936. — 1400 с.

² В подготовке материалов для словаря, наряду с Матицей сербской, принимала участие также и Матица хорватская, однако после того, как первые два тома увидели свет, ее сотрудники отказались от публикации следующих четырех. Поэтому в научных работах этот лексикографический труд обычно называют «Словарь Матицы сербской».

³ Результатом последнего явилось, в частности то, что исследователям не известно точное место рождения Бакотича. Одни утверждают, что он родился в Сплите [4:115], по мнению других, местом его рождения следует считать Сень [13:295]. Не известна и точная дата смерти Бакотича - учеными называется то 30 [13:115], то 31 [4:295] марта 1941 года.

Словарь Бакотича «являлся первой попыткой создания чисто сербскохорватского словаря»¹ - одноязычного сербскохорватского толкового словаря.

В этой работе автор впервые постарался отразить современный ему лексический состав сербского литературного языка, т. е. лексический состав сербского литературного языка, сложившийся к 30-м годам XX века. Такая установка отразилась на многих характеристиках словаря и проявилась прежде всего в отборе и составе лексики.

Объем и состав лексики словаря. По объему включенной лексики словарь Бакотича соотносим со вторым и третьим изданиями «Сербского словаря» Вука Караджича. Он включает в себя более 50000 лексических единиц. Однако по составу лексики эта работа значительно отличается от словаря Вука. Так, в отличие от Вука, старавшегося как можно более полно отразить в своем словаре лексику, употребляемую в народной речи сербов, Бакотич решительно исключает из своего словаря все архаизмы. Т.о. его словарь следует считать не просто словарем сербского литературного языка, но словарем современного сербскохорватского литературного языка 1-й половины XX в.

Составляя свой словарь, Караджич почти не опирался на работы предшественников², во многом из-за практически полного отсутствия таковых или, как это было в случае с «Нѣмецким и сербским словарем на потребу сербскаго народа въ Кралевскихъ Державахъ», изданным венским издателем И. Курцбеком в 1790 – 1791 гг., из-за недостаточной чистоты помещенного в словаре лексического материала. В основу своего словаря Вук Караджич положил личные наблюдения над лексикой сербских народных говоров.

В отличие от Вука, Бакотич уже мог опираться на целый ряд различных работ сербской и хорватской лексикографии. Кроме словаря Вука, в распоряжении Бакотича находились такие значительные лексикографические работы, как словарь Югославянской академии науки и искусства (JAZU)³, Словарь хорватского языка И. Броза и Ф. Ивковича, Словарь турецких и других восточных слов Джордже Поповича, сербскохорватско-немецкий словарь С. Ристича и Й. Канргри, а также ряд терминологических словарей, изданных Королевским министерством просвещения (напр., словари грамматической, литературоведческой, ботанической, зоологической терминологии). Это позволило ему значительно расширить диапазон включенной в словарь лексики.

Так, если Караджич в своем словаре опирается в основном на лексику диалектного происхождения, то в словаре Бакотича значительно большее

¹ Бакотич Л. Речник српскохрватског књижевног језика. – Београд: Завод «Планета» Сретена Ил. Обрадовића, 1936. – С. 3.

² Скорее следует говорить, о том, что Вук отталкивался от предшествовавших его словарю лексикографических работ.

³ К 1935 году было издано уже 11 томов этого словаря, толкование было доведено до литеры «Р» (prikladane).

отражение получает лексика, имеющая хождение в городской среде, прежде всего среди городской интеллигенции. Особенно это касается отвергнутой Караджичем лексики иноязычного происхождения. Например, в первом разделе словаря, рядом с встречающимися у Вука толкованиями лексем *аба*, *абонос*, *абеньак*, *абер*, в словаре Бакотича мы находим такие лексемы как *абитуриент*, *аморфан*, *амфитеатар*, *анализовати* и др.

При этом Бакотич последовательно вводит в толкование таких лексем этимологическую информацию, справедливо полагая, что не всем носителям языка будет понятно их происхождение:

АБИТУРИЈЕНТ, *м.* (од *лат.* *Abire* = *отити*) средњошколски ђак који је положио виши тецајни испит.

АМОРФАН (фни) -фна -фно, *прид.* (од *грч.* *прив.* а и *морфе* = *облик*), који је без облика, безобличан.

Значительно шире в словаре Бакотича отражена профессиональная и терминологическая лексика. Включенная в "Сербский словарь" Вука ограниченная в употреблении лексика, прежде всего терминологического плана относилась в основном к народным промыслам и ремеслам сербов (напр., рыболовецкая, ткацкая, кузнечная терминология). Бакотич значительно расширяет рамки представления в словаре терминологической лексики, включая в его словарный состав лексемы, соотносимые практически со всеми областями науки и искусства. В словаре представлены термины, связанные с ботаникой (*ананас*, *анис*, *бељуш*, *живанчица*), зоологией (*анаконда*, *белоперка*, *трезубице*), мореплаванием (*чакља*), медициной (*абдомен*, *бери-бери*), анатомией (*ендокард*), правом (*абалиенација*), философией (*емпиризам*) и др. областями человеческой деятельности.

Отрицательным же моментом является то, что, стремясь сократить объем словаря, Луйо Бакотич не включил в него целые группы слов. Очень редко приводятся в словаре возвратные глаголы (*звати се*, *купити се*, *читати се* и т. д.), поскольку автор считал, что их легко можно образовать от невозвратных. Он также полностью исключил из словаря личные имена и географические названия. Эту особенность, впрочем, не следует относить к недостаткам словаря Бакотича, поскольку, как показывает лексикографическая практика, исключение из словника собственных имен и географических названий стало характерной особенностью однотомных толковых словарей (ср., напр., со «Словарем русского языка» С. И. Ожегова и др.).

Характеристика словарной статьи. Основные недостатки словаря, связанные с характеристиками словарной статьи, толкованием значения слова, обусловлены прежде всего тем лексикографическим образцом, на который опирался Бакотич, создавая свой словарь. По мнению М. Московлевича, таким образом для Бакотича являлся французский словарь «Petit Larousse»¹.

В течение первой половины XX века словари этой серии являлись наиболее популярными и авторитетными словарями во Франции¹. В каждой отдельной статье этих словарей сочетались элементы толкового и энциклопедического словаря. Семантическая разработка слова в них была упрощена, цитаты из авторов не приводились вовсе².

Приведенные черты свойственны и словарю Бакотича. Впрочем, в отличие от французских лексикографов, он не включает в состав словарной статьи энциклопедическую информацию. Однако все, что сказано о семантической разработке слова в словарях «Larousse», применимо и к словарной статье словаря Бакотича.

Автор действительно во многом стремился к унификации толкования значения слова, предельной краткости толкования. В отдельных случаях, впрочем, это стремление приводит к поверхностному отражению в словаре лексического значения слова. В этом случае слово соотносится с определенным родовым определителем класса лексем, однако в толковании отсутствуют характерные видовые признаки, выделяющие данное слово среди других слов этого класса, т. е. в словарной дефиниции выделяется только архисема, но не фиксируются дифференциальные семы (см., напр.: БЕЛЪУШ, *м.* *бот.* *врста* *траве* (Andropodon).

На наш взгляд, такая неполнота толкования, характерная для словаря Бакотича, объясняется тем, что автор взял за образец словарь, по своему лексикографическому статусу значительно отличающийся от того, который он хотел создать.

Как уже было сказано, словарная статья «Petit Larousse» сочетала в себе элементы толкового и энциклопедического словарей, включая кроме того графические иллюстрации. Отметим при этом, что роль последних в словарной статье «Petit Larousse» значительно шире, нежели в обычных, например, иллюстрированных толковых или энциклопедических словарях. Иллюстрации здесь являются "как бы продолжением и углублением дефиниции значения слова" [12:113]. Что же касается энциклопедической информации, то и она подчинена прежде всего задачам толкования значения слова, включается в словарную статью только "если дефиниция недостаточно раскрывает значение слова" [12:114]. Т. о. и энциклопедическая, и иллюстративная информация в словаре «Petit Larousse» имеет существенное значение для толкования слова, наиболее полного раскрытия его лексического значения. Исключение из статьи любого из ее элементов привело бы к неполноте толкования.

¹ Словарь «Larousse» в первом издании вышел в 1856 году под названием «Nouveau dictionnaire de la langue française». Окончательно концепция словаря складывается, очевидно, к 1879 году, когда появляется первое иллюстрированное издание словаря. Свое современное название «Petit Larousse illustre» словарь получил в 1906 году. С этого времени, без изменения концепции словаря, он многократно переиздавался в XX веке.

² См. Гак В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопросы языкознания. — 1987. — № 2. — С. 3.

¹ Московлевич М. С. Предговор // Речник савременог српскохрватског књижевног језика с језичким саветником. — Београд: Аполон, 1990. — С. VI.

Взяв за образец словарную статью словаря «Petit Larousse», Бакотич был вынужден исключить из нее энциклопедический и иллюстративный материал, поскольку эта информация вступала в противоречие с лексикографическим статусом задуманного им собственно толкового словаря. Но исключая эту информацию, следовало одновременно расширить филологическое толкование, т.е. толкование лексического значения, внося в него те элементы, которые ранее выражались посредством энциклопедической и графической составляющих словарной статьи. К сожалению, во многих случаях этого сделано не было, что и привело к тому, что многие словарные статьи не разрывают в полной мере лексическое значение толкуемых слов.

Чтобы проиллюстрировать эти соображения, сопоставим словарные статьи двух словарей.

СБ

ВИШНЯ, ж. *бот.* 1. Врста трешње (дрво) (*Prunus cerasus*); 2. Врста на киселе трешње (плод).

PL

CERISIER n. m. Arbre, cultivate pour ses fruits, ou cerises. (On distingue le' *cerisier a griottes*, provenant du cerisier sauvage, et les *cerisiers a guignes* et a *bigarreaux*, provenant du merisier.) [Famille des rosacees.]
CERISE n. f. (lat. *cerasum*). Fruit comestible du cerisier. || — Adj. inv. De la couleur de la cerise; *rubans cerise*¹.

Обратимся вначале к словарным статьям французского словаря. Как видим, собственно филологическое толкование дополняется и расширяется в них за счет энциклопедической информации, которая приводится в круглых скобках сразу после основного толкования (напр., сообщение о разновидностях вишни и их происхождении в статье **cerisier**), а также иллюстраций (в данном случае в словаре дается графическое изображение самого вишневого дерева, а также, при статье **cerise** 'плод вишни', изображение ветви с плодами).

Собственно лексическое значение слова толкуется как "Дерево, культивируемое из-за своих ягод, или вишни" (т.е., фактически, плодовое дерево) и "сладобный плод вишни". Само по себе это толкование, безусловно, не является полным. И вместе с тем именно эта собственно филологическая часть толкования соотносима со словарной дефиницией, приведенной в словаре Бакотича.

¹ ВИШНЕВОЕ ДЕРЕВО n. m. Дерево, культивируемое из-за своих плодов, или вишни. (Различают вишню *griottes*, происходящую из дикого вишневого дерева, вишни *guignes* и *bigarreaux*, происходящие из черешни.) [Семейство розоцветных.] ВИШНЯ n. f. (lat. *cerasum*). Сладобный плод вишневого дерева. || — Adj. inv. Цвета вишни; *вишневые ленты*. [8:182]

Сопоставив словарные статьи обоих словарей, можно отметить, что, адаптируя содержание и структуру словарной статьи словаря Лярусс, Бакотич в данном случае просто механически исключил из нее энциклопедический и графический материал, что, конечно, пагубно сказалось на полноте толкования лексического значения слова в его лексикографическом труде.

Чтобы подтвердить это положение, сравним словарные статьи словаря Бакотича и наиболее близкого с ним по времени первого издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949):

СБ

ВИШНЯ, ж. *бот.* 1. Врста трешње (дрво) (*Prunus cerasus*); 2. Врста на киселе трешње (плод).

СО

ВИШНЯ, -и, *род. мн.*
-шен, *ж.* Плодовое дерево с сочными съедобными тёмно-красными ягодами, а также ягода этого дерева. || *прил.* **вишнёвый**, -ая, -ое. *Вишнёвое варенье*. *В. цвет*. (тёмнокрасный густого тона). || *уменьш.* **вишенка**, -и, *ж.* (разг.)¹.

Если сопоставить статьи, неполнота семантической дефиниции в словаре Бакотича становится очевидной. Ожегов не только соотносит лексику **вишня** с определенным родовым понятием (*дерево*), но и приводит признаки, характерные только для вишни, как разновидности деревьев вообще: "...дерево с сочными съедобными тёмнокрасными ягодами". В словаре «Petit Larousse» эта, конкретизирующая, часть толкования значения слова заключена в иллюстративном материале (изображении самого дерева и его плодов).

Акцентологическая, грамматическая и стилистическая характеристика слова. Серьезной отрицательной чертой явилось почти полное отсутствие в словаре акцентологической информации. Ударение в словаре ставится только в том случае, если оно играет смыслообразительную роль (ср.: *гърцае* и *гърцае*, *гърцити* и *гърцити*, *дрѝга* и *дрѝга*, *загледати* и *загледати*, *ѝарица* и *ѝарица* и др.) Этот факт, безусловно, ограничивает возможности словаря как нормативного лексикографического труда.

Отрицательно сказалось на значении словаря как справочного лексикографического труда и почти полное отсутствие стилистических помет (в словарных статьях присутствуют только пометы грамматического характера и пометы, указывающие на речевое употребление слова, это прежде всего касается специальной терминологической лексики: *бот.* - ботанический термин *фил.* - философский, *хем.* - химический и т. д.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. — С. 69.

Семантика слова. В лексическое значение слова, кроме денотативного компонента, о представлении которого в словаре Бакотича уже было сказано, входят и коннотативные компоненты (выражение эмоций, оценки, экспрессии и т.д.) Однако в словаре Луйо Бакотича эмоционально-экспрессивная характеристика слова не фиксируется.

Зато более полно по сравнению со словарем Вука представлена у Бакотича полисемия. Ср., напр.:

ВР 1852: Дочекивање, <i>n. Das Empfangen</i> , exsertio. (= приём)	РБ: ДОЧЕКИВАЊЕ, с. 1. пријем; 2. Доживљавање; 3. Прихватање.
--	--

При этом Бакотич полнее и точнее, чем Вук, передает в словаре семантические отношения между значениями одного слова. Например, в отличие от Вука, Бакотич последовательно различает прямое и переносное значение слова, выделяя последнее пометой *фиг.* ('фигурално'). Ср., напр.:

ВР 1852: Грцати, ам, <i>v. impf. maten</i> (in hohem Schnee), <i>incedo ut per</i> <i>altas nives.</i> (= идти по глубокому снегу)	РБ: ГРЦАТИ -цам, <i>импф. непрел.</i> 1. газити по снегу; 2. <i>фиг.</i> да- вити се: - у <i>дуговима</i> .
--	--

Однако в некоторых случаях толкование полисемичного слова оказывается недостаточным, о чем свидетельствует сопоставление с более поздним «Словарем сербскохорватского литературного языка» (Словарем Матицы сербской) (1967 – 1976 гг.):

РБ: БЕСЕДИТИ -дим, <i>импф. непрел.</i> говорити.	РМС: беседити, -им. <i>ек. бесједити</i> , несврш. <i>књиж. 1. Говорити.</i> – Базаровском иронијом [Скер- лић] беседи о романтици. <i>Матош. 2. проповедати, држа- ти говоре.</i> – Кад хоће што важ- но да беседи, поручи кмету. <i>Лаз. Л.</i>
---	--

Явление омонимии также отражено в словаре с определенной непоследовательностью. Во многих случаях омонимы лишь выделяются в самостоятельные словарные статьи, но никак не помечаются:

ЈАРИЦА, *ж.* пшеница која се сеје у пролеће.

ЈАРИЦА, *ж.* млада коза која се још није околила.

Бакотич специально выделяет только полные омонимы Ср., напр.:

1. ЛУПА, *ж.* (од *франц. loupe*) биконвексно сочиво које увеличава слику предмета који се кроз њега гледају.

2. ЛУПА, *ж.* бука од купања: он је без треска и без лупе ипак најглавнији део машине.

Так же поступаєт он и в случаях, когда точно установлено, что слова являются разными по происхождению (ср. 1. ТУШ (од *енгл. touch*) и ТУШ (*пл. тушеви*)).

В отдельных случаях автор понимает омонимию слишком широко, излишне дробит лексический материал:

1. ХАША, *ж.* (од *тур. haşa*) в. абајлија: па дората у копита љуби, загрну му хашу позлаћену. Нар. пес.

2. ХАША, *м.* (до *арап. hasa te ali*, *тур. (скраћено) haşa* = не дао Бог) одрицање, не читовање: *боли хаша него паша*. Нар. посл.

3. ХАША, *усклик одрицања*, не.

В данном случае 1. ХАША и 2. ХАША являются омонимами, а 3. ХАША в действительности представляет собой оттенок значения 2. ХАША.

В целом можно сказать, что как явление полисемии, так и явление омонимии отражены в словаре недостаточно полно и последовательно, что, возможно, обусловлено тем, что Бакотич не был профессиональным филологом, а также связано с тем, что сами вопросы полисемии и омонимии были еще недостаточно разработаны в лингвистической науке и лексикографической практике 1-й пол. XX в.

Подводя итоги, скажем, что Словарь Луйо Бакотича не только стал первым одноязычным собственно толковым словарем сербскохорватского языка, но и имел определенное значение для развития сербской лексикографии в целом. До его создания основной функцией словарей являлось изучение сербского литературного языка, а также его презентация среди других европейских языков, что характерно для раннего словарного периода развития лексикографии. Труд же Бакотича стал первой попыткой построения словаря на основе принципов, характерных для периода развитой лексикографии. Он задумывался как словарь, направленный, прежде всего, на описание современного словарного состава языка, на повышение языковой культуры общества. Однако ряд существенных недостатков не позволили автору словаря в полной мере реализовать свой замысел, что дало основание составителям Словаря Матицы Сербской сделать по поводу словаря Бакотича следующее замечание: «Необходимость создания справочного словаря современного литературного языка попытался удовлетворить Луйо Бакотич своим «Словарем сербскохорватского литературного языка» 1936 г., но без особого успеха. Действительно, невозможно, чтобы один человек выполнил такую большую работу по сбору словарного материала, его обработке и редактированию»¹.

¹Предговор уредништва // Речник српскохорватског књижевног језика. — Књ. 1. – С. 8.

Тем не менее, как нам кажется, словарь Луйо Бакотича, несмотря на все свои недостатки, по праву должен занимать одно из важных мест в истории развития сербской лексикографии.

Литература

1. Бакотич Л. Речник српскохрватског књижевног језика. — Београд: Завод «Планета» Сретена Ил. Обрадовића, 1936. — 1400 с.
2. Гак В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопросы языкознания. — 1987. — № 2. — С. 3–16.
3. Гудков В. П. Сербская лексикография XVIII в. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 177 с.
4. Enciklopedija Jugoslavije. — Т. 1. — Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1955. — 708 s.
5. Лазич Григоріє. Србско-нѣмачко-латинскій рѣчникъ, 1849. — 243 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, - М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
7. Московљевич М. С. Предговор // Речник савременог српскохрватског књижевног језика с језичким саветником. — Београд: Аполон, 1990. — С. V–VIII.
8. Nouveau Petit Larousse. — Paris: Librairie Larousse, 1968.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
10. Поповић М. Вук Стефановић Караџић. — Београд: Просвета, 1964. — 684 с.
11. Речник српскохрватског књижевног језика. — Књ. I–VI. — Нови Сад, 1967. — 1976.
12. Халифман Э. А. Пособие по французской лексикографии. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 168 с.
13. Hrvatska enciklopedija. — Т. 2. — Zagreb: Naklada hrvatskog izdavačkog bibliografskog zavoda, 1941. — 728 s.

НАЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НА ПОЗНАЧЕННЯ МЕНТАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ЛЮДИНИ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЛЬСЬКОЇ МОВИ)

Н. Б. Дем'яненко (Київ)

Мова, як відомо, є дзеркалом національної культури, відображаючи її і закріплюючи у повній мірі досягнення пізнавальної діяльності людини. Мова певної етнокультурної спільності служить національно-специфічним засобом моделювання національної картини світу, її своєрідного бачення і вираження. Поняття мовної особистості тісно переплітається з національними та етнокультурними характеристиками. Дослідження останніх років зосереджують увагу на мовних засобах, які утворюють картину світу. Центральне місце серед них займають фразеологічні одиниці, які є когнітивною категорією, способом мислення про світ, засобом створення мовних образів. Нами були досліджені фразеологічні одиниці на позначення ментальної діяльності людини, тобто ті, які своїм значенням відображають найважливіші внутрішні ментальні риси особистості: інтелектуальні та вольові риси характеру, моральні якості поведінки, почуття та емоції людини.

Як відомо, фразеологізм формується у результаті відповідного мовного процесу — фразеологізації, тобто переосмислення вільного словосполучення (або речення), яке ґрунтується на порівнянні, метафорі, метонімії і т.п. Фразеологічний образ, покладений у основу фразеологізму, — це складне явище, яке полягає у суб'єктивності й індивідуальності уявлень, на основі яких сприймається фразеологічне значення. Для визначення фразеологічного образу найважливіше значення має частиномовна приналежність певного фразеологізму. І хоча для утворення фразеологічних зворотів уживаються слова, що належать до різних частин мови, проте серед досліджуваних нами фразеологізмів основну масу складають іменникові і дієслівні звороти.

Іменниковими або субстантивними фразеологічними зворотами слід вважати лише такі, у яких головний компонент зберігає своє предметне значення й можливість змінюватися за відмінками (звичайно, це стосується змінних іменників). Аналізуючи семантичну структуру польських фразем із загальним значенням ментальної характеристики людини, ми звернули увагу на те, що у субстантивних фразеологічних одиницях лексично-категоріальна приналежність їхнього опорного складника може бути достатньо широкою, відповідно до чого різною виявляється їхня функція у вираженні цілісного значення фраземи і характер її внутрішньої форми. Говорячи конкретно, нам удалося виділити такі групи серед субстантивних фразеологічних зворотів: 1) фразеологізми, у яких головне слово метафорично позначає особу, а у прямому значенні є назвою тварини: *kochliwy jak kot w marcu* [SFJP, 1, 425],

boże ciele [SFJP, 1, 108, 142], *głupie ciele* [SFJP, 1, 142], *ciele marynowane* [SFJP, 1, 142]; 2) фраземи, головне слово в яких – іменник, що метонімічно позначає особу, а у прямому значенні є назвою частини тіла: *zakuty łeb* [SFJP, 2, 745], *pusta głowa* [SFJP, 1, 786], *dupa wołowa* [SFJP, 1, 194], *barani łeb* [SFJP, 1, 95], *ośle uszy* [SFJP, 1, 627], *serce kamienne* [SFJP, 1, 315], *serce z żelaza* [SFJP, 2, 893], 398], *bojaźliwe serce* [SFJP, 2, 102], *dowcipny język* [SFJP, 1, 312], *macosza ręka* [SFJP, 2, 25]; 3) фразеологічні одиниці, що вживаються для характеристики людини, але головний компонент-іменник позначає предмет чи абстрактне поняття *cztery litery* [SFJP, 1, 615], *wybuchowy temperament* [SFJP, 2, 637], *ogniste usposobienie* [SFJP, 1, 581], *ogień młodości* [SFJP, 5, 577], *miękki charakter* [SFJP, 1, 445], *jak statek bez steru* [SFJP, 2, 209], *chorągiewka na wietrze* [SFJP, 2, 538], *lisć na wietrze* [SFJP, 2, 538], 753], *kryształowy charakter* [SFJP, 1, 361], *wylana serdeczność* [SFJP, 2, 663]; 4) фразеологічні звороти, у яких головний компонент-іменник позначає особу: *złota dziewczyna* [SFJP, 2, 849], *święty człowiek* [SFJP, 2, 330], *zdrowy idiota* [SFJP, 2, 816], *ostatni dureń* [SFJP, 1, 194], *patentowany głupiec* [SFJP, 1, 653], *patentowany niezdar* [SFJP, 1, 653]; 5) фразеологізми, у яких головний компонент – міфологічна істота *zły jak czort* [SFJP, 2, 851], *zły jak diabeł* [SFJP, 2, 851], *zły jak szatan* [SFJP, 2, 851], *złościwy jak szatan* [SFJP, 2, 263], *diabeł wenecki* [SFJP, 2, 526].

Лексема *pies* у складі фразеологізму може використовуватися для позначення різних характеристик людини: 1) позначає злість: *zły jak pies*; 2) вірність: *wierny jak pies*; 3) завзятість *zażarty jak pies*; 4) у пестливій формі компонент *piesek* може позначати вразливу людину: *delikatny jak francuski piesek*. Інколи ознака, що сформувала метафору, покладену в основу фразеологізму, не тільки не є основою для позначення певної тварини, а й взагалі не входить у його семантичну характеристику. Вирішальним у такому випадку є досвід лінгвокультурної спільноти, який і визначає певні асоціації того чи іншого зооморфізму. За таким принципом утворюються цілі розряди метафор, покладених в основу значення фразеологізму. Задумом творення зооморфізмів є віднайдення вдалого імені характеристики людини, її поведінки, звичок, характеру. Оцінність зооморфізмів формується шляхом зіставлення певної риси характеру людини з назвою загальновідомої тварини, що полегшує сприйняття, конкретизує образ і сприяє фіксації у пам'яті певних її особливостей.

Фразеологічні одиниці на позначення ментальної характеристики людини об'єднали лише фразеологізми з назвами таких частин тіла як серце (*serce*), голова (*głowa*), чоло (*łeb, czoło*), око (*oko*), вухо (*ucho*), рука (*ręka*), долоня (*dłoń*): *miękkie serce* [SFJP, 1, 446], *wichrowata głowa* [SFJP, 2, 543], *złote ręce* [SFJP, 2, 850], *logiczna głowa* [SFJP, 1, 393], *uczona głowa* [SFJP, 2, 429], *człowiek czystych rąk* [SFJP, 2, 26], *wytarte czoło* [SFJP, 2, 700], *zawistne oko* [SFJP, 2, 792], *miodowe usta* [SFJP, 1, 449]. Фразеологізми із компонентом-іменником *głowa* (голова) у переважній більшості характеризують внутрішні характеристики людини, пов'язані з інтелектуальною діяльністю, лише фразеологі-

зми *uparta głowa, wichrowata głowa* та *bystra głowa* позначають інші характеристики особистості. Значна кількість фразеологізмів з опорним словом *serce* (серце) дає можливість стверджувати, що саме із цією частиною тіла пов'язується емоційне життя людини.

Фразеологізми із головним компонентом-іменником, що метонімічно позначає особу, а у прямому значенні є назвою частини тіла – досить значний пласт фразеологічного матеріалу у польській мові. Значення таких фразеологічних одиниць базується не тільки на метонімічному перенесенні назв частин тіла, а й на переносному значенні прикметників-означень, що входять до складу фразеологізмів. Окреме місце займають фразеологізми, до складу яких входить прикметник-зооморфнізм, у такому випадку велике значення для творення фразеологізмів має порівняння характеру, дій чи вчинків людини із певною характеристикою тварини.

Характеристики людини, що дають фразеологічні одиниці, у яких головний компонент-іменник позначає предмет чи абстрактне поняття, мають сильне емоційне забарвлення, позитивне (*gołębia dusza, kryształowy charakter, stalowa wola*) чи негативне (*ciepłe kluski, lalka malowana, nieczuły jak drzewo*). Більшість фразеологізмів розглянутої групи утворюють фразеологічне значення звороту внаслідок переосмислення словосполучення шляхом позначення особистості за допомогою предметів чи абстрактних понять, використовуючи метонімію (*niezależny charakter, stalowe nerwy*), іноді підсилену прикметниками-зооморфізмами (*kurzy mózg, cielecy mózg, cielecy rozum*). Для створення фразеологічного значення інколи використовується порівняння, виражене за допомогою сполучника *jak* (*twardy jak kamień, głupi jak sadło, gorący jak płomień*), у таких випадках абстрактне поняття чи назва предмету, з якою порівнюється певна риса характеру людини, вживається у прямому значенні.

Субстантивні фразеологічні звороти, що вживаються для характеристики внутрішніх рис людини, можуть мати у своєму складі головний компонент-іменник, що у вільному житку позначає людину. Це фразеологізми із компонентами: *człowiek, osoba, chłop, syn, pan, pani, dama, lowełas, kobieta, dziewczyna, brat, baba, dureń, dziwak, błazeń, wariat, idiota, głupiec, niezdar, łotr, łobuz, król, szelma, robotnik, robotnica, obywatel*. Характеризуючи фразеологічні звороти даної групи, зазначимо, що більшість із них утворена шляхом переосмислення вільного словосполучення. Головний компонент може вживатися не в основному своєму значенні, а у більш вузькому. Це ж саме стосується і компонентів-прикметників, які характеризують головне слово.

Фразеологічні одиниці, що мають у своєму складі компонент-міфологічну істоту, утворюють значення зворотів шляхом метафоризації головного компоненту чи компоненту, що має найважливіше семантичне значення.

Умови утворення та походження дієслівних фразеологічних зворотів та семантичні зміни їх компонентів можуть бути різними. Семантичні зміни пов'язані із вживанням зворотів для позначення внутрішніх характеристик людини. Вони виявляються в тому, що: 1. У деяких випадках лексеми, що

утворюють фразеологічний зворот, у своїх прямих значеннях вживаються для позначення просто фізичної дії людини, яку вона виконує у різних ситуаціях та випадках: *siedzieć cicho* [SFJP, 1, 141], *być na miejscu* [SFJP, 1, 442], *stanąć w kącie* [SFJP, 2, 198]. 2. Іноді фразеологічні звороти даного типу утворилися із вільних словосполучень, що позначали фізичні дії людей, пов'язані з їх стосунками: *zaglądać, zajrzeć (komu) do garnka* [SFJP, 2, 733]; *cudze garnki wylizywać* [SFJP, 1, 230]; *patrzeć przez okulary czyjeś albo czegoś* [SFJP, 1, 599]. 3. У окремих випадках фразеологічні звороти даного типу утворилися із вільних словосполучень, які мали спеціальне термінологічне значення: *grać pierwsze skrzypce* [SFJP, 1, 672], *odegrywać rolę wielką, ważną* [SFJP, 1, 554]. 4. Частина фразеологічних зворотів утворилась у результаті вживання для позначення дій і поведінки людини словосполучень, що у своєму прямому значенні є назвами дій тварин, птахів чи комах: *mieć żółto w dziobku* [SFJP, 1, 209], *oderwać się od rzeczywistości, od ziemi* [SFJP, 1, 555], *chować łeb w piasek* [SFJP, 1, 407]. Дія, зосереджена у дієслівних фразеологічних зворотах, є засобом вираження внутрішньої ментальної характеристики людини.

Аналіз обраних для дослідження фразеологічних одиниць на позначення ментальної діяльності людини допомагає визначити місце фразеологізму у шкалі вартостей лінгвокультурної спільноти. Фразеологічний фонд кожного народу відображає у своїх численних образах духовну культуру нації, образ життя і внутрішні характеристики людини, що дають змогу реконструювати цілісний мовний образ людини. Отже, фразеологізми – вагома складова мовної картини світу, у якій зафіксовано досвід носіїв мови з невідмінним складником образності і експресивності. Національна специфіка фразеологічних одиниць на позначення ментальної діяльності людини полягає в образному відображенні внутрішніх ментальних рис людської особистості мовними засобами фразеологізмів.

Список умовних скорочень

SFJP — Słownik frazeologiczny języka polskiego /Pod red. S. Skorupki. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1958 – 1969. — Т. I – II.

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НАЗВ ВЕСІЛЬНОГО ОБРЯДУ В ПОЛЬСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

О. С. Дзинглюк (Одеса)

Одним з найважливіших станів у житті людини є укладання шлюбу, який є основою сім'ї. Шлюбні стосунки визначаються дослідниками (Г. Лозко, А. П. Пономарьов) як історично зумовлена, санкціонована та регульована суспільством форма взаємин між чоловіком і жінкою, що регулює їхні права та обов'язки стосовно один одного й дітей.

Відомо, що починаючи з первісно-общинного ладу, в шлюбні стосунки до певної міри втручається рід, плем'я, потім держава, оскільки суспільство було зацікавлене у збереженні людського роду, в господарській діяльності шлюбного союзу, в його майнових правах. Отже, держава з початку свого існування нормує шлюбні стосунки звичаями, а потім і законом.

В міру розвитку соціуму індивідуальний шлюб зміцнюється, ускладнюється його ритуал (який надає офіційність, диктує певні умови), а через це і шлюбні звичаї. На відміну від ритуалу у народному обряді все йде від переказів, ігрової традиційної дії, народно-побутової драми, т. б. самого життя.

З часом весілля стає своєрідним театральним дійством (супроводжується іграми, музикою, танцями, співами) та набуває характеру народного свята (пор. пол. *wesele* – укр. **весілля** “обряд одруження, а також святкування з цієї нагоди за звичаєм”. Походить від псл. **veselje*, утворене від *veselъ* “веселий”; вживалося спочатку в загальному розумінні “радощі, веселощі”, а значення “шлюбне весілля” розвинулося згодом, не пізніше другої половини XV ст. : *Ej, otwórzcie nam wrota, bo już odjedziemy, A na wesele prosić więcej nie będziemy* [Kunysz 1968: 64]; [СУМ т.1: 340; ЕСУМ т. 1: 363].

Виникає складна система на позначення назв обрядовості весілля.

Ми вважаємо, що ця лексика має своєрідні лексико-семантичні і формальні особливості, що дає підставу деяким вченим (Л. М. Пупенко, О. Тищенко) вважати її обрядовою термінологією. Відомо, що термінологія – це система термінів певної галузі науки, виробництва, мистецтва, політики тощо. А весільний обряд є складним соціокультурним явищем, яке створюється взаємодією двох принципово різних культур – фольклорної, яка є комплексом традиційної духовної культури, що реалізується в словах, ідеях, рухах, діях, та колективно-традиційної, професійної, індивідуально-креативної діяльності. Тому, на наш погляд, корпус номінацій, пов'язаних з обрядом весілля, доцільно кваліфікувати як назви весільного обряду, оскільки вони зберігають міцний зв'язок із загальнонавживаною лексикою.

Всебічне вивчення лексико-семантичних особливостей назв весільного обряду в польській та українській мовах належить до актуальних у сучасній зіставній славістиці.

У польських та українських назвах весільного обряду можна виділити такі лексико-семантичні групи: лексика на позначення елементів передвесільного стану (пол. **zaloty, zaręczyny**; укр. **сватання, заручини**); номінації елементів власне весільного стану (пол. **pokładziny, oczepiny**; укр. **запросини, розплетини**); слова, що позначають елементи післявесільного обряду (пол. **dzień dobry**; укр. **пропій**). Залежно від того, наскільки важливим і функціонально значущим є те чи інше обрядове дійство, весілля містить у собі відповідну кількість обрядодій.

Серед даних номінацій розрізняємо: 1) польсько – українські паралелі, які співпадають за семантичним обсягом. Це передусім – **іменники**, що називають **осіб** (пол. **swazka** – укр. **свашка** “жінка, яка, добре знаючи весільні обряди, порядкує на весіллі”: *Nasza pani swazka nie żałuje chleba, Miała rósć do piekła, to pójdzie do nieba* [Kunysz 1968: 67]; пол. **družba** – укр. **дружба** “товариш молодого, що бере участь у весільному обряді; Назва пішла від псл. *drugъ “товариш, приятель”: *Proszą was pan ojciec z panią matką i pan družba z panią swasią, i pan młody z panią młodą, Ten, który siedzi wedle boku mego, a ja na usłudze jego, Na dzień wtórkowy na wesele do pani młody* [Kunysz 1968: 65]; Наше гільце чепуристе Стоїть рублив чотириста. Треба його пошанувати Та й за його гроші дати. **Дружба** пелехатий Бігає кругом хаги: Грошей позичати, Гільце викупляти [Вудвуд 1998: 38], [СУМ т.9: 67; т. II: 423; ЕСУМ т. I: 347]; **предмети** (пол. **kołacz** – укр. **калач** “обрядовий весільний хліб круглої форми”. Припущення про запозичення форми з середньогрецького або романського джерела; пол. **dzieża** – укр. **діжа** “низька широка дерев’яна діжка, в якій готують тісто на хліб”, від псл. *dęža; пол. **korowaj** – укр. **коровай** “великий круглий пухкий хліб із прикрасами з тіста, який печуть на весілля”, від псл. *kogvajъ “коровай”; загальноприйнятої етимології не має; найбільш імовірним здається походження від псл. “korva “корова”, зумовлене, очевидно, поширеною у слов’ян подібністю обрядових булочних виробів за формою до корови взагалі чи її голови з рогами або вимені: *Ej! Dohladajsia Hanulul! Na szczo korowaj wneseno! Na korowaju rowiwanie, Na twoju kosu rokruwanie* [Сумцов 1996: 111]; Треба вдвох на печі лягти, **Коровою** стеретти, Щоб його не припалити, Щоб його не присмалити, Бо в Івася рід великий, Щоб було чим обдарити [Вудвуд 1998: 31]; пол. **wianek** – укр. **віночок** “квіти, листя, гілки і т.ін., сплетені в коло, яким звичайно прикрашають голову”: від псл. *věньсь, věтъкъ, суфіксальні утворення від věpъ (пор. рос. [вен] “плетінка”, пол. [wian] “т.с.”), пов’язаного з дієсловом witi “вити”: *Posła dziewczyna ko ogrodowi, Kopać dołek swemu wiankowi, Kopia, kopia – wykopała, Swoj wianecsek rochowała* [Сумцов 1996: 72]; Дай, матінко, масла, Щоб була коса красна, Пригладь її рученьками, Прикропи слізюньками. Дай, матінко, голку Ще й ниточку з шовку Пришити **віночок** А хоч на один деньочок [Вудвуд 1998: 32]; пол. **sosna** – укр. **сосна** “вічнозелене хвойне дерево, переважно з прямим високим стовбуром, довгою хвоєю і невеликими шишками”. *Sosna* займає одне з найважливіших місць серед весільних дерев. У давнину це де-

рево було символом продуктивної сили природи: *Przed borem sosna gorzała, Tam pod nią panna stojała. Skrza na nią padały, Szaty na niej gorzały – Nie dbała* [Сумцов 1996: 129]; [СУМ т. II: 301; т. IV: 295; т. I: 677; т. IX: 469; ЕСУМ т. II: 348; т. I; т. III: 35; т. I: 400; Slawski t. 6: 495]; **віддієслівні іменники** (пол. **swaciny** – укр. **сватання** “звертання до батьків дівчини, звичайно через старостів або взагалі через посередників, прохаючи дати згоду на одруження з їхньою дочкою”; пол. **hostyny** – укр. **гостини** “перебування в гостях; гостювання; відвідини”, походить від псл. *gostь < іє. *ghostis; думка про запозичення з германських мов. [СУМ т. I: 66; т. II: 143; ЕСУМ т. I: 517]. 2) слова, семантика яких знаходиться в стосунках **перетинання**: пол. **zaloty**, від пол. *zalecać się* “похвалитися, відзначитися, піддобрюватися, підлещуватися, залучитися” [Шевченко 1996: 32]; “*zabiegi mające na celu pozyskanie względów osoby płci odmiennej, wzbudzenie w kim miłości, starania o czyją rękę, konkury, umiżgi*” [Doroszewski t. 10: 599]; “*zaloty odbywały się w domu narzeczonej, trunki na zaloty kupował kawaler, zaś chleb i omastę musieli “przystarac” rodzice narzeczonej. Na zaloty mógł narzczony zaprosić, kogo mu się podobało. Na zalotach była też muzyka. Goście jedli, pili, a potem ochoczo śpiewali i tańczyli. Zaloty takie trwały zwykle do północy*” [Kunysz 1968: 53]; *A jak pójdiesz na zaloty, Weźże chleba dla kobiety, żeby jadła, żeby piła, żeby z tobą Dobrze żyła* [Сумцов 1996: 109], *Ej, ni mom nic, ni mom nic, ni mom nic, Spodobała się mi dziewczka, u sąsiada dziewczka, u sąsiada, Nie pierwsze zaloty straciłem se złoty, straciłem se złoty* [Kunysz 1968: 114] – укр. **сватання** “звертання до батьків дівчини, звичайно через старостів або взагалі через посередників, прохаючи дати згоду на одруження з їхньою дочкою” [СУМ т. 9: 66]. Польська назва ширша за своїм лексичним значенням.; пол. **gody** – весілля з давніх часів було частиною відомого язичницького свята, від якого і отримало своє релігійне освячення. Після воно відокремилось від річного свята і відбувалося окремо. У поляків **gody** – саме свято, другий етап усього обряду – укр. **весілля**. Українська назва ширша за своїм значенням. 3) **Безеквівалентні назви** (лакуни) не мають відповідників у спорідненій мові: пол. **biesiada** “специфічний вияв весільної розмови, якій було властиве надмірне живання їжі, горілки”; **biesiadnicy** “особи, які беруть участь у весільній розмові” [Gerlich 1984: 105]; **rabunek** – “наділяння гостей подарунками”, **skuplenie** “обряд, пов’язаний з прийняттям заміжніх жінок у свахи” [Пупенко 1999: 27]; укр. **чоботоносини** “дарування нареченій молодим чобіт під час дівчачого вечора”, **торочини** “пришивання дівчатами до рушників нареченої торочки” [Шевченко 1996: 30, 38]; **пропій** “пригощання молодим родичів, батьків, гостей, щоб запити своє господарство (для його розвитку і зміцнення)” [Вудвуд 1998: 38].

Таким чином, у семантиці назв весільної обрядовості польської та української мов знайшли відображення народна мораль, звичаєве право, етичні норми та світоглядні уявлення, що формувалися упродовж віків. Серед весільних найменувань існує найдавніша група слів на позначення обрядових реалій, що сягає праслов’янських часів. Оскільки польська та українська мови

W tekstach pieśni folklorystycznych zakodowany jest obraz rzeczywistości postrzeganej oczami określonej grupy. Grupa tworzy tekst, a z kolei jego znaczenie jest w pełni zrozumiałe tylko dla tej grupy. W taki sposób potwierdzony jest fakt odrębności danej społeczności przy jednoczesnym jeszcze silniejszym spojeniu jej wewnętrznymi więzami wyrażen i pojęć potwierdzających ich własną tożsamość: obecność w danym miejscu, istnienie bliskiego, własnego świata. Nietrudno zrozumieć, że słowa pieśni opowiadały tak o wierzeniach, przesądach, historii i mitologii, jak i o historiach żywcem wziętych z codzienności. Często treść opowiadanego wypadku dotyczyła konkretnej sprawy, a przedstawione wydarzenia miały potwierdzać jakąś dobrze znaną mądrość ludową, ponieważ zamążpójście bądź ożenek również miały kluczowe znaczenie tak dla konkretnego człowieka, jak i dla całej rodziny, nie mogło zabraknąć tego tematu w pieśniach. W ogóle obszar tematyczny związany z małżeństwem, zakodowany w ludowych przysłowia i powiedzeniach, przeniknął do leksyki współczesnej. My sami często wykorzystujemy takie wyrażenia nie zawsze zdając sobie sprawę, że mają one ludowy rodowód (np. majowe małżeństwo, dobrać się jak w korcu maku, itp.). Jednakże nim określone wyrażenia nabrały mocy i splendoru złotych myśli, zanim w pełni zaistniały jako transformacja określonej myśli w formie lakonicznego komunikatu, przechodziły szlak ku stanowi się maksymą, utrwalając się w mentalności ludowej z początku jako obraz pewnej historii, legendy, opowieści, w której kluczowe znaczenie miała jakaś postać bądź przedmiot, ewentualnie też morał tejże opowieści. Później dokonywano skrótu myślowego wspominając wyżej wymienione elementy dla przywołania szerszego obrazu – powszechnie znanej historii. Rzecz jasna, opisana wyżej sytuacja wymagała od danej społeczności znajomości zagadnienia, aby skrót myślowy mógł być zrozumiały. Zjawisko formowania się utartego zwrotu lub stałego połączenia słów widoczne jest najbardziej w takim typie tekstu, którego sama struktura wymaga zwięzłości, lakoniczności oraz dostosowania chociażby do warstwy intonacyjnej bądź zestroju sylabowo – akcentowego. Od razu z wiadomych przyczyn za taki typ tekstu i w ogóle utworu możemy przyjąć pieśń (w omawianym wypadku pieśń ludową).

Jak już wspomniałem ożenek, bądź zamążpójście były w życiu ludu szczególnie ważne. Ślub oznaczał nie tylko przejście do pełnej dorosłości i niezależności od rodziców, lecz nosił również znamiona wydarzenia permanentnego, niepowtarzalnego, a przede wszystkim poprzez swoją pokoleniową cykliczność dającego się łatwo ująć w ramy stereotypowych osądów, przybierających kształt powiedzeń, przysłów, jak również stałych połączeń słów noszących znamiona frazeologizmów. Wyrażają one myśli i spostrzeżenia, które są wynikiem

należeć do słow'янських мов, вони зберігають у словниковому складі традиційні номінації весільного обряду давніх слов'ян, які відзначаються паралелізмом. Їхня ізосемія зумовлена зближенням ідеї народження нового, весни й вічного творення, оновлення, родючості з весільним культом, що відбиває специфіку вияву ранніх форм релігії та міфології. Про самостійний розвиток культури, мови, традицій слов'ян свідчать лексеми, що частково розрізняються за семантикою. Водночас функції багатьох весільних обрядодій, система народних звичаїв і вірувань визначають своєрідність шлюбного обряду поляків та українців. Упродовж віків носії мов, що розкладаються у статті, випрацювали національно-специфічні елементи, внаслідок чого їх кваліфікують як безеквівалентні назви або лакуни.

Наше дослідження не претендує на вичерпність, але матеріал, використаний у статті, підтверджує, що весільні назви в польській та українській мовах об'єктивно відтворюють явища життя, є добутком кожного народу і наслідком його творчості.

Література

1. Вудвуд І. М. З родини йде життя людини. – Донецьк: Центр підготовки абітурієнтів, 1998. — 116 с.
2. Лозко Г. Українське народознавство. — К.: Зодіак — ЕКО, 1995. — 368 с.
3. Українознавство: Посібник / В. Я.Мацюк, В. Г. Пугач, П. Пономарьов, М. Г. Стельмахович, Д. Чижевський. — К.: Зодіак — ЕКО, 1994. — 399 с.
4. Пуценко Л. М. Польська весільна лексика та фразеологія // Мовознавство. — 1999. — № 4 – 5. — С. 21 – 33.
5. Сумцов Н. Символика славянських обрядов. — М.: Наука, 1996. — 295 с.
6. Тищенко О. В. Лексико – семантичне поле “Позитивні емоції” у слов'янській родинній обрядовості – концептуальний підхід // Мовознавство. — 2000. — № 2 – 3. — С. 56 – 66.
7. Шевченко В. Т. Назви весільного обряду та деяких його елементів // Мовознавство. — 1996. — № 6. — С. 30 – 39.
8. Gerlich H. Narodziny, zaślubiny, śmierć. — Katowice, 1984. — 128 s.
9. Kunysz W. Wesele Kraczkowskie. — Lublin: Wyd-wo Lubelskie, 1968. — 219 s.

Список скорочень

- СУМ – Словник української мови: В 11 т. – К.: Наук. думка, 1970 – 1980. Т. 1, 2, 4, 9.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. – К.: Наук. думка, 1982 – 1989. Т. 1, 2, 3.
- Slawski — Slawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego: W 7 t. – Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego, 1952 – 1966. Т. 6
- Doroszewski — Doroszewski W. Słownik języka polskiego: W 11 t. – W.: Wiedza Powszechna, 1958 – 1969. Т. 10.

długotrwałej obserwacji i stanowią wypadkową wielu różnych konkluzji odnoszących się do określonych wydarzeń, jakie łączy podmiot, czy temat wypowiedzi. Poglądy o całym otaczającym świecie, kulturze ludowej są stereotypowe; przez pokolenia wyrobiona swego rodzaju tradycja postrzegania i rozumienia w odpowiedni sposób danego człowieka, rzeczy, sytuacji, fragmentu otoczenia, itp., która do tego jeszcze utwierdzona była akceptacją danej społeczności, co więcej, nierzadko warunkowała bycie „swoim” lub „obcym” sprzyjała takiemu stanowi rzeczy. Nie mówimy tu o prostych uogólnieniach, bądź wyciąganiu wniosków jedynie z poczynionych obserwacji. Równie ważne znaczenie w tworzeniu się stereotypu miały także wierzenia, przesady, a nawet określone cechy wyglądu zewnętrznego wyróżniające przedstawicieli danej społeczności od innej.

Stereotyp dobrego kandydata na męża i kandydatki na żonę można podzielić na trzy składowe:

1. Wygląd zewnętrzny — powtarzające się w kolejnych tekstach antroponimy;
2. Cechy charakteru – zazwyczaj pobieżna charakterystyka;
3. Stan posiadania, umiejętność wykonywania określonej czynności (orka, szycie, sprzątanie, itp.), status społeczny.

W wyglądzie zewnętrznym, a konkretniej rzecz ujmując, w elementach, które, choć są ledwie fragmentami całości, przejmują jednakże rolę kreującą przy ostatecznym opisie postaci już przy pobieżnej obserwacji można dostrzec analogie w doborze tychże elementów tak na tle utworów tego samego rodzaju znanych w konkretnym kraju słowiańskim, jak i w pieśniach wszystkich narodów słowiańskich. W opisie zewnętrznym postaci najczęściej wymieniane są oczy, czasem w parze z brwiami. Zwykle mowa jest o ich kolorze. W ukraińskich pieśniach takich, jak: *Жито, мамцю, Ой од моря та й до моря; Чорні очка, як терен, czy Ой не шуми, луже, зелений байраче*¹ widzimy oczy ciemnego koloru – zwykle są to brązowe, bądź wręcz czarne oczy. Towarzyszą im z reguły ciemne, czarne brwi. Przy tym należy zaznaczyć, że wymienione cechy urody są domeną obojga płci (np. w ostatniej z przytoczonych pieśni opis dotyczy mężczyzny). Ciemne, brązowe, czarne oczy i ciemne, czarne brwi to atrybut, za jakim skrywa się niejednoznaczna i rozbudowana charakterystyka określonej osoby. Ciemne oczy i/lub ciemne brwi u dziewczyny przydają jej nieco tajemniczości i magii. Są one (jédnocześnie) elementem oczarowującym, przyciągającym potencjalnego partnera bądź partnerkę. Widzimy to wyraźnie w pieśni *Ой у полі нивка*, gdzie widok dziewczyny o czarnych brwiach odpoczywającej po pracy w polu zmusił kozaka do pozdrowienia jej i tym samym rozpoczęcia znajomości. Czasem magia i czar drzemiące w oczach ciemnej barwy noszą wręcz znamiona fatalizmu tak, jak to słyszymy w słowach dobrze znanej wszystkim pieśni *Взяв би я бандуру*. Jednakże czarne, brązowe oczy to również symbol wierności i prawdziwej, bo głębokiej miłości, co widzimy w obrazie pieśni *Ой од моря та й до моря*. Przy okazji należy zaznaczyć, że we wspomnianej pieśni

¹Przy nazwach utworów nie ma odnośników, ponieważ pochodzą one z dwóch wymienionych na końcu śpiewników.

pokazana jest alegoria kozaka, przedstawionego pod postacią szarego orła, co stanowi przykład rozpowszechnionego w folklorze porównywania człowieka do zwierzęcia bądź rośliny w celu uwypuklenia charakterystycznych cech wyglądu zewnętrznego lub charakteru. Kolejne przykłady zasygnalizowanego problemu przedstawię w dalszej części pracy. Obecnie chciałbym się skupić nad innym zagadnieniem. We wspomnianej pieśni dziewczynę oprócz tego, że scharakteryzowano ją słowem „młoda”, to przedstawiono również pod postacią „brązowych oczu”. Podobną paralelę w wyrażeniu „ciemne brwi”, jakie mają reprezentować całą postać dziewczyny, widzimy również w pieśni *За городом качки плывуть*. Na uwagę zasługuje również fakt, że w obydwu wspomnianych pieśniach stosunki między młodymi również sprowadzone są do jednego obrazu „ukochanej rozmowy”. Wspomniane cechy urody w postaci czarnych brwi i ciemnych oczu to również domena dziewczyn, które zwracają na siebie uwagę dbałością o wygląd zewnętrzny, co widzimy w słowach pieśni *Жито, мамцю*, nie stronią od ciężkiej pracy w polu (*Ой, за гаєм, гаєм*), i wreszcie są atrybuty takiej dziewczyny, przy której niezależnie od stanu posiadania w domu zawsze będzie panowała miłość i zgoda (*За городом качки плывуть*). Z kolei w pieśni *Ой, не цвѣти буйним цвѣтом* widzimy, że dziewczyna o czarnych brwiach posiada wiedzę o magicznym działaniu ziół, po wypiciu których kozak zapomni o niej. Jednakże zgodnie ze słowami pieśni silniejsze od działania ziół są oczy młodzieńca, i tylko po ich zmruczeniu (zamknięciu) uda mu się zapomnieć o tej dziewczynie. Oczy często w pieśniach przejmują funkcję, którą w utworach ludowych zazwyczaj przypisuje się sercu. W pieśni *Через річку, через болото* osoba rozmawiająca z dziewczyną zauważa, że jej wzrok „błąka się”, z czego wnioskuje, iż ona sama jeszcze nie wie, kogo kocha. W pieśni *Цвѣте терен, цвѣте терен* dziewczyna opowiadająca o swojej nieszczęśliwej miłości ma pretensje do swoich oczu, które pokochały tego, kogo wszyscy omijali. Oczy mogą więc pokochać niejako samodzielnie, oczy mogą również odczuwać niezależnie od woli człowieka tak, jak to ma miejsce w pieśni *Ой, не шуми, луже, зелений байраче*, gdzie „brązowe oczy” kozaka płaczą same, bo nie mogą zaznać spokoju „ani w dzień, ani w nocy”. Dla porównania na tle analizy obrazu oczu w ukraińskich pieśniach przedstawiam kilka przykładów tego samego obrazu w innych pieśniach słowiańskich. W czeskiej pieśni *Včera byla neděla* słyszymy z ust porzuconej dziewczyny, że nie jest ona zrozpaczona z tego powodu, ponieważ ma już innego chłopca o „czarnych oczach”, który jej będzie wierny. W polskiej pieśni *Chodзіłem по полі* został przedstawiony obraz ukochanej dziewczyny w postaci niebieskookiej blondynki. W kaszubskiej pieśni *M^odre „oczka* pojawia się analizowany już motyw autonomicznego istnienia i działania oczu względem reszty ciała, czy nawet wobec całego obrazu człowieka. To właśnie do oczu (modrych) zwrócona jest prośba, by poszły spać. Z kolei w polskiej pieśni *Na wójtowej roli* dziewczyna gotowa jest skoczyć za swoim chłopcem do studni dla jego „siwych oczu”. W innej polskiej pieśni *W mojem ogródečku* przedstawiona jest ciekawa zależność między oczami i sercem. Dziewczyna mówi, że omamiły ją oczy Jasia, które się zakochały w jej sercu. Rzecz jasna — we wszystkich wymienionych pieśniach elementy opisu

zewnątrznego takie, jak oczy i brwi, oprócz tego włosy, często również cera i usta są wymieniane jako atrybuty wydzielające typ urody przedstawicieli danej nacji. Oczywiście jest to również ważny aspekt w doborze partnera, ponieważ nie należy zapominać, że cały świat ludowy oparty jest na zantagonizowanej rzeczywistości: cudzy – swój, dobry – zły, ładny – brzydki, itd. Dlatego też dobra kandydatka na żonę odznacza się tylko pozytywnymi przymiotami, a zła będzie bezwzględnie brzydka i niedobra. Każdy z narodów słowiańskich w swej kulturze ludowej utrwalił taki właśnie obraz. W polskim folklorze będzie to chociażby wspomniana już pieśń *Chodziłem po polu*, w macedońskim *Македонско девојче*, w serbskim *Ruse kose curo imaš*, itd. Często na stereotyp wyglądu zewnętrznego nałożony jest jeszcze dodatkowy komunikat w postaci imienia występującego popolicie w danej społeczności. Dla Ukrainy będzie to Gala, Mariczka, Hryc, Iwanko, dla Polski – Kasia, Marysia, Jaś, Maciek, itd.

Co ciekawe – bardzo często uroda występuje w opozycji do bogactwa i do takich cech, jak: pracowitość, uczuciowość, dobroć, uczciwość. Przykładowo w pieśni ukraińskiej *Ой, за гасм, гасм* dziewczyna zastanawia się, na co bardziej zwrócić uwagę kozak – czy na jej jasną twarz i czarne brwi, czy też na jej woły i krowy? Uzyskuje na to pytanie odpowiedź godną młodego kozaka: woły i krowy kiedyś padną, a jasna twarz i czarne brwi przez wiek nie utracą swego piękna. W kolejnej pieśni *Ой, у полі цушка* w postaci młodej dziewczyny znalazły odbicie wszystkie dobre cechy. Przedstawiony jest właściwie zarys dobrej kandydatki na żonę: ładnej, grzecznej i pracowitej. Co ważne, oprócz pracy w polu dziewczyna potrafi jeszcze żyć. Ta umiejętność jako domena charakteryzująca dobrą gospodynię pojawia się również w innych pieśniach. Są to często pieśni z tekstem ułożonym w formie porady: jaką dziewczynę powinno się wybrać? Dla przykładu w utworze *Чи то, тату, тую брати, що воли – корови* – korowii młodzieniec w pytaniu skierowanym do ojca przeciwstawia jako cechę dominującą urodę (czarne brwi) i bogactwo (woły, krowy). Udzielając odpowiedzi ojciec odrzuca ten sposób rozumienia rzeczywistości przez syna i radzi mu, aby pytał, czy jego wybranka jest pracowita i zaradna („...яка з неї швачка [...], чи спряде сорочку”), czy potrafi dbać o dom („...чи метена хатка”), oraz czy wychowanie otrzymała w dobrym domu („...чи чесного роду”). W innej pieśni *Ой, я нещасний, що маю діяти?* starsza osoba w ogóle odradza kozakowi ożenek (z czarnooką dziewczyną), bo i tak nie zazna on szczęścia w rodzinie, a tylko wyplacze oczy i jeszcze, być może, zginie gdzieś zdala od domu. Utwór kończy się jednoznacznie wyrażoną myślą: „...Нащо тобі, хлопче, жінка чорноока? У козака жінка – шабля біля бока!”. Pieśń *За городом качки пливуть* opowiada o tym, jak to biedne, ale dobre dziewczyny szybciej wyjdą za mąż, niż bogate. Ze słów kozaka wynika, że ważniejsza dla niego jest miłość panująca w domu („люба розмова”), niż zamożność („воли та корови”). W podobnej opozycji urody i zamożności utrzymany jest tekst polskiej pieśni *Czerwone jagody*. Jednak tutaj widzimy swego rodzaju zderzenie się dwóch sposobów postrzegania rzeczywistości. Dziewczyna smuci się, że nie jest ładna i z tego powodu nie ma powodzenia u chłopców, gdy tymczasem jej matka uważa, że

uroda nie jest taka ważna, jeżeli posiada się majątek. Przy okazji ciekawe jest porównanie urody dziewczęcej do magicznej *żywej wody*. Jeżeli już dochodzi do bliższej znajomości między młodymi, to ich spotkania skrywane są przed innymi. Po raz kolejny okazuje się, że nie sami młodzi mogą sobie układać wspólne życie, bo ważny głos w tej sprawie ma również wspomniane już starsze pokolenie, jak i społeczność reprezentowana przez sąsiadów, znajomych, czyli tzw. swoich. Doskonale ten problem przedstawiony jest w pieśni ukraińskiej *Тече вода калямутна*, gdzie młoda dziewczyna skarży się na matkę, która nie pozwala jej spotykać się z Iwankiem i do tego jeszcze ją bije za nieposłuszeństwo. Dziewczyna zła i rozżalona wypomina matce, że ona też kiedyś chodziła za swoim przyszłym mężem. Ze słów młodej wynika, że jej rodzicom było łatwiej, bo matka wybrała jej ojca między „swoimi”, gdy tymczasem jej Iwanko jest „cudzy”. W dziewczynie jest na tyle dużo determinacji, że prosi matkę o wybaczenie, ponieważ nie zamierza zerwać z Iwankiem twierdząc, iż dobrali się razem niczym „dwa malowane dzbanki”. Jednak najczęstszą przyczyną rozejścia się młodych jest ingerencja innych osób. Czasem są oni określani jako [jacyś] „ludzie”, jak na przykład w pieśni *Світи, світи, місяченьку та й на мій перелаз*. Najczęściej są to sąsiedzi i bliscy znajomi, którzy sięjąc plotki przyczyniają się tym samym do rozejścia się młodych. Czasem kończy się to jedynie na przykrych dla zakochanej pary pomówieniach, jak w pieśni *На горі верба рясна*, gdzie „wrodzy ludzie” wydali osąd, że młodzi nie powinni się spotykać. Mimo to dziewczyna mówi: „... А ми в парі ходить будем, Як любилсь, так і будем!”.

Podobnie rzecz się ma i z młodymi kawalerami, którym ze swoimi ukochanymi nie pozwalają lub przeszkadzają spotykać się ich matki bądź siostry. Taki obraz przedstawiony jest chociażby w znanych pieśniach: *Чом ти не прийшов*, albo *По садочку ходжу*. Oczywiście i w tym wypadku jedną z przyczyn takiego stanu rzeczy może być kwestia majątkowa. Widzimy to na przykład we wspomnianej już pieśni *За городом качки пливуть*, w której dziewczyna mówi do chłopca wprost, że jego matka pewnie nie chce jej nawet znać, ze względu na jej ubożość. Jednak łatwo dostrzec, że w wypadku mężczyzn w ich działaniach jest o wiele więcej samodzielności w porównaniu z dziewczynami zazwyczaj podporządkowywanymi się woli rodziców. Nawet w tej samej pieśni chłopiec odpowiada, że woli swoją wybrankę, niż jakiegokolwiek bogactwo. Jednak siła oddziaływania „głosu społeczności”, która wypowiada się przeciwko spotkaniom zakochanej pary, jest bardzo duża. Oto w pieśni *Гаю, гаю, зелений розмаю* widzimy destrukcyjny skutek ludzkiej ciekawości. Osoby roztrzasaające związek dwojga młodych w ten sposób doprowadzają do jego rozpadu. Na początku tekstu nazwane są one ogólnikiem „wrogowie”. Później zarzut o rozbicie związku zostaje sprecyzowany do wąskiego kręgu osób – „sąsiadów”. Są oni przedstawieni jako: „... сусіди близькі, вороги тяжкі...”. Pieśń kończy się słowami przestrogi bądź też gorzkiej konkluzji, aby sąsiedzi i bliscy zajmowali się sami tym, czym chcą i nie wtrącali się w sprawy dwojga zakochanym w sobie ludzi. W pieśni *Іване, Іване, личко малюване* przedstawiono cały spis tych, którzy przyczynili się do rozstania

zakochanych, a mianowicie: „стари”, „мали”, „приятелі”, jacy również roznoszą plotki. W pieśni *Через річеньку, через болото* znowu tych, którzy przyczynili się swoimi plotkami do rozejścia się pary, określono mianem „wrogów”. Tym razem jednak słyszemy skierowane pod ich adresem przekleństwo. Przy okazji wart jest zastanowienia jeszcze jeden kontekst. Osoba, która przeklina swoich wrogów, czyni to, ponieważ złamali oni jej uczucia („...любов тверду, золоту”). Można z tego wyciągnąć dwa wnioski. Po pierwsze – ze słów przytoczonych powyżej wynika, że społeczność (kolektyw, sąsiedzi, bliscy) mieli ogromny wpływ na losy swych poszczególnych członków. Na przykład poprzez wydaną opinię na temat spotkań jakiejś zakochanej pary mogli doprowadzić do zerwania związku mimo uczuć, jakie młodzi do siebie żywili. W szerszym planie osąd społeczności stawał się swoistą wyrocznią, ciałem arbitralnym, w mocy którego było po prostu regulowanie życia poszczególnych członków społeczności. Ów głos ludzi stał na straży porządku ustalonego przez wielopokoleniową tradycję. Nawet jeżeli przy osądzaniu jakiejś sprawy ludźmi kierowała ciekawość, zawiść, czy chęć narzucenia woli innym, to nie dokonywali oni tym samym rewolucji w mentalności, a jedynie korzystali z ogólnie znanego i praktykowanego zwyczaju. W tym kontekście często negatywny stosunek do rodzącego się związku między dwojgiem młodych ludzi miał również swoje podłoże w uwarunkowaniach natury czysto społecznej: odradzano zamożnym wiązania się z ubogimi, dziewczynom nie pozwalano spotykać się z chłopcami, którzy byli wyznaczeni do służby w wojsku (nierazko kilkunastoletniej), odradzano wiązania się w pary w zbyt młodym wieku, itd. Do pełnego portretu dobrego kawalera i dobrej panny brakuje nam jeszcze właśnie tych przestróg, zawartych również w tekstach pieśni. Obowiązkowo należy tu wspomnieć tekst jednej z najbardziej znanych ballad ukraińskich *Ой, не ходи, Грицю*, w której ostrzegano tytułowego Hrycia, żeby nie chodził na wieczorne potańcówki, bo zbierając się tam dziewczyny to istne czarownice. Młodzieniec oczywiście nie posłuchał i poszedł na wieczornicę, gdzie został otruty przez dziewczynę (czarnobrewą) z zazdrości. Wolała ona otruć go samodzielnie przygotowanym naparem z ziół, niż pozwolić mu spotykać się z inną dziewczyną. W pieśni *Ішов козак нотаїком* widzimy dziewczynę, która żegnając się z kozakiem prosi go, by nie opowiadał o ich spotkaniach obcym (omawiany już wcześniej strach przed plotkami). Nie chce ona także wiązać się z kozakiem, bo ma już kogoś, do kogo żywi uczucie od dziecka. Pieśń *Тече річка невеличка* w całej swojej treści stanowi przestrożę, by nie przeklinać losu innego człowieka, bo jego przekleństwo wypowiedziane w odwiecie może się spełnić i nawet okazać się silniejszym, niż zdawało się na początku. Oto właśnie kozak odrzucony przez dziewczynę przeklął ją, a jego przekleństwo nie spełniło się, gdy tymczasem jej złe słowa w odpowiedzi okazały się na tyle fatalne, że nieszczęsny mężczyzna nie ożenił się do starości. W słowach pieśni *Ой, гаї, мати* z wypowiedzi kozaka, który żałuje, że z powodu długiej podróży musiał rozstać z ukochaną możemy odczytać starą mądrość, iż nie należy szukać daleko tego, co jest blisko. Często ostrzega się dziewczyny, by nie chodziły same do lasu. Problem można oczywiście rozpatrywać pod wieloma

kątami. Las, jako obraz fragmentu przyrody, spełniał ważną funkcję przy kreowaniu świata przedstawianego w tekstach ludowych. Był to kraniec znanego, swojego, oswojonego świata, miejsce stanowiące horyzont. Przekroczenie go (wejście w las) oznaczało pójście w nieznanne. Oczywiście, jeżeli popatrzymy na to, jak na przenośnię, wówczas będzie to przestroga, by dziewczyny nie robiły same i bez wiedzy rodziców rzeczy dla siebie nieznanych.

Ukochaną osobę przedstawiono nierazko w formie szlachetnego zwierzęcia, bądź rośliny. Na przykład, mężczyzna skrywał się pod postacią orła, sokoła, a jego życie wyrażało drzewo kaliny. Dziewczynę przedstawiano jako gołąbkę, różę, itd. Nie unikano też porównań tego typu w odniesieniu do części ciała: oczy jak tarnina, usta jak jagody, usta o smaku miodu. Gdy dziewczyna wyrażała tęsknotę za ukochanym, żaliła się, że jej ręce nie są skrzydłami, aby mogła polecieć do swojego chłopca. Z przytoczonych przykładów wyłania się zatem obraz dość prostych skojarzeń, zaczerpniętych z obserwacji otoczenia. Tak samo stworzone jest porównanie złych ludzi roznoszących plotki do szczekających psów, czy ćwierkających ptaków. Tym niemniej wart podkreślenia jest fakt, że w tym wypadku zakodowany jest w tekście fragment rzeczywistości typowej dla danej nacji, bo i zwierzęta, i rośliny będące składowymi wspomnianych porównań są pospolite na danym terenie.

Pieśni o miłości w folklorze słowiańskim zajmują ważne miejsce. Nawet w tych pieśniach, które nie są kwalifikowane jako utwory o miłości, motywy związane z tym uczuciem występują i nic w tym dziwnego, bo i dzisiaj, i w dawnych czasach było ono przedstawiane i analizowane we wszelkich przejawach aktywności twórczej. Pieśni o miłości w folklorze słowiańskim przede wszystkim skupiały się na osobach kochanków i otaczającym ich świecie. Każdy z narodów słowiańskich w tekstach pieśni ludowych przedstawiał osoby zakochanych, których wygląd zewnętrzny odpowiadał typowi urody danej nacji. Był to jednocześnie zabieg mający na celu stworzenie swego rodzaju porządku w chaosie życia. Przedstawiciel danej społeczności zgodnie z tekstem pieśni mieszkał w określonych warunkach geograficznych (zoonymi, fitonymi, itp.), na danym terenie (toponymi, hydronimi, itp.) i odznaczał się określonymi cechami urody i charakteru (antroponimi, somatyzmy, itp.). Konsekwencją tego było również stworzenie obrazu idealnego kandydata na partnera życiowego. W taki oto sposób teksty pieśni ludowych utrwaliły ów przekaz i zachowały dla kolejnych pokoleń. Warto o tym pamiętać, by tekst folklorystyczny nie był dla nas tylko barwną mozaiką naiwnych stylistycznie zabiegów poetyckich, ale również stanowił źródło wiedzy o nas samych.

Teksty źródłowe

1. Bazuna. ВРiТ ZSP “Аlмatur”, Gdańsk, 1989.
2. Закувала зозуленька. Антологія української народної поетичної творчості, Київ, 1998.

Literatura naukowa

1. Bartmiński J. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki, [w:] red. M. Basaj, D. Rytel, Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej, t. III. — Wrocław, 1985.
2. Bartmiński J. Słownik ludowych stereotypów językowych. Założenia ogólne, seria: Etnolingwistyka, t. I, 1988.
3. Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe, [w:] red. J. Bartmiński, Współczesny język polski. Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. II. — Wrocław, 1993.
4. Język a kultura. Tom 12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne, TPPW. — Wrocław, 1998.
5. Tekst. Analizy i interpretacje, red. Jerzego Bartmińskiego, Barbary Bonieckiej, UMCS, Lublin, 1998.
6. Wierzbicka A. Język – umysł – kultura, PWN. — Warszawa, 1999.

ІСТОРІЯ СЛАВІСТИКИ

УКРАЇНІСТИКА В ЯПОНІЇ

О. І. Бондар, І. П. Бондаренко (Одеса)

Дослідникові, який зацікавиться розвитком японістики у східнослов'янських народів і розвитком славістики в Японії, не може не впасти в око явний дисбаланс: величезна кількість праць з японістики і досить скромний список праць, присвячених японській славистиці. Донедавна дослідження на тему славістики в Японії можна було порахувати на пальцях. Наразі ситуація змінилася на краще, проте не можна сказати, що докорінно. Слід пам'ятати, що Японія тривалий час, аж до доби Мейдзі (з 1868 року), відгородившись від зовнішнього світу, була закритою, а тому недоступною для іноземців.

Через те не може не викликати подиву вже той факт, що східнослов'янські мови, насамперед, російську, розпочали вивчати в Японії ще за доби сьогунату — з кінця XVIII ст., за політики самоізоляції. І першими вчителями російської мови були японські моряки, що волею випадку потрапили до Росії, вивчили російську мову, а згодом повернулися на свою батьківщину.

Зараз в університетах країни (Токіо, Кіото, Осака, Саппоро), окрім російської, вивчають також польську, чеську та українську мови. Зупинимось детальніше на україністиці в Японії, що передбачає стислий розгляд мовознавчих, літературознавчих, історичних та культурологічних досліджень, і розпочнемо з мовознавчих, як найближчих авторам.

Насамперед, слід зауважити, що незважаючи на те, що України як окремої держави не існувало тривалий час, про українсько-японські історичні та культурні зв'язки може йтися вже з самого початку XX ст. Детально і цікаво вони висвітлені у книжці Івана Світа "Українсько-японські взаємини 1903–1945: Історичний огляд і спостереження" (Нью-Йорк, 1972. – 371 с.), адже в ті часи на Далекому Сході були величезні україномовні масиви, загальна чисельність українців на Далекому Сході перевищувала 50%. Однак ці зв'язки, на жаль, не зробили поштовху до розвитку україністики в Японії. Таким поштовхом стало лише утворення української незалежної держави. Варто зауважити, що ініціатива у започаткуванні систематичного вивчення курсів української мови, літератури, історії та культури належить японській стороні. І чи не найбільше для цього зробив японець Кадзуо Накай, професор-історик, прекрасний знавець української мови, історії, літератури, голова Японської асоціації українців, який відіграв чималу роль у відкритті в Токійському університеті відділення українознавства і створенні відповідної кафедри. Кадзуо Накай — щирий друг України, і буде цілком слушним назвати його "українським японцем" (див. статтю "Як один японець став українцем" у одеській газеті "Думська площа" за 19 і 28 квітня 2002 року, передруковану з журналу-дайджесту "Урок української").

Вивчення української мови японцями розпочалося з видрукування 1944 року в Харбіні, який тоді належав Японії, "Українсько-ніппонського словника". Його уклали тамтешні українські вчені Анатолій Діброва та Василь Одинець, слід гадати, на замовлення японської адміністрації Харбіна з потреб полегшення спілкування японців із українським населенням. Як значає Кадзуо Накай, японський уряд та армія вважали, що до українців краще звертатися і розмовляти з ними українською мовою, а не російською. Словник має обсяг 270 сторінок і містить 11 тис. слів. 1945 року, коли до Харбіна зайшли радянські війська, авторів цього словника було заарештовано, а майже увесь невеликий наклад його (1000 примірників) спалено. Нині у світі залишилося лише кілька примірників цього славетного словника. У журналі "Мовознавство", № 2–3 за 1994 рік Хіно Такао та І. Бондаренком надруковано досить детальну статтю під назвою "Перший українсько-японський словник".

Наступна праця з української мови, на жаль, вийшла тільки через 47 років: 1991 року Кадзуо Накай опублікував у токійському видавництві "Дайтаку Сьорін" перший підручник з української мови для японців ("Українська мова" — 1991, Токіо. — 211 с.), про який розповіли Т. Хіно та І. Бондаренко ("Перший підручник з української мови в Японії", журнал "Мовознавство". — 1993. — № 4). Цей підручник фактично і донині залишається головним для опанування японськими студентами української мови.

Динамічніше розвивається словникарство. 1993 року в Токіо побачив світ невеличкий українсько-японський і японсько-український словник доцента Токійської політехніки Курода Рюносукі на 1500 найчастотніших слів української мови. Звичайно, він придатний лише для початкового вивчення української мови. Словники, укладені І. Бондаренком та Т. Хіно, що вийшли в Україні 1997, 1998 і 2001 років, розраховані, насамперед, на українського студента, що вивчає японську мову, хоч деякою мірою сприятимуть також і поширенню української мови в Японії. На жаль, усі вони порівняно невеликі за обсягом, тож роботи у майбутньому тут вистачає.

Українська література в Японії відома дуже мало. Навіть із творчою спадщиною великого Кобзаря японські читачі знайомі далеко не повною мірою. Взагалі, на нашу думку, не буде великим перебільшенням, якщо ми скажемо, що зародження українсько-японських літературних відносин відбувається саме сьогодні, на наших очах. І головним чинником, який, безумовно, сприяв виникненню певної зацікавленості серед японців до української мови та літератури, є державна незалежність України.

Першим познайомив японців з українською літературою, зокрема — з творчістю Тараса Шевченка, японський літературознавець Танака Ацусі в своїй книзі "Ідейні напрямки в російській літературі", що була надрукована в 1917 році. Потім над перекладами віршів Кобзаря японською мовою працював Сібуя Тейсукі — відомий японський поет і політичний діяч (1905–1988), який ще в 1926 році присвятив Шевченкові свою власну першу по-

етичну збірку “Крик у полі”. Але перекладав Т. Сібуя твори Т. Шевченка не з оригіналу, а з російського перекладу, що, звісно, знижує його літературно-естетичну вартість. А перше видання поезій самого Кобзаря японською мовою в перекладах Т. Сібуя, Т. Куроди, Х. Комацу, Т. Мураї, Х. Тадзави, Т. Дзюге та А. Вади було здійснене лише в 1964 році з нагоди 150-ї річниці видатного українського поета. Через двадцять п'ять років, уже з нагоди 175-річчя Тараса Шевченка, вийшло нове значно доповнене видання цієї книги. А в 1993 році в книгарнях Токіо з'явилася збірка перекладів віршів Кобзаря, зроблених японською поетесою Ецуко Фудзі. Цими трьома книжками й обмежується присутність у Японії української поезії, як і української літератури взагалі, якщо не враховувати поодиноких перекладів українських поетів чи прозаїків, надрукованих у деяких поетичних збірках та літературних журналах, а також дитячих видань казок, у тому числі й українських. А проте зараз триває робота над перекладами творів українських класиків, наприклад, над творами Лесі Українки, тож у недалекому майбутньому слід очікувати появу японською мовою чергових перекладів українських письменників.

Помітно більше зроблено японськими вченими в галузі вивчення історії України. І перші спроби дослідити її пов'язані саме з нашим містом, з Одесою. Річ у тому, що ще в 1920 рр. в Одесі діяло японське консульство. Саме його працівники опублікували дві книжки у видавництві японського Міністерства закордонних справ. Одна з них містить матеріали круглого столу про тодішній стан України. Та цікавою є друга книжка, присвячена історії українського національного руху, яка містить багато цікавого матеріалу, попри брак глибокого наукового аналізу. Це була чи не перша спроба японців дослідити Україну.

Новий етап у дослідженні української історії в Японії пов'язаний з ім'ям вже неодноразово згаданого Кадзуо Накая. Його зацікавлення Україною розпочалося ще під час навчання в Токійському університеті у 60-і рр. Пізніше він захистив магістерську дисертацію “Селянський рух в Україні 1917-1921 рр.” і став першим фахівцем-україністом у Японії. Українську мову вивчав спочатку самотужки за англomовними підручниками та словниками, а 1979 року, будучи вже аспірантом, виграв грант фонду Фулбрайта і продовжує вивчати українську мову в Америці, в Гарвардському українознавчому інституті (Радянський Союз не дозволив йому приїхати з цією метою до України). Тільки 1990 року мрія Кадзуо Накая сповнилася: він вперше відвідує Україну, беручи участь у роботі I конгресу Міжнародної асоціації українців. Звідтоді він регулярно відвідує Україну, засновує відділення Японської асоціації українців, активно пропагує серед японської молоді, студентів знання про Україну.

Найвідоміші його праці з україністики — це велика стаття про голод в Україні 1921–1922 рр., надрукована в американському журналі “Harvard Ukrainian Studies”, монографія “Історія національної політики в Радянсько-

му Союзі — Україна 1917–1945”, що видана в Токіо 1988 року, “Загальна історія України” (японською мовою, 1988 рік), монографія японською мовою “Український націоналізм — дилема незалежності” (2000 рік). Усе це солідні наукові книжки, які відкривають для японців нове бачення історії України.

Активну діяльність щодо розвитку україністики в Японії розгорнули також інші члени Японської асоціації українців, яких нині нараховується понад 70. Це вчені — історики, лінгвісти, літературознавці. Японська асоціація українців, що виникла 11 червня 1994 року в Токіо, є колективним членом Міжнародної асоціації українців, друкує власний інформаційний бюлетень і регулярно, двічі на рік, проводить наукові конференції. Діяльність Японської асоціації українців знаходить своє матеріальне вираження у друці все нових наукових праць, присвячених україністиці. Так, Кімакі Нісітані, дипломатичний діяч, що певний час працював в Україні, видав 1999 року японською мовою книжку “Народження нової валюти гривні”, Макото Хаясака, професор Токійської політехніки — наукову монографію “Україна у добу Речі Посполитої”, з'явилася ряд статей наукової співробітниць Інституту міжнародних відносин при Міністерстві закордонних справ у Токіо Мегумі Суедзави про зовнішню політику незалежної України тощо.

Надзвичайно відрадним явищем є те, що все більша кількість аспірантів японських гуманітарних вузів обирає для своїх дисертаційних досліджень тематику, пов'язану з українознавством — українською історією, культурою, мовою та літературою. Вже з'явилося кілька випусків відділення україністики. Випускники подавали магістерські дисертації на українську тематику. Вони добре володіють українською мовою, можуть розмовляти, читати і писати нею. Так, ще три роки тому, дисертацію про федералізм Михайла Драгоманова написав Н. Хасімото, а Р. Кавагуті написала працю соціолінгвістичного спрямування про сучасний стан української мови. Здійснила і видрукувала своє оригінальне дослідження про козацьке суспільство перед добою Хмельниччини Н. Тавата.

Таким чином, для україністики в Японії після тривалого епізодичного і фрагментарного існування розпочалася досить інтенсивна пора становлення. Це становлення більшою мірою стосується мовознавчих та історичних досліджень і меншою мірою літературознавчих та культурологічних. Є всі підстави сподіватися на подальший розвиток україністики в Японії, причому дбати про це повинна не тільки японська сторона, а й українські державні діячі та провідні науковці.

Т. О. Маньковська (Тернопіль)

В. Ягич — провідний славіст, лінгвіст, палеограф, літературознавець, історик слов'янознавства, фольклорист, академік РАН.

В. Ягич народився 6 липня 1838 р. у Вараждині (Хорватія) у родині швеця. Мати навчила його грамоти, в 6 років він умів уже писати і читати, крім того, займався музикою та вивчав німецьку мову. Після закінчення початкової школи він навчається у гімназії, а згодом вступає до Віденського університету. У 1870 р. В. Ягич захищає у Німеччині докторську дисертацію. У зв'язку зі студентськими маніфестаціями, відповідальність за які була покладена на нього, його було звільнено з посади викладача із заборонаю вступати на службу в межах Австро-Угорщини. З цього часу матеріальне становище вченого стало дуже важким, оскільки він був пов'язаний тільки з Академією. Ці обставини змусили просити допомоги у відомого філолога І. Срезневського, з яким він листувався, займаючись науковою діяльністю в Німеччині.

У середині січня 1872 р. В. Ягич приїздить до Росії. Професор історії слов'янського законодавства Одеського університету Б. Богішич дізнався з листа до І. Срезневського про становище В. Ягича. У своєму листі 17 липня 1870 р. він пише, що для зайняття посади професора в російському університеті необхідно мати ступінь доктора [1]. Вказує на те, що В. Ягич міг би влаштуватися викладачем грецької мови та літератури. 8 жовтня 1870 р. у своєму листі з Одеси Б. Богішич писав, що «начал агитировать в университете, чтобы Вас избрали по кафедре сравнительного языкознания, которая у нас свободна» [5]. Він просить надіслати список праць, особливо назвати ті, які можуть називатися порівняльними, і наголосувати на тому, що серед професорів Одеського університету є противники порівняльного мовознавства. У листі від 30 листопада 1870 р. Б. Богішич повідомляє, що йому доводиться просити професорів прийняти В. Ягича в університет на роботу, оскільки «для занятия кафедры сравнительного языкознания нужно иметь диплом доктора сравнительного языкознания, а не славянской филологии» [5]. Пізніше він повідомляє В. Ягичу, що йому вдалось привернути увагу ректора університету О. Леонтовича.

Таким чином, в університеті була велика опозиція проти запрошення В. Ягича на кафедру. У результаті активної діяльності І. Срезневського, Б. Богішича, значна частина членів Ради підтримала кандидатуру В. Ягича. Нарешті Б. Богішичу вдалось переконати В. Григоровича. Питання про обрання В. Ягича екстраординарним професором було поставлено на Раді університету 27 лютого 1871 року. Там професор В. Григорович прочитав записку

про наукову діяльність В. Ягича, і його обирають екстраординарним професором кафедри порівняльного мовознавства Новоросійського (тепер Одеського) університету. Для підготовки до нової роботи він просить у Міністерства народної освіти оплачувану річну відпустку для поглибленого вивчення санскритської і земдської мов. І. Срезневський та інші вчені рекомендували йому провести весь термін відрядження у Петербурзі, щоб удосконалити знання російської мови. Однак В. Ягич надав перевагу Берліну, де він під керівництвом А. Вебера студіює санскрит, а у студента-росіянина бере уроки російської розмовної мови.

Наукові інтереси В. Ягича були дуже різноманітні. Він багато займався питаннями філології: порівняльним мовознавством, історією окремих мов, літератури, фольклору, палеографією. Порівняльна граматики індоєвропейських мов і санскрит були поза науковими інтересами вченого.

В університеті В. Ягич потоваришував з деканом історико-філологічного факультету М. Смирновим, з Н. Кондаковим, а з В. Григоровичем стосунки були ззовні коректні.

Вступна лекція В. Ягича не мала особливого успіху. Він ще досить погано володів російською мовою. Його студент О. Маркевич пише: «они (лекції) были несколько шереховатого изложения, но они искупали это содержанием; особенно санскрит пр. Ягич учил прекрасно» [2].

Після вступної лекції В. Г. Ягич захворів тифом і прохворів весь перший семестр, до того ж від цієї хвороби помирає його донька. 25 вересня 1872 р. його затверджують ординарним професором.

Читання лекцій з порівняльної граматики і санскриту В. Ягич почав з II семестру. Лекції він читав два роки (1872/1873 р. р. та 1873/1874 рр.). Весною 1873 р. з цих предметів студенти складали іспити, результатами яких В. Ягич був незадоволений. Після закінчення 1872/1873 навчального року він їде на літо за кордон.

У кінці серпня В. Ягич повертається в Одесу. У новому навчальному році він розпочинає читання елементарного курсу санскриту для студентів IV курсу і коментований курс «Одісеї» Гомера. Серед слухачів В. Ягича з грецької мови в цьому році був відомий надалі професор Д. Овсяннико-Куликовський.

Педагогічна діяльність в Одеському університеті мало задовольняла В. Ягича. Пізніше він згадує у листах про небажання викладання санскриту студентам. Його могла задовольнити тільки кафедра слов'янської філології, яку обіймав В. Григорович. Ці обставини заставили В. Ягича думати про нове місце, де б його дослідження в галузі слов'янської філології не суперечили з зайнятою посадою.

Ще в Берліні у В. Ягича була розмова з А. Вебером про необхідність утворення кафедри слов'янської філології в Берлінському університеті. Через два роки було прийнято рішення про створення такої кафедри. Пруське керівництво, організовуючи таку кафедру, поставило перед собою певні по-

літичні завдання — позбавити польських автономістів права стверджувати, що польська мова не користується увагою в Німеччині. Було вирішено керівником кафедри запросити В. Ягича. 22 листопада 1873 р. В. Ягич отримує лист від професора Ойзгаузена, який офіційно запитував його про можливість його роботи в Берлінському університеті на посаді професора слов'янських мов і літератур. В. Ягич дав свою згоду. І. Срезневський не вмовляв його залишитися в Одесі, бо розумів, що порівняльне мовознавство і санскрит не є його галуззю діяльності. Тоді ж виникло питання про професорство у Загребському університеті. Вся загребська інтелігенція почала посилено дбати про запрошення В. Ягича. В. Ягич дав згоду, але поставив певні умови, які були відхилені хорватським урядом. Тоді питання про переїзд до Берліна було остаточно вирішено.

Протягом років, проведених в Одеському університеті, наукова діяльність В. Ягича не була інтенсивною. За цей час в «Starine» ординарний професор надрукував апокрифічний уривок (Бачення Апостола Павла) з дамаскіна В. Григоровича XVI-XVII ст., а у «Гласнику» — Життя Стефана Лазаревича. У липні 1874 року В. Ягич разом із сім'єю залишає Одесу і переїжджає до Берліна, де вже з осені приступає до читання лекцій в університеті. Умови роботи, як В. Ягич зрозумів згодом, також були малозадовільні. Він сильно розчарувався і почав шкодувати, що не залишився в Одесі. В листі до О. Кочубинського 1875 року він звертається з проханням знову приїхати в Одесу на кафедру слов'янської філології, якщо потрібний другий славіст (крім О. Кочубинського). У своїх листах до професора М. Смирнова, з яким потоваришував в Одесі, він також описує своє берлінське життя і висловлює бажання переїхати до Одеси.

Одеські друзі В. Ягича (М. Смирнов, Н. Кондаков та ін.) розпочали енергійно клопотатися про надання йому кафедри слов'янської філології. Річ у тім, що у грудні 1872 року В. Григорович мав піти у відставку. На прохання факультету він знову балотувався, але тільки на два з половиною роки. Таким чином, вийшов термін, і факультет міг шукати нового славіста. О. Кочубинський ще не мав авторитету в університеті серед професорської колегії. Він разом зі своїм друзями був проти обрання В. Ягича. Але попри всі негаразди 7 жовтня 1876 року на Раді університету В. Ягич був обраний на кафедру слов'янської філології. Однак, незважаючи на обрання його на посаду, в Одесу В. Ягич не повернувся.

Причин було декілька. В. Ягич прекрасно розумів недружелюбне ставлення до себе багатьох професорів (О. Кочубинського, І. Некрасова, О. Лентовича та ін.), самі умови одеського життя, та й робота над «Архівом» вимагала багато часу. У кінці 1877 року в листі до Н. Кондакова він пише, що остаточно залишається в Берліні. Однак протягом 1878 року він вважався професором Одеського університету. Лише 8 січня 1879 року його було звільнено зі служби.

Після смерті І. Срезневського В. Ягича обрали дійсним членом Російської Академії Наук і ординарним професором Петербурзького університету.

Однак В. Ягич жив і працював не тільки в Одесі. Під час III Археологічного з'їзду 1874 року в Києві він знайомиться з П. Житецьким та О. Котляревським. У своїй книзі «Спогади мого життя» він детально описує враження від перебування в Києві. По дорозі до Києва він проїжджав через Броди, Радзівилів, Здолбунів, Козятин. Прибувши до Києва, він зупинився у Французькому готелі, побував в гостях в І. Срезневського. Найбільшим здивуванням В. Ягича було те, що він не чув на вулицях української мови. Носіями української мови тоді були студенти і молода генерація. Познайомившись з учнями, які запросили його до себе на вечірку, де з піднесенням говорили про любов до українського народу, його мови, життя і звичаїв, він був вражений їхніми поглядами. Надзвичайно захоплений був В. Ягич красою Печерської лаври, її конструкцією... [4].

Ще раз побував В. Ягич в Україні у 1884 році, коли в Одесі відбувся VI Археологічний з'їзд. Він був відряджений сюди відділенням російської мови й словесності Академії. Пробувши в Одесі два тижні, він разом з хорватськими вченими С. Любичем та Ф. Рачком здійснив екскурсію по Києву, який надзвичайно їх вразив своєю красою. Свої враження він описав у листі до В. Іконникова, подякував йому за запрошення у гості.

У 1903 році Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові обрало В. Ягича своїм дійсним членом. Вчений надіслав Товариству листа, у якому висловлює подяку за надану довіру: «...дякуючи за ту незаслужену честь, бажая славному товариству чимраз більших і значніших успіхів. Вірячи в краще майбутнє слов'янських народів, радо забігаю вже тепер думками у той щасливий час, коли всі слов'янські народи без боязливої зависті будуть підтримувати одні одних обопільно у благородних змаганнях і коли з їх наукових праць звеніти будуть дивні акорди обопільного визнання й пошани. Славного товариства покірний слуга В. Ягич» [3].

Можливо, якби перебування В. Ягича в Україні тривало довше, це б сприяло просуненню української славістичної науки набагато вперед.

Література

1. Бернштейн С. К истории языковедения в Одессе. Материалы для биографии В. Ягича // Труды Одесского государственного университета. Филология, Т. 1. — 1940. — С. 43.
2. Маркевич А. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета // Истор. записка / Новор. ун-т. Записки. Т. 53. — Одесса, 1890. — С. 272 — 277.
3. Франко І. Зібрання творів: У 50 т. — К., 1982. — Т. 35. — С. 411.
4. Франчук В. Маю за честь називати своїм учителем // Всесвіт. — 1988. — № 9. — С. 176 — 179.
5. Јагич В. Спомени мојега живота (1838 — 1880). — Београд, 1930. — С. 109.

СЛОВ'ЯНСЬКА ДІАЛЕКТОЛОГІЯ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРТИКЛЯ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ ЮГА УКРАИНЫ

В. А. Колесник (Одесса)

Одна из “экзотических” особенностей современного болгарского языка, отличающая его от других славянских, — это прежде всего наличие артикля. Причем определенный артикль в болгарском языке является постпозитивным, что характерно только для шведского, норвежского, датского, румынского, албанского и армянского языков. Наличие артикля характерно и для других балканских языков — греческого, румынского, албанского. В греческом он является препозитивным, а в румынском и албанском — постпозитивным. Т. о. эту черту болгарского языка, как и многие другие, принято относить к балканизмам. При этом под балканизмом понимаем все возможные реорганизации грамматической структуры, вызванные качественными и количественными изменениями в условиях балканской языковой среды. Т. е. при определении балканского влияния берутся во внимание не только исходно балканские языковые модели, но и различные реорганизации исконно славянского материала в условиях балканской языковой среды [9].

Проблемы возникновения членных форм в болгарском языке неоднократно обсуждались и не являются предметом данного исследования. Основные особенности употребления этой морфемы сводятся к следующему: В староболгарском языке была тройная система указательных местоимений, которая сохранилась в родопских говорах и отчасти в тринском — для указания на общую определенность /*мажот, жената, детето*/, на близкие предметы /*мажос, женава — женаса, детево-детесо*/ и дальние предметы /*мажон, женана, детено*/. Местоименные формы были склоняемы. В некоторых говорах /тринском, костоурском, родопских/ сохранился родительно-винительный и дательный падеж: *руки челекаток, занеси челекутому леп*. Членные формы имели только имена нарицательные. Собственные имена, указывающие на единичные предметы, не нуждались в специальном морфологическом средстве выражения определенности. До утверждения этой категории в именной системе болгарского языка подобную функцию выполняли полные прилагательные.

Абстрагируясь от существующих других детерминаторов и местоименных форм, выражающих определенность, рассмотрим функции и функционирование артикля в литературном болгарском языке и в говорах болгарского населения, переселившегося в силу известных исторических причин на юг Украины в начале и середине XIX века.

Прагматическая сущность употребления артикля, как известно, обусловлена отношением между говорящим и слушающим, их знаниями о предмете разговора, физическим и вербальным контекстом разговора. Артикль —

важное средство актуализации препозиции, превращения объективного содержания предложения в высказывание. Вместе с порядком слов и интонацией он является одним из маркеров темы, в отличие от ремы — новой информации.

В формальном отношении категория определенности/неопределенности значительно отличается от способов ее выражения в других западноевропейских языках, где формальное противопоставление является эквивалентным, в болгарском же языке противопоставление является привативным — маркирован только один (определенный) член оппозиции в рамках синтетической словоформы, т. е. налицо большая степень грамматикализации [2:469]. При этом главное значение немаркированного члена этой категории не установлено. Некоторые исследователи считают противопоставление тричным: определенный артикль — неопределенное местоимение-артикль — нулевой артикль. Категория все еще не имеет общего названия, которое бы объединяло оба члена этой категории. Используемое в настоящее время в практических целях название определенность является неточным, поскольку это название маркированного члена этой категории. Используемый иногда термин “членуване” означает механизм формирования маркированности и также не охватывает всю категорию. Единственный болгарский ученый — Александр Теодоров-Балан — дал общее название этой категории, учитывая как маркированное так и немаркированное значение этой категории, назвав ее “положение” (определенное и неопределенное) [2:471].

Главным препятствием при определении общего названия категории и его немаркированного члена является установление инвариантного значения определенного члена. В настоящее время один и тот же формальный показатель выражает индивидуальную, количественную и общую определенность, которые с трудом могут быть согласованы между собой семантически. Граммема определенность выражает конкретность, которая может быть трех типов:

— индивидуальная определенность: *Таня чете книга. КнигаТА е интересна.*

— количественная полнота: *ВойнициТЕ /=всe/от ротата на Петров отидоха на кино.*

— общая, родовая определенность (генерическая): *ДървоТО е растение* [2:471].

По мнению М. Янакиева, семантику морфемы *-т-* грамматической реализации этой категории — лучше выражает термин **уникализация**. «Морфема *т* — уникализатор, она превращает субстантив, называющий что-то, в субстантив, называющий нечто уникальное, нечто единственное. Поскольку уникализацию можно выразить, указывая на что-то (на «предмет», «вещь»), сопровождаемую указательным жестом (по-грч. «дейксисом», по-лат. «остенсией»), морфему *т* называют дейктической или остенсивной» [8:442].

Эта морфема, названная в глоттометрических исследованиях «демонстративное *т*», — одна из самых характерных особенностей болгарского языка, которая и наиболее частотна в болгарских текстах. В современных текстах репрезентируется чаще всего в форме «определенного артикля» /-ът, -та, -то, -те/, но не только. То же демонстративное *т* – корень болгарских указательных местоимений *този, тази, това, тези, тоя, тая, туй, тия, такъв, такава, таково, такива, толкова, толкоз*, болгарских местоименных наречий *тук, там* и болгарских личных местоимений *той, тя, то, те*. Демонстративное *т* присутствует в постфиксе *то* болгарских относительных местоимений *който, която, което, които*. Данные исследования М. Ярославской [17] приводят к следующим выводам: со времени дамаскинов и до настоящего времени идет процесс возрастания употребления этой морфемы. Отмечается общая тенденция роста употребления демонстративного *т* вследствие усиления роли членной морфемы в истории болгарского языка. Болгарские исследователи отмечают, что первые возрожденцы избегали употребления артикля. У Паисия встречается только одно существительное в членной форме, у Софонрия Врачанского их много, но все же они являются отклонением от основной практики автора. Очевидно, членные формы воспринимались как простонародные, не свойственные литературной речи, которая опиралась на церковнославянские образцы. Кроме того, зачастую они были технически несовместимы с архаичными падежными окончаниями и полными формами имен прилагательных, это обстоятельство усиливало их несовместимость с морфологическими особенностями литературного языка.

Как известно, в болгарском языке существительные мужского рода в ед.ч. имеют полный и краткий артикль. Употребление этих двух форм в рамках литературного языка регулируется синтаксическим правилом /подлежащее – подлежащее/ и не имеет практики употребления в разговорной речи и тем более в говорах, которым в своей общей массе характерен либо краткий артикль, либо полный. Два артикля одновременно употребляются лишь в некоторых изолированных селениях, отмеченных еще Б. Цоневым, и в картах БДА.

Кроме того, артикль именных форм мужского рода отличается значительным диалектным разнообразием в силу различных фонетических изменений. В исследованных нами говорах, как и в говорах метрополии, имена существительные мужского рода имеют артикль *-а, -ъ* или *-о /-у/*. Существительные среднего рода имеют артикль *-то /-ту/*, женского рода *-та*. На наш взгляд, существование двух членных форм для существительных мужского рода и их диалектное разнообразие свидетельствует о приоритетности категории мужского рода, ее большей употребительности, в результате чего она быстрее поддается инновационным явлениям. Ведущую роль мужского рода в системе грамматических родов неоднократно отмечали ученые: “Лингвисты, прежде всего в качестве общей интегральной закономерности развития системы славянского грамматического рода, подчеркивают принцип андро-

центризма, ведущую роль мужского рода в системе грамматических родов... Эта универсальная тенденция наблюдалась историками языка, и ее можно характеризовать как диахронную константу славянских языков” [11:121].

Исследователи неоднократно отмечали, что понятийная сфера человеческого опыта, выражаемая средствами языка, не может быть ущербной, и если в каком-либо языке отсутствует тот лексико-грамматический разряд, которому в других языках традиционно свойственно выражение той или иной группы понятий, то рядом стоящий соседний разряд берет на себя эту “нагрузку”, результатом чего при сличении грамматических значений, существующих в сопоставляемых языках, создается впечатление их перераспределения по отношению к различным частям речи. [18:93].

Существует ли специфика мыслительных категорий в артиклевых и безартиклевых языках? Мышление, как известно, всегда осуществляется с помощью конкретного языкового материала /слов, словосочетаний, предложений/. Оно, однако, может осуществляться как с помощью понятий, так и с помощью представлений – соответственно с помощью слов, которые означают понятия, и с помощью слов, которые означают представления. Таким образом, в процессе мышления принимают участие не только понятия, но и представления. Под представлениями в данном случае понимаются “образы единичных объектов или их свойств, которые не оказывают во время своего появления непосредственного воздействия на наши органы чувств” [1:63]. Представления в большей степени присущи мышлению детей. “Научное мышление – это мышление исключительно понятиями, в художественном мышлении участвуют и в значительной степени представления”. Исследователи отмечают, что в языках, которые имеют артикль, – английский, немецкий, французский и др. – особенно очевидным является мышление с помощью представлений в отличие от мышления посредством понятий. Думая об определенном столе, о столе, который принадлежит мне и на котором я только что писал, т.е. имея в своем сознании представление об единичном конкретном столе, я присоединяю к слову определенный артикль. Если я думаю о столе вообще, то при построении предложения, т.е., выражая какое-то суждение о столе вообще, я употребляю это же слово с неопределенным артиклем или в некоторых языках – без артикля. В этих языках артикль является языковым средством разграничения и выражения мышления с помощью представлений и мышления с помощью понятий [1:63].

Как отмечает В. А. Артемов, “представления служат материалом для процессов мышления, памяти и воображения. Опираясь на представления, мы вспоминаем, например, яркие картины южной природы, творчески воссоздаем природу других стран, размышляем о приборе, который стоит у нас в лаборатории”. Когда писатель описывает по памяти портрет, образ, картины природы, он опирается главным образом на представления. Так, Иван Вазов в стихотворении «Борьт» описывает одну, точно определенную сосну, которая росла во дворе Сопотского монастыря, а не понятие о какой-то

абстрактной, “символической” сосне. Следовательно, для И.Вазова и его сограждан слово “борът” как заглавие известного стихотворения, является не понятием, а представлением [1:36].

Ясно, что при употреблении артикля мы сужаем объем обозначаемого им понятия до единицы, т.е. посредством употребления артикля и соответствующее понятие превращается в представление об одном, точно определенном предмете (столе, стуле и т. п.). При этом форма с артиклем употребляется независимо от обстоятельства – видит ли говорящий в момент высказывания предмет или не видит.

Однако, по мнению болгарских ученых, членные формы в болгарском языке могут означать и понятия, а не представления: *Орелът е птица. Дървото е растение*. В этих случаях (в суждениях о родовой соотнесенности) определенный артикль выполняет генерализующую функцию, а не индивидуализирующую [1:38]. По мнению болгарских ученых, эти примеры свидетельствуют о том, что в процессе исторического развития в болгарском языке стирается разграничение представление – понятие, а начинает преобладать автоматизм в употреблении членных форм, подражательность. При этом процесс подражательности усиливается, преобладает, и эти формы закрепляются в языке как нормативные. Вместе с тем этим можно объяснить и тенденцию к усилению частотности употребления артикля в современном болгарском литературном языке.

Подражательность, автоматизм употребления тех или иных форм в большей степени свойство устной речи, каковой и является, в частности, диалектная речь. Это неоднократно отмечали исследователи на материале разных языков. Как писал Ж. Вандриес, “Язык развивается спонтанно и подражательно в говорах, как и язык ребенка” [4:19].

Какова судьба этой грамматической категории в современном болгарском языке? Исследователи отмечают, что эта категория охватывает все имена существительные, т. е. не только имена нарицательные, но и собственные. При этом указывается, что в памятниках письменности и в некоторых восточных диалектах родительно-винительные формы переосмысливаются и употребляются как членные формы, как при нарицательных, так и собственных именах: *видях Бориса, казах на Бориса, но и Бориса дойде, Бориса каза*. Отмечается также, что в греческом языке, в котором фиксируется наиболее давнее употребление артикля среди всех балканских языков, употребляются с артиклем все имена собственные и даже личные [16:173]. Чрезмерное, усиленное употребление артикля при именах собственных отмечено в румынском и албанском языках.

Процесс всеобщего охвата существительных этой категорией, который свойственен греческому языку, можно прогнозировать и в других балканских языках. Это достаточный материал для типологических наблюдений и прогнозирования будущего развития артикля.

Интересным в данном отношении является употребление /неупотребление артикля при названиях родственников, которые поначалу не употреблялись с артиклем в болгарском, румынском и албанском, поскольку, подобно личным именам, индивидуально определены, замещают личные имена. В современном греческом языке названия родственников даже с краткими формами местоимений употребляются с артиклем. В болгарском языке также отмечена тенденция к употреблению с артиклем этих групп существительных. Этот факт служит сигналом того, что усиливается тенденция употребления артикля и при личных именах. Типологическое сходство, которое может объяснить и прогнозировать употребление артикля, находим и в других европейских языках. В немецком и французском языках собственные имена также употребляются с артиклем. Сравнивая употребление артикля в именах собственных в болгарском и венгерском языках, известный венгерский болгарист М. Кочиш отмечает полную идентичность происходящих процессов, указывая на продвинутую фазу развития в венгерском. Однако употребление данных форм стилистически ограничено, они встречаются в разговорной речи, художественной литературе и воспринимаются носителями языка как грубые, просторечные. Хотя формы с артиклем воспринимались поначалу как более интимные, шуточные, они с течением времени теряют эту стилистическую окраску и преобретают всеобщее употребление. Формы без артикля употребляются только как официальное название [16].

По мнению болгарских лингвистов, противоречивая и непоследовательная литературная норма в отношении употребления артикля не в силах остановить этот процесс, проявления которого фиксируются уже в литературе конца XIX — начала XX вв. у И. Вазова и Друмева. Частыми в то время были формы *Българията, Молдовата, Русията*. В диалектах и в разговорной речи часто употребляются с артиклем личные имена женского рода, имеющие оттенок фамильярности: *Пепата, Марията, Румяната, Светланата*. В будущем, по мнению болгарских лингвистов, возможно и употребление артикля с фамилиями [16].

Какова же судьба артикля в бессарабских болгарских говорах? Исследователи староболгарского языка неоднократно отмечали, что в первую очередь живые диалекты являлись полем балканских языковых контактов [6:19]. Здесь балканизующие процессы проходили быстрее, чем они представлены в письменных текстах этого периода.

Нами исследовались говоры 10 болгарских сел юга Украины: Благоево /Б/, Заря /З/, Евгеновка /Е/, Каменка /К/, Кирнички /Кир/, Криничное /Кр/, Огородное /О/, Олышанка, Ровное /Р/, Яровое /Я/. В целом употребление артикля в говорах в речи старшего поколения соответствует литературной норме. В тексте на 300 – 500 слов наблюдаем 2 – 3 отклонения в пользу употребления артикля. Как и в литературном языке, имя существительное в говоре не употребляется в членной форме после слов *един, този, кой, никой, някой, всеки, много, малко*: *Дай ми един чист пишир. Дай ми п'шик 'р'a*.

Н'акуй чил'ак доди. В отличие от литературного языка в говоре с артиклем употребляются числительные при обозначении дат: *трийс'ет* и *п'ервата гудина*, *ф сорокувата гудина*. Срв. лит.: *тридесет /трийсет/ и първа година, през четиридесета година.*

Как уже отмечалось, кроме дейктической и анафорической функции, артикль в болгарском языке выполняет также генерализующую или обобщающую функцию (*Котката е домашно животно*). В исследованных нами говорах артикль в этих высказываниях употребляется непоследовательно и в большинстве случаев отсутствует. При этом, как оказалось, степень употребления артикля зависит от степени известности денотата (предмета, животного, дерева, явления). Так, в предложении *Овца – это животно* почти все опрошенные (80%), даже младшего поколения, употребляют слово *овца* с артиклем: *Увцѝта – дубитѝк* (Кр), *Увцѝта и животноу. Увцѝтъ тва ѝ дубитѝк.* (О), *Увцѝтата и животноу* (К), *Фѝтата тва животноу* (З). В предложении *Орел – это птица* почти 80% опрошенных употребляют существительное *орел* (диал. *ур'ел*) без артикля: *Ур'ел – туй штичи* (Я), *Ур'ел – птица* (Кр), *Ур'ел – тва птица* (З), *Ур'ел – тва ѝ птица.* (О), но *Ар'ола и птица* (К). А существительное *береза* (болг. лит. *бреза*) почти все опрошенные (95%) употребляют без артикля: *Б'ер'оза тва фидана* (З). *Б'ер'оза туй акаца* (Я). *Бер'оза ѝе видан'* (Кр). *Б'ер'оза тва ѝ дърво* (О). *Б'ер'оза тва дарво* (К). но: *Бир'озѝтъ тва ѝ дърво* (О). Вышеперечисленные примеры свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что генерализующая функция не свойственна исследуемым говорам. Как предполагают некоторые болгарские исследователи, это, вероятно, новая функция артикля в болгарском языке.

Нестабильность употребления членных форм подчеркивает и тот факт, что в исследованных говорах зачастую прилагательные и существительные употребляются с артиклем и после указательных местоимений */В тази прѝтсвадбѝната част/*, что характерно и для некоторых северо-восточных говоров метрополии, но недопустимо нормой литературного болгарского языка. В речи среднего и младшего поколения (особенно в речи школьников и студентов) артикль употребляется, как отметил один из исследователей детской речи в Болгарии, «налево и направо без каких-либо указаний на то, к чему он относится», в надежде, что и так их поймут [15:105]. Например: *П'отр Ст'епанович пу историйѝта б'еши учит'ел. Мойѝа д'адоѝто б'еши врач* /Б/. Нечленные формы полных притяжательных местоимений отмечены исследователями, например, в Ольшанке еще в 50-ые гг.: *Мой праѝд'аду уттам* (Мой прадед оттуда). *Тугис уже гул'айат н'еѝнит'а там, н'еѝна мама и тату* (Затем там уже гуляют ее родные, ее мать и отец). *Н'еѝни д'аца са пукриват сас т'ахни хатли* (Ее дети покрываются их одеялами). *Либовник н'еѝн пушѝта жишѝхл'а* (Ее возлюбленный посылает сватов) [3:99]. Отмечено также, что нечленные формы полных притяжательных местоимений употребляются обычно в качестве местоименной части составного сказуемого: *Те ни са наши*

(Они не наши). *Т'ес вилки ваши, пак ун'ес наши* (Эти вилки ваши, а те наши). *Бу т'а наша* (Потому что она – наша).

Перед краткими формами местоимений существительные, как правило, употребляются в говорах, как и в литературном болгарском языке, с артиклем. Без артикля в этих случаях употребляются лишь существительные, обозначающие отца, мать и некоторых других родственников: *мама му, тату му, л'ел'а му, сѝстра му, брат му*. Эти лексемы, однако, относятся, как известно, к наиболее частотным в говорах.

Названия родственников имеют особый статус в болгарском языке. Как и имена собственные, они употребляются преимущественно без артикля. Имена существительные *мама, майка, тате, татко* никогда не фиксируются с артиклем, если речь идет о своих родителях. Перед краткой местоименной формой, как уже отмечалось, они также не употребляются с артиклем. В подобных случаях не употребляется артикль и с другими названиями родственников: *баба, дядо, леля, вуйчо, вуйна, стрѝна, чичо, бате, кака*. Преимущественно без артикля используются и образованные от них прилагательные мн. числа, употребляющиеся в значении собирательных существительных, которые в болгарских говорах достаточно распространены: *У уйчуй неска свадба. Утивам у бабини, лѝлини и т. п.* Однако субстантивы *брат* и *сѝстра* используются в принадлежностных дилексах как в безартиклево, так и в артиклево форме – *сѝстра му* и *сѝстрѝта му*. Субстантивы *син* и *дѝщерѝя* в принадлежностных дилексах «звучат в безартиклево формах менее официально, чем артиклево *синѝт* (сина), *дѝщерѝята*, однако *тѝст ми* даже в разговорах встречается реже, чем *тѝстѝт ми*» [8:447]. Уменьшительные формы от субстантивов, называющих родственные связи, всегда употребляются с артиклем: *майчицѝта ми, баѝчицѝта ми, братчѝто ми* и т. п.

В исследованных говорах употребляются без артикля существительные в перечисленных выше ситуациях: *Тѝти доди. Майка ти доди. Брат му има два сина. Занес гу на л'ел'а. Л'ел'а ти болна. Уйна ти та мули да напиши писмо. Кака нали ти каза да умѝиш чинѝти. Питѝй кака си. За чичу напраѝ тва. Жѝна му б'еши ут Йѝрдануви.*

Однако нередко функции артикля выполняют в говорах краткие формы местоимений: *Гату кончат да гуляѝят, баѝта ѝ и майка ѝ на булката извѝждат булката и гудѝнику ут кѝштѝтата приз оган сас светица и пишѝкир.* /P/ (срв. лит. болг.: *баѝтата и майката на булката*).

Прилагательные, образованные от названий родственников, также употребляются без артикля: *Дѝй туй на уйн'ана Зѝн'а и л'ел'ана Натаѝа.* С артиклем употребляется только существительное мѝж: *Мѝже ѝ б'еши ут Гѝл'ма'н. Мѝже ѝ на сѝстра му доди.* Существительное *жѝна* употребляется без артикля, если имеет значение «супруга», но в значении «женщина» употребляется с артиклем: *Жѝната си пумѝсли, чи той доди.*

Таким образом, действие унификационных процессов в говорах в какой-то степени нарушается непоследовательностью употребления артикля с названиями родственников.

Кроме того, в некоторых говорах формы с артиклем множественного числа – *m'a* совпадают с формами собирательных существительных и поэтому воспринимаются носителями говора как собирательные /*киткит'a*, *лабуфт'a*, *сватуфт'al*. Впервые это явление отметил известный болгарский диалектолог Ст. Стойков, исследуя твардичанский говор, указав при этом только одно существительное – *мъжесту*: Членная форма *мъжесту* от *мъже*, которая воспринимается как форма собирательная [12:22]. Собирательные существительные на *-та* в исследованных говорах, как правило, употребляются без артикля: *Булгуришта прави баба. /Б/*. Членные формы существительных среднего рода во множественном числе вследствие стяжения также имеют только одно – *та*: *куч'аата, тил'еата, шил'уута* и т.п. /срв. болг. лит.: *кучетата, пилетата, шилетата*.

Как видим, в сфере бытового общения диалектная речь характеризуется чрезмерным употреблением *m*-демонстративного, который, на наш взгляд, обростаёт и некоторыми новыми модальными оттенками.

Если при существительном находятся два определения, то в исследуемых говорах оба употребляются с артиклем: *Г'а дари сичкити присустваитити на свадбата. Дарува сичкити своити ближнити. Сега иди сас госпут фаф тойто ледното царству /Я/*. *Таканити старити плаченца /Е/*. *Варви Д'ед Марозу и пуйе п'есн'а ас своита старата Фуртуната /Кр./*. В последнем примере, как видим, в именной группе употребляются с артиклем все три компонента – местоимение, прилагательное и существительное – имя собственное прозвищного характера /персонаж сказки). С артиклем употребляются и названия других действующих лиц: *Д'ед Марозу заснал вътр'а горьта и санува идин сын: при тогу иди унучката му Прул'атит' /Кр./ Затъжвил той и с мъка на душата сабуду Метелицата /Я./*. Т.е. исконный пласт говора в речи старожилов характеризуется более частым, чем в литературном болгарском языке, употреблением артикля в анафорической и дейктической функции.

На наш взгляд, это явление можно объяснить капсулированием говоров болгарской диаспоры в районах компактного проживания. Исследуя систему классификации имен существительных в немецком языке и подчеркивая ее условный характер, Майкл Маратсос отмечал: “Существование такой системы в когнитивной системе человека само по себе уже отлично свидетельствует об удивительной неразумности человеческого рода. Странно, что такая система передается из поколения в поколение и дети безропотно и очень эффективно ее усваивают, несмотря на то, что в рамках этой системы необходимо запомнить соответствующий набор детерминативов и местоимений для каждого существительного” [15:101]. А таких алломорфов определенно-

го артикля в болгарском литературном языке, например, в письменной речи 7 (*-ът, -а, -ят, -я, -та, -то, -те*), а в разговорной – 10 (+ *-ъ, -тъ, -йъ*).

Интересно в данном случае отметить, что на начальной стадии освоения родного языка дети первые три месяца употребляют именные формы без артикля [15:103]. На определенной стадии своего развития дети не в состоянии противопоставить определенные и неопределенные референты. Однако определенный артикль в речи болгарских детей употребляется, по мнению болгарских исследователей, раньше, чем в речи детей английских или немецких. Это явление объясняется рядом специфических особенностей артикля в болгарском языке – он является постпозитивным, имеет статус связанной морфемы и в некоторых случаях на него падает ударение [15:106]. Эти же факторы способствуют и устойчивости членных форм в исследуемых говорах в условиях инославянской среды в речи старожилов.

В речи неболгарского населения исследованных сел, которые владеют, как правило, болгарской диалектной речью, да и в речи болгарского населения, если тема разговора выходит за рамки обыденного общения /выступления на собраниях, например/ артикль зачастую не употребляется, особенно при русизмах /*Сабранние начева ф н'ет. Выступл'ения пу д'ес'ат' минути, апсужд'ения пу н'ет. Инт'ерисува ни вапрос./*. В речи молодежи /школьники/ также существительные нередко употребляются без артикля, обозначая предмет, находящийся перед ними: *З'еми слънчуфка. Вр'ей на соба. /Е/*. В речи среднего поколения: *Тр'ета дъшит'ер'а ф Ад'ес са углави. На кумбайн работи. /Б/*. Имена собственные в говорах, так же, как и в литературном языке, употребляются с артиклем только тогда, когда заканчиваются на *-а, -я*. Последнее замечание о грамматической маркировке существительных относится и к прозвищам.

Таким образом, проявляют тенденцию употребления без артикля, в первую очередь, 1) русизмы, 2) исконные слова, имеющие в болгарском языке тот же корень, что и в русском, 3) исконные лексемы, заканчивающиеся на *-та* (*гробишта*), 4) названия родственников, которые и в литературном языке в ряде случаев употребляются без артикля.

Как видим, членная морфема в болгарских говорах не обнаруживает тенденции к дальнейшему развитию. В исследованных говорах, как и в литературном болгарском языке [8], отмечена тенденция к десемантизации и грамматикализации определенного артикля. Артикль в бессарабских говорах выполняет в основном анафорическую и дейктическую функцию. Членная форма представлена в болгарских говорах диаспоры в застывшей, клишированной форме и, на наш взгляд, свидетельствует о процессах, ведущих к ее разрушению. Фактором, способствующим этому разрушению, является, несомненно, функционирование болгарских говоров диаспоры в инославянской безартиклевой среде. Лишь начавшееся изучение болгарского литературного языка в селах с компактно проживающим болгарским населением

может удерживать эту категорию определенности, вернее, ее грамматический признак – постпозитивный артикль – от исчезновения.

Литература

1. Артемов В. А. Очерк психологии. — М., 1954. — С. 63.
2. Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. — София, 1998.
3. Бунина И. К. Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — 1953. — Вып. 4. — С. 5 – 123.
4. Вандриес Ж. Язык. — М., 1937.
5. Венедиктов Г. К. К вопросу о начале современного болгарского литературного языка // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 43. — 1965 — С. 3 – 16.
6. Гълбов Ив. Проблемът за члена в български и румънски език. — 1962.
7. Иванчев Св. Българският език – класически и екзотичен. — 1988.
8. Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. — М., 2001.
9. Лашкова Л. Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език // Общност и многообразие на славянските езици, 1997. — С. 128 – 133.
10. Минчева А. Старобългарският език в светлината на балканистиката. — София, 1989.
11. Смольская А. К. Семантическая категория лица/нелица и грамматический средний род в славянских языках // Славянские студии. — Одесса, 2001. — С. 121.
12. Стойков Ст. Говор села Твърдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. — М., 1954. — С. 3 – 63.
13. Стоянов Ст. Грамматическата категория определеност в българския език. — София, 1980.
14. Стоянов Ст. Грамматика на българския книжовен език. — 1980.
15. Стоянова Ю. Върху онтогенезата на категорията “определеност” в съвременния български книжовен език // Едно поколение български езиковеди. — София, 2000. — С. 99 – 107.
16. Харалампиев И. Българските членни форми – минало, настояще и бъдеще // Лингвистични студии. — Велико Търново, 1994. — С. 51 – 60.
17. Ярославская М. К вопросу о начале новоболгарского литературного языка, 1968.
18. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. — М., 1981. — С. 93.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРАХ ЮГА УКРАИНЫ

Л. Ф. Баранник (Одесса)

В русских островных говорах Юга Украины, длительное время функционирующих в отрыве от основного языкового и диалектного массива в иноязычном, полиэтническом окружении (украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др.), наблюдается своеобразие их лексико-семантической системы. В ней отчетливо и многообразно проявляются специфические признаки территориальных диалектов: конкретизация семантической структуры слов и связанная с ней разветвленная детализация актуально важных для сельских жителей понятий (наименований), стремление сохранить четко выраженную на морфосемантическом уровне этимологическую мотивированность, яркую внутреннюю форму в производных словах, словообразовательных и семантических инновациях. В лексико-семантической системе русских островных говоров эти тенденции – живое развивающееся явление. В соответствии с внутрдиалектными закономерностями в русских говорах, функционирующих в иноязычном (инодиалектном) окружении, происходит непрерывное обогащение лексики и семантическое развитие ее за счет собственно диалектных ресурсов в результате внутрдиалектного словотворчества, а также вследствие влияния русского литературного языка и соседних языков и говоров.

Особенности лексико-семантической системы русских островных говоров, их изменение и динамика, обусловленные долговременным существованием в условиях постоянного контактирования с языками и говорами как близкого, так и отдаленного родства, в последнее время привлекают все большее внимание лингвистов. Одним из актуальных аспектов исследования лексических систем русских островных говоров является изучение парадигматических отношений между лексическими единицами: дублетных, синонимических, омонимических и др. Предметом нашего внимания являются лексические омонимы в русских островных говорах Одесщины, функционирующих в отрыве от материнского южнорусского диалектного массива, испытывающих длительное интенсивное влияние разноязычного окружения.

Омонимы как одинаковые названия для разных реалий – результат последовательного развития закономерностей и тенденций, присущих лексико-семантической системе русских островных говоров. В русских говорах Одесщины весьма активны процессы словотворчества, вследствие чего в частных диалектных системах появляются словообразовательные и семантические инновации, образуемые по принципу мотивированности, зачастую выступающие как омонимы к уже бытующим в них общеизвестным или диалектным наименованиям. Например: лит. *девятка* [1] «цифра 9» и диал. *девятка* [2]

«900-граммовая бутылка водки и т. п.» (*Кутил дивятку и паиол да кума*), лит. *гнэздышко*¹ (*ум.-ласк. к гнездо*) и диал. *гнэздышко* [2] «клеточка в тетради» (*титратки гнэздышками*); *зимушка* [1] (*ласк. к зима*) и местн. *зимушка* [2] «меховая тапочка» (*Носили у зиму зимушки, михавыи тапочки. Зимушка кудысь пропала*); лит. *кубышка* [1] «глиняный сосуд с узким горлом и широкими выпуклыми боками» и местн. *кубышка* [2] «огородное растение кабачок», а также [3] «посудина для дрожжевого теста»; лит. *качалка* [1] «род качелей для детей» и местн. *качалка* [2] «колыбель, люлька», [3] «часть веретена», [4] «скалка для теста» и [5] «початок кукурузы»; лит. *ледник* [1] «естественное скопление масс льда в горных или полярных областях» и местн. *ледник* [2] «гора, с которой катаются на санках», а также [3] «домашний холодильник» (*Мяса и молоко храним в лиднику. Лидник кутили в Адеси*); лит. *бычок* [1] «молодой бык», и местн. *бычок* [2] «болотная птица» (*В плавнях бычок каричивай*), *бычок* [3] «морская мелкая рыба», а также [4] «штырь на борту лодки»; лит. *плюшка* [1] «небольшая слобная булочка, обычно плоской формы» и диал. *плюшка* [2] «женское полупальто из плюша»; общезв. *шубка* [1] «уменьш. к шуба: короткая и легкая шуба (обычно женская и детская)» и диал. *шубка* [2] «старинный женский сарафан»; лит. *стекло* [1] «банка, стакан, стеклянная посуда» и узколокальное *стекло* [2] «рентген»; прост. *чушка* [1] «свинья» и местн. *чушка* [2] «мягкая овечья шерсть» (*Ткали мы ис чушки*), а также [3] «перец» (*Чушка - периц большой, толстай*); диал. *курник* [1] «курятник» и диал. *курник* [2] «свадебный пирог», диал. *заворачивать* [1] «повторяться, возвращаться назад» (*Два раза заворачивал приступ*), местн. *заворачивать* [2] «кастрировать» (*Заворачивали быкоф, штоп ани не были бугаями*) и местн. *заворачивать* [3] «пахать» (*Заворачивали землю*) и мн. др.

Подобная омонимия не мешает коммуникации диалектоносителей, так как в живой речи слово всегда выступает в контексте, конкретизируется, употребляется лишь в одном из своих значений. Кроме того, слова-омонимы, как правило, относятся к разным тематическим группам, а нередко и к различным по степени употребительности лексическим пластам диалекта.

Источники лексической омонимии в русских островных говорах многообразны. Омонимы в исследуемых островных говорах возникают при столкновении устаревшего, архаического значения слова с общеупотребительным современным его значением. Например, слово *мир* в речи старых диалектоносителей до сих пор употребляется в древнем значении «народ, люди» (*Воласу меньше на халаве, чем там, в Адеси, миру. Скольки миру в войну пабили...*) Бытует это слово в русских говорах и в общеизвестных омонимичных значениях: «отсутствие войны» и «вселенная». Слово *живот* в русских старообрядческих селах изредка употребляется в общеславянском значении «жизнь» (*Бились с врагом, ни шадя живота сваиво*) и «сельскохозяйственное животное, лошадь или корова» (*Живота никакова у мене нет, ни каняки, ни каровы*). Эти омонимы возникли в результате распада значений многозначного ранее слова. Прежние ЛСВ полисеманта со временем утратили

смысловую связь, общие семы и в настоящее время воспринимаются как значения разных слов. Подобные омонимы уходят из активного употребления, сохраняются лишь в речи стариков.

Источником омонимии в русских говорах, функционирующих в иноязычном (инодиалектном) окружении, являются соседние языки и говоры. Так, в результате звукового совпадения украинизмов с русскими общеизвестными и диалектными словами в русских островных говорах Одесщины появились следующие омонимические пары: *кирпич* [1] «высушенный навоз, употребляемый для топлива» (ср. укр. *кирпич*) и *кирпич* [2] «прямоугольный брусок из обожженной глины, употребляемый в качестве строительного материала», *шар*¹ «слои» (ср. укр. *шар*) (*Шар баклажан, шар помидор лажу у бочку*) и *шар*² «предмет, имеющий форму шара», *весёлка* [1] «радуга» (ср. укр. *веселка*) и диал. *весёлка* [2] «палочка для помешивания теста».

Тенденцией к детализации наименований, свойственной всем диалектам вообще, вызвано заимствование русскими переселенцами многих слов у иноязычных соседей. Среди таких заимствований встречаются и лексемы, омонимичные к исконно русским. Так, из болгарских говоров в некоторые русские островные, непосредственно соседствующие с болгарскими, проникло слово *овчарка* «женщина, пасущая овец». (Для наименования мужчин, пасущих овец, русские заимствовали у молдаван слово *чабан*). Болгаризм *овчарка* «женщина-пастух (овечьего стада)» (Бернштейн: 395) в русских говорах совпал по своей форме с исконно русским словом *овчарка* «порода служебных собак, используемых для караульной, розыскной и т. п. служб».

Омонимичными в русских островных говорах могут оказаться и слова, заимствованные из какого-либо одного соседнего языка или говора. Например, у соседей-молдаван русские заимствовали слово *вакэ* «корова», воспринятое русскими в форме *вака* (*Сиводня вака атилилась*), и *ока* «старинная мера веса жидкости и сыпучих тел, равная трем фунтам» [1:94], преобразованное в некоторых русских говорах Одесщины в *вака* (*Две ваки молока выпила. Ср.: Ваки на степу пасуть*). Так возникла омонимическая пара из двух молдавских компонентов, не являющихся омонимами в языке-источнике.

Из соседних украинских говоров русские заимствовали украинизмы-омонимы *гай*¹ «небольшая роща» (*Типерь гай, а раньше был лес.*) и *гай*² междом., выражающее побуждение или согласие (*Гай, гай! зараз иду!*) и др.

Итак, заимствованные слова являются одним из источников омонимии в русских островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении. В то же время в отдельных случаях с проникновением заимствований связано освобождение от исконной омонимии путем вытеснения одного из омонимов заимствованным словом. Примером может служить разрушение в исследуемых русских говорах исконной омонимии *толока* «коллективная помощь соседей, родных и знакомых в уборке хлеба, постройке дома и т. п.» (Оп., 230; Д., IV, 413) и *толока* «выгон для скота, пар, на котором пасется скот» (Д., IV, 413; Оп., 230) путем вытеснения первого компонента омони-

мичной пары заимствованным из молдавского языка семантическим эквивалентом *клака* (молд. *клакэ* «помощь, работа миром» (МРС, 286). Как отмечает Ф. Миклошич, в румынском и молдавском *клака* является заимствованием из славянских языков (ср.: болг. *тлака*, слов. *тлака*, серб. *тлака* [3:49]). Таким образом, в русских островных говорах Одесщины слово *клака* является так называемым обратным заимствованием. Русские переселенцы употребляют старое *толока* только для наименования выгона, поля, на котором пасется скот (*На талаке ходитъ скатина*). Коллективная помощь в уборке хлеба, постройке дома и т. п. называется *клака* (*Памагали мне клакай. Хату строятъ клакай*). Заимствованное из молдавского *клака* употребляют не только жители русских сел, но и соседних украинских (Моск., 40), русские переселенцы на территории Буковины (Столб., 426) и северной Молдавии (Ерм., 284). Бытует это слово и в украинских говорах Буковины (Прокоп., 137) и Нижнего Поднестровья (Дзендзел., 153) – всюду, где русские и украинцы живут в соседстве с молдаванами. Вытеснению слова *толока* «коллективная помощь при постройке дома, уборке урожая и т.п.» из словарного состава русских островных говоров способствовало широкое распространение семантически эквивалентного *клака* в соседних украинских и молдавских говорах.

Наблюдения показывают, что явление лексической омонимии представлено в русских островных говорах шире и многообразнее, чем в говорах основного русского языкового и диалектного массива. Это объясняется прежде всего тем, что в омонимические отношения в островных говорах, длительное время функционирующих в иноязычном окружении, вступают не только исконно русские, диалектные и литературные лексемы, но и заимствованные из соседних языков и диалектов, как близкого, так и отдаленного родства.

Литература

1. Берг Л. С. Бессарабия. Страна – люди – хозяйство. – Петроград, 1918.
2. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков// *Slavia*, 1958. — S. 3.
3. Mikloschich F. Die slavischen elemente in Rumunischen. – Wien, 1861.

Условные сокращения

- Бернштейн – С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. — Москва: Русский язык, 1975.
- Гр. – Б. Гринченко. Словарь украинского языка, тт. I-IV. - Киев, 1907-1909.
- Д. – В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. - Москва, 1955.
- Дзендзел. – И. А. Дзензелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднестровья// Ученые записки Молдавского филиала АН СССР, тт. IV – V, серия филологическая. — Кишинев, 1955.

- Ерм. – Л. И. Ермакова. Сельскохозяйственная и бытовая лексика русских говоров северной Молдавии. Кандидатская диссертация. - Кишинев, 1964.
- Моск. – А. А. Москаленко. Специфічна лексика українських говорів Одеської області// Наукові записки Одеського державного педінституту ім. К. Д. Ушинського, т. XXV. — Одеса, 1960.
- МРС – Молдавско-русский словарь. — Москва, 1960.
- Оп. – Опыт областного великорусского словаря. — Санкт-Петербург, 1852.
- Полторад-Зелен. – Э. И. Полтораднева-Зеленина. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР// Статьи и материалы по болгарской диалектологии, вып. 5. — Москва, 1954.
- Прокоп. – В. А. Прокопенко. Стара суспільно-політична лексика в буковинських говірках// Научный ежегодник Черновицкого университета за 1958 г., отд. вып. филологического факультета. — Черновцы, 1960.
- Столб. – В. И. Столбунова. Говор русских поселений на Буковине. Кандидатская диссертация. — Черновцы, 1960.
- Чук. – Сава Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОНЕТИКУ СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

О. Н. Пейчева (Одесса)

Сложная и разносторонняя проблема влияния фонетических процессов на фонологическую систему и ее изменения является важнейшей для современной науки о звуках.

К этой проблеме относится еще недостаточно исследованный в славистической лингвистике вопрос о нестабильных фонемах, причинах и условиях их функционирования в речетворческой деятельности.

В славянских языках фонетические изменения наиболее существенны по сравнению с изменениями других языковых уровней, если принять за исходную точку праславянский язык.

В связи с этим нам представляется особенно важным и актуальным изучение именно фонетических систем близкородственных, в данном случае – южнославянских, языков.

Традиционная генеалогическая классификация славянских языков объединяет болгарский, македонский, сербский, хорватский и словенский языки в одну южнославянскую группу, однако это наименее гомогенная ветвь славянских языков. В южнославянской языковой группе, наряду со сходством, проявляется множество различий, большая часть которых берет свое начало в глубокой древности. В то же время в ходе повсеместно актуального процесса нивелирования диалектов под воздействием литературных языков и межязыковой интерференции, именно фонетические категории оказываются устойчивее (консервативнее), чем категории более высоких уровней. Таким образом, синхронные структурные отношения между диалектами на фонетическом уровне соотносятся с наиболее архаичным разделом этих диалектов. При этом мы сосредоточили свое внимание именно на консонантных заменах, репертуар которых значительно шире в сравнении с динамикой вокализма, а сами консонантные фонемы, по определению Р. Якобсона, «более валентны», а потому глубже влияют на структуру слова.

В наших предыдущих выступлениях и публикациях мы обращали внимание диалектологов на статус и функционирование в южнославянских диалектах особого класса фонем, именуемых нами *нестабильными*, в частности, фонем /x/, /f/, /v/, наиболее часто подвергающихся элизии или субституционным заменам в речевом потоке. Как уже отмечалось, причины нестабильности на фонетико-фонологическом уровне могут быть различными: акустические, артикуляционные (в частности, ларингализация заднеязычных или лениция (ослабление) взрывных согласных), релевантными оказываются и системные парадигматические отношения, т. к. чаще всего нестабильными оказываются фонемы, не имеющие коррелятивной пары в систе-

ме, а также особенности синтагматической организации фонетического слова в конкретной диалектной системе. При исследовании нестабильных консонантов обнаруживается целый комплекс взаимосвязанных и сепаратных причин и факторов, стимулирующих данное фонологическое явление.

Противоположная тенденция к стабилизации фонемы также зависит от ряда причин, в том числе экстралингвистического плана, – от влияния другой языковой системы на систему-реципиент, влияния, которое может быть как иноязычным (имеется в виду устойчивость «ф» в славянских говорах Греции или «х» в славянских мусульманских говорах Боснии), так и устанавливающим стабильность посредством влияния кодифицированной и нормированной системы литературного языка (ср. соотношение болгарского диалектного континуума и литературно-письменной нормы).

Иноязычное влияние на фонетическую структуру слова наиболее ярко демонстрируют некоторые говоры сербского и боснийско-герцеговинского ареала.

Призренско-тимокский диалект (его еще называют шопский, торлацкий) распространен на юго-востоке Сербии и занимает широкий пояс вдоль течения реки Южная Морава, простираясь на юго-запад вплоть до районов Приштины и Призрена (в Косово) и на севере вдоль реки Тимок. Этот диалект полосой переходных говоров связан с болгарским и македонским языками и содержит наряду с чисто сербскими особенностями (например, совпадение Ђ и Ђ в одном звуке, наличие слоговых плавных и т. д.) и другие черты, сближающие его с болгарским и македонским языком, многие из которых относятся к числу так называемых балканизмов.

Говоры этого типа в своей эволюции прошли особенный, во многом отличный от других говоров путь, что объясняет их особое место в системе сербских диалектов. В течение нескольких веков Призренщина являлась мультинациональной и мультилингвальной областью. До завоевания Османской империей в городе, естественно, доминировало сербское население. Заселение Призрена горожанами-турками началось еще со второй половины XV века. К концу XVII века исторические события коренным образом изменили этническую, а следовательно, и языковую структуру призренского края. По переписи населения 1961 года из 70 тысяч жителей албанцы составляли 48,5 тысяч, сербы – 12 тысяч, турки – 8,5 тысяч и 1,2 тысяч представители других национальностей. На демографический статус сербов в Призрене негативно повлияли и Вторая мировая война, а также послевоенная государственная политика. Результаты последней переписи (1981 год) показывают, что сербы составляли в Призрене не более 8 % населения (статистические данные приводятся по [9]). События 1990-х годов привели к еще большему оттоку сербов с Косовских территорий.

Из вышеизложенного становится ясным, что призренский сербский говор (в том числе его консонантная система) развивался под определенным влиянием неславянских языков, в первую очередь турецкого и албанского.

В непосредственном многовековом контакте с другими народами и их языками сформировалась система, отличающаяся от большинства штокавских говоров и диалектов.

Многовековое соседство и влияние турецкого языка оказались одним из основных факторов стабилизации фонемы /ф/ в фонологической системе призренско-тимокских говоров. Ее ненарушенный статус, функционирование без субституций в заимствованиях ярко выделяют данные говоры среди других сербских диалектов.

Несомненно, в процессе функционирования нестабильных консонантов релевантно влияние турецкого и арабского языков. В частности, Павле Ивич трактует это явление как «консервацию определённых членов фонетической системы при поддержке извне» [7:173]. Наиболее показательны в этом отношении *восточно-герцеговинские* говоры, являющиеся весьма неоднородными, в частности, в области фонетики. Имеют место значительные расхождения в речи носителей диалекта различного вероисповедания. Функционирование исследуемых нами нестабильных фонем непосредственно связано с этой проблемой. В монографическом описании «Говор источно Херцеговине» [8] А. Пецо отмечал, что «најлучливије разлике које постоје између припадника разних конфесија у нашем говору огледају се у изговору сугласника 'х' и 'ф'. Муслимани још понајваље чувају те гласове. У изговору осталих сугласника не постоје разлике између представника различних вероисповијести нашега говора» [8:68].

В отношении функционирования фонемы /х/ восточно-герцеговинские говоры можно условно разделить на три группы:

а) говоры сел с православным населением, [х] в данных говорах практически полностью отсутствует;

б) говоры сел со смешанным населением: и православным, и мусульманским. В таких селах мусульмане обычно употребляют этот звук во всех позициях, однако часто произносят его и в позициях, где этимологически «х» никогда не было. Православное же население, как правило, субституирует «х»;

в) говоры сел с преобладанием мусульманского населения. В этих говорах [х] сохраняется практически во всех позициях, его замены крайне редки.

В речи православных 1 и 2 группы звук [х] отсутствует как в исконных, так и в заимствованных словах. Например: в инициальной позиции: *раним се, леба, ладовина, ајван, ајдук, арем* и др. ;

в медиальной позиции: *доодили, стаота, дуана, манит, миур, саморанца* и др.

Интересно, что в конце слова отмечаются случаи выпадения [х] даже в речи мусульман, причем без морфологических ограничений: *не смједо, ја реко, сирома* и др. (Примеры извлечены из [8 :73]).

Появление вторичного [х] – явление, свойственное говорам сел со смешанным населением, но отмечается и в третьей группе говоров. А. Пецо пишет, что вторичный «х» чаще всего развивается в позиции перед гласным

[а], что может быть, по его мнению, фонетически оправданным: «то долази отуда што ваздух пре образовања вокала већ почне да струји, те на тај начин образује врло слаб спирант х» [8 :75].

Таким образом, было бы неверным считать, что звук [х] полностью отсутствует на данной языковой территории: [х] отмечается не только в речи мусульман этой части Герцеговины, но и в речи православных жителей в селах второй группы. Субституции этого консонанта в разных говорах различны. Так, например, [к] вместо [х] чаще всего функционирует в диалектном варианте православных и, иногда, мусульман в говорах второй группы. Между тем [г] отмечается только в первой группе, в речи мусульман эта замена вообще не имеет места.

Учитывая такую дифференциацию вариантов говоров в зависимости от вероисповедания носителей, представляется закономерным вопрос о причинах этого явления, поскольку мусульмане, так же, как и православные жители, — славяне. Как известно, начало процесса утраты [х] в сербских народных говорах относится примерно к XVI веку, именно тогда началась и исламизация на сербских территориях. А. Пецо отмечал, что «они који су примили ислам, под утицајем молитава нове вјере које су обиловали гласом “х”, а које су они учили напамет, сачували су глас “х” и у рјечима нашег порекла» [7:78]. Сербь-мусульмане никогда не были билингвами и сохранили свой язык, обогатив его лексический фонд многими заимствованными словами, содержащими звук [х].

Это же явление отмечается и в *икавских* говорах, занимающих западную часть штокавской диалектной территории, на которых говорят католики и мусульмане в Западной Герцеговине и Западной Боснии, Далмации и Бачке. В диалектологической литературе принято разграничивать *икавские* говоры герцеговинского типа и *косовско-босанского* типа, однако для нашего исследования это разграничение не существенно, поскольку основано только на особенностях акцентологии и системы склонения этих диалектов. В функционировании исследуемых нами фонем существенных различий среди *икавских* говоров не обнаружено.

В обеих группах говоров фонемы /х/ и /ф/ являются стабильными только в речи мусульман, а в речи хорватов-католиков они отсутствуют, субституируясь *х > к*, а *ф > в*: *kiljada, snaka, grik, Vilip, vin, Stivan, travika* и др. (Примеры приводятся по [10:105]).

Таким образом, можно констатировать, что нынешняя диалектная картина сербской, хорватской и боснийской языковой территории является весьма неоднородной, на формирование и закрепление ее современного состояния оказывали влияние множество как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов.

Консонантная система некоторых говоров формировалась под значительным влиянием неславянских языков, в первую очередь турецкого, арабского (языка религиозных мусульманских текстов и молитв) и албанского.

В некоторых говорах штокавского наречия процесс утраты “х” и “ф” был заторможен или остановлен иноязычным влиянием, однако следует отметить, что отсутствие конфессионального фактора, т.е. непринятие славянами мусульманства со всеми вытекающими последствиями – влияние церковных текстов, молитв с соответствующим фонемным составом и др., ослабило влияние турецкого языка в Косово и Метохии, позволило в славянских диалектах этой территории сохраниться такой черте, как элизия [x], утрата его во всех позициях в слове. Причем в косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, соседствующих с болгаро-македонской территорией, прослеживается тенденция к элизии [x] без дальнейшей субституции, с сохранением разнообразных вокальных секвенций.

В системе диалектного консонантизма наблюдается дифференциация вариантов в говорах в зависимости от конфессиональной принадлежности носителей (особенно на территории Восточной и Западной Герцеговины). В речи мусульман обыкновенно “ф” и “х” сохраняются, являясь полноправными членами консонантной системы. Наличие подобной дифференциации исследователи склонны связывать с фактором межъязыковых контактов; фонетическая система турецкого (или арабского) языка способствует сохранению [x] и [f] в мусульманских говорах. Действительно, говоры мусульман в этом отношении обнаруживают единство не только в пределах Боснии и Герцеговины, и подобное их единство, несомненно, указывает на связь с восточным языковым элементом.

Фонема /f/ функционирует преимущественно в греческих, турецких, романских и немецких заимствованиях, а в исконных словах употребляется лишь в отдельных случаях как результат ассимиляции [v].

В штокавском наречии [f] употребляется в говоре Дубровника, Призрена, мусульманских говорах Боснии и Герцеговины, в шумадийско-воеводинских говорах. В чакавском и кайкавском наречиях – преимущественно в говорах, подверженных значительному иноязычному влиянию.

Во многих штокавских говорах [f] заменяется даже в заимствованных словах лабиализованными согласными [p] и [v], причем в части говоров Боснии отмечается [p], а в южной Сербии – [v].

Функционирование звука [f] в известной степени ограничено лексически. Часть турецких по происхождению слов постепенно выходят из основного словарного фонда, имеют меньшую частотность. Большая распространенность и частотность звука [f] в косовско-метохийских говорах обусловлена большим фондом слов, заимствованных из турецкого языка.

Еще одним примером такого влияния может служить аналогичное явление стабилизации фонем /x/ и /f/ в некоторых юго-западных болгарских говорах (под влиянием греческого языка), а также в македонских диалектах.

В рамках западного македонского наречия ясно очерчиваются два ареала – *центральный*, который занимает большее пространство с незначительной внутренней раздробленностью и дифференциацией, и *периферийный*,

который раздроблен многими изоглоссами на десятки микросистем. Наибольшую раздробленность показывает пограничный пояс с албанской языковой территорией, а на юго-западе – македонско-албанско-греческое пограничье, где есть и большая концентрация аромунских этнических элементов. В регионе Шар-Планины и до Корча и Граммоса по обе стороны границы живет смешанное население и по языковой, и по конфессиональной принадлежности.

Процесс утраты «х», превращение его в факультативный элемент фонетической и фонологической систем в македонских диалектах начался не раньше XVI века. Так, в турецких записях и документах XV века еще сохранилось написание «х» в ономастической лексике: Храштани, Раховец, Хорина, Техарче, Страхина и др. Однако в именнике монастыря Матка (XVI век) встречается написание *место Тетово* (от Хтетово), а также в записи, относящейся к 1635 году, появляется подпись «епископ Тетовский Никанвр» (Приводим по [4:77]). Б.Конески считает, что «во 18 в. во западното наречје х не било загублено, ами се изговарало уште, во повеќ'е случаи като факультативен глас» [4:77]. В «Четырязычнице Данила» (памятнике, датируемом концом XVIII века), в его македонской параллели, уже хорошо отражено выпадение х, особенно в интервокальном положении: *извадоа < извадоха, излегоа < излегоха, снаата < снахата* и др. Однако в Охридском говоре, который также отражен в вышеуказанном памятнике, х в значительной степени сохраняется.

Несомненно, сохранению «х» в охридском городском говоре способствовал факт влияния турецкого и греческого языков, то, что «овај глас започнал да се сфак'а како одлика на попретинетиот изговор, бидејќи се срек'е вал во јазиците со престиж (турскиот, грчкиот), кои им били познати на повеќ'е представници на градската средина во миналиот век во Охрид» [4:78].

Следует также отметить, что в современном Охридском городском говоре, традиционно сохраняющем /x/, лингвисты обнаруживают социальную и возрастную дифференциацию носителей говора. Звук [x] в современном Охриде можно услышать только в старой части города – Вароше и только в речи наиболее старого поколения жителей. В речи жителей среднего возраста [x] употребляется лишь в некоторых лексемах: *Охрид, храм, тихо* и др. В новых кварталах города – Месокастро, Кошиште – [x] уже отсутствует в фонетической системе, подвергаясь элизии в начальной и интервокальной позициях в слове и субституируясь звуками [v] и [f] в финальной и медиальной предконсонантной позициях (См. [5:249]).

Несмотря на то, что в среде образованных македонцев, хорошо владеющих греческим языком, еще в период зарождения славянской письменности звук [f] уже произносился в греческих заимствованиях, до сих пор существуют македонские говоры, в которых [f] так и не развился в отдельную, самостоятельную фонему.

Орфоэпическое усвоение, произношение [ф] в иноязычных заимствованиях до недавнего времени все еще оставалось одной из основных характеристик городской речи. Во многих сельских говорах «чужой «ф» заменяется [в] и в настоящее время, например: *вабрика*, *вудбол* и т.д., хотя в таких говорах звук [ф] как аллофон фонемы /в/ обнаруживается в конце слова и перед глухим консонантом: *дождоф*, *офца* и др. (См. [4:69]), и даже [ф] выступает в качестве субститута [х].

Адаптация заимствований со звуком [ф] имела и имеет социолингвистические параметры, поскольку «ф» се сфак'ало како особеност на *пофиниот*, *градскиот* (выделено мною – О.П.) говор, наспрема говорот на селаните, односно на нижиот општествен слој» [4:69]. Такая ситуация привела к тому, что в речи горожан обнаруживаются многочисленные примеры гиперкорректного употребления **ф** вместо **в**: *фнука*, *фнесе*.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что вторичной фонологизации, стабилизации фонем /х/ и /ф/ в южнославянских диалектах в значительной степени способствуют межъязыковые контакты и взаимовлияние языковых систем. Так, в говорах, расположенных за пределами государственных границ Болгарии и Македонии, – в Греции, Турции, а также в боснийских мусульманских говорах эти фонемы прочно занимают свое место в фонологической системе и стабильно функционируют.

Литература:

1. *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. – София: Наука и изкуство, 1989. – 270 с.
2. *Белић А.* Основе историје српскохрватског језика. Фонетика. – Београд: Просвета, 1968. – 270 с.
3. *Бошковић Р.* О природи, развитуку и заменицима гласа х у говорима Црне Горе // ЈФ. – 1931. – Књ XI. — С. 179 – 196.
4. *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. – Београд: Просвета, 1966. – 102 с.
5. *Видоески Б.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија: Зборник за трудове од научен собир. – Скопје: МАНУ, 1994. — 256 с.
6. *Ивић П., Бошњаквић Ж, Драгин Г.* Банатски говори шумадијско-војевођанског дијалекта // СДЗ / Српска академија науки и уметности и институт за српски језик. – Београд: Стручна књига, 1994. — 419 с.
7. *Пецо А.* Утицај турског језика на фонетику штокавских говора // Наш језик. – 1958. — Књ. XVI. — С. 137 – 138.
8. *Пецо А.* Говор источне Херцеговине // СДЗ. – Књ. XIV. – Београд: Научно дело, 1964. – С. 1 – 201.
9. *Реметић С.* Српски призренски говор (гласови и облици) // СДЗ. – Београд, 1996. – Књ. XLII. – 296 с.
10. *Рецо А.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. — Beograd: Naučna knjiga, 1980. — 202 s.

ОНОМАСИОЛОГИЧНАТА СИСТЕМА НА БЪЛГАРИТЕ В НИКОЛАЕВСКАТА ТЕРНОВКА¹

Зоя Барболова (София)

В общи линии съществителните собствени имена в говора на българите в квартал Терновка (гр Николаев в Украина) могат да се разпределят в няколко основни групи: а) имена на хора (антропоними), б) имена на места (топоними и микротопоними), в) имена на календарни празници (хрононими), г) имена на реки (хидроними) и д) имена на небесни тела (космоними). Най-интересни са антропонимите, поради което тук се отделя внимание предимно на тях.

Имена на хора

Антропонимната система на българите в Терновка е твърде специфична. Преди всичко тя има два основни облика, които се диференцират по броя на структурните елементи на пълното име а) тричленен, който се състои от личното, бащиното и фамилното име и б) двучленен, който се състои от личното и фамилното име.

Тричленната структура се използва предимно като представителна в документацията и при делови отношения. Тя съответства на официалните административни изисквания в бившия СССР и има следните облици: *Станко Никифор Димитриевич*, *Станко Владимир Никифорович*, *Волчан Иван Алексеевич*, *Скарлат Григорий Афанасович*, *Башчевана Петър Иванович*, *Жело Илена Михайловна*, *Мавродий Вера Ивановна*, *Ханчо Евдакийа Христофоровна* или *Атанасоф Александър Степанович*, *Дибрдиев Петро Михайлович*, *Милев Афанасий Николайевич*, *Мавродиева Домна Григориевна*, *Камбурова (Стойева) Екатерина Степановна*, т. е. на първо място е фамилното име, а след него личното и бащиното. Но в разговорната практика имената могат да се подредят и според българските закони, напр. *Валодя Иванович Димо*, *Петър Василевич Рунчев*, *Вера Тимофеевна Василева*.

Тричленната структура явно е ново явление за българите в Украина, т. е. тя е заимствана от руснаците и украинците. Изконната българска система е била двучленна. Това проличава както от архивните документи, така и от разговорната практика, където все още по-често се използват конструкции, съставени от личното и фамилното име (или прозвището), напр.: *Григорий Атанасоф*, *Федор Лукич*, *Димитър Стойлоф*, *Ст'опа Бабуньоф*, *Кольо Тамириноф*, *Васил Г'оргеф*, *Димо Атанасоф*, *Л'уба Дижова*, *Тудора Кочова*.

Макар и не много често, мястото на личното и фамилното име в конструкцията може да бъде разменено, напр.: *Вълчаньоф Герге*, *Фудулоф Яшка*, *Богданоф Мит'а*, *Стайкоф Митар*, *Петкоф Петар*, *Стойуф Петър*, а при

¹ Бивше село, което от 1999 г. е квартал на гр Николаев (Украина). Първите българи тук се заселват през 1802 г.

жените: *Чулева Фрoся*. Фамилното име в тази конструкция понякога е изцяло по украински модел, напр.: *Дмiтрий Ганчо, Геoргий Воlчо*, т. е. фамилно-то име е без суфикс.

1. Лични имена. Системата на личните имена при българите в селото е претърпяла силно влияние от страна на руската и украинската именна система. Имена като *Алексей, Андрей, Анатолий, Аркадий, Афанасий, Василий, Владимир, Виктор, Вадим, Виталий, Григорий, Евгений, Игор, Максим, Настасий, Никанор, Сергей, Тихон, Юра* — за мъже и *Агафия, Анисия, Анастасия, Анна, Аня, Валентина, Варвара, Галина, Даша, Даря, Евдокия, Зинаида, Зинаида, Людмила, Маруся, Маня, Матрона, Нина, Олга, Светлана, Татьяна, Фрoся II Фросина* — за жени, вече са обичайни и преобладават. Сред личните имена при по-възрастното население обаче, се откриват и редица старинни изконно български имена, а също и адаптирани старинни заемки с библейски, гръцки или латински произход, които са придобили български облик.

В зависимост от звука, на който завършват, мъжко-личните имена се подразделят на две групи: а) имена, окончаваци на гласна: *Никола, Илия // Илия, Алексис // Алексис, Бел'о, Бойко, Ганчо, Ганчо, Георги // Герге, Димо, Жело, Иванко, Петко, Радо, Раико, Райчо, Христо // Ристо, Стайко, Цвятко, Воlчо, Янко, Яне* и б) имена, окончаваци на съгласна: *Анастас, Атанас // Танас, Ангел, Борис, Йордан, Иван, Кирил, Костадин, Лук'ан, Васил, Миал, Димитар // Митър, Игнат, Никифор, Петар, Стефан, Тодор, Христофор, Трифон*. Прави впечатление, че името *Стоян* тук има спорадична употреба, за разлика от бесарабските българи, при които това е най-разпространеното мъжко име. При най-младото поколение обаче името *Юра* вече напълно е изместило *Георги (Герге)*, *Дмитрий < Димитър, Федя (Фьодар) < Тодор, Степан (Стьопа) < Стефан, Фанаси < (Афанасий) < Танас (< Атанас), Федос < Теодосий* и т. н. За някои от изчезналите мъжки лични имена научаваме от разкази за вече починали, а голяма част са запазени и във фамилните названия (вж.: т. 3).

Женските имена окончават само на гласната *а*: *Веселина, Гага, Галина, Джана, Джана, Дана // Дана, Йога, Калина, Кера, Куля, Мара, Мария, Милана, Надяжда, Неделя, Павлина, П'ена, Пола, Рада, Стояна, Стана, Станка, Султана, Тудора*. Изключение прави името *баба/Калаун* (което не е отбелязано в речниците на българските имена). По-голямата част от тези имена също са ни известни от разказите на информаторите за техните родители и прародители или от народните песни.

Значителна част от личните имена, като *Александар, Антон, Васил // Василий, Захарий, Давид, Лука, Мирослав, Вера, Екатерина, Илена, Ирина, Марина* и др., са еднакво характерни за трите именни системи (българска, руска и украинска). Най-вероятно те също са домашни, а широкото им разпространение в руски и украински е спомогнало за тяхното запазване.

В микросистемата се налагат и характерните за руската и украинска именна система умалителни форми, напр.: *Дима, Митя, Ваня, Вася, Витя, Грийа, Саша // Шура, Федя, Яшка; Доя* [«по български, на по руски Дуся»] от *Евдокия, Доя, Желя, Валя, Машенка*. Типично български умалителни форми като *Кол'о, Мите, Валячка, Иленка, Марийка* са вече рядкост.

Жива в говора е една забравена вече в границите на България традиция — назоваването на омъжената жена по малкото име на съпруга ѝ, към което се прибавя суфикс *-ца* и неговите разширени варианти *-ица, -овица*: *Илийца, Антоница, Иваница, Миалица // Мийалица, Николца, Степаница, Петровица*. [*Васил, на жена му трябваше да а назовават, да а думат Василица*]. Днес този начин на назоваване е характерен предимно за възрастните жени, но до неотдавна той е бил до такава степен задължителен, че истинското име помладите не го знаели и дори не се интересували от него. Според един информатор, той научил собственото име на една от възрастните си съседки — баба *Василица* — едва когато починала.

2. Бащините имена. Бащините имена се формират изцяло по образец на руската именна система, т. е. със суфикс *-ич* при имената за мъже: *Андреевич, Иванич, Василич* и *-евна, -овна* при имената за жени: *Андреевна, Ивановна, Василиевна*. Бащините имена тук имат по-голяма употреба отколкото в границите на България. Това се дължи на обстоятелството, че при официални и делови отношения, според руската или украинската етикеция, когато се говори за някой и при обръщение, наред с личното име задължително се използва и бащиното, напр.: *Васил Петрович, Василий Федосеевич, Максим Максимович, Николай Иванович, Дмитрий Кирилович, Григорий Афанасович; Вера Андреевна, Надежда Петровна, Ана Дмитриевна* и т. н.

3. Фамилни имена. Прави впечатление, че по-голямата част от фамилните имена са безсуфиксни (както при мъжете, така и при жените) *Баклар, Бано, Богдан, Башко, Братко, Бузник, Вармъи, Воlчо, Волчан, Ганчо, Гено, Димо, Жело, Желяско, Киро, Костур, Коч, Минчо, Мироник, Недо, Недел'чо, Парник, Паскал, Петко, Пуле, Райчо, Скарлат, Стамат, Стало, Станко, Станчо, Мавродий, Ханчо, Христо, Цветко // Цватко, Черно, Шуле, Яни (Йани), Янко (Йанко), Яно (Йано)*.

Сравнително по-малка част от фамилните имена са образувани със суфикс *-оф/-уф/или -еф* при мъжете и съответно *-ова // -ева* при жените *Атанасоф, Баклароф, Гиеоргийеф, Василеф, Диордийеф, Славоф, Соломоноф, Ивановоф/-ова, Стояноф/-ова, Воlкова, Пейчеф, Стойеф, Мавродийеф/-ева, Руичеф/-ева*.

От днешна гледна точка би могло да се каже, че първият вид имена са формирани по украински образец, но един списък на първите (или едни от първите) преселници тук, запазен в одеските архиви¹ ни дава основание да смятаме, че тези две традиции са унаследени още от България. В този доку-

¹Цит. по ксерокопия от Одеския държавен архив, ФЕ 1, оп. 147, 152, 167, 192, 219, 220, 221, 249, 250, ФЕ 6, оп. 1, 5, 6, 7; ФЕ 253, оп. 1.

мент се открояват същите две групи имена: а) без суфикс: *Димо Станко, Атанасъ Волчо, Митро Недо, Никола Господин* и б) със суфикс *Костя Николаевъ, Иван Васильев, Димитрий Тодоровъ, Иван Петковъ, Димо Янковъ*. Двата модела — със // без суфикс — при фамилните имена, продължават да са в конкурентна употреба Суфикс *-ова, -ева* е задължителен обаче при женските фамилни имена в този списък, които се отразяват, само в случаите, когато жената е вдовица и като такава се явява в ролята на глава на семейството, напр. */вдова/ Стана Васильева, /вдова/ Елена Михова, /вдова/ Стамата Железкова, /вдова/ Кала Радова, /вдова/ Жело Стоянова*. В някои случаи двата модела се използват за разграничаване на две фамилии с еднакви имена, напр.: *Мавродий* и *Мавродиев* са названия на две различни фамилии, а също *Димо* и *Димов* и т. н.

Суфикс *-ич* при мъжките имена се открива в името *Серѣбрич*. Със суфикс *-енко* по руско-украинския словообразователен модел е образувано само името *Месаренко*, което е възприето като официално. В разговорната практика обаче се използва формата *Месаров* (*- Йа сам Месаров. И по улично Месаров. А фамилийата Месаренко — по украински.* - казва един от информаторите). Подобна ситуация се наблюдава при *Бойко* и *Бойкин* // *Бойкови, Бано* и *Баноф* и т. н. Т. е. суфиксалните форми се възприемат като неофициални или, както казват местните жители "по уличному".

Фамилните имена имат форми за множествено число, които се формират с окончание *-и*: *Скарлати са най-много ф сѣлото*. Пред *-и* обаче почти винаги се явява суфиксът *-ов (-ув)* или *-ев*: *Г'оргеви, по мойему, са най-млого. # Банови, Вармушови, Василеви, Вълкови, Вълчанови, Ганчови, Димови, Иванови, Маринови, Павлови, Папулеви, Искрови, Станчови, Стойови* и др. Тези форми дават основание да се допусне, че фамилните имена на *-ов, -ев* в български език са вторични и са образувани чрез регресия от формите им за множествено число.

4. Названия на родови клонове (кодла) и семейства. Всеки род се подразделя на т. нар. кодла "клонове" и всяко кодло си има свое название, напр.: *Миновото кодло, Кир'аковото кодло* и *Кеновото кодло* се отнасят към фамилията *Черно*; *Жирови, Арнаутови, Прашинови, Камови* и *Драгови* са кодла от фамилията *Деордиеви*; *Куртови, Бакършиевеви, Велигурови* и *Фурчикови* са кодла на фамилията *Христо* и т. н. Тези имена се използват само в ежедневието, в разговорната практика, където заместват родовите и са известни като «улични» или както самите хора казват «по уличному». При по-големите клонове «уличното» им име вече се налага и като фамилно. Според една информаторка: *Радевите, сички бѣя Иванови*. Според друг информатор: *... нашта фамилийа Скарлат; нашите са Алтѣнчове, на има Скарлат Брашинѣнкови - от слово брашино - на има Скарлати Бел'уви и Ч'очикови - тва четри фамилии иднѣкфи.*, а според трети: *Дикови* и *Стайкови* — *сѣ Мавродиеви*.

Но в някои случаи само едно семейство може да има свое име, напр.: *Плещак* — клон от рода *Скарлат*, но *Ч'очови* // *Ч'очкови* — едно от семействата

от рода *Скарлат*, *Чудак*ови едно от семействата на рода *Иванови* или *Табуноф* = *Ивановф*, т. е. *Табунови* е прозвище на друго семейство от рода *Иванови*, *Струм* = *Месаренко*, *Каноф* = *Стайковф*, *Пукалови* = *Камбурови*, *Ревови* = *Мийалчеви*, *Бодур* = *Костови*, *Шуларови* = *Стойлови*, *Ска-вароиеви* = *Жело*, *Циганови* = *Яни*, *Жаровови* = *Георгиеви*, и т. н. Суфиксният модел при тези имена се прилага почти без изключение, но се използва предимно формата им за множествено число: *Ангелови, Бакларови, Бацаркоф, Богданови (Бугдановф)*, *Бойкови, Бузникови, Велигурови, Волчанови* // *Вълчанови, Вълкови, Гогови (Гогоф; Гогова)*, *Дичкови, Дишлѣкови, Добр'уви, Драгови, Дудникови, Жирови, Казеови, Камбурови, Камови, Канови, Кенови, Киранови* // *Киранчеви, Костови, Коч'оф, Крѣнови, Кундарови, Куртови, Кучерѣви, Мариноф, Махорови, Мин'ови (Мин'ови), Милѣкови (Милѣковф), Минкоф, Михайлоф* // *Мийалчуф, Мийлчеви, Мичкови, Москови (Москоф), Петковф, Панинови, Парнакови, Петрѣноф, Радѣф, Райчеви (Райчоф), Сарнови, Сафрѣ-нови, Серебричеви, Симончеви, Стайкови, Стат'ови* // *Стат'уви, Стойковф, Стойлови, Тодороф, Тропакѣви, Фѣнкови, Фурчикови, Фудулоф, Цвяткови, Цигароф* // *Цигароф, Ч'очикови, Чуеви (Чуеува), Шѣпови (Шѣпоф), Шуеви, Якови*.

Освен *-ов (-оф, -уф)*, *-ев* при прозвищата на родовите имена и клоновете им са фиксирани наставките *-ски* при *Амбарлийски* и *-ин* при *Бойкин*, и *Щѣпкин*. Формациите със суфикс *-чик*: *Бойчик*, и *-чук* - *Лазарчук*, показват, че вече е започнало възприемането на словообразователния модел на украинската патронимия. Но той продължава да функционира заедно със собствения, за което говорят формите *Лазарови, Лазарѣф*.

5. Прозвища (прякори, клички). По своята същност названията на родовите клонове се възприемат като прозвища, но с неутрална емоционална натовареност. Но има и такива, които са натоварени с негативна експресивност и понякога се явяват като дублетни номинации. Те именно са истинските прякори (клички). За съжаление обаче, езиково те не се различават от родовите имена и тези на техните клонове. Дори при специално изследване трудно външен човек може да установи разликата между името на рода, родовия клон и прозвището. Само случайно става ясно примерно, че *Копчик* е прякор на *Атанасови*, а *Хорови* е прякор на *Бр'аткови* [*Бр'аткови, на по уличному ги дрѣзнат Хорови* или *Йе го ље Барлико* — така ма дрѣзнат по уличному. Тѣже Амбарлийски // Амбарлик. (Но не е ясно към коя фамилия се отнася.) # *Имаше идни егѣ Папул'уви се називѣвайа — Кир'ѣкови*]. Дори при опит на информаторите за обяснение, като напр.: *На Л'уба Дикова. До Москови-те, другите Москови бѣя, на сѣтне Дикови* — по уличному, на фамилийата им *Константинови*. И *Мавродий* има *Дикови*., едва ли със сигурност може да се установи дали дадено име е фамилно, клоново, семейно или е присмехулен прякор. Някои от тези прозвища също вече се неутрализират и дори заместват фамилните имена, напр.: *Дѣбуш* *Дмитрий Илич (Ганчету)*, *Ст'ѣна* *Бабун'ѣф*. Това обстоятелство затруднява прецизното им диференциране.

Значително по-лесно обаче се открояват личните прозвища, т.е. такива, които се отнасят до един човек, напр.: *Митето/Чудáко, Никóла/Тръкалóто, Гѣрге/Кузнéцо, Шл'óма/Тимофѣй, Кацóто/Мит'ама, Карайáнчо/Ми́на, Каскаци́ Пáвле, Лéхо, Пачи́нка, Галу́шка, Бóзо [Шѣнка — Цв'áтко Степан Григóрович, Студар — Иван Алексеевич]*. Но тези именно прякори се трансформират в семейни, а с разрастването на семейството — в клонови и родови.

6. Други особености на фамилните имена и прозвищата.

Формите за множествено число изразяват предимно събирателност, т.е. група хора, отнасящи се към един род.

Често формите за множествено число се членуват с определителния член *-те*: *Бѣл'увите, Гóговите, Дѣмовите, Кóстовите, Камбуровите, Керáнчовите, Куртовите, Лáзеревите, Петрáновите, Шóповите // Шѹните* и пр.

При фамилните имена и прозвищата преобладава българският елемент. В дадената ситуация към тази група могат да се отнесат и имена от чужд произход (предимно турски и гръцки) като *Алтнчикови, (Алтнчи́коф // Алтнчеви // Алтнчови), Арнаутови, Бакърййеви (Бакарййе́ф), Баичевáна, Дишлийе́ф, Каскаджи, Киря́кови // Кире́кови, Скарлáт, Стамáт, Тамарйно́ф, Титаро́ф // Титоро́ф, Фидóлоф* и др., тъй като, без съмнение, те също са старинни формации, познати от българската именна система и чужди на украинската и руската.

Заимствани от руската или украинската номенклатура, след преселването на българите тук, са фамилните имена: *Барáноф, Бундарки́, Деордие́ф, Зубкóви, Ингу́л'ски, Пету́шови, Кузнецóв(ите), Калáшови, Лазарчүк, Пирогóф, Ч'óчикови, Ярми́нкови*.

От гледна точка на словообразователната мотивация те се делят на две основни групи:

а) Имена, формирани от личното име на някой дядо или прадядо, напр.: *Атанасо́ф, Дмитрие́в, Пейче́ф, Димо́ф, Дѣмо, Цвятко; Бел'óф, Маринчо́ф, Петко́ф* и пр.

б) Имена, формирани от прозвища, дадени на основоположника на родовия клон. Мотивиращата основа на тези формации са от имена, отнасящи се към различни лексикосемантични групи, които по своята граматическа характеристика са съществителни или прилагателни имена, които изразяват: а) обществен сан: *Бáноф, Киря́коф, Титоро́ф* (вер. от *кшитор*), *Уста́поф*; б) занятие *Бакърййеви, Бардáроф, Баичевáнови, Мару́л'чеви, Кузнецóви, Табу́нчикови, Божй́ков(ите)* (вер. от *божик* “просяк”); в) етническо или субетническа принадлежност: *Арнаудо́ф, Шопов, Цй́царо́ф // Цй́царо́ф*; г) някакъв белег: *Мáлкоф, Камбурови, Фидóлуви, Черно, Дишлийе́ф* и др.

Други собствени имена

Другите групи собствени имена в по-малка или по-голяма степен също са претърпели влияние на руски и украински.

1. Топонимия и микротопонимия. Името на самото селище *Терновка*, местните жители свързват с названието на растението *трънка*: *Тва айгá Терно́фка или му дѹмаме; Търново бйше; тѹка айгá на байрите бйша трънки, знайши дѣто трънки, такива йáготки, да Търново бѣше, а па сѣтн'а айгá кѹто са насѣлйша мло́го (украинци и руснаци), Терно́фка стáна*. — казва една от информаторките (Анна Мавроди́ева). Това мнение съвпада със становището на ономастката А. П. Коваль, според която: «Селище ТЕРНІВКА (Миколаївська обл.) засновано наприкінці XVIII ст. в жирлі річки *Мокра Тернівка*. Як свідчать перекази, на час появи селища на місці річки була глибока балка, поросла *терном*»¹. Описвайки историята на Паркани (селище с българско население в Приднестровската република), Г. Аствацатуров говори за документа от 1790 – 1792 г., в които, наред с Паркани и други селища, се споменава и Терновка (под това име), като едно от 25-те селища между реките Буг и Днестър, заселени от казаци². Това, както и названието на пресъхналата река *Мокрая Терновка*, чисто корито сега се нарича *Балка*, дава основание да смятаме, че името *Терновка* е онаследено от българите, а не е дадено от тях. Близостта с името на българския град Малко Търново вероятно е допринесло за неговото запазване като «спомен» за района, от който се предполага, че са първите заселници, дошли от България.

Местни са и названията на по-малките селища *Капустиная балка, Добрая Надежда* и *Ясна поляна*, които се отнасят към Терновка.

Сред названията на местностите в селището, се откриват такива, които несъмнено са формирани и дадени от местното българско население. Такива са напр.: *Пайкй (< пай), Грѣбите // Грѣблето, Песóко, Пóповото, Бузй́ковата баичá, Въл'чáнова баичá, Сѣрбинова воденй́ца*. Тези имена се определят като български не само по произхода на имената, а и по чисто българския модел на именните формации и граматическите им особености.

Част от конструкциите на съставните имена на местности са съставени от смесването на български и руски или украински елементи, напр.: *Зй́кова бáлка, Сасрóнова (// Сафрóнува) мугй́ла* или са побългарени чрез замяна на окончание *-йа (-я)*: Капустена балка.

Интерес представлява начинът на означаването на улиците. Всъщност днес вече има *Софй́йска ѹлиця, Кировогрáтския пѹт, Иванова* и т. н., но първоначално улиците са били номерирани: *Пѣрвата ѹлиця, ... Фтóрата, сѣтн'а Трѣт'а, кѣди грóбито връвй Четфѣрт'а ѹлиця. Па сѣтн'а П'áт'а, па сѣтн'а уна́йе, р'áдом Шестáта, па та Седмáта, па уна́ Восмáта — ду жєлєзнийа пѹт*.

С имената *Востóчна, Сй́верна, Малка Сиверка* и *Центар* означават основните райони в селището. Пазят се имената на първоначално заселените махали *Гегали* и *Чарвона*. Както е видно, названията на улиците и квартали-те обикновено са български, но вече с руско-украински фонетични нюанси.

¹ А. П. Коваль, *Знайомі незнайомі. Походження назв поселень України*. Київ, 2001, С. 79.

² Г. Аствацатуров, *Очерки истории села Парканы*. Бендеры, 1995, С. 20.

2. **Хидроними.** Названията на реките *Малайя Терновка, Ингул, Капуст'анайя балка, Зайцевскогo* и *Крутайя балка*, са старинни и българите са ги възприели още в началото.

3. **Хрононими.** С малки изключения са запазени всички български имена на християнските и някои стари езически празници: *Велиден, Сфетий вѣчар* 'Бъдни вечер', *Колѣда, Нова годѣна* // *Сурва, Васілофден, Герг'офден* // *Гергѣфден, Пѣтрофден* // *Пѣтровден, Гулѣма Богурѣдица, Спас* // *Спасофден, Бабинден, Баба Мѣрта, Русѣлий* и т. н. Замени с руски названия като *Паска, Холѣдна вечер'а, Мѣсленица, Зилѣната нидѣл'а, Юрефден* и др. се откриват рядко и се използват успоредно с българските.

4. **Космоними.** От космонимите в говора са запазени имената: *Зорѣчка, Млѣчин пѣт, Кукѣшката с пѣленцата* // *Клѣчката, Голѣма Мѣшчина* "Луна" (за разлика от *мешинка, -и* "звезда, -и").

Изследването показва, че 200 години не са достатъчни за пълното асимилиране на личните имена. Въпреки силата на администрацията, за два века тяхната система не е успяла да се трансформира, вследствие на което се формира една уникална система, която по същество е контаминация от две системи — официална и неофициална. Но конкуренцията им, изразена в успоредното им функциониране при по-възрастното население, вече не е актуална, тъй като при най-младото поколение почти напълно е победила нормативната руско-украинска система. Това несъмнено говори, че тенденцията е към скорошното отмиране на традиционната система особено при антропо-нимите.

Най-устойчиви се оказват космонимите. В продължение на два века те не са забравени и дори не са се изменили.

Сравнително стабилна устойчивост се наблюдава и при хрононимите. Но при тях процесът на заместване на собствените с местните украино-руски названия вече е започнал. За това допринася най-вече увеличеният брой на жителите от украински произход, обучението на руски и украински език, а също и по-голямата отвореност на общественно-икономическата система в селището, която дава възможност за по-широко общуване с заобикалящите ги иноезични общества.

Числѣвник як основний засѣб для вираження кѣлькѣстѣ в слов'янських мовах є найбільш архаїчною формою, і саме він відображає архаїчний стан мови. Він не відноситься до «споконвічних» частин мови, якими є іменник, прикметник, дієслово і прислѣвник, як вважає значна кѣлькѣсть вчених, у тому числі, автори однієї із нових граматик української мови (1993 р.). Ю. О. Карпенко зауважує про близькѣсть числѣвника і займенника — «вони становлять кѣлькісне й якісне найабстрактнѣше узагальнення об'єктивної дѣйсності» [8:79]. При цьому він підкреслив, що числѣвник як частина мови починається зі слова 5 (п'ять). Більшѣсть вчених-мовознавцѣв надають числѣвнику статус «окремої частини мови» тому, що він видѣляється лише за однією ознакою — «лише за ознакою семантичного плану» [3:3]. Болгарський вчений П. Пашѣв говорить про те, що його рідна мова протиставляється іншим слов'янським мовам, включно і старослов'янській (староболгарській), по формѣ іменника після числѣвникѣв 2 – 5 — множина без відмінку, що наштѣвхує на думку про те, що саме в болгарській мовній системѣ «процес на обособяването на числѣтельного като єдина граматична категория част на речта є напреднал най-много і є близьк до пълното си завършване» [15:385].

Про числѣвник написано багато статей і наукових праць [2, 5, 10, 14, 16, 20]. Головним, на думку Т. Лукинової, автора монографії про слов'янські числѣвники, є те, що в їхній структурѣ і семантицѣ «у найважливіших та істотних моментах спостерѣгається спѣльнѣсть чи подѣбнѣсть, тоді як відмінності, хоч і досить чисельні, стосуються переважно деталей» [10; 11:72].

При спрѣбѣ знайти загальне в різноманітних системах рахунку Платон Лукашевич (1851 р.) із семантики слов'янських числѣвникѣв виводить таке: Людина (1) дѣва (2) землі (3), якої твердию (4) володѣє (5) : цѣїє є (6) сѣдѣй (7) мѣж дѣвами, богами (9), духами (10) [9:6-9].

Числѣвники в болгарських говѣрках пѣвдня України, як відзначає Іван Стоянов, не відрѣзняються від подѣбних у літературній болгарській мовѣ [18:27], оскѣльки бессараби, відправляючись у чужу країну – Росію, вже виступають носѣями «числової» інформациї.

Ми розглянемо числѣвники традиційно [19], тобто уявимо спочатку кѣлькісні (граматичні особливостѣ, означені форми числѣвникѣв, імена для приблизної кѣлькѣстѣ; особливѣ форми числѣвникѣв для іменникѣв чоловічого роду) (додатково: засѣби рахунку і множення в діалектах) і порядковѣ (граматичні особливостѣ, означені форми числѣвникѣв) у пѣвнѣчно-схѣдних болгарських говѣрках — чийшийських, які добре збереглися в історичному Буджацѣ на території сучасної України. Цей тип говѣрок, що не існує, на думку

авторів Болгарського діалектного атласу (БДА), в сучасній Болгарії, але описаний саме в Бессарабії і названий так по імені великого болгарського села Чийший, є об'єктом наукових розробок автора в останні роки [21, 23, 24].

Матеріал збирався в п'ятьох чийшийських селах - в с. Городне (Чийший), Бановка, Владичень (Імпущита) і Калчево в Болградському районі Одеської області та в с. Кам'янка Ізмаїльського району в 1997–2002 р. особисто (записи від руки, магнітофонні записи) і анкетним способом [17: 393-404] (останні два роки і в інших бессарабських селах)

Кількісні (болг. бройни) числівники:

Числівник 1, що у говірках звучить як *идин, иднь/иннь/инь, идно/инно/ино, идни/ини* змінюється за родом і числом, як і в літературній мові. Дублетні форми з *дн/нн/н* утворюються в результаті асиміляції *дн > нн* і *нн > н*. Якщо інформанти більш старшого віку використовують перші дві форми, то молоді — звичайно другу і третю, але іноді через гіперкоректність під впливом російської вживають і основну з *-д*.

Інші числівники звучать у говірках таким чином: *два (две), три, четири, пет, шес, сед'єм, вос'єм/(ос'єм), дев'ят, дес'ят*.

Розходження спостерігаємо в числівниках 6 і 8. У числівнику *шес* редується кінцеве *-т*, що з'являється лише у означеній його формі. У числівнику *вісім* є протетичний приголосний *в*. Це російський вплив, порів. рос. *восемь*, болг. літ. *осем*, старослов'янське (стб.) *ОСЬМЬ*. Цікаво те, що в селах Чийший, Кам'янка і в наш час використовується стара форма без *в*-у мовленні людей похилого віку, які добре зберігають говірку. Це змушує нас трохи скептично поставитися до висловленої І. Стояновим думки про те, що «процес вирівнювання морфологічної будови цього числівника з відповідними східнослов'янськими лексемами закінчився повністю» [18: 28].

Інші прості кількісні числівники такі: 40 (*сорук*), 100 (*сто*), *миліон, мільярд/мил'ард* і 1000 (*ил'аду* (однина) (Калчево, Чийший, Бановка, Імпущита) / *хил'адъ* і *хил'адъ* (множина) у с. Кам'янка і *илиди/ил'ьди/хил'ьди* в інших населених пунктах, де початкове *х*-синкопується в більшості чийшийських сіл під впливом діалектної системи, порів. болг. літ. *хиліяда*). Щодо цього числівника, необхідно відзначити ще одну нову, запозичену з російської розмовної мови, форму *тыщиу*, порів.: *Кво жь бѣди фѣв двухтъс'чнь трет'ятъ гудинь?* (є подібна форма у старослов'янській мові [12:177]).

Потребує спеціальної уваги кількісний числівник *сорук*, запозичений з рос. *сорок* (мішок із сорока шкур). Літературна форма *чотиридесет* у чийшийських говірках збереглася в іменнику *чотирийси* «прощальне обрядове частування 40 днів після смерті людини» (Прам *чотирийси*. *Нь чотирийситу б'аа млогу оръ* - за аналогією: *тритини, дивитини* «на третій, дев'ятий день після смерті») і в абсолютних синонімах *сорук ден'ъ* і *чотирийси ден'ъ*. Тут ми абсолютно згодні з І. Стояновим відносно того, що процеси *осем > вос'єм* і *чотирийси > сорук* відбуваються одночасно в бессарабських селах, порів. із

спостереженнями українських діалектологів щодо подібної заміни в українських говірках - *чотирдесят* та ін. на *сорок* [2:90].

При числівниках від 11 до 19 використовуються тільки «неповні» форми типу *идинийси, двънайси, тринийси, читирнайси, питнайси, ишиснайси, сидимнайси/симнайси, вусимнайси, дивитнайси*, тобто випадає кінцеве *-т* і перед ним голосна *-е* перетворюється в *-и*, порів. із літ. *единадесет* та ін. Показово те, що такі ж процеси спостерігаються в цих числівниках у Болгарії і вони характерні для болгарського розмовного мовлення. Нова дублетна форма *симнайси* є або скороченим варіантом першої (*ди>Ø*), або з'явилася можливо під впливом рос. *семнадцать*, болг. *седемнайсет* (*див.* і варіанти із *сидимдесе/симсе*)

У назвах десятків відбуваються подібні фонетичні зміни: *двайси, трийси, сорук* (*див.* вище), *тидесе, шийсе, сидимдесе/симсе* (*ди>Ø*), (*в*) *усимдесе/вусимсе* (*ди>Ø*), *дивиндесе* або *дивидесе*. Цікавою формою є літ. *деветдесет*, що в одних селах (Чийший) перетворюється в *дивидесе* (випадає *-т*), а в інших (Калчево, Бановка, Кам'янка) фіксуємо його більш архаїчну форму з *-н*. [25: 109–113]

Назви сотень *двестъ, тристъ, четиристот'єн, петстот'єн, шестстот'єн, сед'ємстот'єн, (в)ос'ємстот'єн, дев'ятстот'єн* мають основний і другорядний наголос і не відрізняються від подібних форм у літературній мові. Вони не сприймаються носіями болгарських говірок як єдиний комплекс [13: 80], і тому членується перша складова частина: *читирт'ахстот'єн*.

Про **означеності** (болг. **членуване**) (це балканська риса - “Нито един език от славянското езиково семейство не притежава членна форма” [12: 176], що полягає в приєднанні означеного постпозитивного члена (у чийшийських говірках - *та, -ту, -аа, -ти*) до імені) кількісні форми такі:

- 1 - *идин'аа, и(д)нѣтъ, и(д)ноту, и(д)нитти;*
- 2 - *двѣтъ, двѣти* і зовсім рідко - *двѣту, двѣту;*
- 3 - *трѣти і трѣту;*

У числівника 3 є дві діалектні означені форми, порів. *Трѣти мумичѣтъ съ нѣкичѣни. Трѣту крѣьндаишь б'аа ниушил'єни* (Калчево). И *трѣти/трѣту му дѣьшичи б'аа крѣьсѣви*. Звісно ж, перша форма є питомою, порів. із болг. літ. *трѣте*, а друга ініційована впливом інших членних форм на *-ту*.

Числівники від 4 і вище, як правило, що закінчуються на приголосний, і десяткі від 20 і вище, в означених формах додають *-т'ах*, що походить від староболгарського вказівного займенника *ТЪ*, у родовому відмінку множини *ТЪХЪ* [6: 149]: *пит'ах, ишт'ах, вус'ємт'ах, чит'єрт'ах; двѣьсит'ах* і ін. (в с. Чийший зовсім рідко зустрічаються форми *двайситех* наряду з *двайсит'ах*).

Цікаво те, що числівник 11 і вище (звичайно на голосну) приєднують членну морфему *-ту*: *идинайситу, двънайситу, двайситу, пийсету; Дунес ил'адуту рублі. Върни му тийсету гривні. Дивиндисету долгъръ дади*. Походження цього постфікса ясне: він співпадає із членною морфемою для серед-

нього роду однини –ту, порів. *дитету* та ін. Але чому “виграє” саме ця форма в чийшийських говірках – невідомо. Тобто в означених формах кількісних числівників ми спостерігаємо дві дублетні форми на –*m'ax* та на –*ту* замість літ. болг. постфіксів для кількісних числівників на –*те*.

І ще одне: все частіше в говірках, і не тільки в чийшийських, звучить нова форма, утворена формально двома членими морфемами –*m'ax* і –*ту*, але реально вже тільки друга, на –*ту*, сприймається як означена, тобто в наявності є числовий ланцюжок із синонімічних означених форм числівника двох типів:

1. *Тях+ту* → *тяхту*: *пет* - *пит'ax* - *пит'axту*; *сто* - *стут'ax* - *стут'axту* та ін.;
2. *Ту+тях* → *тяхту*: *двайси* - *двайситу* - *двѣйсит'axту*; *идинайси* - *идинайситу* - рідше: *идинайсит'axту* (більш громіздка за своєю структурою) та ін.

Це відбувається в результаті того, що «другата –*ту* при числителните изглежда е бесарабска черта, която се появява по-късно: *сидимт'ax-ту* и се присъединява към числителното, което явно не се възприема вече като определена форма [22: 77], порів. приклад від Чийший: *Ъй тее пит'axту* - зъ улой, *дисит'axту* - нъ рибъ, ъ пѣк унее, *новити гривни*, *ги устав'ѣх у куйн'ѣтъ*. Ці форми часто зустрічаються в с. Калчево, Чийший (Городне), Кам'янка; повільніше протікає процес в с. Бановка, де 34-річний інформант вказує на *сидимт'ax* як на основну форму і на *сидимт'axту* як на більш рідкісну форму. Відіграє велику роль і соціолінгвістичний чинник віку: у мовленні молодих людей частіше спостерігаються нові форми, а чийшийці використовують форми на –*m'ax*. Ті ж процеси відбуваються і в інших говірках болгарських сіл України, див. в анкетах *пит'axту парти* в Главанах і Холмському Арцизького району; Кирнички Ізмайльського району й ін.

У болгарській діалектологічній літературі ми знайшли подібне мовне явище тільки в говірках, які досліджувалися Т. Бояджієвим: числівники три і вище, що одержують показник –*те* або –*ту*, можуть «да се членуват и с показател –*m'af/m'ax*: *усемт'ax* і *усемт'axту* (с-*ту* ударението не се мести)» [4:109].

Для визначення **приближної кількості** використовується –*инъ*, яке додається до кількісної форми числівника: *диситинъ*; *трийситинъ книги пручетъх* або форми *три-четири*, *две-три* та ін. Серед інших найбільш нових засобів для приблизного рахунку, застосованих в досліджуваних говірках, треба назвати інверсію, яка з'явилася під впливом російської мови: *ден'ъ пет*; *штуки восьм*, *йаишчикъ питнайси* та ін., порів. із рос. і укр. дней пять-шесть, штук вісім.

В чийшийських болгарських говірках функціонує і спеціальна форма для чоловічого роду, так звана мъжколична или бройна: *пет кочъ*, *два чул'акъ*; –*минъ*: *двамъминъ* [1]; *тримъминъ нъдудоо* та ін. зам. болг. літ. двамина та ін. Тенденцію літературної болгарської мови використовувати множину однак

ми не спостерігаємо, порів. *пет сълдат'ѣнъ*, *двамъ мъжъ*, *три уфчер'ѣнъ* із літ. пет воиници, двама мъже, трима овчари. Подібні форми: *труиць*, *читвориць* (із – *иць*).

Щодо **рахунку**, тільки інформанти похилого віку рахують “болгарським” засобом: *ино*, *две*, *три*, *четири*, *пет*, *шес*, *сед'ѣм*, *вос'ѣм* (*ос'ѣм*), *дев'ѣт*, *дес'ѣт*. Молодь звичайно перші два числівника рахують по “російській” моделі, порів. *идин* (чол. р.), *два* (сер. р.), рос. літ. один, два, три, ...

Цей вид числівників використовується для додавання (формула: *две и пет прави седем*, *пет и четири съ пулучава дев'ѣт*), віднімання (*ут пет дѣ майним две и съ пулучи три*), множення (*пет пу три ставъ (прави, пулучава съ) питнайси*, *три пу три – дев'ѣт*).

Числівники зустрічаються і у фразеологізмах, серед яких більш цікаві: *Пет банъ* (варіант: *пет кънейки*) *не струвъ* (болг. нищо не струва, укр. нічого не вартий); *Гачи тристъ съ избили* (*и* (*ни*) *идин нее изнес'ѣн*) – болг. голямо безредие, укр. розкирдаш; *Тристъ глидали*, *тримъ рѣзбрали* (*и то нъ нукуй ни къзали*) – болг. за нещю несполучливо та інші.

Порядкові (редни) числівники: *първ'аа*, *първъ* (*тъ*), *първу* (*ту*), *първи* (*ти*) (Кам'янка, Чийший, Бановка, Імпуцита) і *перв'аа*, *первъ* (*тъ*), *перву* (*ту*), *перви* (*ти*) (Кальчево); *фтор'аа*, *фторътъ*, *фторуту*, *фторити*; *трет'аа*, *трет'ѣтъ* і *третитъ*, *трет'уту* і *третту*, *третити* і *третти* та ін.

Неозначена форма *първи* й ін. у Кальчево використовується як прикметник у значенні «дуже добрий, гарний»: *Т'а ѣ първъ булка!* *Йед'ѣнту му ѣ първу!* *Ту иргени съ първи!* – у числівника 1 тільки в цьому селі є фонетичне «відхилення» > е: *первътъ* та ін., яке обумовлене, мабуть, фонетичним впливом рос. первый, первая й ін.

Характерною рисою цього виду числівників є те, що вони існують, як правило, в означеній формі: *Първуту дите мий*. *Нъ шест'ѣтъ партъ сиди*. При десятках діалектні форми утворюються ідентично з літ. *пийсе*, але *пийсет'аа*, порів. із пийсетія; *диви* (*и*) *дисет'аа*, книж. дев'яностіа й ін. На відміну від них у числівниках з 11 до 20 у формі чоловічого роду синкопа –*т* не відновлюється, тобто утворюються «укорочені» членні форми, порів. *двѣнайси* (бройно) - *двѣнай'аа* (членовано) зам. очікуемого *двѣнайсит'аа*, літ. дванайсет(ія(т)); *идинайс'аа* зам. діал. *идинайсит'аа*, *питнайс'аа*, *шиснайс'аа*, *двайс'аа* й ін. Якщо в Чийшій і Калчево форми *идинайс'аа* і *идинайсит'аа* (*рет*) дублетно-рівноправні, то в с. Бановка і Кам'янка, де фігурують тільки «скорочені», процес у своєму «завершеному» виді, що свідчить про інноваційний характер мовних змін.

Відзначимо ще вирівнювання основ у цьому виді числівника, порів. літ. *девети* (*ят*) - *девета* (*и*) - *деветато* (*то*) (тверда –*т*) і діал. *дивет'аа* - *дивет'ѣтъ* - *дивет'ѣту* - *диветити* (м'яка –*т*) наряду з *диветътъ* (*диветтъ*) і *диветуту* (*диветту*); *идинайс'аа* - *идинайс'ѣтъ* – *идинайс'ѣту* наряду з *идинайситу* (лабіалізація голосного –*и*). Із конкуруючих форм перемагає перша, з м'яким *т'*: *Т'а руди пет'уту* или *шест'уту дите*. *Шиснайс'ѣттѣ партъ нъ фтор'аа*

рет в дисет'ътъ аудитор'аа изр'азъ ино мумичи (с. Чийший, Калчево) (див. анкети).

Вважаємо цікавим порядковий числівник 100, що має декілька морфологічних виглядів при означеності: *стотн'аа* – *стотнътъ* та ін., *стот'аа* – *стот'ътъ* та ін., *сот'аа* – *сот'ътъ* та ін. (порів. останній варіант з рос. сотый и сотая).

Відзначаємо ще і «зайві» означені форми порядкових числівників при визначенні року або частини від чогось, порів. літературні конструкції: През хиляда деветстотин і петдесета година і діал. *О ил'аду дев'ътстот'ън и пийсет'ътъ*; през четиридесета година і діал. *сурукъвайътъ* (рідкіше четирийсетъ) гудинь; літ. в трета част і діал. *ф трет'ътъ част* та інші, тобто випадання прийменника компенсується означеною формою порядкового числівника. Означені форми з'являються і після вказівного займенника, що сигналізує про два означення: *Тоо шест'аа къзан лишън* (Калчево). *Тва п'атуту дите съфсем слабу* (с. Заря Саратовського району) та ін.

Ще одне соціолінгвістичне зауваження: молодь, особливо білінгви, замінюють деякі числівники російськими формами, порів. в анкетах, заповнені студентами-носіями чийшийського типу говірок: *Ас съм рудень ил'аду дев'ътстот'ън вусимдисе и трет'ътъ, плим'аникъ – в двухтыс'ачинътъ* (Чийший); *Роклътъ струвъ не по малку ут чытыристъ гривен'и/четыристот'ън гривни. Рудих съ фъв тыс'ъч дивыцот шийс'ат седмътъ, мамъ – ф сорук пет'ътъ, тати – фъв пидисет'ътъ* (Бановка) (впливає російська модель із прийменником *в*).

Отже, числівник як частина мови в чийшийських говірках не відрізняється істотно від числівника в літературній болгарській мові. Вони поділяються на кількісні і порядкові – це характерно для всіх слов'янських мов.

Розходження в основних формах кількісних числівників мають переважно фонетичний характер (форми *ос'ъм* и *вос'ъм* та ін.). Означені форми не приєднують літературну членну морфему *-те*, якщо не враховувати форми *двети*, *трити*. Типово чийшийськими є означальні члени *-т'ах* від староболгарського закінчення множини і *-ту*, що з'являється пізніше, можливо вже тут, у Бессарабії – мається на увазі в ролі означеного члена кількісних числівників, а не членної форми імен середнього роду. І все частіше звучать числівники з членною морфемою – *-т'ахту*, яку можна назвати універсальною – це не тільки в досліджуваних, але і в інших бессарабських говірках, порів. в анкетах із *-тяфту* в чушмелійських [7: 74] и *-тяхту* в балканських і тракійських говірках України.

Добре простежуються інші види кількісного числівника. Порядкові числівники зберігають свої граматичні особливості, функціонуючи, як правило, в означеній формі. Цікаві «неповні» (аналогічні болгарським розмовним формам) і «скорочені» (не визначені в Болгарії) форми цього виду числівників. Ми вважаємо, що процеси вирівнювання основ і «скорочення» основи числівника розвиваються одночасно в досліджуваних говірках; відзна-

чається динаміка розвитку цих мовних явищ. Диференційованим є мовлення носіїв чийшийських говірок в залежності від населеного пункту і соціолінгвістичних чинників. Відзначено вплив російської мови на систему числівника, що, в принципі, зводиться до запозичення окремих форм числівника. Це все дозволяє нам визначити числівник як частину мови, з одного боку, що добре збереглася в порівнянні з материнською болгарською, а з іншого боку – маючу інноваційні зміни, що однак не впливає на його сутність і продовжує його розвиток як слов'янського числівника.

Література:

1. *Архив* за БДР. Секция за българска диалектология и лингвистична география при БАН — София.
2. *Арполенко, Г. П., Городенська, К. Г., Щербатюк, Г. Х.* Числівник української мови. — К., 1980.
3. *Безпояско О. К., Городенська К. Г., Русанівський В. М.* Граматика української мови. Морфологія. — К., 1993.
4. *Бояджиев, Т.* Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Трудове по българска диалектология. — С., 1972.
5. *Вечерка, Р.* Какви особености притежава системата на числителни имена в славянските езици? // Славянская филология, 1. — С., 1963.
6. *Гълъбов, Ив.* Пет, петтях, петима, петмина // Христоматия по история на българския език. — 1983. — С. 146 – 149.
7. *Журавлев В.* Говор с. Криничное (Чешма-Варуита) – // Статъи и материали по болгарской диалектологии. Вып. 8. — М., 1958.
8. *Карпенко Ю. О.* Ще раз про критериї виділення частин мови // Мовознавство. — 2001. — № 3. — С. 76 – 80.
9. *Ключ* к познанию на всех языках мира, прямых значений в названиях числительных имен первого десятка, на основании всесветного славянского чароматія. Открыл и сост. Платон Лукашевич. — К., 1851.
10. *Лукінова Т. Б.* Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). К., 2000. 369 с.
11. *Матвіяс І.* Рецензія на: Лукінова, Т. Б. Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). К., 2000. 369 с. — // Мовознавство. — 2000. — № 6.
12. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. С., 1963.
13. *Младенов М.* Ихтиманският говор. // Трудове по българска диалектология., 1966. — С. 79 – 80.
14. *Пашов П.* По някои въпроси на българските и славянските числителни // ИИБЕ. — Кн. XI. — 1964. — С. 113 – 124.
15. *Пашов П.* По някои въпроси на числителните имена като част на речта – // Помагало по българска морфология. Имена. — С., 1978. — С. 384 – 396.
16. *Савицкая С. А.* Имя числительное в современных славянских языках. Труды Одесского гос. ун-та, т. 148, вып. 7. — Одеса, 1958. С. 173 – 186.
17. *Стойков Ст.* Българска диалектология. — С., 1993.

18. Стоянов I. Из спостережень над системою числівника в болгарських говірках півдня України // Мовознавство. — 1983. — № 3.
19. Стоянов Ст. Граматика на българския книжовен език. — С., 1993.
20. Супрун А. Е. Славянские числительные. — Минск, 1969.
21. Топалова Св. Местоименната система в чийшийските говори (Бесарабия). // Българите в Северното Причерноморие. — Т. VI. — В. Търново, 1997. — С. 437 – 448.
22. Топалова Св. Някои особености при членуването в българските преселнически говори (Бесарабия). // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. Вип. V. — Ізмаїл, 1998. — С. 74 – 79.
23. Топалова С. Особые указательные формы в чийшийских говорах Бессарабии. // Слов'янський збірник. Вип. 3. — Одеса, 1997. — С. 105 – 107.
24. Топалова Св. Чийшийските говори в Бесарабия. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. — Т. 5. — Велико Търново, 1996. — С. 375 – 383.
25. Эндзелин И. Болг. пендесет и девендесет, и нд из дд. // Русский филологический вестник. — 1913. — Т. 70. — № 3.

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БОЛГАРСКОГО ГОВОРА СЕЛА ЗАРЯ, ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

С. И. Георгиева (Одесса)

Цель предлагаемого исследования — раскрыть современное состояние зарянского диалекта, представителя так называемой группы *смешанного балкано-фракийского* типа говоров, сравнить с данными, представленными в “Атласе...”.

Объектом данного исследования является морфологическая система переселенческого говора с. Заря, который представляет уникальную смесь различных языковых явлений, характерных для отдельных болгарских диалектов. Вследствие этого в говоре создалась своеобразная дублетность различных однозначных языковых форм.

Сбор материала производился в соответствии с установленными принципами в болгарской диалектологии. Материалом для анализа послужили записи, сделанные в мае 2002 г.

Фракийский говор не представляет полного единства. Тут различают два подговора – один северный, связанный с балканскими говорами, а другой южный, связанный с родопскими говорами. [4:125].

Подбалканский говор (в прошлом – сливенский говор) характеризуется следующими особенностями:

Важнейшей и характерной чертой подбалканского говора, которая отделяет его от остальных балканских говоров и сближает его с пирдопским, ботевградским и остальными *а*-говорами, это *а* под ударением в глагольной флексии 1 л. ед. ч. наст. времени (*мита, плита, чита, измура, нарида*) и у имен ж. р. на *-а* (*гура, магла, рака, уда*). [5:117].

I. Специфика именной системы говора следующая:

1. Признаком женского рода является окончание *-а* (или *-я*): *жина́, уда́* (интересно отметить то, что в “Атласе...” на к.№53, а) *ъ* (*удъ*) и *а* (*уда*), идет замена *ъ* на *а* – т. е. в двух говорах уже шла замена и на сегодняшний день имеем законченный вариант), *бу́лка, пипиру́да, гудина́, паду́лика, ба́ба, зми́я, упашка́, тиква́, кастру́ла, мрасни́ца, връ́фца...*

2. В историческом развитии болгарского языка некоторые существительные изменили свой род. Существительные *вечер, жар, пот, кал, прах* относились к мужскому роду. Сейчас они показывают колебание, двойственность по отношению к категории рода. К таким существительным мы относим слова: *кал* (*наси́п тбо́ кал в ду́ката; дунси́ калтѣ ут до́ра*) – м. р. и ж. р., *т'ел* (*хубаф т'ел си дун'ел*) – м. р., *в'ечар* (*вичартѣ духа́дай ф нас; до́бар в'ечар; та́а в'ечар шидим на гóсти*) – м. р. и ж. р., *п'ен'ал* (*исфарли п'ен'ала ут плита-*

та; *n'ep'alit'ь síl'nu gур'эита*) - м. р. и ж. р., жар (*сíl'ан жар на óг'ана, убири са ут жарт'ь*) - м. р. и ж. р.;

3. Односложные имена мужского рода образуют множественное число с помощью характерного для литературного языка окончания **-ове**, которое в говоре имеет вариант безударной флексии **-уй**: *gr'áxуй, свáтууй, d'энууй, síl'нууй, br'áгууй, дáрууй, д'эждууй, mрáзууй, ч'укууй, тр'энууй, мáмууй, м'эжууй*.

Вариант **-ови** под ударением зарегистрирован в словах – *пуп'ови, дур'ови, стул'ови, ул'ови, куб'ови, нуж'ови, спуп'ови...*

4. Модель с акцентуацией флексии **-е**: *кунé, мажé*. Формы, образованные с помощью этой модели, в говоре малочисленны.

Флексии **-уй** и **-е** находятся в конкурентном употреблении в случае: *м'эжууй || мажé*.

5. Существительные имена, основная форма которых в единственном числе заканчивается на согласный **к**: *ичум'ик-ичум'ици, т'икв'еник-т'икв'еници, б'елт'ик-б'елт'ици, б'эбрик-б'эбрици, из'ик-из'ици, з'айак-з'айици, м'озак-м'озаци, п'айак-п'айици, ул'ук-ул'уци, п'олак-п'олаци, но ун'ук || внук || вн'уки*. По мнению Ст. Младенова: "Пред окончанием **-и** крайната задноезична **к** от основата се редува с **ц**, като резултат от историческата втора палатализация. Исключения правят някои форми, напр. *муст'ак - муст'аки || муст'аци - ново!, рак - р'аки || р'аци - ново!*" [6:262 – 263] В говоре села Заря одновременно функционируют формы *муст'аки || муст'аци*.

6. Архаичные парокситонные формы для мн. ч. существительных имен ж. р. — *жéни, д'эски* (характерная особенность рупских говоров): *|| Д'е са х'одили те: ж'эни || Нарид'и д'эскити на д'ора р'омну ||*.

7. Членная морфема для существительных мужского рода **-ъ** (под ударением), **-а** (в безударной позиции), **'а** (после мягких), **-у**: *маж'э, син'э, кум'ина, три'она, дир'нека, паш'и'а*; для ж. р. — **-та**: *уд'ата, гур'ата, жин'ата, фид'аната, удв'арата*; для ср.р. — **-ту**: *сэ'луту, дит'эту, в'инуту, мис'оту, браин'оту*; для мн. ч. — **-та, -ти**: *х'ора:та, диц'ата, прас'и'ити, кук'ошкити, н'и'а:та*.

Разграничивают северо-восточные болгарские говоры **ъ**-диалекта, **а**-диалекта и **о**-диалекта. В говоре с. Заря не отмечена тенденция к исчезновению членных форм.

8. Членная морфема прилагательных имен м.р. — **-е**: *л'эв'ее, п'эв'ее, гул'э-м'ее || П'эв'ее п'т ут'ивам у т'ах на г'ости п'удар свáдбата || Ун'аа д'аду на л'эв'ее крак куц'ука || Гул'эм'ее хи син ф'армийата ||*.

9. Для образования качественных прилагательных используется суффикс **-цики** (восточные рупские говоры): *жéнцики, б'иуц'ики, тур'цики, х'ор'цики* (в речи жителей самого старшего поколения — 60 – 80 лет) и **-ски**: *жéнски, тур'ски, х'орски*: *|| Та да си знай жéнцуката р'абута, ас си знам м'шиката || Та г'леда пу б'иуц'ики и си прай пу св'ойму || К'олку п'т'а му д'умам да жуве'и пу х'орски ||*.

10. Функционирование личных местоимений с характерным рупским **х** — *хи, нехи, хни, хми* (характерная особенность восточных рупских говоров). Форма *хми* получена в результате метатезы формы *хим*. В дательном паде-

же в 3 л., ед. ч., ж. р. употребляются местоимения **и** и **хи**: *|| Г'ату хи ум'ирам диц'ата на мунч'эту му тургат убиц'а на уш'оту || Баш'та хи мой брат || Кой хим каз'ал т'аа брихн'а ||*.

В восточных рупских и родопских говорах одновременно употребляются обе формы **-хим** и **хми** [7:253].

11. Характерной особенностью говора является наличие у притяжательных местоимений нескольких форм в 3 л., ед. ч., ж. р. — *н'ейан || н'ейна: || н'эхин: || Н'ейан Иван х'оди на р'абута || Н'ейна: брат сл'ужи в'армийата || Н'эхин баш'та б'еши присид'ат ал ||* 3 л., мн. ч., ж. р. — *н'ейни || н'эхни: || Н'ейнити п'эсни ги п'ейат вн'укити || Н'эхнити диц'а жуве'йат в г'оруда ||*.

12. Использование характерных для фракийских говоров причастий, образованных от сокращенной основы: *сн'ел, дун'ел, фн'ел, фл'ал, сл'ал, из'ал: || Н'эска кук'ошкити сн'эли п'ойчи иц'а чем фч'ера || П'етар дун'эл вр'фца за арката || Д'е си фн'ел тва к'учи фк'шити || Иван фл'ал уб'ут и исц'апа с'ичке: пол || К'ол'у изл'ал нах'акан с т'аа маш'ина ||*.

13. В зарянском говоре (как и в фракийских говорах) употребляется большое количество наречий, заимствованных из турецкого языка: *з'орлен, хам'ен, бар'им, кум'ай, гирч'ек: || З'орлен да идиши у т'ах || Хам'ен ша нап'райи т'аа р'абута || Бар'им да си си утиц'ал || Са кум'ай си млат чи да са ф'ал'аш || Гирч'ек д'е нап'рейк'ан си х'од'ала ||*.

II. Специфика темпоральной системы говора такова:

1. Наличие форм глагола **съм** в настоящем времени для 1 л. мн. ч. — *ни сми*, 2 л. мн. ч. — *ви сви*: *|| Ни сми хубай || Што сви так'ива сард'ити ||* и отсутствие формы для 3 л. ед. ч.: *|| Той каприз'ан с'и'ну || Той крас'ива булка || То болну ||*.

2. Употребление глагола *ита*: *|| К'к'ту ит'ят т'ый да прайат || Койту ите, той иди ||*.

3. Сохранение и употребление синтетических форм прошедшего времени, т. е. аориста и имперфекта (окончание в 3 л. мн. ч. — **-ха** и **-а**): *|| Ис-тр'эс'ах кавр'ити || Де х'од'ахти т'ый дал'эку || Те си додаха ут Ад'эса || Л'эл'а ми уш'и р'окла || Р'ан'иши по-трудну са жуве'иши | н'ити н'амаши || Т'е д'эгу пр'айаа куч'ината ||*.

4. В говоре форма простого будущего времени образуется с помощью частиц *ша (ш'ь)* и *жа*: *ша мит'ем, ш'ь мит'а, ша к'арам, жа з'ема, жа си ида*. Часто в речи жителей старше 60-ти лет употребляется частица *ж'ь*. В "Атласе..." (к. № 66) в исследуемом говоре зафиксированы частицы *же (ж'ь), ше (ш'те)*, а как самый используемый вариант — *ша*. Поливариантность частицы *ше*, как в прошлом, так и сегодня, одно из ярких доказательств отсутствия единства в говоре. Эти фонетические варианты характеризуют различные диалекты метрополии, где имеют еще большее разнообразие вариантов — *ште, ше, че, же, к'е, к'у* и др. [7:237].

Ст. Стойков отмечает, что частица *ша (ш'ь)* распространена в балканской области, а *жа (ж'ь)* встречается в основном в двух регионах — Южной и

Северной Болгарии. [5:237]. Имея в виду современное состояние говора, приходим к выводу, что вариант *жа* (*жъ*) находится в ограниченном употреблении, а вариант *ша* (*шъ*) окончательно утвердился. Это говорит о том, что представители ша (*шъ*) говоров, т. е. переселенцы из балканской области, были в преобладающем количестве.

5. Выпадение частицы *да* в отрицательной форме будущего времени: // *Н'ама ги зб'ирам* // *Н'ама чит'а* // *Н'ама игра'а* //.

6. Функционирование в говоре форм будущего времени в прошедшем типа – *шт'еши да пиша* для 1 л. ед. м.: // *Фч'ера шт'еши да д'о'а* / *но ни муж'ах* // *Шт'еши да п'а'а* / *но ма бул'а пр'еста* //.

7. Наличие в говоре пересказывательного (несвидетельского) наклонения, которое используется в тех случаях, когда говорящий рассказывает что-то со слов другого лица: // *Х'ора:та ка'зо:т чи х'убуу сам г'отв'ала пу св'адбити* // *Прика'зо: чи пу уна': той ход'ал в Рум'ина:та да р'абути* //.

Итак, анализ морфологических особенностей рассмотренного нами зарянского говора раскрывает самые существенные особенности говора. Зарянский говор как единая микросистема включает значительные дифференцирующие особенности различных диалектов. Это говорит о том, что произошло смешение говоров из различных лингво-географических областей метрополии. Можно сказать, что исследуемый говор связан одновременно как с северными, так и с восточноболгарскими диалектами, а в некоторых случаях и с западноболгарскими. По нашему мнению, в становлении говора с. Заря участвовали не менее трех диалектов, что подтверждает представленный анализ, а именно – балканский, фракийский и рупский.

Литература

1. Атлас болгарских говоров в СССР. — М., —1958.
2. Барболова З., Колесник В. Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия. // Българските говори в Украйна. Вип. 1. — Одеса, 1998.
3. Барболова З. Българският говор в с. Червоноармейское (Кубей), Бесарабия. // Българските говори в Украйна. Вип. 2. — Одеса, 1999.
4. Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. — С., 1991.
5. Младенов Ст. История на българския език. — С., 1979.
6. Стойков Ст. Българска диалектология. — С., 1993.

РЕЦЕНЗІЇ

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРСКИХ ГОВОРОВ В УКРАИНЕ

Валентина Колесник. *Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь // Българските говори в Украйна. Том III. Одесса, 2001. 287 с.*

Веселка Желязкова (София)

В своей новой книге Валентина Колесник ставит перед собой цель описать ономастику и современное состояние болгарского говора села Евгеновка (Арса), Тарутинского района, Одесской области.

Село основано в начале XIX века и имело название Арса, что восходит к тур. *arsa* “участок земли, отведенный под постройку”; потом получило название Евгеновка в честь владельца имения Евгения Гагарина. Согласно историческим сведениям село создано переселенцами из с. Гюльмен (совр. Яровое) и Твардицы (Молдова). Позже прибыли семьи и из других окрестных сел. Сейчас в селе 270 домов и около полутора тысяч жителей.

В Евгеновке четко разграничиваются два говора – говор гюльменцев и говор твардичан. Хотя оба относятся к балканскому типу говоров с элементами рупских (юго-восточных) говоров¹, они во многом различаются между собой. Отличия наблюдаются на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и в основном сводятся к противопоставлению ямбольского (гюльменцы) и сливенского (твардичане) говоров. В. Колесник специально подчеркивает тот факт, что в селе отсутствует смешанный говор, что часто наблюдается в других болгарских селах Бессарабии.

Говор твардичан исследован очень подробно Ст. Стойковым², Э. И. Зелениной³ и др. Что касается гюльменского говора, то он впервые является предметом лингвистического изучения. Очень важно подчеркнуть, что описание всегда проводится в плане сравнения двух говоров, отмечаются как общие черты, так и различия на разных уровнях языка. Во многих случаях делаются сопоставления и с другими болгарскими диалектами. При описании диалектного материала В. Колесник всегда указывает и норму литературного болгарского языка. Такой метод исследования обусловлен задачами, стоящими перед болгарской диаспорой в Украине, а одной из этих задач является изучение литературного болгарского языка.

¹ Кочев И. Основното диалектно деление на българския език. – Български език, 1980, № 4.

² Стойков Ст. Говор села Твардица (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР). – В: Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 8. М., 1959, С. 3 – 63.

³ Зеленина Э. И. Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. – Българска диалектология. Прочувания и материали, кн. X. С., 1981.

Первая часть книги (с. 8–79) имеет заглавие “Топонимы и антропонимы. Система наименования лиц”. Здесь автор рассматривает историю названия болгарских сел Гюльмен и Твардица. И если этимология села Твардица вполне ясна (восходит к славянской лексеме *тврдь* “крепость”), то о названии села Гюльмен существуют разные гипотезы. В. Колесник излагает их очень подробно, показывая отличное знание истории Болгарии и народов Бессарабии. Исключительное достоинство работы, по-моему, это доступный и ясный язык автора, местами даже очень поэтический. Это делает работу доступной широкому кругу читателей, в том числе и жителям села, для которых и написана эта книга.

В дальнейшем в первой части книги даются сведения о жителях села, составленные на основе воспоминаний нескольких информантов-старожилов. Даются сведения и об уроженцах села Евгеновка. Информацию дополняют интересные фотографии жителей села.

Интерес представляет омоним “очки”. Так твардичане называют гюльменцев. Имена *Очи*, *Очка* воспринимаются гюльменцами как сокращенные, уменьшительные формы имен Григорий или Георгий и характерны только для гюльменцев.

В дальнейшем изложении автор рассматривает личные имена гюльменцев на фоне всей болгарской антропонимической системы, которая является одной из самых архаичных. Гюльменцы и до сих пор сохраняют народные болгарские имена. Женский именник в настоящее время более подвижен, в нем появляются заимствования из русского языка. Мужской именник более консервативен. Интересен факт, что и до сих пор существует традиция наименования женщин по имени мужа (*Митюйца*, *Колойца*, *Петруйца* и т. п.).

В этой части книги рассматриваются и фамилии гюльменцев. Среди них преобладают фамилии, образованные от прозвищ, турецких по происхождению или с турецкими корнями (*Бардук*, *Деде*, *Дундар*, *Киссе* и др.). Почти все фамилии имеют в селе уличные прозвища (Забуновых называют *Окови*, Папуровых – *Милануви* и т. п.).

Вторая часть книги озаглавлена “Описание говора евгеновцев” (с. 80 – 194).

В начале коротко, но очень ясно говорится о том, что по рефлексам *ятя* болгарские говоры делятся на восточные и западные. Деление восток – запад проявляется как в области фонетики и морфологии, так и в области диалектной лексики. Автор считает важным подчеркнуть, что ятевая граница является не только лингвистическим критерием деления говоров, но и этнографическим и этнокультурным, в подтверждение чего она приводит много примеров. При изучении болгарских говоров нужно иметь в виду тот факт, что переселение болгар на территорию Бессарабии осуществлялось преимущественно из северо-восточных и юго-восточных болгарских земель, поэтому в Украине более важной оказывается этнолингвистическая граница “север – юг”.

Описаны лексические особенности говора. Рассмотренная лексика сгруппирована в 24 группы (агне – шили – дзвиска – овца; хагъл, сая, кошара; възла и хурка, джурапи и калцуни и т. д.), в которых рассматриваются различные наименования предметов, реалий, значимые в жизни бессарабских болгар. Это позволяет автору не только описать лексику исследуемого говора, но и раскрыть быт и историю гюльменцев. Еще раз хочу подчеркнуть завидное умение В. Колесник рассказывать очень увлекательно и с огромным уважением к культуре народа, язык которого она изучает.

При анализе лексики В. Колесник всегда указывает на лексические различия между говорами гюльменцев и твардичан. Так, традиционный атрибут болгарского костюма кожаную безрукавку гюльменцы называют **кожухчи**, а твардичане – **биян**. Овечью шапку гюльменцы называют **калпак**, а твардичане – **пос**. Погреб у гюльменцев называется **маза**, а у твардичан – **беч**. Некоторые из описанных реалий в гюльменском говоре изображены на фотографиях.

Уделено место и т.н. “семантическим диалектизмам”. Это слова, которые употребляются и в литературном языке, но с другим значением. С точки зрения овладения литературным болгарским языком они очень важны. Напр., лексема **перце** в литературном языке имеет значение “перышко”, а в гюльменском говоре – “украшение на крыше дома”.

В дальнейшем изложении описаны фонетические особенности говора. Автор подчеркивает, что исследуемый говор подтверждает известное в диалектологии положение о том, что любой современный говор непременно содержит в своей системе и черты других диалектных систем, что является причиной наличия тех или иных сосуществующих в говоре элементов. В Евгеновке это является результатом проявления длительного взаимодействия и давних контактов между северо-восточными и юго-восточными диалектными системами, а также и результатом взаимодействия нескольких говоров в смешанных семьях.

В области вокализма самые характерные особенности говора — это редукция *o* в *y*, *e* в *i* в конце слова и более последовательно – в середине слова (*гурешту* вм. *горецо*, *крусно* вм. *кросно*); лабиализация гласных *a*, *e*, *u*, а в некоторых случаях длабиализация *y* (*клич*, *имрук*) и др.

Для консонантной системы характерны: мягкость согласных перед гласными переднего ряда; сохранение фонемы *x* почти во всех позициях в слове; нестабильность фонемы *v*; наличие аффрикат *джэ* и *дзэ*; более высокая частотность мягких согласных, в том числе и *й*; отсутствие мягкости конечных согласных; упрощение групп согласных *дн > нн*, *бн > мн* и др.

Следует подчеркнуть наблюдение В. Колесник о том, что в речи среднего и молодого поколения фонетическая система гюльменского говора находится под интерферирующим влиянием русского языка. Это проявляется прежде всего в наличии неболгарских интонационных конструкций, темпа речи, некоторых звуков.

Исследование говора продолжается описанием важнейших морфологических особенностей. Среди них необходимо отметить прежде всего членную форму имен существительных мужского рода ед. ч. –ъ; элизацию гласных в окончании –**ове** (*л'ан* – *л'абуй* – *л'абуйти*, *л'абуйти* – *хлябовете*); более частое употребление, чем в литературном языке, удвоенного дополнения (*Ивана гу викам*); употребление личных местоимений вместо указательных (*в н'ейа книга*); окончание –*a* в 1 л. ед. ч. и –*ът* – в форме 3 л. мн. ч.; упрощенную систему глагольных времен; многочисленные случаи дублетных глагольных форм и др.

Очень важными являются наблюдения автора о том, что в речи молодежи отмечена тенденция к исчезновению членных форм.

Кратко описаны и некоторые синтаксические особенности говора. Для синтаксической системы говора характерно употребление заимствованных союзов, вводных слов, частиц и конструкций.

Подробное описание лексических, фонетических и грамматических особенностей исследуемого говора приводит автора к выводу, что говор гюльменцев является типичным представителем ямбольских говоров. Развиваясь в отрыве от материкового, в ситуации языковых контактов с русским, украинским и молдавским языками, говор сохраняет свой балканский облик. Сохраняются т. н. балканизмы – наличие особого гласного *ъ*, постпозитивного определенного артикля, аналитические формы степеней сравнения прилагательных и наречий, утрата инфинитива, аналитические формы будущего времени, удвоение дополнений с помощью местоименных форм. При сохранении архаических черт говор обнаруживает значительное число инноваций. Они обусловлены как воздействием контактирующих языков, так и внутренним развитием системы говора.

Иноязычное окружение наложило свой отпечаток на быт и язык бессарабских болгар. Однако изменения, происшедшие в их языке, относятся главным образом к области словаря. Несмотря на долголетнее существование в иноязычном окружении, болгары довольно хорошо сохранили свой родной язык.

Очень важными являются социолингвистические наблюдения. Проведенное анкетирование среди учащихся показывает, что все информанты хотят изучать болгарский язык и хотят, чтобы их дети изучали болгарский язык. Все хотят сохранить и болгарские народные праздники: *Сурваки*, *Коляда*, *В'еликод'ен*, *Г'ерг'овд'ен*, *Лазар* и др. Учащимся известны имена крупнейших болгарских писателей и поэтов.

Как приложение в книге опубликованы 196 пословиц и поговорок, имеющих непреходящую культурную ценность (с. 195 – 207). Они собраны и систематизированы Валентиной Николаевной Шевченко, уроженкой с. Евгеновка, аспиранткой кафедры археологии. Эти пословицы встречались в речи ее матери. Они распределены в 13 тематических групп, таких как “Труд, трудолюбие. Усърдие, опитност, способност”; “Мързел. Лентяйство. Безделие.

Некадърност”; “Безразличие. Злина. Проклетия” и т. п. В некоторых случаях указаны аналогичные по смыслу и структуре выражения, помещенные в книгу “500 български пословици и поговорки”.

Кроме того в книге опубликованы 12 текстов и 15 песен (с. 207–228), записанных разными лицами, в том числе и учениками средней школы. Они очень ценны, так как являются живыми образцами говора Евгеновки.

Важной частью книги является словарь гюльменского говора (с. 130–279), содержащий 1390 слов и выражений. Словарь исключительно полезен, составлен точно и профессионально.

Заглавное слово может быть представлено одной лексемой или реже в вариантах (напр., **балбона**, **бълбона** ж. “яма, трап”; **билтина** и **билтък** м. “бялата част на яйцето, белтък”).

Значение передается на болгарском языке одним словом или описательно. В отдельных случаях значение не указано (напр., **бави-забави**; **бия**). Перевод на болгарский литературный язык очень важен, так как автор ставит перед собой цель, чтобы книга была полезна и для его изучения. Поэтому очень важно указать точный эквивалент диалектного слова в литературном болгарском языке. В большинстве случаев это сделано очень четко. Но в некоторых случаях этот принцип нарушается. Напр., слово **бъчва**, **бъчуа** ж. переводится как “дървен съд подобен на буре, но с по-голям обем – над 200 л”, слово **зестра** ж. переводится как “земя, добитък, които родителите на булката ѝ подаряват на сватбата”, а в то же самое время не указаны современные литературные болгарские слова **бъчва** и **зестра**.

Несомненным достоинством словаря является большое количество устойчивых словосочетаний, представленных в самостоятельных словарных статьях (напр. **бабини зъби съч.** “вид трева”). В некоторых случаях включены словосочетания, которые не являются устойчивыми. (напр., **вей си’ак съч.** “вее сняг”). В других устойчивые словосочетания не отделены (напр., слово **гага** ж. “клюн, човка” входит в устойчивое словосочетание **Пъхам си гагата** “бъркам се направомерно във всичко”, которое не указано в словаре, хотя приведен пример *Не си пъхай гагата д’ету не тий д’елу*.

С точки зрения характеристики лексической системы гюльменского говора интерес вызывают слова, которые проникли в говор из русского или украинского языков. Иногда в таких случаях в словаре правильно присутствуют пометы *рус.* или *укр.* (напр., **басанюшки** мн. *рус.*; **канешни** *рус.*; **врод’и**, *укр.*), но в большинстве случаев эта помета отсутствует (напр. в словах **булочка**, **дарошка**, **канфета**, **карзина**, **пагода** и др.), вероятно, потому, что для жителей Бессарабии это очевидно.

В словарь включены также названия народных болгарских праздников (напр., **Баб’эн д’ен**, **Благуштин’е**, **Богуродица**, **Герг’офден**, **Масляница** и др.), что дает представление о сохранных народных традициях среди болгар, проживающих на Украине. Несомненным достоинством словаря является и находящийся в нем иллюстративный материал.

В конце книги приведен список литературы, который, без всякого сомнения, будет очень полезен для изучающих болгарский литературный язык и болгарские диалекты в Украине.

Книга Валентины Колесник заслуживает высокой оценки. Кроме бесспорных научных качеств, в ней везде чувствуется уважение и любовь автора к народу, который вопреки сложной исторической судьбе сумел сохранить свою национальную идентичность, свой быт и духовную культуру. Книга написана ясным, точным и доступным языком и будет полезна широкому кругу читателей – как специалистам, так и учителям и молодым людям, изучающим болгарский язык.

Хочется с большим удовлетворением отметить и тот факт, что книга Валентины Колесник отлично оформлена. На обложке картины художника Александра Дмитриевича Кары “Троянка”, “Герг’овден” и “Сельская улица”. В книге прекрасные фотографии (в том числе и цветные) егеновцев.

Издание осуществлено с помощью сравнительно недавно созданной Ассоциации болгарских национально-культурных обществ и организаций Украины, которая ставит своей целью содействовать развитию национальной культуры болгар, проживающих в Украине, содействию развитию дружественных национально-культурных и деловых взаимоотношений между Украиной и Болгарией.

Важко було працювати в цей час, бо всі були в захваті, і всі хотіли бути в центрі уваги. Але ми знали, що це лише мить, і ми хотіли зробити щось, що буде пам'яттю на довгі роки. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо писати, але й вміємо жити. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо любити, але й вміємо боротися. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо мислити, але й вміємо діяти. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо бути людьми, але й вміємо бути громадянами. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо бути людьми, але й вміємо бути людьми, які люблять свою країну. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо бути людьми, але й вміємо бути людьми, які люблять свою країну. Ми хотіли показати, що ми не тільки вміємо бути людьми, але й вміємо бути людьми, які люблять свою країну.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

МІЛІТАРНИЙ ІНСТИТУТ ІМЕНІ П. ШУБИ
С. 102

КОРОТКІ ПОВІДОМЛЕННЯ

Повідомлення про результати досліджень, виконаних у лабораторії фізики металів. Дослідження були проведені за допомогою спеціального обладнання, що дозволило отримувати точні дані про властивості металів при різних температурах. Результати досліджень показали, що металеві матеріали мають певні особливості, які залежать від їхньої структури та складу. Ці результати мають важливе значення для розуміння процесів, що відбуваються в металевих матеріалах, і можуть бути використані для покращення їхніх властивостей.

Друге повідомлення стосується роботи над розробкою нових матеріалів, які мають підвищену міцність та стійкість до корозії. Для цього були використані спеціальні методи обробки металів, що дозволило отримувати матеріали з певними властивостями. Ці матеріали можуть бути використані в різних галузях промисловості, де потрібні матеріали з високими характеристиками.

Третє повідомлення стосується роботи над розробкою нових методів обробки металів. Ці методи дозволяють отримувати матеріали з певними властивостями, які неможливо отримати за допомогою традиційних методів обробки. Ці методи можуть бути використані в різних галузях промисловості, де потрібні матеріали з високими характеристиками.

© Д. Мечникова, 2024

МЫТАРЬ-МЫТОИМЬЦЬ-МЪЗДОИМЬЦЬ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА)

Д. Мостовая (Одесса)

Предметом данного исследования является лексика старославянских памятников. Материалом для первых наблюдений над лексикой послужил «Словарь старославянского языка» (1994)¹. Но в этом словаре нами использованы только две буквы: «К» и «И». Дана полная выборка одной тематической макрогруппы слов – личных номинаций (только аппеллятивы). Обнаружено, что это довольно объемная группа: 11,4% (68 из 732 слов) от всего корпуса.

Первый используемый нами подход – *генетический*. По Г. А. Хабургаеву, с генетической позиции лексика старославянского языка распадается на две группы: лексика исконно славянская (*мати*) и грецизмы (*кларникъ*), оставленные без перевода. Но можно выделить и третью группу слов – слова, вошедшие в старославянский язык из других языков (латинск. — *коүстодниа*, древнееврейск. — *месиа*). Таким образом, исконно славянская лексика среди личных номинаций составляет 70% (47 слов), грецизмы — 19% (13 слов) и слова, вошедшие в старославянский язык через посредничество греческого — 11%.

С точки зрения употребительности в рукописях личные номинации можно разделить на *общеупотребительные слова* и *гапаксы*. Гапаксы среди наименований лица составляют 22%, причем большинство из них славянского происхождения (*каючарь*). Более 65% гапаксов (10 слов из 15) даются со ссылкой на Супрасльскую рукопись. Это объясняется тем, что данная рукопись содержит множество бытовых деталей.

Третья классификация — *лексическая*. Мы выделяем однокорневые дублеты или лексические варианты (*мытарь* – *мытоньць*), разнокорневые дублеты (*младеньць* – *кръмленникъ*) и разнокорневые синонимы (*ковьникъ* – *матежникъ*). Лексические варианты представлены в наибольшем количестве. Это объясняется тем, что старославянский язык «обладал громадными выразительными возможностями, в частности в сфере словопроизводства. Напр. *кръмчин* – *кръмникъ*».

С точки зрения *грамматической* классификации среди рассматриваемой нами группы слов наибольшее число слов мужского рода. Около 80% (55 слов). Среди существительных женского рода (их всего 7) можно выделить слова, мотивированные существительные мужского рода (коррелятивные *мжченица* < *мжченикъ*) и асимметричные, не имеющие мотивации сло-

¹ Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечорки и Э. Благовой. — Москва: Русский язык, 1994.

вами мужского рода (*къмотра*). Следует обратить внимание на некоторые особенности таких слов, как *маломощь* и *младатьце*. Существительное *маломощь* является субстантивированным прилагательным и склоняется по типу склонения существительных на «и» краткое. А слово *младатьце* в нашем корпусе слов — единственное слово среднего рода.

С точки зрения *словообразовательной* классификации слова можно разделить на две группы: мотивированные и немотивированные. Мотивированные слова среди личных номинаций составляют 70% (47 слов). Они мотивированы существительными (*мытарь* – *мыто*), прилагательными (*мръвьць* – *мръвь*), глаголами (*кръститель* – *кръстити*), а также сочетаниями слов (*миротворць* – *миръ* и *творити*). Одним из самых продуктивных на примере букв «К» и «И» является суффиксальный способ. С его помощью образованно более 75% личных номинаций. Наиболее частотные суффиксы мужского рода — это *-никъ* (14 слов), *-ьць* (8 слов), *-арь* (2 слова), *-тель* (2 слова), из суффиксов, относящихся к женскому роду следует отметить только два: *-ьни* и *-ица*. Суффикс среднего рода — *-ьце*. Менее продуктивный способ словообразования в нашем корпусе слов — сложение с суффиксацией. Большинство таких слов являются калькой греческих сложных слов. Среди личных номинаций на «К» и «И» есть два слова *маломощь* и *кръвоточащиа*, которые являются субстантивированными прилагательным и причастием соответственно.

Таким образом, мы рассмотрели довольно обширную группу слов – личных номинаций на «К» и «И». Были использованы генетический, лексический, словообразовательный подходы, рассмотрены личные номинации с точки зрения их функционирования и мотивации. Мы выяснили, что большинство личных номинаций славянского происхождения, среди них большой процент гапаксов. Большинство слов личных номинаций мужского рода. По большому количеству мотивированных слов можно сделать вывод о развитии словообразования старославянского языка.

ДМИТРИЮ СЕМЕНОВИЧУ — 70 !

23 ноября 2002 года исполняется 70 лет заведующему кафедрой русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, специалисту в области палеославистики Дмитрию Семеновичу Ищенко.

Д. С. Ищенко родился в Одессе в 1932 году в семье служащих. В 1950 г. он закончил среднюю школу с золотой медалью и поступил на филологический факультет Одесского государственного университета. В 1955-1958 годах учился в аспирантуре при кафедре русского языка ОГУ под руководством профессора Н. И. Букатевича.

В 1959 – 1979 годах работал в Тираспольском педагогическом институте: сначала преподавателем, с 1961 г. старшим преподавателем, с 1967 г. — заведующим кафедрой русского языка. В 1968 г. защитил в Одесском университете кандидатскую диссертацию «Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский», выполненную под руководством доктора филологических наук Л. П. Жуковской (Москва). В 1969 г. получил звание доцента.

В 1970 – 1972 гг. находился в служебной командировке в Дели (Индия), где преподавал русский язык в университете им. Дж. Неру.

С 1979 работает на кафедре русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. В 1993 году Дмитрия Семеновича избирают заведующим этой кафедрой, в 1995 г. он получает звание профессора.

Научные интересы Д. С. Ищенко сосредоточены прежде всего на изучении древних славянских рукописей, их палеографическом описании, текстологическом сопоставлении и исследовании лексических особенностей. В кандидатской диссертации им была уточнена датировка ценной древнерусской рукописи (70-е годы XII в.), принятая теперь всеми, кто обращается к этой рукописи; было установлено более 100 слов, не зафиксированных существовавшими в то время историческими словарями Исследования последних лет посвящены поучениям Феодора Студита (византийского общественного и религиозного деятеля конца VIII – начала IX века) и их славянским переводам с греческого языка.

С 1975 года Дмитрий Семенович — член Российского Палестинского общества РАН.

Д. С. Ищенко принимал участие в IX Международном съезде славистов в Киеве (1983), в IV Международном конгрессе украинистов в Одессе (1999 г.), был участником многих международных конференций в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Польше, Одессе.

Под его руководством защищено 12 кандидатских диссертаций. В течение своей педагогической деятельности Д. С. Ищенко читал практически все дисциплины кафедры русского языка, особенно увлекаясь курсом исторической грамматики русского языка и спецкурсом по исторической лексикологии восточнославянских языков. Д. С. Ищенко — редактор сборника «Мова», ответственный секретарь «Слов'янського збірника», член редкол-

легии других периодических изданий, выходящих в Одесском национальном университете.

Дмитрий Семенович — человек энциклопедических знаний, который охотно делится ими и со студентами, и с коллегами по филологическому факультету. Он душевный и отзывчивый, честный и открытый человек, готовый всегда прийти на помощь товарищам.

Сердечно поздравляем его со славным юбилеем, желаем крепкого здоровья и новых успехов в научном творчестве и просветительской деятельности!

Н. В. Бардина, Л. Ф. Фомина

АДЕЛАИДА КОНСТАНТИНОВНА СМОЛЬСКАЯ

Аделаида Константиновна Смольская родилась 22 декабря 1927 года в г. Уфе в семье кадрового офицера Константина Ивановича Смольского. Ее мать — Анна Антоновна Смольская (Плющева) — работала преподавателем математики в школе. Детские и школьные годы А. К. Смольской прошли на Урале, где, начиная с лета 1941 года, она в полной мере испытала все трудности жизни военного лихолетья. В победном 1945 году Аделаида Константиновна закончила среднюю школу в г. Ирбите и поступила на филологический факультет Уральского университета в г. Свердловске (ныне Екатеринбург). Затем училась в Харьковском университете, а с 1947 года ее жизнь оказалась связанной с Одесским государственным (ныне национальным) университетом им. И. И. Мечникова, который она закончила в 1950 году.

После этого были годы обучения в аспирантуре Одесского педагогического института под руководством профессора С. П. Дудкина, три года работы старшим преподавателем кафедры русского языка педагогического института в Станиславе (ныне Ивано-Франковск).

В 1956 году Аделаида Константиновна Смольская защитила в Одесском университете кандидатскую диссертацию на тему «Суффиксы эмоциональной оценки имен существительных в языке произведений А. М. Горького» и в том же году вернулась в университет уже как старший преподаватель, а с 1963 года — доцент кафедры русского языка.

В 1968 году, при ее непосредственном участии, в Одесском университете создается кафедра общего и славянского языкознания и Аделаида Константиновна становится доцентом новообразованной кафедры.

В 1993 году она успешно защитила в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова докторскую диссертацию «Развитие именного словообразования в сербохорватском языке», в которой были по-новому решены многие вопросы сербской диахронной дериватологии. А. К. Смольская с 1994 года стала профессором кафедры общего и славянского языкознания. Она единственный в Украине доктор наук по сербскому языку.

Интерес к славистике у профессора Смольской неслучаен. Три года она преподавала русский язык в Белградском университете в Югославии, два года — в Пловдивском университете в Болгарии, изучила и полюбила сербский и болгарский языки, познакомилась с богатой и своеобразной культурой балканских славян.

Профессор А. К. Смольская — известный в Украине и за ее пределами славист. За годы университетской жизни ею опубликовано более 140 научных работ. В 2001 году в Одессе вышла ее новая книга — сборник статей «Славянские студии».

Аделаида Константиновна принимала участи в Международных съездах славистов в Праге (1968), Киеве (1983), Братиславе (1993), Кракове (1998),

была участницей многих международных конференций в Украине, России, Белоруссии, Болгарии, Югославии. За развитие научных и культурных связей между Украиной и Болгарией А. К. Смольская получила от болгарского правительства медаль «1500 лет Болгарии». Министерство международного сотрудничества Сербии в области науки, просвещения, культуры и техники в 2000 году наградило ее почетной грамотой, в которой подчеркивается большой вклад профессора Смольской в расширении границ преподавания и научного исследования сербского языка, литературы и культуры.

Проявляя себя как глубокий ученый и знающий преподаватель, Аделаида Константиновна Смольская в значительной степени способствует возрождению славистических традиций Одесского университета.

Она стала инициатором, идейным вдохновителем и организатором Международных Кирилло-Мефодиевских научных конференций, которые с 1995 года ежегодно проводятся в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова и уже стали заметным явлением в научном мире не только в Украине, но и за ее пределами. По материалам конференций вышло уже 8 выпусков «Слов'янського збірника», главным редактором которого также является Аделаида Константиновна.

Как специалист по славянским языкам профессор Смольская выступает в качестве оппонента по многим кандидатским и докторским диссертациям, непосредственно участвуя в умножении славистических кадров в Украине. Аделаида Константиновна помогает Южнославянскому институту в г. Николаеве, поддерживает научные и дружеские связи с учеными отдела западно- и южнославянских языков Института языкознания НАН Украины, с Международным славистическим центром Белградского университета, с кафедрами славянской филологии Московского и Киевского университетов.

Научная работа студентов, аспирантов и докторантов составляет важную часть деятельности А. К. Смольской. Ученики знают ее как человека, требовательного к себе и к другим, поэтому ждут от своего руководителя не пустой, обобщенной похвалы, но строгой и конкретной критической оценки своего труда. Зато с какой радостью воспринимаются добрые слова, сказанные ею о той или иной научной работе, потому что каждое из таких слов имеет под собой прочный фундамент ее научных познаний и заинтересованности в научном росте молодых славистов.

Такое искреннее, заинтересованное отношение не может не вызвать ответные добрые чувства у студентов, аспирантов, коллег. Тем более, что, будучи глубоко ученым, Аделаида Константиновна остается добрым, отзывчивым человеком, всегда откликающимся на наши не только научные, но и личные проблемы.

Коллегам и аспирантам Аделаиды Константиновны хорошо знакома и ее счастливая способность идти в ногу со временем, безошибочно улавливая при этом не только главные моменты в развитии филологической науки, но и современной культуры. Достаточно сказать, что в круг ее литературных

интересов наряду с такими классиками сербской литературы как Милош Црнянский или Десанка Максимович, входят и современные модернистские авторы – такие, как Милорад Павич.

Характеру Аделаиды Константиновны свойственно своеобразное гуманное начало, проявляющееся как в научном руководстве, так и в неформальном общении. «Сколько есть таких вещей, которые можно постичь лишь чувством и вовсе невозможно объяснить!» – удивлялся великий мыслитель Жан-Жак Руссо. Тем большее удивление и восхищение вызывает способность профессора Смольской легко замечать подобные вещи. Например, понимать жизненные коллизии и особенности характера своих аспирантов, и в первую очередь – склонность некоторых из них к занятиям различными видами искусства, казалось бы, не имеющими прямого отношения к филологии.

Известно, что Аристотель видел в искусстве «...средство познания окружающего мира, несущее в себе преобразовательную силу, способную возвысить, облагородить человеческую деятельность...». Согласно теории другого античного философа – Платона – «каждый человек: взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина – все должны петь» (чтобы быть причастными к искусству). У Аделаиды Константиновны аспиранты умеют и любят петь, и в этом ею усматривается воспитательный момент, который педагоги глубокой древности связывали с врачеванием чувств, нравственным совершенствованием.

В заключение хочется сказать, что все профессиональные и личные качества Аделаиды Константиновны Смольской, безусловно, свидетельствуют о том, что, говоря о ней, как о Человеке Науки, следует сделать акцент на каждом из этих слов.

*Аспиранты и ученики А. К. Смольской
А. Абикулова, А. Илясов, О. Пейчева.*

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова

Філологічний факультет

Наукове видання

Слов'янський
збірник

Випуск ІХ

Зав. редакцією *Т. М. Забанова*
Технічний редактор *Г. О. Куклева*
Коректор *О. О. Ілясов*

Слов'янський збірник
C481 /Відп. ред. А. К. Смольська. — Одеса: Астропринт, 2002. —
Вип. IX. — 256 с.

Укр. та рос. мовами.

ISBN 966-549-864-9.

У збірнику вміщені статті зі широкого кола проблем кирило-мефодієвістики і палеославістики: з питань теорії слов'янських мов, слов'янської діалектології та історії славістики.

Для викладачів вищих та середніх навчальних закладів, аспірантів, студентів, усіх, хто цікавиться проблемами сучасного слов'янознавства.

С 4602020100-179 Без оголош.
549-2002

ББК 81.41я43
УДК 808.1(082)

Здано до набору 04.10.2002. Підписано до друку 16.12.2002. Папір офсетний.
Гарнітура Таймс. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 14,88.
Обл.-вид. арк. 18,57. Тираж 300 прим. Зам. № 742.

Видавництво і друкарня "Астропринт"
(Свідоцтво ДК № 132 від 28.07.2000 р.)
65026, м. Одеса, вул. Преображенська, 24.
Тел. 26-98-82, 26-96-82, 37-14-25

www.astroprint.odessa.ua